

БАШКИРЫ

ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
И
ТРАДИЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА

Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов,
С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова

БАШКИРЫ

Этническая
история
и
традиционная
культура

Уфа
Научное издательство
"Башкирская энциклопедия"
2002

ББК 63.5(2)

Б 33

Печатается по решению учёного совета
Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра
Российской академии наук

Под общей редакцией
Р.М. Юсупова

Рецензент:
доктор исторических наук Р.З. Янгузин

Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф.

Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство
“Башкирская энциклопедия”, 2002. — 248 с., ил., 16 с. цв. вкл.

Монография, подготовленная сотрудниками отдела этнографии и антропологии ИИЯЛ УНЦ РАН, посвящена вопросам этнокультурного развития башкирского народа. В ней показаны основные этапы этнической истории и формирования антропологического состава башкир, рассмотрены традиционные формы хозяйства, материальной и духовной культуры, социальной организации башкирского общества.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 5-88185-031-9

© Научное издательство “Башкирская энциклопедия”
© Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая вниманию читателей книга “Башкиры: этническая история и традиционная культура” представляет собой серию историко-этнографических очерков, посвящённых основным этапам исторического развития башкирского народа, характеристике его антропологического состава, материальной и духовной культуры. Задуманная в начале 1990-х годов как очерк “Башкиры” под авторством Н.В. Бикбулатова для серийного издания “Народы СНГ” Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, она со временем переросла в коллективную монографию.

По существу эта книга представляет собой некий итог и является этапной для башкирской этнографии. Она восходит к фундаментальным исследованиям выдающегося учёного-этнолога С.И. Руденко, в ней также нашли отражение выводы, содержащиеся в трудах известного этнолога Р.Г. Кузеева и многих других учёных республики. Вместе с тем это результат собственных научных изысканий авторов — сотрудников отдела этнографии и антропологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, которые в течение нескольких десятков лет принимали участие в экспедициях по изучению почти всех этнографических групп башкир как в Башкортостане, так и за его пределами: в Курганской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской и Челябинской областях. (История изучения традиционной башкирской этнографии изложена в отдельной главе).

Накопленный за последние полвека этнографический и антропологический материал значительно расширил представления об истории башкирского народа, восходящего своими этно- и расогенетическими корнями к древнейшим пластам индоиранского, финно-угорского и тюркского миров, в результате взаимодействия которых и сложилась его богатейшая материальная и духовная культура. Если начальные этапы этногенеза башкир можно связать с племенами, кочевавшими тысячи лет назад на огромных пространствах Алтая, Южной Сибири, Средней Азии и Приаралья, то собственно этническая история народа неразрывно связана с Южным Уралом, который можно считать его исторической колыбелью. Именно с Южно-Уральским регионом средневековые авторы связывали народ под именем “башкорт”.

Общие сведения о башкирах, происхождение этнонима “башкорт” и основные этапы этнической истории народа изложены в очерках, написанных Н.В. Бикбулатовым (1931—1996 гг.), 70-летний юбилей которого широко отметила научная общественность РБ в декабре 2001 года. Всесторонний анализ богатейшего полевого материала позволил талантливому учёному С.Н. Шитовой показать во всей полноте материальную культуру башкирского народа, его декоративно-прикладное искусство (глава написана совместно с Н.В. Бикбулатовым). Отдельная глава, подготовленная ученицей Н.В. Бикбулатова Ф.Ф. Фатыховой, посвящена духовной культуре башкир (основу очерка о семейных обрядах и обычаях составила их совместная монография “Семейный быт башкир XIX—XX вв.”). Написанные Р.М. Юсуповым главы рассматривают проблемы происхождения и формирования антропологических типов башкир, а также особенности становления и развития общественных отношений и социальной организации башкирского общества.

В монографии раскрыты не все аспекты этнической истории и традиционной культуры башкир, практически не затрагиваются ранние этапы этногенеза, обычное право, народная медицина и т. д. Однако авторы на примере башкирского этноса стремились показать, что в человеческом сообществе всё самоценно, что нет великих и малых народов — каждый вносит свой штрих в богатую палитру истории.

Книга иллюстрирована рисунками и фотоматериалами Н.В. Александрова, И.Ф. Кибальник, Г.И. Мухаметшина, Х. Ниеминена (Финляндия), Т.К. Суриной, Н.Х. Галиева, а также Н.В. Бикбулатова, М.Г. Муллагулова, М.В. Мурзабулатова, С.Н. Шитовой, Р.М. Юсупова и др. В технической подготовке текстов принимали участие сотрудники отдела этнографии и антропологии ИИЯЛ УНЦ РАН А.Ф. Вильданова и А.Р. Фазылова.

Авторы надеются, что публикуемая работа найдёт живой отклик у широкой читательской аудитории и вызовет интерес к антропологии и этнографии башкирского народа, его историческому прошлому и настоящему.

СОКРАЩЕНИЯ

баш. – башкирский
в т. ч. – в том числе
в. (вв.) – век (века)
вып. – выпуск
г. (гг.) – город, год (годы)
га – гектар
гл. – глава
д. – деревня
др. – другой
изд. – издание
им. – имени
км – километр
кн. – книга
коп. – копейка
Л. – Ленинград
л – литр
м – метр
М. – Москва
мм – миллиметр

н.э. – наша (новая) эра
отв. ред. – ответственный редактор
п. – посёлок
Пг. – Петроград
р. – река
рис. – рисунок
руб. – рубль
с. – село, страница
сб. док. – сборник документов
см – сантиметр
СПб. – Санкт-Петербург
т. – том
т. д. – так далее
т. е. – то есть
табл. – таблица
тыс. – тысячелетие
указ. соч. – указанное сочинение
ч. – часть
чел. – человек

АББРЕВИАТУРЫ

АБСР – Автономная Башкирская
Советская Республика
АН – Академия наук
АЭБ – “Археология и этнография
Башкирии”
БАССР – Башкирская Автономная
Советская Социалистическая
Республика
БГУ – Башкирский государствен-
ный университет
БНТ – “Башкирское народное
творчество”
БХМ – Башкирский государствен-
ный художественный музей
имени М.В. Нестерова
БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР
ВЭМ – Венгерский этнографический
музей (г. Будапешт)
ГИМ – Государственный истори-
ческий музей (г. Москва)
ИИЯЛ – Институт истории, языка и
литературы УНЦ РАН

ИЭО – Историко-этнографическая
область
МАЭ – Музей археологии и этно-
графии УНЦ РАН
МГУ – Московский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова
МИБ – “Материалы по истории
Башкирской АССР”
НМ РБ – Национальный музей РБ
РАН – Российская академия наук
РБ – Республика Башкортостан
РГВИА – Российский государственный
военно-исторический
архив (г. Москва)
РГО – Русское географическое
общество
РЭМ – Российский этнографический
музей (г. Санкт-Петербург)
УНЦ – Уфимский научный центр РАН
ЦЭИ – Центр этнологических
исследований УНЦ РАН

ГЛ. 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О БАШКИРАХ ЭТНОНИМ "БАШКОРТ"

Башкиры — тюркоязычное население Южного Урала, зафиксированное в письменных источниках ещё в IX—X вв. под именем *башгирд*, *башкерд*, *башджерд*, *башджарт* и др. Самоназвание народа *башкорт*. От этнонима происходит название республики — Башкортостан.

Впервые как “территориально-национальная автономия Башкурдистан” в составе России республика была провозглашена Башкирским центральным (областным) шу-ро (советом) 15 ноября 1917 г. и утверждена на 3-м Всебашкирском курултае (съезде) в декабре того же года. 23 марта 1919 г. Советское правительство официально признало Башкирскую Республику как советскую автономию в составе Российской Федерации¹. 11 октября 1990 г. была принята декларация о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики (с 25 февраля 1992 — Республика Башкортостан). 12 декабря 1993 г. состоялись выборы первого президента республики, которым стал М.Г. Рахимов (в 1998 г. переизбран на второй срок).

Основная территория расселения башкир охватывает Южный Урал, районы Приуралья и Зауралья и прилегающие с юга степи. На этой территории, согласно материалам археологических, этнографических и письменных источников, в последнее тысячелетие развивалась этническая история башкирского народа. По данным переписи населения 1989 г., общая численность башкир составила 1449,2 тыс. чел., из них в России — 1345,3 тыс., в т. ч. в Башкортостане — 863,8 тыс. (59,6%). Башкиры проживают в Челябинской (161,2 тыс.), Оренбургской (53,3 тыс.), Пермской (52,3 тыс.), Свердловской (41,5 тыс.), Тюменской (41,1 тыс.), Курганской (17,5 тыс.) и др. областях, в Республике Татарстан (19,1 тыс.), а также в Москве и Санкт-Петербурге. Многочисленные группы башкир есть в Казахстане (41,8 тыс.), Узбекистане (34,8 тыс.), Таджикистане, Туркменистане, на Украине².

Башкиры составляют 21,9% общей численности населения Республики Башкортостан (3943 тыс. чел.*). В 23 из 54 административных районов башкиры являются преобладающей национальностью. В сельской местности проживает 498334 башкира (57,7%), в городах — 365474. В 1989 г. в

Уфе было 122 тыс., в Стерлитамаке — 28 тыс., Салавате — 23 тыс., Нефтекамске — 22,6 тыс., Сибее — 20 тыс., Ишимбае — 16 тыс. башкир³.

Наиболее многочисленными представителями других национальностей в республике являются русские (1548,3 тыс. чел., или 39,3% от общего числа населения) и близкие по языку и культуре к башкирам татары (1120,7 тыс. чел., или 28,4%). Чуваши насчитывают 118509 чел. (3%); марийцы — 105768 чел. (2,7%). Остальные национальности: украинцы, мордва, удмурты, белорусы, немцы, казахи, евреи и др. — составляют 4,7%⁴. Неоднородный национальный состав населения Башкортостана объясняется его расположением на стыке различных этнических ареалов, а также колонизаторской политикой Российской империи.

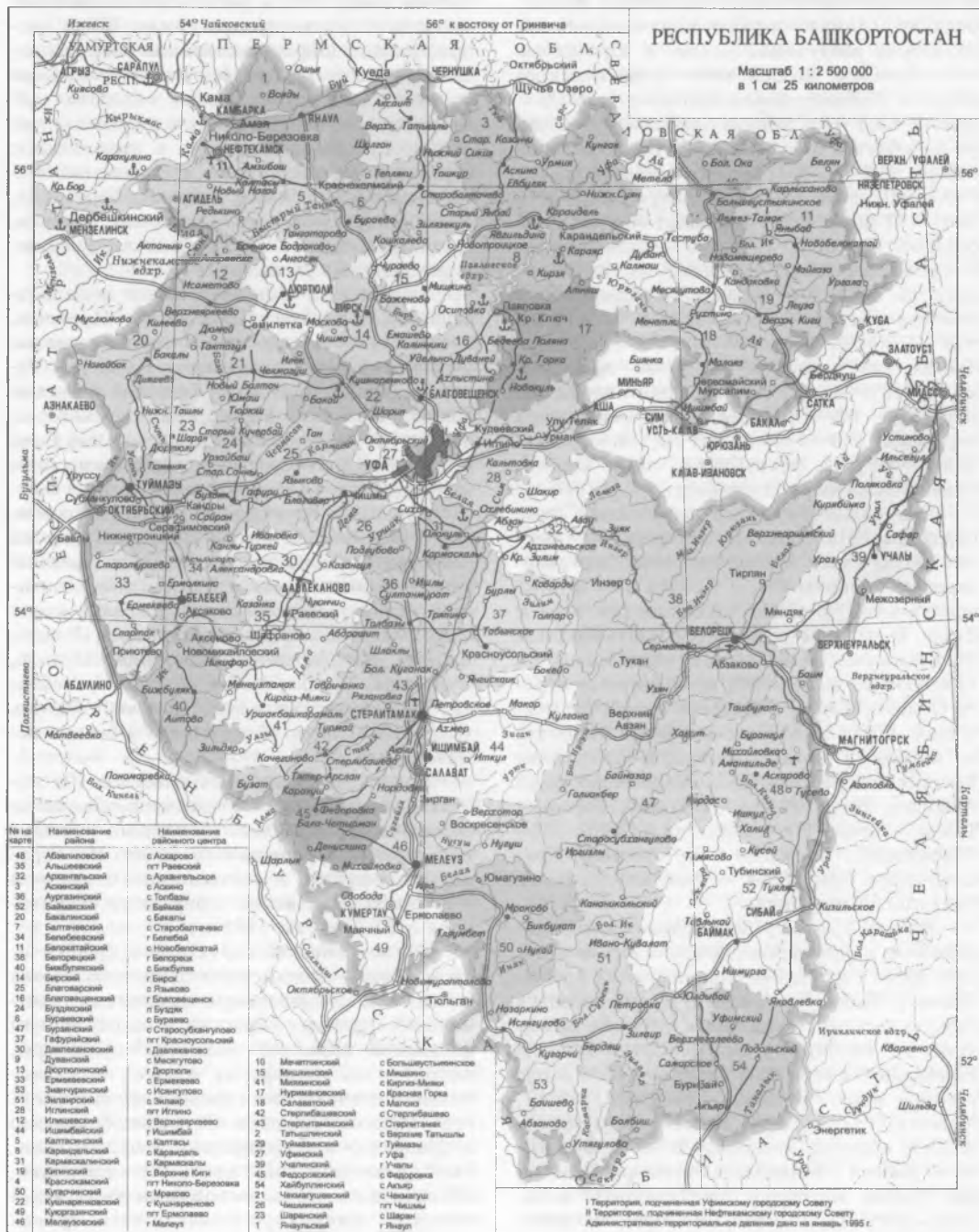
Республика Башкортостан расположена на территории, где, образно выражаясь, Азия встречается с Европой. Она занимает горы Южного Урала, прилегающие озёрные степи Зауралья и увалисто-холмистые лесостепные равнины Приуралья. Если с севера подступают таёжные леса, то на юге открываются бескрайние просторы Великого пояса степей. Общая площадь РБ составляет 143,6 тыс. км²; 25% приходится на Уральские горы, 38% занимают леса, остальное — степи и лесостепи. На территории республики насчитывается свыше 2 тыс. озёр, около 13 тыс. рек, среди которых наиболее крупной является Белая, впадающая в Каму.

Природа края разнообразна и богата. В лесах произрастает около 20 видов деревьев. Флора представлена более чем 6 тыс. видов растений, из которых 12 видов занесены в Красную книгу СССР, 180 — в Красную книгу Башкирской АССР, 232 — в Красную книгу РБ. Известно более 100 видов дикорастущих съедобных растений; 120 видов лекарственных растений и около 200 видов растений, применяемых в народной медицине; 25 видов плодово-ягодных растений и кустарников, а также 280 медоносных трав и деревьев. Природно-климатические условия, богатство и своеобразие Башкортостана предопределили оригинальный химический состав башкирского мёда и его лечебные свойства. На территории Башкортостана зарегистрировано около 300 видов птиц, в т. ч. около 30 — хищных. В Красную книгу СССР занесено 18, в Красную книгу Башкирской АССР — 42 вида редких птиц. В лесах и степях обитает 76 видов млекопитаю-

* На 1 января 1996 г. в РБ проживало более 4 млн. чел. (Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996).

щих, травоядных и хищных зверей. Здесь встречаются волки, кабаны, лоси, медведи, рыси; белка, бобр, выдра, горностаи, колонок, куница, ласка, лисица, норка, ондатра и др.⁵ В Красную книгу Башкирской АССР занесе-

ны 24 вида млекопитающих. На территории республики выявлено более 3,7 тыс. видов насекомых, из которых 51 вид занесён в Красную книгу Башкирской АССР; 47 видов рыб, из них в Красную книгу Башкирской АССР

занесено 13; 10 — земноводных, 10 — пресмыкающихся и около 120 видов моллюсков.

Климат Башкортостана континентальный, умеренно тёплый. Большое влияние на климат оказывают хребты Южного Урала. В Зауралье преобладающую роль в формировании климата играют континентальные азиатские воздушные массы, в Приуралье — умеренное воздействие атлантического воздуха. Среднегодовая температура в Приуралье +2,0° С. Средняя температура января колеблется от -14 до -17° С, июля — от +18 до +20° С. Безморозный период равен 110—140 дням. Снежный покров держится 140—147 дней. В год выпадает 450—500 мм осадков. В горах Южного Урала климат умеренно-холодный, влажный, в год выпадает до 1000 мм осадков. Среднегодовая температура января составляет от -16 до -18° С, июля — от +17 до +19° С; на вершинах гор температура летом достигает всего +10(+12)° С. Безморозный период короткий — 60—100 дней. Снежный покров держится 130—160 дней. На Зилаирском плато, на юге республики, зима короче, безморозный период длиннее.

Приуралье. Типичная лесостепная зона, переходящая в степи; на возвышенных местах сохранились лесные массивы. Это левобережные районы Белой в её среднем и нижнем течении, а также бассейны рек Уфа и Дёма. В рельефе выделяется платообразная Бугульминско-Белебеевская возвышенность (абсолютная высота 480 м), Северные отроги Общего Сырта, Уфимское плато, ограниченное с юга небольшими горами Каратау, за которыми можно разглядеть собственно Уральские горы. Приуралье пересекают реки Ашкадар, База, Белая (Агидель), Быстрый Танып, Дёма, Ик, Кармасан, Сюнь, Уфа (Караидель), Чермасан и их притоки. Красивы озёра Приуралья — Асылыкуль, Белое (Аккуль), Кандрыкуль.

Южный Урал. Гряда за грядой, в меридиональном направлении, занимая юго-восточную часть республики, поднимаются хребты Алатау, Баштау, Уралтау и др., образуя горную систему. Снизаясь к югу, она заканчивается Зилаирским плато. Среди хребтов возвышаются вершины Ямантау (1640 м над уровнем моря), Большой Иремель (1582 м), Машака (1327 м) и др. Много карстовых колодцев, воронок, котловин. В горах Бурзянского района РБ находится всемирно известная пещера Шульган-Таш (Каповая) и пещера-пропасть Сумган. В горах Южного

Урала берут начало реки Волжской, Уральской и Обской водных систем, в т. ч. такие крупные реки, как Белая и Урал.

Западные и восточные склоны на высоте от 600 до 1100 м покрыты елово-пихтовыми лесами, выше 1000 м расположены каменные россыпи и горные тундры, ниже 700 м распространены широколиственные леса с хорошо выраженными древесными и травяными ярусами. Восточные склоны образуют сосновые и лиственные леса, западные — липовые, дубовые, кленовые, в сочетании с березняками, осинниками и густым высоко-травьем. Остепнённые дубравы, березняки, осинники раскинулись на южных склонах; здесь преобладают лесостепные ландшафты, переходящие в степь.

Зауралье. В западной части зоны возвышаются хребты Крыктытау, Ирендык, восточнее — мелкие сопки, гряды и увалы. Основными реками являются Сакмара, Таналык, Урал с притоками Большой и Малый Кизил; Иремель, Миасс, Уй и некоторые другие несут свои воды в бассейн Оби. Реки в основном маловодные; в засушливые годы маленькие речки и ручьи пересыхают.

Ландшафт Зауралья в основном лесостепной и степной. На юго-востоке простираются разнотравные ковыльные степи. Не случайно кумыс, производимый в этих районах, считается наиболее целебным. В Зауралье много озёр: Атавды, Аушкуль, Большие Учаль, Калкан, Карабалыкты, Карагайлы, Мулдак, Суртанды, Талкас, Узункуль, Ургун, Чебакты, Чебаркуль, Яктыкуль (Банное), Ягуль (Культубан) и др. Между ними и вокруг немало болот.

Более 150 природных объектов РБ постановлением Совета Министров объявлены памятниками природы, имеющими большое культурно-историческое значение. Их охрана организуется в соответствии с законом "Об особо охраняемых природных территориях в РБ" (июль, 1995 г.).

По лексической структуре и фонетическому строю башкирский язык включается в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков единой алтайской языковой общности⁶. Башкиры, находясь на периферии ареала, в значительной степени были изолированы от других тюркских народов. Это способствовало сохранению в башкирском языке архаичных древнетюркских черт; есть признаки, сближающие его с восточными тюркскими языками, например, с хакасским, тувин-

ским, якутским. В башкирском языке фиксируются следы взаимодействия с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, а также финно-угорскими и иранскими. В языке башкир немало русских и арабских заимствований.

Уже ранние письменные источники определённо указывают, что башкиры тюркоязычны. Знаменитый учёный средневекового Востока Махмуд Кашгари (XI в.) в “Словаре тюркских языков” пишет, что башкирский язык близок с такими тюркскими языками, как “кыргыз, кыфджак, угуз, тухси, ягма и др.” Башкиры в его работе фигурируют как один из “двадцати главных и первоначальных тюркских народов”⁷.

Расселение, а также существование в прошлом самостоятельных племенных союзов способствовали относительной изоляции отдельных групп населения и сохранению в разговорном языке народа различных диалектов и говоров.

Современный башкирский язык состоит из трёх диалектов: южного и восточного (по классификации 30-х гг. XX в. юрматынского и куваканского), а также западного (или северо-западного), выделенного позже. Каждый диалект распадается на несколько говоров⁸. На южном диалекте говорят башкиры центральных, южных и юго-восточных районов Башкортостана, а также Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей. В нём три говора: ик-сакмарский, средний и дёмский. Восточный диалект распространён на северо-востоке и востоке Башкортостана, а также в Челябинской и Курганской областях. Имеет пять говоров: аргаяшский, айский, миасский, сальютский и кызыльский. Западный диалект, объединяющий население главным образом северо-западных и северных районов республики, состоит из нижнебельского, гайнинского, таныпского, караидельского и среднеуральского говоров.

Современный башкирский литературный язык выработан на основе южного и отчасти восточного диалектов. До этого в среде башкир, как и многих тюркских народов, был распространён письменно-литературный язык “тюрки”, основанный на арабской графике. На “тюрки” оформлялись официальные бумаги, писались письма, шежере, литературные произведения, велось обучение в школах — мектебах и медресе. Арабская графика использовалась до конца 20-х годов. В 1928 г. введена письменность на ос-

нове латинизированной графики “Яналиф”, в 1940 г. — на основе русской графики (кириллицы) с добавлением девяти букв, обозначающих специфические звуки башкирского языка.

По вопросу о возникновении этнонима *башкорт* в настоящее время существуют различные точки зрения. По одному из башкирских преданий, когда-то “из Бухары вышли миссионеры для распространения мусульманской веры. Они были в недоумении — в какую страну отправиться, потому что везде, куда ни оглянись, были кафры (неверные). Тут им явился волк и повёл их на Уральские горы, где жили предки башкир... в язычестве. Оттого и получили они название башкорт — или волчья голова”⁹. Позднее появился другой вариант легенды, согласно которому мифический волк выступил в качестве предводителя башкир, которые в поисках благодатных земель вышли из Бухары (по некоторым версиям, с Алтая или с берегов Аральского моря), встретили волка и с его помощью нашли родину на Урале. При этом значение этнонима переводилось как “главный волк”, “волк-вожак”¹⁰. Такое толкование названия *башкорт* получило широкое распространение не только в народе, но и среди многих исследователей.

Не менее популярной является версия, согласно которой конечная часть слова “корт” трактовалась как “пчела”, а этноним — в значении “главная пчела”, “пчелиная матка” или “главный пчеловод”. В качестве дополнительного аргумента в этом случае указывали на одно из традиционных занятий башкир — пчеловодство¹¹. “Башкиры как сами, так и от ногайцев, — писал И.Г. Георги, — называются башкуртами. Сие наименование значит, по их толкованию, пчеловодца (от слова курт — пчела), а по ногайскому — главного волка”¹². Были высказаны предположения, что этноним *башкорт* происходит от “башка” (“отдельный”) и “йорт” (“жилище”, “становище”, “страна”), т. е. “отдельная страна”, “отдельный народ”¹³.

В последние годы появились новые гипотезы. Некоторые авторы считают, что этноним *башкорт* происходит от “биш” + “корт” — “пять волков”, “боз/буз” + “корт” — “сивый волк”, “баш” + “карт” — “главный старик”, “аксакал”¹⁴. Другие исследователи пошли по линии расчленения этнонима на три части: “баш” + “кор” + “т”,

“башк(а)” + “ар” + “т”, “баш” + “огур” + “т”. А.Н. Усманов и А.Г. Бишев, как и большинство исследователей, компонент “баш” переводят как “голова”, “главный”, “кор” — “круг, нечто расположенное по кругу, совещание равных людей, сидящих по кругу; племя, община”. В этом случае, по их мнению, этноним означает “главное племя, главное объединение родов и племён”. Компонент “т” они объясняют как заимствованный из монгольских языков аффикс множественности, собирательности. В версии Ф.И. Гордеева (“башк(а)” + “ар” + “т”) этноним имеет значение “люди, живущие по реке Башка или Башкаус*”, а “т” служит показателем множественности, заимствованным из скифо-сарматских иранских языков¹⁵.

Н.А. Баскаков отвергает предположения, связывающие происхождение этнонима *башкорт* со словами “волк”, “пчела”, “старик”, “племя”. Как наиболее вероятную он приводит этимологию Д. Немета: башкурт — “беш” (пять) + “огур” (название племени огуров) + “д” (венгерское окончание); Беш (о) гурд: Башгурд, Башкурд — “пять огуров” (по аналогии с “он огур” — “десять огуров”, “токуз огуз” — “девять огузов”)¹⁶.

Таковы основные гипотезы о происхождении этнонима *башкорт*. Ни одна из них не представляется достаточно убедительной, и это наталкивает исследователей на новые поиски.

Общеизвестен сложный антропологический и этнический состав башкир, заметны культурно-бытовые и диалектные различия между территориально-этническими группами, сохранившиеся до нашего времени. Нет сомнения в том, что такие различия должны были иметь место и в глубоком прошлом, на начальных этапах формирования народа, в то же время для языка и культуры башкир характерны цельность и органическое единство. Очевидно, уровень культурно-бытовой и языковой интеграции (консолидации) древних башкирских племён был достаточно высок, что явилось основой их формирования в единый этнос.

Однако культурно-бытовая и языковая близость сама по себе ещё не приводит к формированию этнического самосознания и возникновению общего этнонима, хотя является достаточной базой для этого. Чтобы этнос начал функционировать как целостный

организм со своим именем и другими атрибутами, необходимы дополнительные сплачивающие факторы. В случае с башкирами таким фактором, очевидно, явилось возникновение военно-политического союза. Средневековые авторы ибн-Фадлан, Масуди и др. рисуют башкир IX — начала X вв. как организованную силу, часто довольно грозную¹⁷. В свете этих данных вполне допустимо, что этноним *башкорт* восходит к имени легендарного военачальника Башгирда (Башкорда), под предводительством которого башкиры объединились в военно-политический союз, ставший ядром формирующегося народа.

Память о том, что у них был предводитель, от имени которого пошло название народа, была жива среди башкир ещё в XVIII в. “Они же сами, — писал В.Н. Татищев, — сие имя производят от начального их мурзы Башкир...”¹⁸. В последующие времена это предание исчезло. Видимо, оно переродилось в мифологическую легенду о волке-путеводителе или слилось с уже существовавшими преданиями.

Попытка установить личность исторического персонажа, имя которого стало названием башкирского народа, была предпринята более ста лет назад. В 1870 г. один неизвестный автор полагал, что этноним *башкорт* происходит от имени половецкого хана Башкурта, который был тестем Святослава Владимировича. Приводя эту цитату, В.М. Филоненко писал: “Действительно, Башкурд, Башкорд или Башкард был половецкий князь XII века. В 1151 г. в сражении князя Юрия Долгорукого с князем Изяславом Мстиславовичем при р. Рут был убит князь Владимир... Черниговский, жена его бежала к половцам и вышла замуж за их хана Башкорда”¹⁹. Однако этой версии В.М. Филоненко не придавал большого значения, видимо, считая маловероятной связь между именем половецкого хана XII в. и названием башкир, получившим известность двумя-тремя столетиями раньше на территории, весьма отдалённой от места описываемых событий. Заслуживает внимания сообщение Гардизи о военачальнике Башгирде: “Башгирд был из высших чинов хазар...” (Б.Н. Захедер пишет, что Гардизи использовал источники начала X в. и более ранние)²⁰. Упомянутый предводитель, очевидно, и был той личностью, от имени которой берёт начало этноним *башкорт*.

* Есть похожие названия рек на Алтае и Урале.

ГЛ. 2

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИР

Вопрос о происхождении башкир и формировании их в нацию с современным этнокультурным обликом — одна из сложнейших проблем исторической науки. Особенности этногенеза башкир были обусловлены природно-климатическими условиями и геополитическим положением Южного Урала, предопределившими многосторонность этногенетических связей населявших его племён и народов, а также своеобразие хозяйственно-культурной и военно-политической истории края.

Самым ранним свидетельством появления людей на Южном Урале является стоянка Мысовая (Урта-Тюбе) на берегу озера Карабалыкты в Зауралье (Абзелиловский район РБ), нижние слои которой восходят к раннему палеолиту (800—700 тыс. лет назад). К эпохе среднего палеолита (100 тыс. — 40—35 тыс. лет назад) относятся стоянки Айдос на р. Уфа и Муллино на р. Ик.

Большинство памятников древнекаменного века — позднего палеолита (40—35 тыс. — 10 тыс. лет назад), находящихся на Среднем и Южном Урале пещерные стоянки: 2-я Смеловская пещера близ г. Магнитогорск, Горновское местонахождение на р. Белая ниже г. Уфа, стоянки в пещерах по р. Юрюзань и др. В эпоху позднего палеолита Урал представлял собой, по мнению О.Н. Бадера, своеобразную, промежуточную между Европой и Сибирью, историко-культурную область с преобладающими сибирскими культурными связями¹.

Выдающимся памятником палеолита на территории Башкортостана является пещера Шульган-Таш (Каповая), расположенная на скалистом берегу р. Белая в Бурзянском районе РБ. Она представляет собой трёхъярусный подземный дворец с анфиладой залов, соединённых между собой широкими коридорами. Через пещеру протекает подземная р. Шульган, образуя внутри и у входа в неё небольшие озёра. В 50-е гг. XX в. в одном из залов пещеры научным сотрудником Башкирского заповедника А.В. Рюминым обнаружены выполненные охрой рисунки древних художников — фигуры мамонтов и лошадей. В 1960—1971 гг. в ходе исследования памятника экспедицией Института археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера открыты новые изображения животных (лошадей, мамонтов, носорогов). Шульган-Таш — уникальный памятник древнекаменной эпохи на территории Евразии, который может быть сопоставим по характеру и научной значимости с аналогичными памятниками Франции и Испании². В 80-е гг. XX в. открыты наскальные рисунки в Игнатьевской пещере

(расположена на правом берегу р. Сим Челябинской области), свидетельствующие о самобытности культуры охотничьих племён, населявших Южный Урал в ту далёкую эпоху.

В среднекаменном веке — мезолите (X—V тыс. до н.э.) — продолжалось освоение Южного Урала первобытным человеком. На берегах озёр и рек Башкортостана выявлено большое количество мезолитических стоянок. Одна группа памятников (Янгелька, Суртанды-6, Мысовая и др.) расположена к востоку от Уральско-го хребта, другая (Ильмурино, Романовка-2, Романовка-3 и др.) — в западном Приуралье. В материальной культуре этих групп памятников имеются существенные различия, поэтому на их основе выделены две археологические культуры — зауральская (янгельская) и приуральская (романовско-ильмуризинская). Памятники зауральской культуры имеют сходство с синхронными памятниками южного Прикаспия, что свидетельствует об общности происхождения: Урал и Прикаспий могли быть крайними точками одной этнокультурной области³. В то же время техника обработки местных каменных орудий позволяет говорить о самобытности зауральской культуры. Инвентарь приуральских стоянок тяготеет к мезолитическим памятникам Прикамья и Среднего Поволжья.

В новояменном веке — неолите (V—IV тыс. до н.э.) — население края продолжает расти, хотя западные склоны Южного Урала и Приуралье оставались слабозаселёнными. Заметна концентрация населения в районе Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Густо был населён район озёр Башкирского Зауралья⁴, где имелись богатые выходы уральской яшмы, кремня и других твёрдых пород камня. Здесь имелось множество мастерских по изготовлению каменных орудий (Усть-Юрюзанская, Карагайлинская и др.). Изделия из уральской яшмы распространялись в то время далеко на север (до полуострова Ямал). В материальной культуре неолитических племён Южного Урала продолжают проследиваться связи как с населением Прикамья и Поволжья, так и восточных и южных регионов. В неолите начинается переход к производящим формам хозяйства: скотоводству (обнаружены кости домашних животных), земледелию (найденны зернотёрки); появляется гончарное дело, ручное ткачество.

В меднокаменном веке — энеолите (IV—III тыс. до н.э.) — население продолжало заниматься охотой, рыбной ловлей, скотоводством. По-прежнему наблюдаются различия в развитии культур Приуралья (агидельская) и Зауралья (суртандинская). К концу периода заметно

продвижение зауральского населения по берегам рек в южноуральские степи.

В бронзовом веке (II — начало I тыс. до н.э.) Южный Урал представлял собой зону контактов представителей различных археологических культур. Одни из них сложились на местной основе, другие содержали пришлый компонент.

Во второй половине II тыс. до н.э. на западе Башкортостана (бассейн рек Белая, Дёма, Ик) жили племена абашевской культуры. Они являлись частью культурно-этнической общности, сформировавшейся на Дону и в XVIII—XVII вв. до н.э. продвинувшейся на север в бассейн Волги и в Нижнее Прикамье. Ведущей отраслью хозяйства абашевцев являлось скотоводство, также получила развитие металлообработка на базе бронзы и гончарство.

Многочисленными памятниками на Южном Урале представлена срубная культура (XVII—XII вв. до н.э.), получившая своё название по форме внутримогильных сооружений (неввысоких срубов). Срубники, занимавшие степные и лесостепные районы Южного Урала, контактировали с абашевцами и частично ассимилировали их. Население срубной культуры занималось скотоводством, металлообрабатывающим (бронзовым) производством и гончарством.

На востоке срубные племена соприкасались с населением, оставившим памятники алакульской культуры и связанным своим происхождением, по мнению многих исследователей, с урало-сибирским ареалом. В культуре алакульцев на Южном Урале (памятники Аркаим, Синташта и др.) прослеживается также влияние со стороны восточно-европейских степей. Основой их хозяйства было скотоводство и коневодство. Расселившиеся в основном в Зауралье алакульцы проникли и в горно-лесную зону.

Период поздней бронзы (конец II—начало I тыс. до н.э.) в лесостепных и лесных районах Приуралья представлен памятниками межовской культуры, тесно связанной со срубной. Территория по среднему и нижнему течению Белой была занята племенами курмантауской культуры.

Взаимосвязи древних этносов, носившие то мирный, то воинственный характер, являлись основой ассимиляционных процессов, в результате которых появлялись новые этнокультурные общности, оставившие археологические культуры железного века (VII—VII вв. до н.э. — III—IV вв. н.э.).

В степной зоне в результате взаимодействия срубников и андроновцев (представителей культуры сибирского происхождения) сложилась общ-

ность древних скотоводов-кочевников, в которых археологи усматривают савроматов, известных по упоминаниям античных авторов. Прямыми потомками савроматов являются сарматы, оставившие в Башкортостане курганные могильники с богатым инвентарём около деревень Старые Кишки и Бишунгарово Кармасалинского района РБ, а также памятники в Абзелиловском, Баймакском, Хайбуллинском районах РБ. К раннесарматскому периоду (предположительно рубеж V—IV вв. до н.э.) относятся и Филипповские курганы в Оренбургской области, раскопанные в конце 80-х гг. XX в. и содержащие редкостную по художественному уровню коллекцию золотых украшений и бытовых вещей.

Северо-западные районы РБ и прилегающие районы Волго-Камья составляли юго-восточную периферию сформировавшейся к VIII—VII вв. до н.э. ананьинской культуры. Она характеризовалась сложным хозяйственным комплексом: население занималось скотоводством, охотой, рыболовством, по берегам рек — мотыжным земледелием.

В III в. до н.э. на Средней Каме и в нижнем течении р. Белая ананьинскую культуру сменила пьяноборская. Правобережье среднего течения Белой с IV в. до н.э. занимали племена карабызской культуры. Обе культуры просуществовали до III в. н.э. Их объединяет ряд общих элементов в вещевом инвентаре, обряде захоронения и преемственность с ананьинцами. Исследователи полагают, что они принадлежали локально-этническим группам финно-угорских племён. Население было оседлым, занималось скотоводством и земледелием. Карабызцы испытали некоторое влияние скотоводческих культур южных степей.

Таким образом, с давних пор Башкортостан представлял собой контактную зону различных хозяйственно-культурных типов. Одна её часть, преимущественно степная, являлась частью кочевого скотоводческого мира; другая, лесостепная и отчасти лесная, входила в культурно-историческую область оседлых племён, сочетавших пастушеское скотоводство с охотой, рыболовством и земледелием. Различались эти области по этнической и языковой принадлежности населения: поздние скотоводы были предположительно ираноязычными, в то время как их северные соседи принадлежали к финно-угорской этноязыковой общности. Взаимосвязи и взаимопроникновение этих хозяйственно-культурных массивов наложили отпечаток на последующую историю края, обусловив своеобразие и сложность происходящих здесь этнических и культурно-исторических процессов. Включение в эти процес-

сы новых, пришлых, элементов усилило эту сложность, сыграв решающую роль в формировании современной этнической карты Приуралья.

Важное значение для разработки проблемы происхождения и формирования башкирского народа имеет вопрос о времени тюркизации населения Южного Урала. Большинство современных археологов придерживается мнения, что начало проникновения тюркских племён в Приуралье относится к III—IV вв. К этому времени перестают существовать пьяноборская и карабызская культуры, исчезают сарматские памятники. В междуречье Белой и Уфы на местной основе формируется культура бахмутинских племён, в вещевом материале которой обнаруживается заметное влияние пришлого южного населения. Хозяйственный комплекс остаётся характерным для лесного Приуралья: это пастушеское скотоводство, подсечное земледелие, охота, рыболовство⁵. В центральных районах Башкортостана (долина р. Чермасан и среднее течение р. Белая) в середине I тыс. жили племена, занимавшиеся скотоводством, земледелием и оставившие группу памятников, объединяемых в турбаслинскую культуру. На поселениях обнаружены кости домашних животных, лошадей, злаки, серпы, каменные жернова. Прослеживается связь многих элементов этой культуры с кочевниками восточноевропейских степей. Некоторые исследователи в связи с турбаслинцами ставят вопрос о начальной миграции и оседании в Приуралье тюрков.

Во второй половине I тыс. население Башкортостана было сильно смешанным. Наряду с бахмутинской и турбаслинской культурами исследователи выделяют памятники романовско-именьковского типа, караякуповской и других культур. За последние годы открыто и обследовано большое число могильников VIII—X вв., оставленных населением с ярко выраженными кочевническими чертами. Часть этого населения, по-видимому, была ираноязычной; она вступила в культурно-этническое взаимодействие с местными племенами, в основном финноязычными, и пришлыми. Среди пришлого населения исследователи отмечают, кроме тюркских, самодийские, угорские компоненты. Заметен приток на Южный Урал племён южносибирского и среднеазиатского происхождения. Этот процесс продолжался и в более позднее время. В то же время все памятники обнаруживают связь с предшествующими культурами Приуралья. Н.А. Мажитов полагает, что они принадлежали ранним башкирам, освоившим к VIII—IX вв. почти всю территорию современного расселения народа⁶.

А.Х. Халиков из памятников этого периода выделяет грунтовые могильники, расположенные преимущественно в северо-западном и центральном Башкортостане, и считает, что они могли быть оставлены племенами, вошедшими в состав волжско-камских булгар. Курганные могильники восточного и южного Башкортостана он относит к древнебашкирским⁷. Принадлежность этих курганов кочевникам-тюркам, вероятно башкирам, не оспаривает и Р.Г. Кузеев, который в то же время полагает, что в IX—XI вв. они могли иметь в своём составе ещё не полностью ассимилированный угорский компонент⁸.

В конце I тыс. появляются первые письменные сведения о башкирах. В 40-х гг. IX в. из Арабского халифата к хазарам и далее на восток ездил Саллам Тарджеман. В описании путешествия, дошедшем до нас в отчёте его современника ибн-Хордадбега, он сообщает о посещении страны башкир, находящейся в 27 днях пути от устья Итилы (Волги)⁹. Примерно к этому же времени относится другое упоминание о башкирах. В своей книге "Китаб ат-Танбих" арабский учёный Масуди (X в.), основываясь на сообщениях других авторов, пишет о войнах и стычках между гузами, карлуками и кимаками, с одной стороны, и четырьмя тюркскими народами: баджнак, баджна, баджгард и наукерд — с другой, которые имели место близ Джурджанийского озера (Аральское море). Одни исследователи датируют эти события временем между 830 и 844 гг., другие — между серединой и концом IX в. В тексте Масуди говорится о набегах названных выше тюркских племён на границы Византии. Вероятно, часть башкирских племён перекочевала на запад, хотя ряд современных исследователей видят в западных баджгардах древних венгров, которых средневековые авторы нередко отождествляли с башкирами. Однако важно то, что приведённые сведения говорят о появлении башкир на исторической арене под современным их названием, а также их активном участии в военно-политических событиях IX в. в евразийских степях.

В начале X в. писал о башкирах ибн-Русте. По существу, сведения, которыми он располагал, восходят к IX в. Он пишет, что башкиры подразделялись на две группы, одна из которых жила по соседству с печенегами, граничившими с Византией (Румом), другая населяла территорию близ Волжской Булгарии и находилась в политической зависимости от царя булгар. Как видно, здесь более определённо говорится о месте обитания башкир. В том, что восточная группа была расселена в Приуралье, не приходится сомневаться. С сообщением ибн-Русте пе-

реликируется свидетельство другого арабского писателя IX—X вв. ал-Балхи: “Башджары разделяются на два племени, одно племя живёт на самой границе Гуззии, страны куман близ булгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны булгарам. Другие же башджары граничат с печенегами. Они и печенеги — тюрки”¹⁰.

Наиболее достоверные и разносторонние данные о башкирах содержатся в книге Ахмеда ибн-Фадлана¹¹. В 921—922 гг. он совершил путешествие из Багдада в Волжскую Булгарию в составе посольства халифа ал-Муктадира к болгарскому царю Алмушу. Путь посольства пролегал через Иран, Хорасан, Мавераннахр, Хорезм и степи Западного Казахстана, где располагались кочевья тюрков-огузов, а оттуда вдоль Волги к столице Булгарского государства. Переправившись через реки Джайх (Яик, или Урал), Джаха (Чаган), Ирхиз (Иргиз), Бачаг (Моча), Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок) и Кюнджюлю (Кондурча), послы “попали в страну народа из /числа/ тюрков, называемого башкиры”. Послы халифа пробыли на земле башкир недолго, и всё же ибн-Фадлану удалось узнать многое об этом народе и оставить довольно полное для того времени описание языческих верований башкир.

В тех местах, где побывал ибн-Фадлан, в наши дни живёт незначительная часть башкир: возможно, в то время они жили западнее. Можно также предположить, что ибн-Фадлан посетил лишь западную окраину страны башкир, простиравшейся от Средней Волги до верховий Яика. Важное значение имеет и то обстоятельство, что, судя по “Книге” ибн-Фадлана, башкиры в своих передвижениях по кочевьям и в воинственных набегах часто углублялись и далеко на юг, в Приаральские степи. Ещё в стране огузов, переправляясь через Йаганды (Шаган), первую из рек той земли (к югу от Мугоджарских гор), путешественники должны были выслать вперед “отряд бойцов, имеющих оружие, чтобы они служили авангардом для людей”. И это, поясняет ибн-Фадлан, “из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться”.

Как видно, к X в. башкиры представляли многочисленный народ, расселившийся на Южном Урале и в прилегающих к нему с юга и запада степях, занимавшийся кочевым скотоводством и известным соседям по многочисленным набегам. Такими предстают башкиры в письменных источниках последующих веков. Некоторые авторы (Бируни, Казвини) называют

Уральские горы по их этнониму — “Башкырт”, “Башхарт”. По-видимому, это была формирующаяся народность с одним самоназванием, с общим языком и своеобразным культурно-бытовым укладом. Она не могла быть однородной и включала разные территориально-этнические группы. Это отмечал ещё ибн-Фадлан. Процесс формирования этнокультурного облика народа был ещё далёк от завершения. Башкирам предстояло ещё в течение многих столетий перемалывать родоплеменные различия в языке и культурно-бытовых традициях; принимать в свою среду новые этноязыковые компоненты, заимствовать опыт и навыки пришлого населения и соседей. Но основы башкирского этноса, своеобразие языка и наиболее специфические культурно-бытовые черты, которые отличают башкир от других народов, были заложены в древности.

Где и в какое время произошло формирование древнебашкирской народности? Является ли Южный Урал исконной родиной башкир или они пришли сюда со сложившимися этнокультурными признаками? Решение этого вопроса связано с вопросом об этнической принадлежности тех племён, которые составили ядро башкирской народности, предопределили её языковое и этнокультурное своеобразие.

По этому вопросу долгое время шла дискуссия между сторонниками тюркской и угорской теорий происхождения башкир. В настоящее время большинство исследователей считают, что решающую роль в формировании этнического облика башкир сыграли тюркские племена. В то же время значительное участие в этногенезе башкир приняли финно-угорские, сармато-аланские и монгольские племена. Большая заслуга в преодолении односторонности прежних теорий и гипотез принадлежит видному учёному С.И. Руденко. На основе изучения антропологического типа башкир, их хозяйственно-бытовых традиций, материальной и духовной культуры он пришёл к выводу о неоднородном антропологическом составе башкир, о чрезвычайной многосложности их культуры при резком преобладании тюрко-кочевнических элементов¹². В концепции С.И. Руденко в известной мере сомкнулись обе точки зрения, казалось бы взаимно исключающие друг друга, хотя сам автор остался приверженцем тюркской теории. К тому времени, когда была окончательно сформулирована его концепция, исследованиями лингвистов было доказано фонетико-грамматическое родство башкирского языка с другими тюркскими языками. Были установлены также древние связи

башкирского языка и его диалектов с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, угро-финскими и иранскими языками. К аналогичным результатам привело изучение родоплеменной структуры, исторического фольклора, системы родства, материальной культуры и семейно-бытовых обычаев башкир. Особенно большое значение в разработке проблемы этногенеза башкир имеют исследования Р.Г. Кузеева по исторической этнографии.

Ныне едва ли можно сомневаться, что основу башкирского этноса составили древнетюркские племена, генетически связанные с древнейшим населением Южной Сибири, Центральной и отчасти Средней Азии. Видимо, эти племена задолго до передвижения на запад имели длительные контакты, а возможно, и родственные связи с предками современных восточно-тюркских (алтайцы, хакасы, тувинцы), монгольских (буряты, халха-монголы и др.) и тунгусо-маньчжурских (эвенки) народов. Об этом говорят восходящие к глубокой древности черты культуры и быта башкир, фонетические особенности языка и элементы лексики. Проникновение древнебашкирских племён на Южный Урал и расселение их на современной территории не было единовременным переселенческим актом. Этнический состав, язык и культура башкир сохранили заметные следы взаимосвязей с этнополитическими объединениями раннего средневековья. С середины I тыс. они имели тесные контакты с печенегами и огузами в степях Казахстана и Средней Азии, с племенами болгарского объединения, а в начале II тыс. — с кыпчаками. Особенно значительный отпечаток оставили башкиро-кыпчакские связи, которые продолжались в период монголо-татарских нашествий и позднее вплоть до присоединения Башкортостана к Русскому государству. Результатом этих взаимосвязей является близость башкирского языка к языку кыпчакской ветви (алтайскому, казахскому, каракалпакскому, ногайскому, татарскому и некоторым говорам узбекского языка), многие параллели в родоплеменной этнонимии и родовых тамгах, в материальной культуре и фольклоре. Этнонимы “кыпчак”, “канглы”, “катай”, “табын”, “мин” были известны вышеперечисленным народам. Общим для этих народов являются эпические сказания “Алпамыша”, “Кузыйкурпяс и Маянхылу”, а из более поздних сюжетов, связанных с эпохой Золотой Орды, — “Идукай и Мурадым”.

Длительными были связи древнебашкирских племён с булгарами. Начавшись около середины I тыс. н.э. в южных степях, они имели интенсивное продолжение в период Волжской Булгарии в IX—XIII вв.

В процессе расселения по Южному Уралу древнебашкирские племена вступили во взаимодействие с местным финно-угорским и сармато-аланским населением. По всей вероятности, часть местного населения была вытеснена, но значительная часть осталась на прежних местах и вступила в хозяйственно-культурные и этнические отношения с пришельцами и постепенно была ассимилирована ими. Сопоставление результатов антропометрического исследования современных башкир с краниологическими материалами могильников обнаруживает заметную близость антропологического типа северных и северо-западных башкир и местного населения второй половины I тыс., оставившего бахмутинские памятники и др. В материальной культуре, изобразительном искусстве, а также в лексике башкир довольно чётко прослеживается финно-угорский пласт.

В числе финно-угорских племён, тесно соприкасавшихся с древними башкирами, возможно, были также предки современных венгров — мадьяры. Работы средневековых авторов, отождествляющих мадьяр и башкир, послужили основой для возникновения угорской (мадьярской) гипотезы происхождения башкир¹³. Около VIII—IX вв. мадьяры покинули свою “страну”, располагавшуюся между Уралом и Волгой, продвинувшись на запад, и через некоторое время осели в Придунавье на территории современной Венгрии. На новую родину они принесли родоплеменные названия (дьярмат, еней), совпадающие с названиями некоторых башкирских племён (юрматы, еней), а также предания и легенды о прежней их “стране” на востоке. В XIII в. монах доминиканского монастыря в Венгрии Юлиан совершил путешествие по следам этих преданий и близ Волги нашёл оставшихся на прежних землях соплеменников. По словам Рихарда, оставившего описание путешествия Юлиана, последний изъяснялся с этими людьми на своём родном языке, и они его понимали. Видимо, эти сообщения имели реальную основу. Совпадение этнонимов еней, юрматы может быть объяснено по-разному: уходом некоторых башкирских племён вместе с венграми и последующей их ассимиляцией или, наоборот, растворением соответствующих мадьярских племён в башкирской среде. Возможен и другой вариант: в процессе общения были заимствованы лишь родоплеменные названия, а этнического взаимопроникновения не произошло. Одноимённые племена в составе мадьяр и башкир принадлежали к различным, соответственно угорской и тюркской, этническим общностям. Во всяком случае, говорить о тождестве мадьяр

Колчан с металлическими накладками.

и башкир или их генетическом родстве пока нет достаточных оснований.

К середине XIII в. башкиры, представлявшие, видимо, внушительную военно-политическую силу, были покорены, как и булгары с Волго-Камья, монголо-татарами¹⁴. Рашид ад-Дин, составивший наиболее полный свод сведений о тюрко-монгольских народах и племенах XIII—XIV вв., упоминает в их числе и башкир. Упорное сопротивление монгольскому нашествию нашло отражение и в историческом фольклоре башкир.

В золотоордынскую эпоху в башкирскую этнокультурную среду проникли, с одной стороны, некоторые монгольские элементы, с другой — возросло влияние кыпчакского компонента. Последнее обстоятельство имело большее значение, поскольку в самой Золотой Орде преобладал кыпчакский этнический массив. Соприкосновение башкир с монгольскими этнокультурными традициями имело место и раньше: тюркоязычные их предки и в более отдалённом прошлом имели контакты с монголами. Кроме того, башкиро-монгольские связи в значительной мере носили опосредованный характер: связующим звеном явились уже испытывавшие монгольское влияние или вобравшие в себя некоторые компоненты монгольского происхождения племена Дешт-и-Кыпчака.

Распад Золотой Орды и подчинение Башкортостана Ногайской Орде, Казанскому и Сибирскому ханствам не оказали существенного влияния на направление этнических процессов в крае. Во всех этих государственных образованиях превалировал кыпчакский компонент, сыгравший большую роль в формировании этнокультурного облика средневожских и крымских татар, казахов, каракалпаков, ногаев, тюркского населения Западной Сибири. В культуре и языке башкир также усиливались кыпчакские черты, и сами башкиры всё более сближались с кыпчакскими народами. Однако, как бы ни велико было влияние кыпчаков, они не могли стереть того своеобразия в языке и материальной культуре, которое отличает башкир от других кыпчакских народов. Более того, кыпчаки и связанные с ними роды и племена, оказавшиеся среди башкир, сами восприняли культурно-языковые особенности последних. Эти специфические особенности кыпчакского компонента чётко проявляются у южных, восточных и центральных групп современных башкир.

Политические распри и междоусобицы, вспыхнувшие с распадом Золотой Орды, мешали этнической и политической консолидации башкир. Однако процесс формирования народности продолжался. Самосознание народа с особенной силой проявлялось в моменты ослабления власти ханов. Решающий момент наступил в середине XVI в., когда Русским государством было разгромлено Казанское ханство (1552 г.) и на очереди оказалась раздираемая внутренними противоречиями и усобицами Ногайская Орда. Башкирские племена почти одновременно, в 1555—1557 гг., добровольно вошли в состав Русского государства. Такое организованное волеизъявление, продиктован-

Кожаный щит.

БАШКИРИЯ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Масштаб 60 0 60 100 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ⊙ — Губернские города и границы губерний
- Границы уездов
- ⊙ Уездные города
- ⋯ Граница Оренбургского казачьего войска
- 1 2 Земельные дачи заводов:
1-казенных, 2-частных
- ▲ Заводы чугунолитейные и
железодельные
- ▼ Заводы медеплавильные
- Прочие заводы и фабрики
- △ ▢ Заводы, прекратившие производство
- ◆ Приски
- ▨ Районы развития лесной промышленности
- Казенные железные дороги (с датами
частные постройки)
- ~ Примерная граница преобладания
посева ржи и пшеницы
(к северу - рожь, к югу - пшеница)

ное политической обстановкой того времени, было в то же время выражением возросшего этнического самосознания — сознания принадлежности различных племён и социальных групп башкир к единому этносу.

Присоединение башкир к России трактуется историками как их объединение в составе единого государства, знаменующее собой завершение формирования башкирской народности. Процессы внутренней консолидации, изменения в этническом составе, взаимосвязи с другими народами имели место и в последующие исторические периоды. Но основные черты этнокультурного облика башкир как одного из самобытных тюркских народов были налицо уже в XVI в. Начиная с этого времени можно говорить о башкирах как о вполне сформировавшейся народности, имея в виду под этим понятием определённый тип этнической общности, предшествующей образованию нации.

После присоединения к России Башкортостан был включён в состав Казанского уезда. С основанием Уфы в 1574 г. был выделен в Уфимский уезд. Им управлял воевода, подчинявшийся приказу Казанского дворца. Внутри уезда долгое время сохранялось прежнее адми-

Башкирский военачальник (начало XIX в.).

нистративно-территориальное деление. Вся территория Башкортостана делилась на четыре области, которые по старой традиции назывались “дорогами” (от монгольского “даруга” — область, округ). Земли на юг от г. Уфа по рекам Белая и Дёма составляли Ногайскую дорогу, на северо-восток — Сибирскую, на

запад — Казанскую, а узкая полоса к северу от г. Уфа, между Казанской и Сибирской дорогами, — Осинскую. Каждая дорога состояла из нескольких волостей, которые включали территории расселения отдельных племён или родов. Наиболее крупными на территории Ногайской дороги были Бурзянская, Минская, Усерганская, Кыпчакская волости, Сибирской — Табынская и Катайская, Осинской — Гайнинская и др. Иногда земли одной волости находились в составе двух дорог. По мере распада родоплеменных отношений волости становились административно-территориальными единицами и дробились на более мелкие. Во главе волостей стояли старшины из числа наследственной знати: биев, тарханов, батыров. Указом от 11 февраля 1736 г. наследственные старшины были заменены выборными.

В 1708 г. Уфимский уезд был преобразован в Уфимскую провинцию. В 1737 г. была образована Исетская провинция, в которую вошли северо-восточные и северные части Башкортостана*. В 1744 г. обе провинции вошли в состав вновь образованной Оренбургской губернии. В то же время сохранялось деление Башкортостана на четыре дороги. В 1781 г. было учреждено Уфимское наместничество, состоящее из двух областей — Уфимской и Оренбургской. В 1796 г. Уфимское наместничество преобразовано в Оренбургскую губернию. В 1798 г. в Башкортостане была введена кантонная система управления. В крае были образованы 23 кантона, из них 11 — башкирские. До 1865 г., пока функционировала кантонная система, несколько раз менялось количество кантонов и их границы. Число кантонов было доведено до 28. Основная часть кантонов относилась к Оренбургской губернии, часть находилась на территории Пермской, Самарской и Вятской губерний.

В 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на две губернии: Оренбургскую и Уфимскую. В последнюю вошли Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Белебеевский и Златоустовский уезды, в которых преобладающим было башкирское население. В составе Оренбургской губернии остались Верхнеуральский, Оренбургский, Орский, Троицкий и Челябинский уезды. Часть башкир проживала в Пермской (Шадринский, Екатеринбургский, Красноуфимский и Осинский уезды), Самарской (Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды) и Вятской (Са-

* До этого находились в составе Верхотурского и Тобольского уездов Сибирской губернии.

рапульский, Елабужский уезды) губерниях. Такое административно-территориальное деление сохранялось до Октябрьской революции.

Присоединение Башкортостана к Русскому государству способствовало, с одной стороны, более интенсивному освоению природных ресурсов края, развитию многоотраслевой экономики, с другой — несло национальный и социальный гнёт. Завоевательные войны царского правительства, содержание военно-бюрократического аппарата и социальных верхов тяжело сказывались на положении всех народов края, в т. ч. и башкир.

Башкиры десятки раз поднимались на вооружённую борьбу против притеснений и произвола колониальной администрации, захватов их земель. Вторая половина XVII и весь XVIII в. в истории башкир прошли под флагом восстаний. Это было связано с активизацией колониальной политики правительства и расхищением башкирских земель. Особенно большой силы достигли восстания XVIII в.: в 1705—1711, 1735—1740, 1755 и 1773—1775 гг. Выступления башкир заканчивались жестокой расправой властей над населением: истреблением людей, сожжением десятков и сотен деревень, продажей детей и женщин в крепостное рабство и т. д. Так, после восстания 1735—1740 гг. было сожжено 343 деревни, 3220 дворов и 88 юрт, более 60 тыс. чел. погибло, умерло от голода или было развезено по другим губерниям и городам. Чтобы держать покорённые народы в повиновении, царская администрация сеяла вражду и распри между ними, натравливала одни народы на другие. В отдельные моменты властям удавалось столкнуть башкир с пришлым населением края и казаками, использовать последних в подавлении башкирских восстаний. Однако в большинстве случаев недовольство башкир усилением притеснений и произвола властей находило отклик среди других народов Урало-Поволжья. Свидетельство тому — события 1773—1775 гг., когда начавшееся среди яицкого казачества восстание под руководством Е.И. Пугачёва очень скоро превратилось в подлинную крестьянскую войну. В одних и тех же отрядах сражались башкиры, русские крестьяне, казаки, чувашаи, тептяри, марийцы, удмурты, работные люди заводов и др. Из среды башкир выдвинулись талантливые организаторы и военачальники Салават Юлаев, Кинзя Арсланов и др.

После Крестьянской войны 1773—1775 гг., несмотря на вспыхивавшие временами волне-

ния и столкновения, вооружённых восстаний общенародного масштаба в Башкортостане не было. Объясняется это не только тем, что была подорвана способность башкир к организованному выступлению, но и социально-политическими условиями последующей эпохи и внутренними изменениями в самом башкирском обществе.

Важное значение во взаимоотношениях башкир с русским и другими народами России имела военная служба и участие в обороне страны. Военная служба была одной из основных повинностей башкир в Российском государстве. Башкиры несли сторожевую службу на Оренбургской линии и наравне с казачеством обеспечивали охрану юго-восточных границ империи. Они участвовали в войне против польских и шведских интервентов в начале XVII в., в крымском и азовских походах, в Северной и Семилетней войнах. Крупным событием в политической истории башкир, оказавшим влияние на общественное сознание народа, явилось уча-

Башкирский воин в Берлине (1812 г.).

стие башкирских полков в Отечественной войне 1812 г. и освободительном походе русских войск в Западную Европу. В башкирском обществе, наряду с ростом этнического самосознания, крепло чувство единства исторических судеб с народами России.

Развитию культурного и экономического сотрудничества способствовало становление горнозаводской промышленности и переселенческое движение. Под влиянием этого произошли большие изменения в жизни и традиционной культуре башкир.

ГЛ. 3

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ БАШКИР И ЕГО ФОРМИРОВАНИЕ

Антропологический тип башкир привлёк внимание исследователей ещё в XIX в. Этому вопросу посвящали свои работы Н.М. Малиев, П.С. Назаров, Д.П. Никольский, А.Н. Абрамов¹ и др., которые подчёркивали смешанное происхождение расового типа башкир и неоднородность их антропологического состава.

В 1916 г. публикуется фундаментальный труд С.И. Руденко "Башкиры: Опыт этнологической монографии", в которой автор на материалах измерений 1897 человек делает обстоятельное описание физического типа башкир и выделяет антропологические различия населения юго-западных, северо-западных и восточных районов Башкортостана. Основные выводы дополнены серией фотографий наиболее ярких представителей территориальных групп башкир. Отсутствие в то время чёткой расовой классификации народов России не позволило С.И. Руденко отнести физический тип башкир к той или иной расе².

В 1963—1965, 1967 гг. этот пробел был восполнен экспедициями Института антропологии МГУ под руководством М.С. Акимовой. Было изучено 1250 башкир на территории Башкортостана и Челябинской области. Кроме соматологической программы (рост, вес, цвет волос, кожи, глаз, форма лица и др.), исследовалась кровь по стандартным международным групповым системам (ABO, MN, резус-фактор), брались отпечатки кожных узоров ладоней и пальцев.

М.С. Акимова впервые выделила среди башкир четыре антропологических типа: субуральский, южносибирский, светлый европеоидный и понтийский, — имеющих чёткую территориальную привязку (рис. 1). Субуральский тип чаще встречается у населения северных, северо-западных лесных районов, южносибирский тип — северо-

восточных и особенно зауральских. Признаки темнопигментированного понтийского типа фиксируются у башкир бассейна р. Дёма, а также юго-западных и горно-лесных районов. Автором были выдвинуты предположения о происхождении данных типов³.

Значительный вклад в разработку проблем антропологии башкирского народа внесла работа международной Советско-финляндской экспедиции 1983 г. под руководством заведующего отделом антропологии Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне Институт этнологии и этнической антропологии РАН) профессора А.А. Зубова. Были исследованы башкиры Стерлибашевского, Архангельского и Илишевского районов БАССР по соматологической, одонтологической, дерматоглифической, краниологической и серологической программам. В каждом районе было проведено антропологическое фотографирование более 300 мужчин и получены обобщенные фотопортреты (рис. 2). Был использован ультразвуковой метод определения толщины мягких тканей лица. Исследовались органы зрения. В результате был сделан вывод, что существенную роль в формировании антропологического состава башкирского народа сыграло древнейшее население края. Этот компонент, связанный с признаками уральской расы, принял участие в расогенезе не только башкир, но и финно-угорских и тюркских народов от Западной Сибири до Финляндии⁴.

Выделение четырёх расовых типов даёт широкие возможности для синхронного анализа и выяснения антропологического состава башкир в сравнении с окружающими народами. Однако происхождение расовых типов башкир невозможно представить без выхода на палеоантропологию древнего на-

Рис. 1. Антропологические типы (по Я.Я. Рогинскому и М.Г. Левину):
1 — уральский тип; 2 — южносибирский тип; 3 — понтийский тип; 4 — намиро-ферганский тип;
5 — светлый европеоидный тип.

Рис. 2. Обобщённые фотопортреты башкир:
1 — Архангельский район; 2 — Стерлибашевский район; 3 — Илишевский район.

селения через современную краниологию. Соматологические данные по живому населению исключают эту возможность.

В связи с этим в 1977—1987 гг. антропологическими экспедициями под руководством Р.М. Юсупова были проведены широкомаштабные работы по сбору краниологических материалов XVIII—начала XX вв. на территории Башкортостана, Пермской и Челябинской областей. Полученные материалы характеризуют почти все этнографические группы башкир и представлены 14 краниологическими сериями, включающими более тысячи мужских и женских черепов⁵.

Анализ материала позволил выделить четыре краниологических комплекса. В отличие от соматологических краниологические материалы показали относительную гомогенность популяции башкир, что может свидетельствовать о процессе антропологической консолидации народа, которая совпадает по направлению с этнической интеграцией, но, будучи явлением биологического порядка, отстаёт от неё в своих темпах. Женщины оказались более однородными в отличие от мужчин, для которых характерна многокомпонентность антропологического состава. В регионе выявлено несколько направлений расогенетических связей. Одно из них — юго-восточное, включающее связи с тюркоязычными хакасами, шорцами, казахами, киргизами и уграми Западной Сибири. Это характерно для северо-восточных и зауральских башкир. У северо-западных и несколько слабее у юго-западных групп заметно большее влияние краниологического типа финнов и тюрков

Поволжья и Прикамья, обнаруживается наибольшая связь с чувашами. Серии женских черепов близки в основном краниологическим материалам финнов и тюрков Волго-Камья и отчасти угров Западной Сибири, т. е. народов уральской расы.

Таким образом, можно сказать, что в северо-западных и северных лесных районах Башкортостана процессы расогенеза протекали при активном участии уральской и светлой европеоидной рас, а в Зауралье, юго-восточных, южных и горно-лесных районах — южносибирской расы и европеоидов южного происхождения (рис. 3).

Каково происхождение этих расовых типов, какова их роль в этно- и расогенезе башкир? На эти вопросы в какой-то степени позволяет ответить ретроспективный анализ серий черепов VII в. до н.э.—XX в. н.э.

Поэтапный сравнительный анализ палеоантропологических материалов, датируемых с VII в. до н.э. по XIII—XIV вв. н.э., с современными сериями черепов позволяет говорить, что наиболее древними среди башкир можно считать представителей уральской и понтийской рас, биологические предки которых осели в регионе ещё до рубежа н.э.

Комплекс признаков уральской расы фиксируется ещё на черепах населения пьяноборской культуры, существовавшей в низовьях р. Белая и ср. течении р. Кама с III в. до н.э. по II в. н.э. Языковеды считают их финно-уграми. Характерные для пьяноборцев признаки (небольшие размеры черепа, относительно низкое среднеширокое лицо, низкое переносье, светлая пигментация) доволь-

но чётко прослеживаются на черепах последующего времени у населения бахмутинской культуры V—VIII вв. н.э. (Бирский могильник) и современных башкир северных, северо-западных районов Башкортостана. Этот же комплекс признаков составил основу расового типа удмуртов, марийцев, чувашей, части татар⁶.

Не менее древним представляется время проникновения на территорию современного Башкортостана населения, характеризующегося признаками темнопигментированного или понтийского типа южного происхождения. Есть основания считать, что эти признаки были характерны для савромато-сарматских племён Южного Урала с VII в. до н.э. по IV в. н.э. Палеоантропологические материалы, полученные из Альмухаметовских, Старо-Кишкинских, Ново-Мурапталовских курганов Башкортостана, а также из Филипповских курганов Оренбургской области, показали единство расового типа сарматов и савроматов Южного Урала, генетические корни которого уходят в районы Приаралья. Притяньшанья в среду сако-усуньских племён. Черепа (два мужских и один женский) из Филипповских курганов отправлены в Москву в лабораторию пластической антропологической реконструкции для восстановления внешнего облика сарматов IV в. до н.э.

В целом, для сарматов был характерен резко выраженный европеоидный комплекс признаков с небольшой монголоидной примесью алтайского происхождения. Характерные признаки этого типа (довольно крупные размеры черепа, резко выступающие носовые кости, средневысокое, умеренно широкое лицо) в той или иной степени проявляются у населения конца I тыс. н.э., представленного сериями черепов из Бекешевских курганов, а также у современных башкир южных, юго-восточных, горно-лесных районов.

На фоне этих расовых типов комплекс признаков смешанной монголоидно-европеоидной южносибирской расы в антропологическом составе башкир имеет довольно позднее происхождение. Его можно связать с кочевниками IX—XII вв., оставившими на северо-востоке Башкортостана Муракаевские, Старо-Халиловские, Мрясимовские курганы, и отчасти с кыпчаками XIII—XIV вв., входившими в состав Золотой Орды. До рубежа I и II тыс. н.э. этот тип на территории Южного Урала не фиксируется. Характерные признаки южносибирского типа (широкое, высокое, несколько уплощенное лицо, менее выра-

женный нижний край носовых костей (угол выступления), наличие эпикантуса, тёмная пигментация, прямые жёсткие волосы) чаще встречаются среди зауральских, восточных и юго-восточных башкир. На антропологической карте Средней Азии и Казахстана он наиболее широко распространён среди казахов, киргизов и части алтайцев. В отличие от этих народов у башкир в основе южносибирского расового типа преобладает европеоидный компонент.

Диахронный анализ современных и древних черепов позволяет сказать, что описанные расовые типы в антропологическом составе башкир имеют не только чёткую территориальную локализацию, но и свой исторический возраст, т. е. время их появления и оседания на Южном Урале. Это было связано с тем или иным конкретным этносом, который не исчезал, а становился субстратным компонентом последующих этнических процессов. В материальной культуре, языке современных башкир, топонимии края этнографы и языковеды фиксируют, кроме общетюркского, финно-угорские и индоиранские элементы. Интересно, что ареалы распространения финно-угорских топонимов совпадают с ареалом уральской расы, а индоиранских — с понтийским типом. Это лишнее раз указывает на многокомпонентность антропологического состава и сложность этнической истории башкир. В связи с этим возникают вопросы: с какого периода начинается этническая история башкир на Южном Урале? Были ли они пришлым или автохтонным населением? Кого считать предками башкир?

Обратимся вновь к палеоантропологическим материалам. Из всей совокупности материалов серии черепов современных башкир обнаруживают наибольшее морфологическое сходство с черепами VII—IX вв. н.э. из Бекешевских курганов караякуповской культуры. Если субстратный компонент, связанный с сармато-аланами, проявляется в расовом типе башкир южных, юго-восточных и горно-лесных районов, а финно-угорский — северо-западных, северо-восточных и северных районов, то антропологические особенности расового типа кочевников VII—IX вв. присутствуют практически во всех изученных группах современных башкир. Бекешевская серия черепов европеоидна почти по всем параметрам и имеет небольшую монголоидную примесь. Похоже, что эта группа населения, появившаяся на

Южном Урале уже в смешанном виде, получила широкое распространение и довольно быстро установила контакты с местным населением. Об этом говорит сходство серии черепов из Бекешевских курганов как с материалами из Бирского могильника (население северных лесных районов VII—VIII вв.), так и с черепами кочевников IX—XI вв. с северо-востока Башкортостана. С сарматами у бекешевцев обнаруживается общность происхождения европеоидного компонента, уходящего своими корнями в сако-усуньский мир Приаралья и Семиречья. Серия черепов из Бекешево оказывается наиболее близкой к черепакам саков и усуней тех же районов, что указывает на истоки и пришлый характер караякуповцев. Миграция их на Южный Урал, видимо, была массовой, т. к. до их появления антропологические различия между населением леса и степи, локальных групп археологических культур чётко прослеживались, а после IX—XI вв. они сглаживаются, происходит нивелировка расовых типов почти по всей территории региона⁷.

Полученная картина может свидетельствовать о том, что к концу I тыс. н.э. в регионе постепенно начинают смыкаться языковые, культурные, антропологические характеристики носителей этногенетического заряда, и с этого времени этнические и расогенетические процессы начинают развиваться в одном направлении — формировании будущего этноса. Не будет преувеличением считать I тыс. н.э. началом этнической истории народа на Южном Урале, а кочевников VII—IX вв. — этническими предками башкир. Именно в этот период закладываются их основные расовые, а возможно, и этнические характеристики; не случайно в древних письменных источниках IX—X вв. башкиры фиксируются как самостоятельный народ⁸.

Сравнение серий черепов современных башкир с материалами XIII—XIV вв. с территории Башкортостана и данными по кыпчакам XIII—XIV вв. бассейна р. Урал в Оренбургской области показало, что к началу монгольских завоеваний происходит стабилизация антропологической картины в регионе, которая без резких изменений прослеживается и в настоящее время.

Серия черепов кыпчаков, с одной стороны, оказалась неоднородной по антропологическому составу, а с другой — довольно резко отличается как от синхронных материалов с территории Башкортостана (могильники Ильчигулово, Сынтыш-Тамак), так и от дан-

ных по современным башкирам. В то же время они очень близки к кыпчакам Центрального Казахстана и современным казахам.

Следы проникновения и взаимодействия башкир с кыпчаками проявляются в зауральских и юго-восточных районах Башкортостана, где в физическом облике современного башкирского населения чётко прослеживаются черты южносибирского типа. Однако даже в этих районах в антропологическом типе башкир сохранился домонгольский субстратный компонент европеоидного происхождения, восходящий к рубежу н.э. В политическом, культурном, языковом отношении кыпчаки несомненно сыграли важную роль в этнических процессах региона, но это не сопровождалось их массовым притоком, активным биологическим смешением и оседанием в среде местного населения. Поэтому можно сказать, что монголоидный компонент, связанный с кыпчаками XIII—XIV вв., не оказал ощутимого влияния на расогенез башкир⁹.

Роль кыпчаков в расогенетических процессах, похоже, не выходила за пределы Дешт-и-Кыпчака, т. к. наибольшее распространение южносибирского типа приходится на просторы Великого пояса степей. На территории Центрального Казахстана кыпчакский компонент в XIII—XIV вв. оказался доминирующим фактором не только в этногенезе, но и в расогенезе современных казахов, что не противоречит выводам и казахских антропологов¹⁰.

Из изложенного вытекает, что расогенетические процессы на территории расселения башкир рубежа I—II тыс. н.э. протекали относительно самостоятельно на основе того антропологического типа, который к IX—X вв. н.э. уже сложился и получил широкое распространение в регионе. Расовый состав башкир не претерпел резких изменений и в период монгольского нашествия. К моменту первых походов Чингисхана башкиры, видимо, представляли собой самостоятельный этнос — мощный военно-политический союз племён, известный у окружающих народов под этнонимом “башкорт” с чётко определёнными границами расселения, своей культурой и установившимся антропологическим составом. Существенные различия черепов XIII—XIV вв. с бассейна р. Урал и современных башкир позволяют говорить, что р. Урал в тот период была не только водоразделом между степями, но и, возможно, пограничным рубежом между башкирами и Золотой Ордой. Это, в свою очередь, даёт материал

1

1

2

3

4

4

5

5

Рис. 3. Антропологические типы башкир:
 1 — субуральский тип; 2 — южносибирский тип; 3 — светлый европеоидный тип; 4 — понтийский тип;
 5 — смешанный урало-понтийский тип.

для размышления о военно-политическом статусе страны башкир в период монгольских завоеваний и повод для постановки вопроса: “Была ли она завоёвана монголами?”¹¹

Таким образом, анализ современных и древних серий черепов показывает, что расовый состав современных башкир отражает основные этапы формирования их антропологических типов. Основными компонентами антропологического состава населения Южного Урала, сложившегося в результате длительной и неоднократной метисации пришлого и местного населения в последние 3,5 тыс. лет, явились представители местной уральской расы и пришлого понтийского, светлого европеоидного, южносибирского, памиро-ферганского и других антропологических типов (рис. 1, 3). С каждым из этих типов связаны конкретные периоды в истории края, которые можно выделить как индоиранский, финно-угорский, тюркский и золотоордынский.

Индоиранский период, длившийся более тысячелетия в степной и лесостепной полосе Южного Урала, был связан с темнопигментированным понтийским типом, представленным савроматами и сармато-аланами, которые являются очень далёкими, если не этническими, то биологическими предками башкир. С финно-угорским периодом, примерно синхронным с индоиранским, связан местный по происхождению комплекс признаков уральской расы. Более поздним по времени является тюркский период, который продолжается и в настоящее время. Благодаря тюркским кочевникам антропологическая картина Южного Урала пополнилась носителями южносибирского и памиро-ферганского типов. Наличие всех этих типов, имеющих разный исторический возраст в антропологическом составе современных башкир, указывает на непрерывность расогенетических процессов в регионе и дискретность этнических. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на неоднократную смену языков и культур, полной смены населения не происходило, что в свою очередь указывает на неоднозначность процессов расогенеза и этногенеза башкирского народа.

С биологической точки зрения более стабильными во времени являются расогенетические процессы. Из основных характеристик этноса — язык, культура, расовый тип — первые два в отличие от физического типа более подвержены изменениям во времени, а антропологические особенности даже в

случаях метисации сохраняются и передаются из поколения в поколение, что даёт возможность их реконструировать.

В связи с этим возникает вопрос: “Кого считать предками башкир?” Выше было показано, что данные по современным башкирам из имеющегося палеоантропологического материала оказались наиболее близки к серии черепов VII—IX вв. караякуповской культуры. Видимо, они и явились ядром формирующейся народности и сыграли этнообразующую роль на Южном Урале в конце I тыс. н.э. Их можно считать ближайшими этническими предками, но расовый состав и расогенез башкир обнаруживает более глубокие корни в лице представителей уральского и понтийского антропологического типов, которые были расселены на Южном Урале ещё до рубежа н.э., т. е. задолго до тюркизации края. Следовательно, они являются если не этническими, то тюркизированными биологическими предками народа, и их невозможно исключить из процесса расогенеза современных башкир. Поэтому, рассматривая этническую историю и расогенез башкир на Южном Урале, лучше говорить о тюркском этапе в истории края, которому предшествовали индоиранский и финно-угорский, что отразилось в появлении одноимённых теорий происхождения народа.

Все эти теории, казалось бы, взаимоисключают друг друга, но если их рассматривать с расогенетической точки зрения, то они отражают историческую реальность как взаимосвязанные между собой этапы в развитии этнических процессов на Южном Урале, так или иначе затрагивающие истории происхождения и формирования антропологического состава башкирского народа.

Вышеизложенное позволяет говорить об антропологических комплексах, исторически сложившихся на территории Южного Урала на разных этапах его заселения и составивших основу расового состава современных башкир. В настоящее время сочетание в лице одного этноса нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение, является конечным результатом сложных расогенетических процессов, протекавших в регионе с глубокой древности до современности (рис. 4—7).

Расогенез — длительный историко-биологический процесс формирования на конкретной географической территории комплекса расовых признаков, происходящий под воздействием природно-климатических факторов

Рис. 4. Антропологические типы юго-восточных башкир.

и сопровождающийся выработкой адаптивно-приспособительных признаков. В этнической антропологии при изучении расогенетических процессов учитываются также факторы миграции, метисации, эпохальной изменчивости, географической изоляции и т. д.

Южный Урал уже в эпоху бронзы предстает не как первичный очаг расообразования, а как территория, на которой пересекались исторические судьбы многих этнических образований со сложившимися расовыми типами. Формирование антропологического состава населения происходило здесь под воздействием таких социально обусловленных факторов, как миграция и метисация. Результат этих процессов представлен в настоящее время сочетанием в физическом типе башкирского народа нескольких расовых типов, имеющих самостоятельное происхождение и свой "исторический возраст".

Необходимо подчеркнуть, что эпоха бронзы не рассматривается как начало этнической истории башкир — речь идет лишь об определении исторического возраста имеющегося в их составе того или иного расового типа, выступающего одним из компонентов в общей антропологической характеристике народа.

Этническая история народа, видимо, начинается с того момента, когда в конкретный исторический период в регионе начинают смыкаться языковые, культурные и антропологические характеристики носителей этногенетического заряда, в результате чего расогенетические и этнические процессы протекают в дальнейшем в одном направлении — формировании будущего этноса со всеми его характеристиками. Не будет преувеличением сказать, что расогенетические корни башкир в регионе уходят в очень древние антропологические пласты предшествующего им населения, которое может рассматриваться не только как один из физических предков народа, но и как компонент в его этнической истории.

Для систематизации огромного палеоантропологического материала, представленного в археологических памятниках Южного Урала и охватывающего более чем 3,5 тыс. лет, представляется удобной периодизация с позиции археологической культурологии, не идентичной этнической археологии. Исследователи также пользуются периодизацией, в основе которой лежит языковая принадлежность проживавших здесь народов: индоиранский (шире — индоевропейский), финно-угорский и тюркский.

Рис. 5. Антропологический тип северо-восточных башкир.

Население эпохи бронзы (II—начало I тыс. до н.э.) условно можно считать исходным антропологическим пластом, т. к. сегодня в распоряжении исследователей нет данных по более древнему населению края. Имеющийся материал характеризует в основном срубную историко-культурную общность, следы которой довольно чётко фиксируются на территории Южного Урала на протяжении пяти веков (XVII—XII вв. до н.э.). Это серии черепов из могильников Старые и Новые Ябалаклы, Чишмы и Петряево (бассейн р. Дёма); Акназарово, Качкиново и Санзяпово (южный Башкортостан); Ново-Баскаково и Тартышево (северо-западный Башкортостан)¹².

Результаты исследований показали, что характерной антропологической чертой населения эпохи бронзы являлся матуризованный, резко выраженный европеоидный комплекс признаков. Монголоидная примесь не была обнаружена ни на одном черепе.

В расовом отношении население Южного Урала во II тыс. до н.э. было неоднородным и состояло из древних северных и южных протоевропеоидов. В центральных и северо-западных районах Башкортостана наиболее распространённым был северный протоевропейский (или “кроманьонный” в широком смысле слова) тип: массивный череп с низкими орбитами, широким лицом, резко выступающими носовыми костями. Происхождение этого типа связывается с родственным населением Среднего и Нижнего Поволжья (установлена генетическая связь срубников с полтавкинцами). Из всего срубного населения Восточной Европы южноуральские срубники были наиболее массивными и имели самые широкие лица¹³.

На материалах южных лесостепных и степных районов современного Башкорто-

Рис. 6. Антропологический тип юго-западных башкир.

стана прослеживается также и краниологический тип южных европеоидов, представленный одним из вариантов древней восточно-средиземноморской расы. Отличительные его черты — длинноголовость, относительная грациальность черепа, узкое, высокое лицо, более резкая профилированность лицевого скелета, сильно выступающие носовые кости. Своим происхождением этот тип связан с древними индоиранцами южных районов Туркмении, Казахстана и Ирана. Не исключена его метисация с андроновцами Казахстана. Ещё Г.Ф. Дебец обратил внимание, что черепа эпохи бронзы из Западного Казахстана отличаются от классических андроновцев более грациальной формой черепной коробки, а черепа населения андроновской культуры, найденные под г. Актюбинск, были отнесены в своё время В.В. Гинзбургом к средиземноморскому типу¹⁴.

Если наличие данного антропологического типа среди срубного населения Башкортостана подтвердится в будущем на более представительном материале, то это будет иметь принципиальное значение, ибо станет очевидно, что расогенетические процессы на Южном Урале в эпоху бронзы протекали под влиянием как западных, так и южных групп европеоидов. Материалы Петряевского и особенно Акназаровского и Санзяповского могильников, содержащие черепа с признаками северной протоевропейской и средиземноморской рас, позволяют заключить, что в эпоху бронзы расогенетические процессы на Южном Урале определялись факторами миграции и метисации европеоидных групп населения. Антропологические находки из памятников срубной культуры обрываются XII в. до н.э, поэтому пока не представляется возможным говорить о дальнейшей судьбе древних индоевропейцев в регионе и

Рис. 7. Антропологический тип северо-западных башкир.

тем более об их роли в этно- и расогенетических процессах, происходивших в последующее время.

Развитие Южного Урала в эпоху раннего железа (VIII в. до н.э.—IV в. н.э.) протекало в основном под сильным давлением кочевников из юго-восточных и южных регионов. К этому времени в степях Казахстана в результате грациализации андроновского типа, а также его смешения с монголоидными группами, древними средиземноморцами и др. происходит формирование южносибирской расы и расы среднеазиатского Междуречья.

В VIII в. до н.э. на Южном Урале появляются кочевые группы — носители савроматской культуры. На археологическом материале прослеживается взаимосвязь населения эпохи бронзы и раннего железного века¹⁵. Однако краниологический материал (например, из Альмухаметовского курганного могильника) не выявил прямых расогенетических связей южноуральских савроматов с предшествующим населением эпохи бронзы. Не обнаружено близких им аналогий и в районах Среднего и Нижнего Поволжья¹⁶.

На савроматском этапе впервые на Южном Урале начинает фиксироваться небольшая монголоидная примесь: увеличивается ширина лицевого скелета, происходит некоторое его уплощение. В какой-то степени это может указывать на усиление в этот период восточных связей населения региона. Действительно, сравнительный анализ черепов показал большую близость савроматов Башкортостана по расовому типу к сако-усуньскому миру Приаралья, Семиречья и Восточного Казахстана. Из предшествующего населения эпохи бронзы южноуральским савроматам более близки андроновцы Казахстана, нежели местные срубники. В целом,

по комплексу признаков савроматы Башкортостана обнаруживают морфологическое сходство, как уже отмечалось, с сако-усуньскими группами и особенно с саками Приаралья VII—V вв. до н.э.¹⁷

На этом этапе в расогенетических процессах существенную роль сыграл также миграционный фактор. Антропологический тип савроматов, вероятнее всего, сложился вне Южно-Уральского региона. Типологически он восходит к грациализированному андроновскому варианту, смешанному с “уралоидными” расовыми типами Алтае-Саянского нагорья. Наиболее активно процесс смешения происходил в среде саков и усуней, в которой начинает формироваться комплекс признаков расы среднеазиатского Междуречья.

Таким образом, можно сказать, что этот этап расогенеза на Южном Урале характеризуется почти полным отсутствием генетических связей савроматов с местным населением эпохи бронзы, определяется юго-восточными связями и активным проникновением и оседанием в регионе кочевых групп, вышедших из среды саков и усуней. Отсюда можно предположить, что индоевропейская и, в частности, индоиранская общность к первой половине I тыс. до н.э. в расовом отношении состояла не только из протоевропеоидов и древних средиземноморцев, но и групп смешанного происхождения с монголоидным компонентом алтайского и притяньшаньского происхождения.

Юго-восточные связи лесостепного и степного населения Южного Урала сохраняются и в последующее время — у населения сарматской культуры на раннем её этапе (рис. 8). В формировании ранних сарматов в регионе основную роль сыграли два направления генетических связей: с предшествующим савроматским населением и родственными группами из соседних регионов.

Таксономически важные признаки лицевого скелета савроматов — степень профилированности, скуловой диаметр, высота лица и орбит, строение переносья — в основном повторяются на сарматских черепах из могильников Старые Кишки и Ново-Мурапталово. В свою очередь, раннесарматские черепа из разных могильников оказываются типологически очень близки друг другу. Более того, по большинству признаков сходство доходит до идентичности. При этом в расовом типе ранних сарматов по сравнению с савроматами происходит дальнейшее накопление признаков восточного расового ствола.

Рис. 8. Антропологический тип населения лесной полосы Южного Урала на рубеже н.э. Пьяноборская культура. Реконструкция Г.В. Лебединской.

Таким образом, можно констатировать местное развитие раннесарматского населения на основе савроматского, происшедшее на фоне непрекращающихся контактов с родственными группами из Приаралья и Семиречья. Территориальная изменчивость антропологических признаков на Южном Урале в VII—II вв. до н.э. указывает на относительную стабилизацию расового состава сарматского населения с его постепенным расселением на север до границ леса.

Население пьяноборской культуры лесной полосы Южного Урала на рубеже н.э. продолжает сохранять в своём генотипе комплекс признаков несколько сглаженного европеоидного антропологического пласта, отличающегося своим происхождением от сарматского населения лесостепей и степей Башкортостана (рис. 9). Если физический тип населения пьяноборской культуры характеризовался как один из вариантов местной уральской расы, широко распространённой среди населения лесной полосы Волго-Камья и Приуралья, то сарматские черепа по своему типу имеют южное и юго-восточное происхождение¹⁸.

К рубежу и в первые века н.э. в среде сарматского населения происходит дальнейшее наслоение монголоидной примеси и некоторое изменение антропологического типа. На среднесарматском этапе черепная коробка сужается и удлиняется; сужается и несколько увеличивается высота лицевого скелета; уменьшается угол выступаания носовых костей и профилированность лицевого скелета на уровне зигмаксиллярных точек, что указывает на метисное происхождение данного комплекса признаков, но с иными компонентами, чем те, которые участвовали в формировании ранних сарматов Приаралья. В первые века н.э. происходит проникнове-

ние на Южный Урал длинноголового, узковысоколицевого типа южного происхождения, типологически близкого к одному из вариантов средиземноморской расы. С ними, видимо, связано происхождение обычая искусственного деформирования черепной коробки наложением различного рода повязок в раннем детстве. В этот же период фиксируется начало взаимодействия сарматов с населением лесной полосы Урала. По целому ряду признаков черепа из Уметбаевского могильника (средний этап сарматской культуры) занимают промежуточное положение между черепами ранних сарматов (Ново-Муртапалово, Старые Киишки) и местного полукочевого населения карабызской культуры (Биктимировский и Охлебининский могильники) (рис. 10). Причем по ряду признаков сарматы среднего этапа оказываются более близкими к населению карабызской культуры¹⁹. Сопоставление «уметбаевских» черепов с материалами оседлого лесного населения пьяноборской культуры (Камышлы-Тамакский могильник) даёт большие различия, что исключает их прямые генетические контакты. Отсюда можно предположить, что расогенетические процессы в лесной и лесостепной зоне в первые века н.э. протекали самостоятельно, а метисной зоной между оседлым и кочевым населением являлась территория населения карабызской культуры.

На поздних этапах сарматской культуры параллельно с широким распространением искусственной деформации черепов прослеживается дальнейшее накопление монголоидной примеси. Основа антропологического типа сарматов остаётся прежней — смешанной с преобладанием европеоидного компонента, истоки которого связаны, с одной стороны, с местным сарматским населением, с другой — с древним населением Приаралья и Средней Азии. На последнее указывает гиперморфность черепов, заметное увеличение длины черепной коробки.

Рис. 9. Антропологический тип населения степной части Южного Урала в VII в. до н.э. Гумаровский могильник. Реконструкция Т.С. Балуховой.

Рис. 10. Антропологический тип населения Южного Урала в III—II вв. до н.э. Могильник Старые Кишки. Реконструкция Г.В. Лебединской.

В целом для населения Башкортостана на всём протяжении существования сарматской культуры характерен смешанный тип, приближающийся к нерезко выраженной расе среднеазиатского междуречья и одному из вариантов средиземноморской расы.

Небольшая монголоидная примесь впервые появляется в регионе, как уже отмечалось, вместе с расовым типом савроматов и постепенно нарастает до первых веков н.э.

Большую роль в расогенетических процессах на Южном Урале сыграли наметившиеся в эпоху бронзы южные связи с районами Приаралья. Эти связи, видимо, сохранились на всём протяжении существования сарматской культуры и определили, в конечном счёте, культурный и антропологический облик населения лесостепной и степной части Южного Урала. Расогенетическая связь между населением эпохи бронзы и раннего железа прерывается в истории края на рубеже II и I тыс. до н.э.

Таким образом, в эпоху раннего железа на севере и юге современного Башкортостана, т. е. в лесной и лесостепной полосах, расогенетические процессы протекали относительно самостоятельно. Оседлое население леса развивалось на базе местных культур, носители которых характеризовались комплексом признаков уральской расы; кочевое население юга — на базе формирующейся расы среднеазиатского Междуречья с урал-алтайской примесью (того антропологического типа, который был внесён в регион ещё савроматами). На протяжении VII в. до н.э. — IV в. н.э. процессы расогенеза в регионе не прерывались и определялись факторами миграции, метисации и относительной изоляции. Действие последнего фактора больше проявляется в антропологическом типе оседлого населения лесной полосы Южного Урала.

В истории Южного Урала наиболее насыщенной миграционными и метисационными процессами является эпоха средневековья. Однако, как и в предыдущее время, для южных лесостепных и степных районов была более характерна мобильность населения, а в лесной полосе расогенетические процессы протекали относительно стабильно на прежней антропологической основе.

Так, расовый тип населения пьяноборской культуры без резких изменений прослеживается и в составе населения бахмутинской культуры. В этих районах сохраняется в основном прежний комплекс признаков, характерный для уральской расы. Можно отметить, что расогенез оседлого населения севера Башкортостана в I тыс. н.э. в целом протекал в условиях относительной изоляции и эндогамности по отношению к кочевым группам степи и лесостепи, что, видимо, было связано с этноязыковыми различиями, а также с различиями в мировоззрении.

Существенные изменения в этнокультурной и языковой ситуации в крае происходят, судя по археологическим и другим историческим материалам, во второй половине I тыс. н.э., когда на историческую арену всё более активно начинают вступать тюркоязычные кочевники. К этому времени образовались обширные союзы тюркоязычных племён, охватившие огромную территорию от Алтая до степей Южного Поволжья и Подонья. Одним из них был Западно-Тюркский каганат, вобравший в себя самые разные племена. В восточно-казахстанских степях, Прииртышье и Притоболье кочевали кимаки, в Семиречье и на Тянь-Шане — карлуки, в Западном Казахстане и Приуралье — кыпчаки и др.

Изучение и осмысление исторических фактов этого времени на базе археологических, этнографических и языковедческих материалов имеет принципиальное значение для выяснения этногенеза и этнической истории башкирского народа. Ценную информацию о генезисе расовых типов средневековых кочевников и их роли в формировании антропологического состава современных башкир содержат палеоантропологические данные.

К настоящему времени опубликованы антропологические материалы бахмутинской культуры III—VII вв. н.э. из Бирского могильника, кушнаренковско-караякуповской культуры III—IX вв. н.э. из Кушнаренковского могильника и Бекешевских курганов, а также данные по кочевникам Южного

Урала IX—XII вв. н.э. из Старо-Халиловского, Старо-Мусинского, Мрясимовского, Манянского и других могильников, расположенных на северо-востоке Башкортостана²⁰. Значительный интерес вызывают материалы по кочевникам золотоордынского времени (XIII—XIV вв.), принадлежащие, по мнению археологов, кыпчакам. Они получены, в основном, с бассейна р. Урал из курганных могильников Урта-Буртя, Линёвка, Хабаровый, Озерново и с территории Башкортостана из Сынтыш-Тамакского (Благоварский р-н РБ) и Ильчигуловского (бассейн р. Дёма) могильников²¹.

Сравнительный анализ материалов из лесной и лесостепной частей Башкортостана показывает неоднородность населения в III—IX вв. н.э. Расогенетические процессы на севере протекали в этот период относительно стабильно на базе антропологического пласта, связанного с предшествующим финно-угорским населением, в расовом типе которого преобладали различные варианты уральской расы. Богатый палеоантропологический материал содержат опорные памятники этого времени — Бирский (бахмутинская культура) и Камышлы-Тамакский (пьяноборская культура) могильники²². Бирская серия черепов (38 мужских и 26 женских) по всему комплексу признаков не выходит за пределы вариации антропологического типа населения Волго-Камья и лесной полосы Башкортостана. Для мужчин характерно сочетание средних размеров лицевого скелета с мезокранной формой черепа; лицо с умеренно выступающими носовыми костями, на обоих уровнях горизонтальной плоскости среднепрофилировано. В целом, серия укладывается в рамки характеристики европеоидных популяций. Величины отдельных признаков говорят о наличии монголоидной примеси в составе бахмутинцев²³.

Сопоставление “бирских” черепов с “камышлы-тамакскими” показало небольшие различия между этими сериями; но морфологически они близки, что говорит об их антропологической преемственности. Черепа у бахмутинцев несколько короче, лицо чуть шире, выше; лицевой скелет менее профилирован, при этом носовые кости выступают сильнее. Эти данные говорят о взаимодействии бахмутинцев с пришлыми группами населения, что особенно чётко проследивается по материалам, относящимся к позднему этапу развития бахмутинской культуры. Усиление европеоидных черт в VII—VIII вв.

(лицевой скелет становится уже, более профилированным, резче выступают носовые кости) позволяет предположить контактирование бахмутинцев с пришлыми группами южного происхождения. Однако эти связи, видимо, были не столь значительны, т. к. к VIII в. н.э. на севере продолжает сохраняться комплекс признаков уральской расы, уходящий корнями в антропологические пласты населения лесной полосы рубежа н.э.

Для выяснения происхождения европеоидного компонента в составе населения северного Башкортостана в VII—VIII вв. н.э. были рассмотрены серии черепов из Кушнаренковского (III—IX вв.) и Бекешевского (VII—IX вв.) могильников, относящихся к кушнаренковско-караякуповской культуре²⁴. “Кушнаренковские” черепа имеют резко выраженный европеоидный комплекс признаков. На трёх из 12 черепов имеются следы искусственной лобно-затылочной деформации, на одном — теменной. Для мужских черепов характерна долюкранная форма черепной коробки при средних размерах ширины и высоты. Лоб среднеширокий, умеренно наклонный, лицевой скелет средних размеров, в вертикальной плоскости — ортогнатный (на “бирских” черепах довольно часто встречались прогнатные черепа), на обоих уровнях горизонтальной плоскости лицевой скелет резко профилирован. Это хорошо заметно на всех без исключения черепах, у кушнаренковцев также наблюдаются высокие переносья с резко выступающими носовыми костями²⁵.

По всем этим параметрам “кушнаренковские” черепа резко отличаются от черепов населения бахмутинской и пьяноборской культур. М.С. Акимова справедливо полагала, что кушнаренковцы вообще не вступали в связь с местным населением, т. к. их расогенетические связи уходят за пределы Южного Урала. Сопоставление южноуральского материала с данными по соседним регионам позволяет утверждать, что происхождение кушнаренковцев больше связано с населением юга (по многим признакам лицевого скелета и черепной коробки близкими к ним оказываются черепа из Верхне-Салтовского могильника). Суммарный анализ также исключает генетическое родство и следы биологического взаимодействия кушнаренковцев с населением Южного Урала. Кушнаренковцы — единственная средневековая группа, которая резко отличается от остального населения. Например, суммарный анализ 19 при-

знаков, проведённый по методу Пенроза-Кнуссмана, показывает, что коэффициенты обобщённых расстояний во всех случаях превышают 1,0; с черепами из Бирского могильника коэффициент составляет 1,02, из Старых Кишков — 1,457, что вообще исключает их связь с предшествующим населением эпохи раннего железа. Также велико расстояние между кушнаренковцами и населением VII—IX вв. из Бекешевских курганов (коэффициент достигает 1,165), кочевниками IX—XII вв. с северо-востока Башкортостана (1,280) и кыпчаками (2,598)²⁶.

Таким образом, результаты анализа показывают, что население, оставившее Кушнаренковский могильник, — пришлое и имеет, скорее всего, южное происхождение. Кушнаренковцы генетически не связаны с предшествующим населением Южного Урала, и их участие в расогенетических процессах в крае в последующее время не прослеживается.

Более ясным представляется место в истории Южного Урала кочевых групп населения IX—XII вв. с северо-востока Башкортостана и более ранних кочевников из Бекешевских курганов.

Серия черепов кочевников IX—XII вв. сборная, составлена из материалов Манякского (VII—IX вв.), Каранаевского (IX—X вв.), Мрясимовского (XI—XII вв.), Муракаевского (X—XI вв.), Старо-Халиловского (IX—X вв.), Старо-Мусинского (IX—X вв.), Сынтыш-Тамакского (XIII—XIV вв.) могильников. Исследованные М.С. Акимовой и её ученицей С.Г. Ефимовой черепа по многим параметрам близки между собой (высота лица и переносья, угол носа, некоторые размеры черепной коробки), что позволило объединить их в одну сборную серию²⁷.

Сопоставление сборной серии черепов кочевников Башкортостана IX—XII вв. с другими средневековыми материалами Приуралья, проведённое С.Г. Ефимовой на основе расстояний D^2 (по Махаланобису) и построенных дендрограмм, показало неоднородность населения края. Все местные серии черепов (население пьяноборской и бахмутинской культур) показывают очень тесные связи между собой; все пришлые группы обособились в отдельный кластер. Метод D^2 подтвердил сходство европеоидного краниологического типа Кушнаренковского и Верхне-Салтовского могильников. Кочевники IX—XII вв. также объединялись в самостоятельный кластер. По суммарным данным черепа кочевников северо-востока Башкортостана

оказались относительно близкими к черепам из Бекешево (0,341) и очень близкими к краниологической серии XIII—XIV вв. из Сынтыш-Тамакского могильника (0,194), что может указать на процессы взаимодействия кочевников с местным населением и на их участие в расогенетических процессах в более позднее время²⁸.

Судя по археологическим данным, кочевники IX—XII вв. северо-востока Башкортостана являются пришлым населением, связанным своим происхождением с тюркскими кочевниками Зауралья и Алтая. Антропологически они близки с кочевым населением Казахстана и Южной Сибири VII—X вв. Краниологические признаки кочевников тюркского времени Алтая, Казахстана также находят аналогии и в среде кочевников Южного Урала. Типологически они относятся к краниологическому комплексу, имеющему непосредственное отношение к формированию южносибирской расы, которая довольно чётко представлена и среди башкир. Необходимо особо отметить, что за всю историю региона наибольшая доля монголоидного компонента у пришлых групп населения связана с кочевниками IX—XII вв.

Значительный интерес при изучении расогенеза башкир вызывает палеоантропологический материал из Бекешевских курганов. Серия черепов из этого могильника довольно однородна, в целом европеоидна, но имеет ряд признаков, указывающих на смешанный характер происхождения их антропологического типа. Черепная коробка у бекешевцев длинная, по указателю — мезодолихокранная, средневысокая. Лицевой скелет относительно узкий, средневысокий, но при этом отмечается тенденция к уплощённости лицевого скелета на обоих уровнях при средневыступающих носовых костях. Сочетание признаков таково, что позволяет говорить о типологической характеристике этих черепов. Как представляется, в формировании расового типа бекешевцев приняли участие два компонента: первый, преобладающий — тип среднеазиатского Междуречья, второй — один из вариантов уральской расы алтайского происхождения. Серия довольно резко отличается от черепов предшествующего населения, что указывает на пришлый характер этой группы кочевников. Суммарные расстояния, например, с кушнаренковцами составляют 1,165, с сарматами — 0,508. Необходимо подчеркнуть, что европеоидный компонент у бекешевцев и ранних

сарматов, видимо, имеет общее происхождение — по этому компоненту у них гораздо больше сходств, чем различий²⁹.

Опорных памятников золотоордынского периода (XIII—XIV вв.), за исключением Сынтыш-Тамакского могильника, на территории Башкортостана пока не обнаружено. Антропологические материалы этого времени, будь они в достаточном количестве, имели бы исключительный интерес, т. к. отражали бы, с одной стороны, физический тип населения края перед монгольским нашествием, а с другой, что не менее важно, его отношение к предшествующему населению VII—IX вв.

Монгольское нашествие, как известно, привело в движение огромные массы тюркского и нетюркского населения Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Волны этого многоликого и разноязычного потока, в авангарде которого были кыпчакские и кыпчакизированные племена Дешт-и-Кипчака, коснулись и Башкортостана, что позволило учёным говорить о кыпчакском периоде в этнической истории башкир. Следствием кыпчакской миграции явилось, по мнению этнографов, проникновение на территорию Южного Урала и дальнейшее развитие таких крупных родоплеменных подразделений, как казай, кыпчак, мин, табын. Активное проникновение различных кыпчакских диалектов в XIII—XIV вв. в башкирскую среду отразилось и в языке народа, который языковеды включают, наряду с татарским, в кыпчакско-булгарскую подгруппу тюркской группы языков.

Археологические памятники золотоордынского времени в виде однотипных захоронений под небольшими земляными или каменными насыпями, изученные в последнее время в бассейне р. Урал, дали интереснейший краниологический материал. Многие элементы погребального обряда кыпчаков Оренбуржья обнаруживают аналогии в среде половцев и кыпчаков Казахстана, Средней Азии, Южной Сибири, Поволжья и южнорусских степей. Это лишний раз говорит о том, что на бескрайних просторах Дешт-и-Кипчака тюркоязычные кочевники в лице кыпчакского племенного союза оказались доминирующей политической силой.

Таким образом, языковое и культурное воздействие на башкир кыпчаков, расселившихся в XIII—XIV вв. на территории Южного Урала, казалось бы, налицо. Но была ли миграция кыпчаков на территорию Башкортостана массовым явлением, чтобы ока-

зать существенное влияние на ход этнических процессов в регионе?

Для выяснения этого вопроса необходимо сравнить краниологические материалы кыпчакских памятников XIII—XIV вв. с территории современного Оренбуржья, а также синхронных им памятников, расположенных на территории Башкортостана на фоне материалов по всем этнографическим группам башкир.

По мнению исследователей, для кыпчаков был характерен комплекс признаков южносибирского расового типа, который в системе антропологических типов народов России считается по историческому возрасту относительно “молодым”. Следует отметить, что признаки южносибирской расы начинают проявляться на палеоантропологическом материале Казахстана и Семиречья ещё с рубежа н.э., а во II тыс. н.э. данный тип краниологически достаточно чётко прослеживается в Казахстане, Семиречье, а также в равнинной части Средней Азии. Предполагается, что формирование южносибирского расового типа происходило при активном участии древнего восточного протоевропейского андроновского типа, южных европеоидов и различных вариантов монголоидной расы³⁰. Классическими представителями этой расы в настоящее время являются киргизы, казахи, отчасти тюркоязычное население Алтая.

Анализ серий черепов из кыпчакских погребений XIII—XIV вв. (могильники Урта-Буртя, Линёвка, Хабарный, Озерново) показывает прежде всего неоднородность их антропологического типа. В них нередко рядом с черепами с преобладающими признаками южносибирской расы встречаются черепа, представляющие тип среднеазиатского междуречья, что уже само по себе ставит вопрос о единстве антропологического состава населения Дешт-и-Кипчака. Так, среди черепов из Урта-Буртя три черепа характеризуются признаками южносибирской расы, два — среднеазиатского междуречья, на отдельных черепах обнаруживаются также и признаки закаспийской расы. Всё это свидетельствует о том, что кыпчаки были неоднородны по своему расовому типу и представляли собой военно-политический союз, включавший в свой состав боеспособное население покорённых Чингисханом и его преемниками народов Средней Азии и Казахстана. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения может служить тот факт, что на отдельных черепах имеются

следы ран, нанесённых рубящими и колющими предметами (коллекция черепов с боевыми травмами хранится в антропологической лаборатории ИИЯЛ УНЦ РАН).

Сравнение “кыпчакских” черепов с бассейна р. Урал с синхронными материалами из курганов, расположенных на территории Башкортостана (Ильчигулово, Сынтыш-Тамак), показывает довольно резкие расхождения в антропологическом типе. Это особенно чётко прослеживается как по абсолютным размерам черепов, так и по коэффициентам суммарных расстояний между ними по комплексу признаков. Так, кочевники из Сынтыш-Тамакского и Ильчигуловского могильников выделяются более узким, низким, довольно резко профилированным лицевым скелетом. Черепная коробка несколько уже и длиннее, по указателю включается в категорию мезобрахикранных.

“Кыпчакские” черепа с бассейна р. Урал более массивны, лицевой скелет широкий, несколько уплощен на обоих уровнях горизонтальной плоскости. По строению области переноса и углу выступания носовых костей обе серии черепов сближаются между собой. Анализ коэффициентов суммарных расстояний, полученных по методу Пенроза-Кнуса, показывает, что они достаточно равномерно и на высоком уровне, предполагающем генетическое родство, распределяются между обобщённой серией черепов кыпчаков XIII—XIV вв. и отдельными группами с бассейна р. Урал (коэффициенты не превышают 0,25). При этом нельзя не заметить значительную вариацию величин коэффициентов между отдельными кыпчакскими группами. Это может говорить об общем монголоидном компоненте в расовом типе кочевников Великого пояса степей и различиях в их субстратных антропологических пластах, уходящих своим происхождением в различные районы Средней Азии и Казахстана. Например, синхронные серии черепов кочевников Центрального и Южного Казахстана XII—XIV вв. довольно резко отличаются друг от друга, а кыпчаки Оренбуржья, в свою очередь, оказываются наиболее близкими центрально-казахстанским и дают очень большие суммарные различия с южноказахстанскими. Выше было сказано, что кыпчаки бассейна р. Урал по своему генотипу тесно связаны с центральноказахстанскими и не имеют генетического родства с населением Башкортостана XIII—XIV вв., хотя следы их взаимодействия прослеживаются в наличии у пос-

ледних монголоидных признаков южносибирского происхождения.

Можно сделать вывод, что в XIII—XIV вв. население Башкортостана и бассейна р. Урал отличалось по своему физическому типу. Выделенные типологические различия дают возможность предположить, что период монгольского нашествия на территории Башкортостана не сопровождался массовым проникновением и последующим биологическим смещением пришлых кочевых групп (кыпчаков) с местным населением. Местное население этого времени гораздо ближе между собой и продолжает сохранять комплекс признаков, в котором преобладают европеоидные черты населения лесостепной и степной зон Башкортостана конца I тыс. н.э. Более того, если говорить о роли кыпчаков в расогенетических процессах XIII—XIV вв. в регионе, то она, похоже, не выходила за пределы Дешт-и-Кипчака, и наибольшее распространение южносибирского расового типа приходилось на просторы Великого пояса степей. На территории Центрального Казахстана кыпчакский компонент оказался доминирующим фактором не только в этногенезе, но и в расогенезе казахов³¹.

Так, если сравнить современных казахов с кочевниками XIII—XIV вв., то наибольшая близость, судя по коэффициентам суммарных расстояний, обнаруживается между ними и кыпчаками Центрального Казахстана и Оренбуржья (0,10 и 0,14). Население, жившее в XIII—XIV вв. в Южном Казахстане и на территории современной Туркмении, даёт большие коэффициенты различий с казахами (0,45 и 0,49), что может свидетельствовать о преобладании в расовом типе населения этих районов местного субстратного компонента, сохранившегося сегодня в виде расы среднеазиатского междуречья и закаспийского антропологического типа. Население Башкортостана XIII—XIV вв. также испытало влияние носителей южносибирского расового типа, но в гораздо меньшей степени, и это не могло вытеснить местную основу.

Сравнение черепов из Сынтыш-Тамака и Ильчигулово с материалами по современным казахам и башкирам показывает, что кочевники Башкортостана XIII—XIV вв. оказываются гораздо ближе к современным башкирам, чем к казахам и кыпчакам. Наглядное представление о соотношении населения Казахстана и Башкортостана золотордынского времени даёт кластерный анализ

коэффициентов суммарных расстояний и построенные на его основе дендрограммы (рис. 11).

На первой дендрограмме чётко выделились три кластера*. В первый кластер вошли материалы кыпчаков Оренбуржья

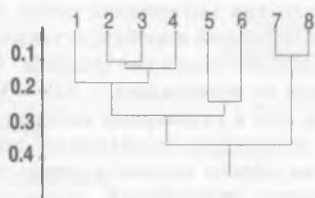

Рис. 11. Взаимосвязь по CR^2 краниологических материалов IX—XIV вв. с территории Башкортостана и Оренбуржья.

1—Ильчигулово; 2—кыпчаки XIII—XIV вв. суммарно; 3—Озерново; 4—Линёвка; 5—Урта-Буртя; 6—Хабарный; 7—кочевники Башкортостана IX—XII вв.; 8—Сынтыш-Тамак.

(суммарная серия черепов кыпчаков с бассейна Урала, кыпчаки из Озерново, Линёвки). Второй кластер образовали кыпчаки из Урта-Буртя и Хабарного (самостоятельное положение материалов из этих памятников объясняется их неоднородным антропологическим составом). Как уже было отмечено, на черепе из Урта-Буртя, кроме южносибирского, были обнаружены также признаки и других расовых типов. К ним присоединены материалы XIII—XIV вв. из Ильчигулово. Третий кластер образован двумя сериями черепов из Сынтыш-Тамака и материалами кочевников северо-восточного Башкортостана IX—XII вв.

Анализ материалов XIII—XIV вв., обнаруженных в Оренбуржье и на территории Башкортостана, показывает существенные различия в антропологическом составе населения данных районов в золотоордынское время. Это может говорить об относительно самостоятельных путях расогенеза на территориях, разделённых р. Урал, которая являлась как бы естественной границей между населением древнего Башкортостана и Дешт-и-Кипчака.

Более чёткая картина получается при анализе структуры дендрограммы с привлечением материалов по современным казахам, а также серий черепов XIII—XIV вв. из разных районов Казахстана и Туркменистана (рис. 12).

На дендрограмме выявились региональ-

ные различия между сравнительными материалами. В первый кластер на высоком уровне сходства объединились все материалы по кыпчакам Оренбуржья (Линёвка, Озерново,

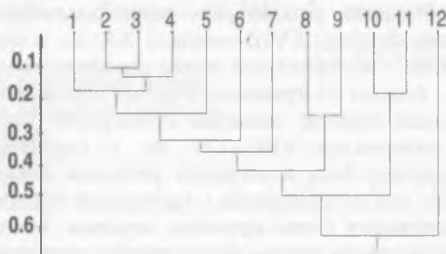

Рис. 12. Взаимосвязь по CR^2 краниологических материалов IX—XIV вв. с территории Башкортостана, Оренбуржья, Казахстана и Туркменистана.

1—Линёвка; 2—кыпчаки XIII—XIV вв. суммарно; 3—Озерново; 4—современные казахи; 5—Центральный Казахстан XII—XIV вв.; 6—Урта-Буртя; 7—Хабарный; 8—Ильчигулово; 9—туркмены XIV—XV вв.; 10—кочевники Башкортостана IX—XII вв.; 11—Сынтыш-Тамак; 12—Южный Казахстан XII—XIV вв.

Хабарный, Урта-Буртя), Центрального Казахстана, а также по современным казахам. Второй кластер образовали серии черепов XIII—XIV вв. из Башкортостана (Ильчигулово) и Туркмении. Третий кластер составили черепа кочевников Башкортостана IX—XII вв. и материалы XIII—XIV вв. из Сынтыш-Тамака. Самостоятельную ветвь, наиболее удалённую от всех материалов, образовала серия черепов XII—XIV вв. из Южного Казахстана.

Таким образом, можно заключить, что золотоордынский период в истории народов Средней Азии, Казахстана и Южного Урала не сопровождался процессами активной биологической ассимиляции покорённых народов к северу и югу от Великого пояса степей. Материалы XIII—XIV вв. показывают, что основной территорией распространения южносибирского расового типа в это время оставались степи Дешт-и-Кипчака, что явилось одним из решающих факторов в расогенезе современных казахов (речь идёт о центральных районах Казахстана, т. к. в южных и западных он постепенно размывается признаками субстратных европеоидных расовых типов). На Южном Урале следы взаимодействия этого типа с сибирскими и другими монголоидными типами сохранились у некоторых групп современных башкир, но не в такой степени, как у казахов, различия с которыми у башкир значительны в силу преоб-

* Кластер — группа морфологически близких серий черепов в одной дендрограмме.

ладания в их расовом типе европеоидного компонента предшествующего населения. Для выяснения роли кыпчакского компонента в расогенезе башкир, его масштабов и районов наиболее активного взаимодействия необходимо рассмотреть краниологические серии башкир XVIII—начала XX вв. в сравнении с материалами эпохи средневековья.

Анализ 12 краниологических серий современных башкир (включая суммарную серию) и материалов XIII—XIV вв. с территории Башкортостана и соседних регионов показывает, что по сравнению с кыпчаками башкиры выделяются более крупным черепом, относительно узким лицом, резче профилированным лицевым скелетом, т. е. различия идут в направлении, разделяющем европеоидные и монголоидные популяции. Это подтверждается и результатами суммарного анализа. Из всего материала золотоордынского времени минимальные коэффициенты суммарных расстояний обнаруживаются между суммарной башкирской серией черепов и материалами XIII—XIV вв. с территории Башкортостана:

Ильчигулово	0,081
Сынтыш-Тамак	0,189
Озерново	0,225
Кыпчаки Оренбуржья суммарно*	0,227
Хабарный	0,292
Кочевники северо-востока Башкортостана IX—XII вв.	0,442
Урта-Буртя	0,443
Линёвка	0,676

Рассмотрение величин отдельных параметров черепа и лицевого скелета показывает, что сходство суммарной башкирской серии черепов с материалами XIII—XIV вв. с территории Башкортостана обнаруживается по комплексу признаков, по которым отличаются черепа из Ильчигулово и Сынтыш-Тамака от кыпчакских материалов (табл. 1).

Форма черепной коробки, а также основные параметры лицевого скелета башкир практически не изменились с XIII—XIV вв., в то время как в суммарной кыпчакской серии и в отдельных памятниках кыпчаков Оренбуржья черепа короче и шире; лицевой скелет гораздо уплощённей, шире и выше. Это исключает активную метисацию местного населения с кыпчакскими группами и определение её как ведущего фактора в расогенезе башкир XIII—XIV вв. Данный вывод не касается языка и культуры, которые, как известно, при определённых социально-политических условиях могут распространяться и усваиваться другим этносом без активного биологического смешения с их носителями. В то же время коэффициенты суммарных расстояний с кыпчаками указывают на взаимодействие последних с населением Южного Урала. Например, суммарная башкирская серия удалена от суммарной кыпчакской Оренбуржья на 0,277.

Коэффициенты суммарных расстояний показывают наименьшие различия между объединённой серией кыпчаков Оренбуржья и заураль-

Т а б л и ц а 1

Суммарная серия черепов современных башкир и средние размеры черепов XIII—XIV вв.

Признаки	Башкиры (суммарно)	Сынтыш-Тамак	Ильчигулово	Кыпчаки Оренбуржья
1 Продольный диаметр	182,1	183,4	182,7	177,9
8 Поперечный диаметр	147,3	147,0	146,3	151,4
17 Высота черепа	132,9	131,0	130,3	129,1
45 Скуловой диаметр	139,1	141,6	136,7	141,9
48 Высота лица	74,0	72,1	72,7	75,0
54 Ширина носа	26,2	26,6	26,3	27,4
77 Назомолярный угол	141,6	143,1	139,4	144,2
Zm ¹ Зигмаксиллярный угол	130,4	132,4	130,2	136,0

Сходство между суммарной серией черепов современных башкир и населения Башкортостана XIII—XIV вв., очевидно, предполагает генетическую преемственность населения золотоордынского времени с современным.

* Памятники Оренбуржья XIII—XIV вв., видимо, принадлежат не собственно кыпчакам, а населению кыпчакской конфедерации племён, этнический состав которой был неоднороден, поэтому название "кыпчаки" условно.

скими северо-восточными башкирами. Минимальное расстояние в масштабе башкирских групп (0,184) дают башкиры из Старо-Кулуево Челябинской области, затем северо-восточные башкиры из Абдрашитово (0,209), Ахуново (0,277) и Гадельшино (0,291) Учалинского района РБ. По степени сходства с кыпчаками близки к ним (0,280) и юго-восточные башкиры из д. Кусеево Баймакского района (табл. 2).

Наибольшие различия с кыпчаками прослеживаются у башкир южных, юго-западных и северо-западных районов РБ. Существенные различия обнаруживаются и с башкирами центральных горно-лесных районов, где значения коэффициентов больше 0,4, что по-

Старо-Халилово, Абдрашитово, Ахуново (0,288; 0,207; 0,244). Из других кыпчакских памятников лишь материалы из Урта-Буртя оказываются относительно близкими к черепам из Абдрашитово (0,320), Ташлов (0,239) и Кусеево (0,225). С остальными

Т а б л и ц а 2

Коэффициенты суммарных расстояний между
краниологическими сериями башкир и кыпчаков
(тысячные доли)

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кыпчаки Оренбуржья												
XIII—XIV вв.	277	416	423	358	209	277	291	303	280	425	184	401
Урта-Буртя	442	536	624	553	320	549	467	406	330	568	415	511
Линёвка	676	812	885	783	560	562	662	755	690	820	485	775
Озерново	225	363	351	288	207	244	344	239	225	316	179	335
Хабарный	292	475	389	332	273	444	360	282	343	443	214	514
Ильчигулово	081	138	136	190	131	208	164	083	104	193	119	084
Сынтыш-Тамак	189	160	109	239	137	181	234	345	292	434	311	285

1—суммарная башкирская серия черепов; 2—Иштуганово; 3—Мавлютово; 4—Старо-Халилово; 5—Абдрашитово; 6—Ахуново; 7—Гадельшино; 8—Ташлы; 9—Кусеево; 10—Муллакаево; 11—Старо-Кулуево; 12—Аллагузатово.

зволяет говорить о значительных расхождениях в комплексе анализируемых признаков в этих группах и предполагает различия в генетической основе их расовых типов. Башкиры из Иштуганово (Мелеузовский район РБ) удалены от кыпчаков на 0,416; из Мавлютово (северо-западные) — на 0,423; из Муллакаево (Архангельский район РБ) — на 0,425.

Таким образом, при рассмотрении взаимосвязей антропологического типа современных башкир с отдельными группами кыпчаков выявляется дифференцированность направления этих связей. Это может свидетельствовать о том, что не все кыпчакские группы вступали во взаимосвязь с башкирами. Например, из четырёх кыпчакских памятников Оренбуржья — Урта-Буртя, Линёвка, Озерново и Хабарный — краниологические материалы лишь у последних двух дают возможность говорить о контактах и внедрении кыпчаков в среду башкирского населения. Причём наиболее активно этот процесс, по-видимому, происходил на территории расселения северо-восточных и уральских башкир. В этом плане показательны материалы башкир из Старо-Кулуево (Челябинская область), которые дают самые минимальные среди башкир расстояния с кыпчакскими черепами из Озерново и Хабарного (0,179 и 0,214). Также заметно влияние этих групп кыпчаков на формирование расового типа северо-восточных башкир из

группами башкир различия кыпчаков из Урта-Буртя значительные. Следует напомнить, что они отличаются от других кыпчакских групп прежде всего своим более европеоидным обликом, наличием в их составе представителей не только южносибирского, но и памиро-ферганского типа.

Таким образом, сравнительный анализ краниологических материалов по современным башкирам и кыпчакам XIII—XIV вв. из Оренбуржья указывает на неоднозначность антропологического и этнического взаимодействия населения Южного Урала и Дешти-Кипчака в золотоордынский период. С одной стороны, родоплеменная структура, язык, отдельные элементы культуры современных башкир свидетельствуют о довольно активном влиянии кыпчакских племён (ка тай, кыпсак, мин, табын) на этническую ситуацию в Башкортостане, а с другой — эти процессы не сопровождались массовым притоком, оседанием и последующим биологическим взаимодействием кыпчаков с местным населением. Это позволяет заключить, что проникновение кыпчаков на Южный Урал и их влияние на антропологический тип башкир было связано не столько с монгольским нашествием, сколько с событиями, предшествующими появлению монголов на Южном Урале. В этом плане заслуживает внимания серия черепов кочевников XI—XII вв. с северо-востока Башкортостана. Контакты с кып-

чаками довольно существенно отразились на расовом типе северо-восточных и зауральских башкир Челябинской области и, отчасти, юго-восточных. Это подтверждается и материалами изучения современных башкир. Данные соматологии и краниологии показывают наибольшую монголоидную примесь именно у этих групп башкир, представленных южносибирским типом, в то время как в физическом типе южных, юго-западных, северных башкир преобладает европеоидный компонент. Но и у зауральских башкир южно-сибирский расовый тип всё же более “европеоиден”, чем у современных казахов, что исключает кыпчакский компонент как ведущий фактор в расогенезе и этой группы башкир. Например, сопоставление зауральских башкир из Старо-Кулуево показывает, что они гораздо ближе по суммарным показателям к обобщённой серии современных башкир (0,073) и к материалам XIII—XIV вв. из Ильчигулово (0,119). Различий с кыпчаками бассейна р. Урал гораздо больше (0,415; 0,485; 0,179; 0,214).

Складывается впечатление, что, несмотря на политическую зависимость от Золотой Орды, расогенетические процессы на территории расселения башкир протекали относительно самостоятельно на основе того расового типа, который уже сложился и получил широкое распространение в регионе к рубежу н.э. и довольно отчётливо прослеживается у современного башкирского населения (речь идёт о материалах VII—IX вв. из Бекешево, а также XIII—XIV вв. из Ильчигулово, Сынтыш-Тамака, расовый тип последних имеет, видимо, общее происхождение, коэффициент суммарных расстояний между ними 0,208). Незначительны расстояния между черепами из Ильчигулово и сериями черепов современных башкир и в большинстве случаев не превышают 0,1—0,13, что подтверждает вышесказанное. Суммарная башкирская серия черепов, например, удалена от “ильчигуловской” всего на 0,08.

В целом, можно отметить, что антропологический состав населения, сложившийся ещё до Золотой Орды, не претерпел резких изменений и продолжает сохраняться у современных башкир. Усиление монголоидных признаков произошло в XI—XII вв. и особенно — в золотоордынское время, что, однако, не изменило основы расового типа башкир, видимо, сформировавшегося к XIII в. Характерные для современных башкир крупные размеры черепной коробки, превышающие таковые у

кыпчаков Оренбуржья, широко представлены на материалах населения северо-востока Башкортостана IX—XII вв. (Лагереве, Старо-Халилово, Мрясимова) и на черепках XIII—XIV вв. из Сынтыш-Тамака.

Представляет интерес и тот факт, что современные башкиры оказываются более европеоидными, чем население XIII—XIV вв., что также указывает на европеоидную основу расового типа башкир, истоки которого уходят в I тыс. н.э. Европеоидный комплекс признаков прослеживается у населения Южного Урала вплоть до рубежа I—II тыс. н.э., в последующие века фиксируется ярко выраженная монголоидная примесь, привнесённая на северо-восток Башкортостана кочевниками IX—XII вв. Однако эти кочевники не смогли повлиять на ход расогенетических процессов во всем регионе, а лишь внесли коррективы, несколько сгладив европеоидный тип местного населения.

Кластерный анализ показал плотное расположение и тесную взаимосвязь всех современных башкирских групп как с территории Башкортостана, так и Челябинской области. В общий кластер краниологических серий башкир, показывая достаточно высокий уровень генетических связей, вошли серии черепов XIII—XIV вв. из Ильчигулово и конца I тыс. н.э. из Бекешево.

Все серии черепов кыпчаков с бассейна р. Урал (Хабарный, Озерново, Линёвка, Урта-Буртя) вместе с суммарной серией кыпчаков образовали второй большой самостоятельный кластер. В этот же кластер вошла серия черепов современных казахов, что указывает не только на морфологическое сходство, но и, возможно, генетическое родство казахов и населения Дешт-и-Кипчака XIII—XIV вв. Результаты суммарного и кластерного анализов (см. дендрограмму) указывают на общность происхождения и преобладание монголоидного компонента в антропологическом типе кыпчаков и казахов, в котором превалирует комплекс признаков южносибирской расы. Это касается в основном населения Центрального, Восточного и Западного Казахстана, которое испытало наибольшее воздействие носителей южносибирского типа. Южноказахстанская серия черепов XII—XIV вв. отстоит далеко от общего массива и составляет самостоятельный кластер.

В отличие от казахов у башкир преобладает субстратный европеоидный комплекс признаков, который и оказался объединяющим фактором всех выборок черепов башкир XIII — начала XX вв. Монголоидный компонент XIII—XIV вв. не сыграл ведущей роли

в расогенезе башкир, иначе башкирский материал либо распался бы на отдельные, резко удалённые друг от друга кластеры (как в случае с казахами), либо отдельные серии черепов башкир присоединились бы к казахам. В данном же случае даже те группы башкир, которые, казалось бы, испытали наибольшее воздействие авангарда золотоордынского государства — кыпчаков, сохранили в своём генотипе домонгольский субстратный компонент европеоидного происхождения. Полученная картина антропологического состава башкир в сочетании с этнической характеристикой даёт возможность вести рассуждения о соотношении в регионе социальных и биологических факторов в процессах этно- и расогенеза XIII—XIV вв.

Сопоставление средних значений размеров черепной коробки и лицевого скелета выявляет закономерную картину, в которой прослеживается одна существенная деталь: характерные для башкир крупные размеры черепа, относительно узкое, но умеренно высокое лицо при среднепрофилированном лицевого скелете обнаруживают аналогии в среде домонгольского средневекового населения Башкортостана I тыс. н.э. Население золотоордынского периода, как уже отмечалось, характеризовалось более короткой черепной коробкой; широким лицом, выраженной уплощённостью лицевого скелета. В истории расогенеза Южного Урала подобный комплекс признаков, характерный для монголоидов, появляется в начале II тыс. н.э. и получает наибольшее распространение в последующие два-три века, а затем постепенно размывается. Следы воздействия этого типа сохраняются в основном у северо-восточных и зауральских башкир. Сказанное предопределяет выбор объектов сравнительного анализа и проведение суммарного и кластерного анализов.

Анализ суммарной краниологической серии башкир на историческом фоне расовых типов населения Южного Урала I тыс. н.э. показывает значительный разброс коэффициентов обобщённых расстояний, что говорит о неоднородности антропологического состава населения Башкортостана в этот период и в какой-то мере о степени участия тех или иных этнических групп в расогенезе современных башкир:

Старые Киишки	0,420
Кушнаренковская серия	1,486
Бирская серия	0,316
Бекешевская серия	0,094

Наибольшие различия фиксируются с кушнаренковцами, для которых характерен резко выраженный комплекс европеоидных признаков (сильная профилированность лицевого скелета, резко выступающие носовые кости, средневysокое, но очень узкое лицо). Напомним, что “кушнаренковские” черепа не обнаруживают также аналогий ни с одной группой населения Южного Приуралья I тыс. н.э. В связи с этим можно лишь предположить кратковременность их пребывания в регионе, сопровождавшуюся генетической изоляцией от других групп населения. Таким образом, кушнаренковская группа, имевшая предположительно южное происхождение, исключается из расогенетических процессов I—II тыс. н.э.

По отдельным признакам, а также по их комплексу обнаруживается относительная близость суммарной башкирской серии с черепами бахмутинской культуры из Бирского могильника. Башкирская серия отличается от бирской несколько большими размерами лицевого скелета и черепа, хотя профилированность лицевого скелета в обеих сериях примерно одинакова. В целом, “бирские” черепа по большинству признаков характеризуются сглаженным европеоидным типом, имевшим, видимо, местное происхождение, т. к. близкие к ним черепа пьяноборского населения характеризуются признаками уральской расы. Таким образом, анализ черепов позволяет рассматривать население бахмутинской культуры как один из европеоидных компонентов в расогенезе башкир, но в каких группах он сыграл наибольшую роль по суммарной серии черепов башкир определить сложно.

Сопоставление башкирской серии с черепами ранних сарматов из Старых Кишков и Ново-Мурапталово показывает близость формы черепной коробки и степени профилированности лицевого скелета, однако башкиры отличаются большей монголоидной примесью, более крупными размерами лицевого скелета. Различий между прохоровцами и башкирами значительно больше, чем у последних с бахмутинцами. Да и сами, в целом европеоидные, бахмутинцы и прохоровцы Башкортостана отличаются друг от друга довольно резко (0,932), что указывает на существенные различия в происхождении населения южных и северных районов Южного Приуралья I тыс. н.э.

Заслуживает особого внимания в плане расогенеза башкир сравнение суммарной серии черепов современных башкир с палеоантропологическими материалами из Бекешевских

курганов, что даёт минимальное расстояние (0,094), — такого не наблюдается ни по одному из других памятников I тыс. н.э. Бекешевская серия черепов европеоидна почти по всем параметрам, но содержит и монголоидную примесь, которая в отличие от других синхронных материалов выразилась здесь в умеренной профилированности лицевого скелета, в увеличении высоты лица и др. Вероятно, эта группа населения, появившаяся на Южном Урале уже в смешанном виде, получила широкое распространение и довольно быстро установила контакты с местным населением. “Бекешевские” черепа с юго-востока Башкортостана по строению довольно близки материалам Бирского могильника (0,174). Сближаются они и с кочевниками IX—XII вв. с северо-востока Башкортостана (0,341), но между ними больше различий из-за наличия у последних достаточно сильной монголоидной примеси. Кочевники IX—XII вв. в отличие от бекешевцев дают большие расхождения по комплексу признаков и с бахмутинцами.

Таким образом, из материалов I тыс. н.э. типологически самой близкой к суммарной серии современных башкир оказывается серия черепов из Бекешевских курганов. Вероятно, расовый тип населения, оставившего эти курганы, явился одним из мощных субстратных компонентов в расогенезе башкир с конца I тыс. н.э.

Сопоставительный анализ 11 краниологических серий современных башкир с сериями черепов I тыс. н.э. с территории Башкортостана даёт, на наш взгляд, довольно чёткую региональную привязку современного и средневекового населения. Исключением является лишь бекешевская серия черепов, которая даёт морфологическое сходство по комплексу признаков практически со всеми сериями черепов башкир, что объясняется их расогенетической связью (в скобках приведены коэффициенты суммарных расстояний этих же групп с суммарной серией черепов башкир):

Башкиры суммарно	0,094 (0,00)
Иштуганово	0,063 (0,09)
Мавлютово	0,085 (0,09)
Старо-Халилово	0,084 (0,06)
Абдрашитово	0,099 (0,03)
Ахуново	0,117 (0,11)
Гадельшино	0,140 (0,20)
Ташлы	0,237 (0,07)
Кусеево	0,159 (0,04)
Муллакаево	0,203 (0,08)
Старо-Кулуево	0,265 (0,09)
Аллагуватово	0,163 (0,07)

Складывается впечатление, что расовый состав башкир не претерпел резких изменений с конца I тыс. н.э. Незначительное увеличение суммарных расстояний (не выходящее, однако, за пределы расогенетической близости) обнаруживается с зауральскими башкирами из Старо-Кулуево, Гадельшино, Кусеево, а также Ташлов и Аллагуватово. Видимо, масштабы внедрения на Южный Урал кочевников, оставивших Бекешевские курганы, были значительны. В их расовом типе преобладали признаки, близкие к расе среднеазиатского междуречья с примесью алтайского варианта уральской расы. Результаты сравнительного анализа дают возможность предположить, что расовый тип бекешевцев, скорее всего, и явился основным европеоидным пластом, определившим в дальнейшем антропологический облик большинства современных групп башкир.

Следовательно, уже к концу I тыс. н.э. происходит относительная стабилизация антропологического состава башкир. Золотоордынский период внёс некоторые коррективы в физический тип башкир, особенно зауральских и северо-восточных районов, но и здесь не произошло коренного изменения в антропологическом типе населения. Южносибирский расовый тип современных башкир отличается от такового у казахов прежде всего происхождением субстратного европеоидного компонента, который восходит к физическому типу населения конца I тыс. н.э., оставившего после себя Бекешевские курганы. Основу южносибирского типа казахов составили, как известно, представители андроновского, средиземноморского и других краниологических типов. Сравнение суммарных расстояний между серией черепов из Старо-Кулуево (Челябинская область), башкирской, казахской, кыпчакской и бекешевской сериями показывает, что зауральские башкиры по своему типу ближе всего к суммарной башкирской серии и довольно существенно отличаются от кыпчаков Оренбуржья. Это говорит об общей европеоидной основе башкир, а также о том, что характерный для них южносибирский тип сформировался относительно поздно в XIII—XIV вв.:

Старо-Кулуево	башкиры	0,073
Старо-Кулуево	казахи	0,272
Старо-Кулуево	кыпчаки	0,184
Казахи	кыпчаки	0,139
Башкиры	кыпчаки	0,277

Соотношение расового типа современных башкир и средневекового населения находит отражение в пространственной структуре дендрограммы.

В основе дендрограммы — три самостоятельных кластера, дающие определённую региональную и временную корреляцию. Самый крупный кластер, состоящий из двух подкластеров, составили все современные башкирские серии черепов, которые объединяются на уровне 0,17, что говорит об их безусловном генетическом родстве. Основу первого подкластера, или его ядро, составила Бекешевская серия черепов, которая на минимальном уровне (0,063) объединилась с серией черепов южных башкир из Иштуганово. К ним последовательно до уровня 0,14 присоединились серии черепов северо-восточных (Абдрашитово, Старо-Халилово, Ахуново), северо-западных (Мавлютово) и зауральских (Гадельшино) башкир. Второй подкластер, включающий серии черепов юго-западных (Ташлы, Аллагуатово), юго-восточных (Кусеево), зауральских (Старо-Кулуево) башкир и башкир XIII—XIV вв. из

и юга Башкортостана на рубеже I—II тыс. н.э. и, следовательно, наличие второго источника — европеоидного компонента — в расовом типе башкир. Этот компонент, вероятно, сыграл, как и бекешевский расовый тип, самостоятельную роль в расогенезе башкир. Кушнаренковская серия черепов образовала отдельную ветвь на уровне 1,55, что исключает её участие в расогенезе башкирского народа.

Второй кластер объединил все без исключения серии черепов XIII—XIV вв. с левобережья среднего течения р. Урал, Центрального Казахстана и современных казахов. Основу этого кластера составила суммарная серия черепов кыпчаков Оренбуржья, объединившаяся с кыпчакской серией из Озерново (0,100). К ним присоединились серии черепов современных казахов, кыпчаков из Линёвки, Центрального Казахстана, Урта-Буртя и Хабаровного. Южноказахстанская серия черепов

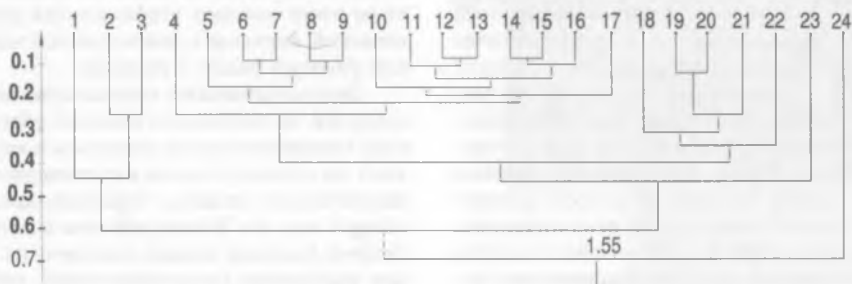

Рис. 13. Взаимосвязь по CR^2 краниологических материалов современных башкир и средневекового населения Южного Урала.

1—Бирский могильник; 2—кочевники Башкортостана IX—XII вв.; 3—Сынтыш-Тамак XIII—XIV вв.; 4—Муллакаево; 5—Старо-Кулуево; 6—Ташлы; 7—Кусеево; 8—Ильчигулово XIII—XIV вв.; 9—Аллагуатово; 10—Ахуново; 11—Абдрашитово; 12—Бекешев VII—IX вв.; 13—Иштуганово; 14—Старо-Халилово; 15—башкиры суммарно; 16—Мавлютово; 17—Гадельшино; 18—Хабарный; 19—кыпчаки Оренбуржья XII—XIV вв. суммарно; 20—Озерново; 21—Линёвка; 22—Урта-Буртя; 23—Старые Кишки; 24—Кушнаренковский могильник.

Ильчигулово, присоединился, как уже говорилось, на уровне 0,17. Полученная картина свидетельствует не только о процессе антропологической консолидации современных башкир, но и выявляет его истоки, уходящие к расовому типу населения Южного Урала VII—IX вв., оставившего Бекешевские курганы. Отсюда вытекает закономерный вывод — антропологический тип башкир в целом сложился к концу I тыс. н.э. Черепа кочевников северо-восточного Башкортостана IX—XII вв. по своему строению близки с серией черепов XIII—XIV вв. из Сынтыш-Тамака. К ним примыкают материалы из Бирского могильника. Эти три серии черепов с территории Башкортостана составляют самостоятельную ветвь, что показывает различия антропологического типа населения севера

XII—XIV вв. образовала самостоятельную ветвь. Это не противоречит историческим фактам о роли кыпчакского компонента в этнической истории казахского народа. Окончательное формирование антропологического типа современных казахов, видимо, произошло относительно поздно, в золотоордынский период, что тоже полностью согласуется с выводами казахских антропологов³².

Из вышесказанного следует ещё один важный вывод — расогенез башкир на Южном Урале протекал относительно самостоятельно ещё с рубежа I и II тыс. н.э. вплоть до современности. Расовый тип башкир практически не претерпел изменений и в период монгольского нашествия. К началу походов Чингисхана башкиры, видимо, представляли собой

уже сформировавшийся этнос, с чётко определёнными границами расселения, своей культурой и установившимся антропологическим составом. В XIII—XIV вв. бассейн р. Урал был не только водоразделом между степями Дешт-и-Кипчака и Южным Уралом, но и, видимо, пограничным рубежом между башкирами и Золотой Ордой. В свете сказанного закономерно возникают вопросы: “А была ли завоёвана страна башкир монголами? Каков был её политический статус в золотоордынский период?”

Таким образом, в эпоху средневековья можно выделить два существенных момента, которые представляют собой наиболее яркие страницы этнической истории народа и формирования его антропологического состава. Прежде всего, это миграция (скорее всего массовая) в VII—IX вв. н.э. на территорию Южного Урала кочевых групп населения, оставивших памятники караякуповской культуры. Видимо, именно они явились носителями мощного этно- и расогенетического заряда и смогли объединить население леса и степи в рамках одного этноса. На материалах антропологии довольно чётко фиксируется последовавшая с момента их оседания на Южном Урале нивелировка расовых типов населения, которое во второй половине I тыс. н.э. оставалось ещё неоднородным. Второй момент связан с нашествием монголов в Восточную Европу и образованием огромного Золотоордынского государства. Башкиры в этот период, видимо, испытали со стороны монголов, кыпчаков и других кочевников больше социально-политическое воздействие, нежели расогенетическое.

Из вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

Расогенетические корни антропологического типа современных башкир восходят к древнему населению края эпохи раннего железа, к антропологическим пластам финно-угорского населения пьяноборской, затем бахмутинской культур лесной полосы и расовому типу древних индоевропейцев лесостепной и степной зон Башкортостана.

В типологическом отношении к рубежу н.э. на севере расселялись представители различных вариантов уральской расы с примесью европеоидных антропологических типов южного происхождения. Местный уральский компонент — один из древнейших — прослеживается с рубежа н.э. и сохраняется у современных северо-западных и северо-восточных башкир.

На протяжении всей эпохи раннего железного века в антропологическом составе населения лесостепного и степного районов края доминировал европеоидный тип южного и юго-восточного происхождения, характерный для савроматов и сарматов. Основу пришлого европеоидного компонента населения лесостепной и степной части Южного Урала составляли признаки формирующейся расы среднеазиатского междуречья с включением уральской и средиземноморской рас. Этот же компонент прослеживается в антропологическом типе более позднего населения.

В VII—IX вв. решающую роль в формировании антропологического типа населения Южного Урала сыграли носители караякуповской культуры. Их расовый тип накладывается на антропологический пласт сармато-аланского населения и получает широкое распространение почти по всей лесостепной и степной территории Башкортостана. Следствием этого явилась стабилизация антропологической картины с последующей нивелировкой расовых типов в регионе.

Золотоордынский период практически не сказался на антропологическом составе башкир. Расогенетические процессы в крае протекали на основе в целом европеоидного антропологического пласта, сформировавшегося к концу I тыс. н.э. Взаимодействие с кочевниками Дешт-и-Кипчака можно отметить на территории расселения северо-восточных, юго-восточных и зауральских башкир. В этих районах происходит формирование у башкир комплекса признаков южносибирской расы. Не исключено, что окончательное сложение этой расы и накопление монголоидных признаков в этих группах башкир происходило и в более позднее время в результате контактов с казахами.

Южносибирская раса в составе башкирского народа в историческом плане является одной из “молодых”; её формирование на Южном Урале происходило не без участия местных вариантов уральской расы. Южносибирский тип современных казахов и башкир отличается происхождением и разной долей европеоидного компонента.

Основа антропологического состава современных башкир начала закладываться в конце I тыс. н.э. и с небольшими изменениями прослеживается до настоящего времени. Узловым моментом в истории края явился рубеж I—II тыс. н.э., когда, видимо, окончательно сомкнулись этнические и расогенетические процессы в регионе, и с этого момента до современности их развитие протекало в одном направлении.

ГЛ. 4

ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

СКОТОВОДСТВО

ПЧЕЛОВОДСТВО,
ОХОТА,
РЫБОЛОВСТВО

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

СКотоводство

Традиционное хозяйство башкир представляло собой сложный экономический комплекс, включающий скотоводство, земледелие, пчеловодство, охоту, рыболовство, промыслы и ремёсла. Каждая из отраслей хозяйства прошла длительный многоступенчатый путь развития. Их соотношение менялось с течением времени и было разным в различных природно-географических зонах. К концу XVIII — началу XIX в., когда общественное устройство и хозяйственная жизнь населения Южного Урала оказались в центре внимания исследователей, в хозяйстве башкир, как и во всей их культуре, обнаруживалось немало древних и средневековых традиций.

Основным занятием башкир являлось скотоводство, сопряжённое с сезонными перемещениями населения вслед за табунами лошадей и отарами овец на пастбища. Башкирские племена являлись частью огромного мира кочевников-скотоводов евразийского материка. Их жизнь была подчинена единым правилам. Смена пастбищ и мест стоянок совершалась по определённом распорядку, маршруты были выверены и закреплены за племенами, родами и родовыми подразделениями. Этого требовала, с одной стороны, система ведения хозяйства, с другой, — относительная ограниченность пастбищных угодий, необходимость считаться с нормами землепользования и хозяйственными интересами соседей.

Результаты научных исследований Р.Г. Кузеева показывают, что эволюция хозяйства башкир в X—XV вв. характеризовалась переходом от кочевого скотоводства к полукочевым формам хозяйства с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте¹. Процесс этот не протекал равномерно. В IX—X вв., по мнению Р.Г. Кузеева, башкирские племена сохраняли ещё хозяйственные связи с прежними местами обитания в Азии, продолжая традиционные для них меридиональные маршруты кочевания за сотни вёрст* с Южного Урала в сторону Приаралья и Каспия (осенью) и обратно (весной). Когда приаральские и прикаспийские степи заняли племена Дешт-и-Кипчака, зимние кочёвки в южные районы стали невозможными. Это вынудило башкирские племена продвинуться в более северные, преимущественно лесные районы Приуралья и углубиться в Уральские горы. Освоение

малоудобных для кочевников земель продолжалось в период монгольского нашествия и Золотой Орды².

Видимо, задолго до присоединения Башкортостана к Русскому государству круглогодичное кочевание населения со скотом прекратилось повсеместно. К середине XVI в. на большой территории, охватывающей Среднее Приуралье, Прикамье, бассейн нижнего течения р. Белая и р. Быстрый Танып, башкиры были оседлыми. Скотоводство здесь во многом утратило исключительную роль в экономике, возрос удельный вес других отраслей хозяйственной деятельности: бортичства, охоты, рыболовства, лесных промыслов, домашних ремёсел, земледелия. Заметно трансформировалось скотоводство и в горных районах. Даже в лесостепной и степной местности, в отдалении от гор, состояние скотоводства было таково, что С.И. Руденко, будучи специалистом по древним и средневековым формам кочевого хозяйства у народов Азии и Европы, высказывал сомнение в правомочности причисления башкир к “чистым кочевникам”³.

В золотоордынский период возможности для выпаса стада у башкир были ограничены. Башкиры вынуждены были делить приуральские (бассейн р. Дёма) и южные степи с ногайцами, а зауральскую лесостепь — с населением Сибирского ханства. Лишь после отхода основной части Ногайской Орды на Северный Кавказ (после взятия русскими г. Казань) минские и юрматынские башкиры осели в долинах рек Ашкадар, Дёма и Уршак, заняв удобные для скотоводства места. Здесь стали основываться постоянные поселения — аулы. Позже сюда переселилась часть юго-восточных башкир, в частности, бурзян. После разгрома русскими войсками сибирского хана Кучума (1598 г.) в Зауралье расселились северо-восточные и центральные башкирские племена: айле, катая, сызгы, табын и др. Эти места были хорошо знакомы им: здесь они издавна пасли скот, охотились, иногда устраивали зимовки. С присоединением Башкортостана к Русскому государству башкирские племена и роды юридически оформили свои права на эти земли в жалованных грамотах Ивана IV. По Миассу, Синаре, Тече и другим сибирским рекам основывались зимовки и аулы, отводились места для летних кочёвок.

Традиционной территорией полукочевого скотоводства долго ещё оставались южные

* Верста — мера длины: 1 верста равна 1,07 км.

отроги Уральских гор и оренбургские степи. Несколько своеобразный скотоводческий уклад сохранился в горах. Существенную роль разведение скота играло в северо-восточных районах, особенно на Уфимском плато.

Значение скотоводства как жизненно важной отрасли хозяйства подчёркивается в шежере (*шәжәрә*) и памятниках устного народного творчества.

Один из рассказов о древней истории народа начинается словами: “В давние времена наши предки кочевали с одного места на другое. У них были целые табуны скота”. Далее повествуется, что “в поисках лучших мест откочевали башкиры со своих старых пастбищ... по дороге встретили волка-предводителя”, который “привёл их в благодатный край” — к подножию Уральских гор. Они “поставили юрты, стали здесь жить и разводить скот”⁴. В другом предании идёт речь о крупных башкирских племенах: бурзян, катый, кыпсак, тамьян, теле, юрматы, — которые до монгольского нашествия занимались коневодством в долинах рек Агидель, Ик, Кама и Яик (Урал): “Не было счёта их скоту. Косяки в тысячи голов покрывали земли. Они кочевали с одного пастбища на другое”⁵. В предании “Акман-Токман” подчёркивается, что “каждый род, аймак имел своё место для весенних, летних, осенних и зимних стойбищ”⁶.

Богатый материал по истории развития скотоводческого хозяйства содержится в официальных документах и сочинениях известных учёных-путешественников XVIII в.

Среди архивных материалов чаще всего встречаются прошения башкир в приказ Казанского дворца и другие инстанции о признании их прав на землю, которой их “прадеды, деды и отцы исстари владели”. В них чётко определяются вотчинные границы с перечислением примет и знаков по ручьям, рекам, урочищам, лесным участкам и другим “старым межам”. Речь идёт о землях, хорошо освоенных в хозяйственном отношении. В одном из посланий башкиры жаловались на пришлых русских, татар, чувашей, черемисов, которые расселились в их вотчинах как на свободных землях: “деревья рубят, землю распахивают, траву косят”, а между тем, по словам авторов послания, в Уфимском уезде нет “диких поль и порозших [видимо, порожних] земель”. В летнее время на этих землях башкиры “кочуют с жёнами и детьми и с конскими стадами”, а зимой “на полянках и около угодьев конские стада ходят”⁷.

В уникальном документе 1695 г. — “Деле о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала” — подробнейшим образом, с приложением списка и чертежа, показано расселение полукочевых башкир от “Каме́ня-Урала” почти до Тобо́ла”. Упоминаются “летние башкирские кочевья” около озёр и десятки становищ, обозначенных по имени старейшин кочевых групп: “от Катайского острогу... в 10-ти верстах живут башкирцы Россан-бек с товарищи в 10-ти юртах, а от тех юрт в дву верстах у озера Коклану живут башкирцы Рослан-бек с товарищи в 10-ти юртах, да подле того ж озера... живут башкирцы Исенбет с товарищи во шти юртах; а от тех юрт в 5-ти верстах живут башкирцы Яшкинбетко с товарищи в 5-ти юртах, а от тех юрт в полуверсте живут башкирцы Саихбайко с товарищи в 10-ти юртах...”⁸. Далее следует большой перечень родственных семей вокруг озёр Адыкуль, Алабуга, Большой и Малый Алак, Иткуль, Касли, Маян, по речке Караболке и т. д. Обрабатывает на себя внимание небольшой состав групп (5—10 юрт), относительно близкое их взаиморасположение, видимо, на случай неприятельских набегов.

Из сообщения кунгурского бургомистра Юхнева (1725—26 гг.) следует, что башкирское население четырёх административных округов Уфимского уезда — Сибирской, Ногайской, Осинской и Казанской дорог — основательно различалось по образу жизни. Башкиры восточного и южного Башкортостана (Сибирская и Ногайская дороги) были скотоводами-полукочевниками. У них было много скота, держали лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов. Сено запасали только для “мелкой скотины” и для “походных лошадей”. Остальные “стада лошадей и прочего скота, как докладывал Юхнев, ходят зимой в степи без сена... питаются всю зиму травой сухой, выкапывая копытом из-под снега”. Зимой население проводило в деревнях, а летом кочевало со скотом “в степи в разных местах”. На севере (Осинская дорога) башкиры жили оседло, скота имели не так много, на зимнее его содержание “запасали достаточно сена”. Население западного Башкортостана (Казанская дорога) Юхнев разделил на оседлое и кочевое. Оседлые группы использовали для кормления скота, кроме сена, солому и хлеб, поскольку земледелие в Прикамье и Нижнем Прибелье достигло значительных успехов⁹.

* Уральских гор.

Женщина с деревянным подойником и короком
(д. Аминово Баймакского района, 1962 г.).

Во второй половине XVIII в. приуральские и зауральские башкиры, имея табуны коней, отары овец и крупный рогатый скот, продолжали вести полукочевой образ жизни.

Особенности организации летней жизни башкир-скотоводов нашли отражение в работах И.И. Лепёхина. «Как правило, — писал он, — кочёвку составляют сродственники». Место для летних поселений «избирают при речках и ключах и отгораживают оное жердями», чтобы скот не подходил к жилищам. Основные заботы у женщин на летовках были связаны с доением кобылиц и коров и переработкой молока: приготовлением масла, сырков, молочных напитков — айрана и кумыса. Кобылье молоко обычно сливали в большой кожаный сосуд — саба (*хаба*) и сбивали кумыс, перемешивая его неоднократно деревянной мутовой¹⁰.

В содержании скота у башкир Лепёхин обнаружил много общего с калмыками. По его наблюдениям, телят и жеребят держали на привязи у кибиток, а коровы и кобылы сами подходили к стану во время дойки. Лепёхин описывает особое приспособление в виде «бездонного бурака» (*нукта*), который надевали на голову жеребёнка*, чтобы он не мог в перерывах между дойками высосать у матери молоко. На время дойки на кобылицу набрасывали корок (*хорож*) — петлю на длинном шесте, которая удерживала лошадь от резких движений. В жаркие дни у юрт курились сухие пни и гнилушки, чтобы в дыму лошади и коровы могли спастись от оводов и мошкеры.

* Чаше — телёнка, на жеребят с этой целью надевали недоуздки.

Характеризуя полукочевой образ жизни башкир, И.И. Лепёхин сообщал, что в летнее время они со своим скотом отходят на значительное расстояние («вёрст за сто») от деревень. «Тогда держат при себе свой скот и с ним с места на место перекочёвывают, оставляя ближайшие поля... невредимыми для осеннего сенокоса». Сено заготавливают только для «малолетнего скота и езжалых лошадей», а остальные лошади и весь скот зимой находят на тебенёвке, выкапывая траву из-под снега. В суровые зимы, когда бывают глубокие снега или гололёд, скот подкармливают илемником, срубая молодые ветки. И.И. Лепёхин видел в деревнях «костры» обглоданного илемника¹¹.

В книгах другого участника естественнонаучной экспедиции П.С. Палласа освещается быт скотоводов-башкир восточного Зауралья — Исетской провинции. Учёный писал, что «тучные и плодородные степи, особенно на юге края, располагают к занятиям коневодством. Многие башкиры имеют здесь косяки по несколько сот лошадей. Есть и очень богатые семьи, во владении которых от двух до четырёх тысяч... Зимой табуны, а вместе с ними и другой скот, содержатся на вольном выпасе в степи. Снега здесь выпадают неглубокие, климат для скотоводства благоприятный... Овец в Зауралье сравнительно немного. Кое-где держат верблюдов»¹².

Как и И.И. Лепёхин в Приуралье, П.С. Паллас застал в Зауралье оставленные на лето деревни. Особенностью кочевой системы зауральских скотоводов, по мнению Палласа, являлся отход со скотом «в прохладнейшие горы»: «Они для паствы своих стад избирают летом... горы и около оных лежащие места... а осенью и зимою кочуют по большей части в долинах, солонцами и многими солёными озёрами наполненных». При горной речке Атлян, западнее Миасса, П.С. Паллас видел летние кочевья барын-табынцев из Исетской провинции¹³. В связи с этим вспоминается содержание более раннего документа (1737 г.), где со слов пленных башкир Сибирской дороги сообщается, что их соотечественники из Бара-Табынской, Сызгинской и Айлинской волостей, более 200 семейств, кочуют с весны в Уральских горах «вверх по Аю реке»¹⁴. Видимо, летние переезды в горы практиковались у значительной части зауральских башкир.

Ценные сведения по скотоводству зауральских башкир содержатся в «Хозяйств-

венном описании Пермской губернии” Н.С. Попова. К XIX в., когда был завершён этот труд, скотоводческие районы северного башкирского Зауралья входили в состав Екатеринбургского и Шадринского уездов Пермской губернии. По данным Попова, среди башкир Екатеринбургского уезда, занимавших земли по рекам Зюзелка, Караболка, Синара, Теча (север современной Челябинской области), “богатых башкирцев весьма мало, а более бедных”. Возможно, этим объясняется преобладание в их стаде овец (второе место отводилось крупному рогатому скоту)*. Лошадей было много лишь в обеспеченных семьях. Те, кто имел “довольное количество скота”, выезжали на лето в Уральские горы, вёрст за 40—70. Жили там с мая по июль. Затем возвращались, чтобы заготовить сено, убрать хлеб. С июля по сентябрь кочевали “на земле, каждому принадлежащей”. У кого скота было немного, те всё лето проводили вблизи деревни, организуя выпас на месте. На зиму богатые башкиры отгоняли табуны и стада на тебенёвку (*тибенлек*) за р. Миасс. Это был так называемый “тебенёвочный скот” (*тибен малы*). Дома оставляли одну-две лошади, столько же коров и всех овец¹⁵. Скотные дворы строили, как было принято у многих степняков, из плетня или берёзовых жердей, стены утепляли связками камыша, на крышу накладывали солому. Хозяйственные сооружения находились в отдалении от жилищ и амбаров на 30 и более саженей**.

В прошлом владения башкир Екатеринбургского уезда простирались далеко на юг. Долина р. Увелька (бассейн р. Уй, притока р. Тобол) являлась местом кочёвки части зауральских айлинцев и других родоплеменных групп ещё в первой половине XVIII в., там же проводились и зимовки. Сведения об этом сохранились в допросном листе от 1737 г.: “Кочуют наши башкирцы с жёнами, и с детьми и со скотом по Увельке реке... а зимою кочевать хотят по Тоболу речке и по Тогузяку (правый приток Уя)”¹⁶.

Кочевание по степям и лесостепям вдоль маленьких речек и между озёрами было ха-

Приспособление для ковки лошадей.

рактерно для шадринских башкир. Как пишет Н.С. Попов, в кочевые группы объединялось от 5 до 20 семей. Жили в юртах, на одном месте находились недели две-три, пока скот не выедал траву на пастбищах. Затем переходили на другой участок. Скота у шадринских башкир было много. Держали лошадей, коров, овец, коз, верблюдов. Последних было не более 50 на весь уезд. По данным Попова, примерный расклад скота по имущественным группам был следующим: у обеспеченных (“достаточных”) людей лошадей было 300—400 голов, крупного рогатого скота — 50—100; у людей среднего достатка: лошадей — 100—200, крупного рогатого скота — 20—40 голов; у бедных: лошадей — 10—20, крупного рогатого скота — от 3 до 15 голов¹⁷. Таким образом, основное богатство башкир составляли табуны лошадей (*йылкы өйөрө, йылкы көтөүе*), особенно ценились дойные кобылицы (*бейэ*).

Лошади легко переносили длинные переходы и круглогодичное содержание на подножном корму. Впоследствии малоприхотливая и выносливая порода башкирских лошадей, приспособленная и к вьюку, и к верховой езде, обрела широкую известность в России и Европе. Лошадь давала почти всё, что было необходимо для жизни кочевника. Конское мясо и жир, кумыс из кобыльего молока занимали значительное место в пищевом рационе башкир. Из кожи изготовляли утварь, колчаны, налучья, щиты, конскую сбрую, из сухожилий — тугую и крепкую тетиву боевых и охотничьих луков. Шкурой лошади или жеребёнка покрывали скользящую поверхность лыж. Из конского волоса делали рыболовные и охотничьи снасти, вили верёвки.

* Н.С. Попов приводит официальные сведения о количестве в уезде овец (8300), коров (4970) и лошадей (1150) у башкир, но они вызывают сомнение (особенно количество лошадей).

** Сажень — мера длины: 1 сажень равна 2,13 м.

Лошадь являлась основной рабочей силой, транспортным средством, помощником кочевника во всех его делах и заботах. Верхов ездили и мужчины, и женщины. Верховой езде учились с детства. Без лошади была немислима система хозяйства, которую создали скотоводы. На Южном Урале и в районах с аналогичными природными условиями без лошадей было бы невозможно содержание на подножном корму других видов скота. Привыкшие к тебенёвке лошади плотными рядами шли по зимним пастбищам, методично разбивая корку снега ударами копыт и освобождая траву из-под снежного покрова. За ними по уже проложенному следу шли овцы и козы. Сбиваясь в косяки во главе с жеребцом-вожаком (*өйөр айгыры*), лошади были способны к самозащите от нападения волков.

Особое отношение к лошади выросло в культовое почитание, нашедшее воплощение в фольклоре. Для устного народного творчества традиционны образы мифологических коней — толпаров и аргамак.

Большое значение в хозяйстве и быту башкир-полукочевников имели овцы (*һарыҡ*). Баранина ценилась наравне с кониной. Шкуры овец шли на пошив одежды, головных уборов. Овечья шерсть являлась ценным сырьём для изготовления войлоков, паласов, домашнего сукна. Древняя поговорка гласит: “Лошадь — слава, овца — богатство” (“*Ат — данлыҡ, һарыҡ — байлыҡ*”). В зависимости от традиций тех или иных родоплеменных групп, от местных природных условий и других обстоятельств поголовье овец в стаде значительно колебалось. По примеру казахов башкиры пытались разводить курдючных овец (*хуй*), но эта порода плохо приживалась на Урале. Из мелкого скота в небольшом количестве держали коз (преимущественно для пуха), хотя в полукочевой жизни это создавало определённые неудобства.

В традиционном башкирском стаде поголовье крупного рогатого скота было в два-три раза меньше, чем лошадей. Тем не менее коровы (*һыйыр*) являлись важной частью стада, поскольку обеспечивали людей молоком и молочными продуктами. “Тот, у кого есть корова, с голоду не умрёт”, “У кого есть конь, у того есть крылья, у кого есть корова, у того есть угощение” — поговорки, рождённые в глубине столетий. Потребляли в пищу и говядину, однако она считалась “холодной”, плохо согревающей в зимний период и поэтому ценилась меньше, чем конина и баранина.

Состав и размеры стада находились в зависимости от общественного статуса их владельцев. Чем богаче хозяйство и знатнее род, тем многочисленнее были табуны лошадей. Так, в шерере племени усерган воспеваются знатность и богатство биев, баев и других представителей родовой знати. Например, один из их предводителей Джумакай имел огромные стада, скот на его пастбищах “кишел, как рыба в реке”. Сын его, Кужанак, “не знал счёта своим табунам. В уме он считал — около 90 тысяч голов”¹⁸. В предании, записанном в юго-восточном Башкортостане, рассказывается о бае Галиакбаре: “Богатство его было огромно: когда лошади бая спускались на водопой к р. Кизил, другой конец табуна ещё пасся на отрогах горы Сьуаш. Овцы его и козы муравейником кипели на склонах гор”¹⁹. Понятно, что в фольклоре не обходится без гиперболизации, поэтического преувеличения. Но есть и исторические факты. В Бурзянском районе на р. Кана в первые десятилетия XIX в. существовала д. Алдарово. Согласно источникам, её основателем является старшина Бурзянской волости тархан Алдар Исекеев*. Он имел 8 тыс. отборных лошадей, его табуны славились на всём Урале²⁰. Старшина Калмакской волости из д. Султаново (ныне Сафакулевский район Курганской области) имел семь или восемь табунов по 400 голов. Сведения, услышанные от древних стариков во время этнографических экспедиций 50-х гг. XX в., вполне правомерно проецировать на первую половину XIX в. По их словам, табуны лошадей в сотни голов были частым явлением. Так, в д. Идяш-Кускарово (Абзелиловский район) жил некогда бай Хакимьян Мухаметгалин, имевший тысячу кобылиц и восемь табунов по 100 коней в каждом. В д. Тупаково (того же района) у бая Хафиза было 1200 кобылиц. На юго-востоке часто приходилось слышать суждение, что богатые люди не всегда точно знали число своих лошадей. Осенью, по возвращении с летовки, работники и табунщики собирали скот в загоны. Считалось, если загоны полные — значит, табуны пригнаны все.

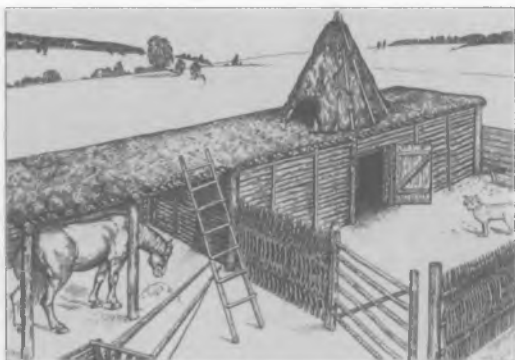
В башкирских поговорках и поговорках отражено бережное отношение к семейному имуществу, в частности, к скоту: “В доме, где не знают счёта, богатства не бывает”, “У того, кто не ведёт счёт, весь скот во дворе”,

* Участник Крымского (1687 и 1689 гг.) и Азовского (1695 и 1696 гг.) походов, один из предводителей башкирского восстания 1704—1711 гг.

“Считанная скотина не пропадает”, “Считанных овец волк не порежет”, “Клеймёная скотина не теряется”²¹.

Раскалённым железным тавром ставили метки (*тамга*) на крупе лошадей. В очертаниях тавра обычно использовалась родовая тамга, в которую вносилась небольшая деталь — семейный знак. Некоторые знатные башкиры имели индивидуальный рисунок тавра²². Крупный рогатый скот таврили реже. Овцам, а иногда и коровам, ставили меты на ушах (*инәу*), делая надрез. При небольшом поголовье овец их помечали, вплетая в шерсть цветную ленточку (*пасму ниток*) или нанося на светлую шерсть яркую краску.

Уход за скотом осуществлялся по сложившейся веками системе. Выявляется очень глубокое знание башкирами биологических особенностей животных, их жизненного цикла. Как и в языках других скотоводов, в башкирском языке существовала детальная “номенклатура” лошадей, крупного рогатого скота и других домашних животных по возрастным и половым признакам. Классификация животных имела хозяйственное значение и раскрывала практические возможности использования того или иного вида скота. Материалы по

Помещение и загоны для скота
(Челябинская область, 1972 г.).

Состоятельные башкиры нанимали для присмотра за скотом пастухов (*кәтәүсе*), были у них и табунщики (*йылкы кәтәүсеһе*), малообеспеченные обходились своими силами. Основные заботы скотоводов приходились на период появления приплода. Для содержания молодняка сооружали загородки с навесами, землянки и полуземлянки (*аран, ер оя*), сараи (*һарай, арбаз, мал өйө*). Малообеспеченные семьи держали новорождённых телят, ягнят и козлят обычно в избе рядом с печью.

Примерно до середины XIX в. распространённым способом содержания большого поголовья скота в зимнее время было устройство хуторов (*утаров*). Такие зимовья строились богатыми башкирами в горах в защищённом от ветра и снежных заносов месте. Вокруг зимовья стояли стога и копны заготовленного с лета сена. Кроме тёплой избы, на утарах сооружали навесы и сараи, помещения для новорождённого скота и других хозяйственных нужд. В течение зимы здесь жила часть семьи (хозяин с молодой женой или его сын с невесткой) и присматривающие за скотом работники. Иногда в один утар объединялись несколько родственных семей и, таким образом, он постепенно превращался в деревню.

Утарная форма скотоводства была известна многим кочевникам эпохи средневековья: казахам, киргизам, ногайцам и др.²⁴ Надо признать, что устройство хуторов вносило определённый порядок в использование близких и отдалённых от деревни зимних пастбищ, предоставляя близкие в распоряжение бедных и средних по достатку семей.

Противодействуя кочевому образу жизни башкир, российское правительство в первой половине XIX в. обратило особое внимание

Зимнее помещение для молодняка
(Челябинская область, 1972 г.).

животноводческой лексике башкир, собранные Т.Г. Баишевым, приведены в книге С.И. Руденко²³. По свидетельству Т.Г. Баишева, отдельные косяки лошадей формировались с учётом их индивидуальных качеств. У богатых людей выделялись фондовые косяки из отборных кобылиц и жеребцов-производителей (*тур мал өйөрө*). Были также косяки дойных кобылиц, вместе с которыми содержались жеребята-сосунки. Взрослые рабочие лошади и молодняк до четырёх лет паслись в составе неплодоносящего стада (*хысыр өйөрө*). На зиму несколько косяков объединяли в табун.

на утары. В 1834 г., в самом начале кампании по учёту населения и преобразованию башкирских деревень, выезд семьями на утары был запрещён; там могли оставаться со скотом только пастухи. Тем не менее на большой территории, где скотоводство продолжало играть ведущую роль в хозяйстве и было значительным поголовье скота (среднее течение р. Белая, горно-лесное юго-восточное Зауралье), утары продолжали существовать даже в конце XIX—начале XX вв.

XIX в. стал завершающим в истории полукочевого скотоводства. К середине XIX в. полукочевой образ жизни вело менее половины башкир. В 1846 г. наибольшее число выезжавших на летовки (*йайлау*) было в Оренбургском (более 61 тыс.), Стерлитамакском (около 37 тыс.), Верхнеуральском и Челябинском (вместе — 60 тыс.) уездах. Здесь хозяйство определялось как скотоводческо-земледельческое: скотоводство оставалось основной отраслью, земледелие играло незначительную роль. На летовках жило от 78 до 93% башкирского населения. К разряду скотоводческо-земледельческих относились также Шадринский уезд (кочевало более 92% башкир) и зауральская часть Троицкого (более 60%), в которых на летовки выходило свыше 19 тыс. чел.²⁵

В ряде северных и западных территорий Башкортостана скотоводство утратило былое значение, но довольно большая часть населения (от 17 до 22%) продолжила отгонять стада на летние пастбища. Более 11 тыс. чел. выезжало на летовки в юго-западных уездах: Белебеевском, Бугульминском и Бугурусланском, около 4 тыс. — в Уфимском уезде; более 5 тыс. продолжало “кочевать” на северо-востоке в Красноуфимском и Екатеринбургском уездах.

Сравнительные данные за 1827—55 гг. позволяют увидеть изменения в поголовье и составе стад в первой половине XIX в.²⁶ В 1827 г. средняя обеспеченность лошадьми была самой высокой в Оренбургском уезде. Больше, чем где бы то ни было, содержалось здесь и крупного рогатого скота. Овцеводством выделялся Бирский уезд, затем шли Челябинский, Шадринский, Красноуфимский, Екатеринбургский и Верхнеуральский уезды. Сравнительно небольшое число овец приходилось в среднем на одного человека в Уфимском, Белебеевском, Бугурусланском и Бугульминском уездах, ещё меньше — в Оренбургском и Троицком²⁷.

К 1855 г. в башкирских хозяйствах сократилось поголовье лошадей, особенно (почти

вдвое) в Оренбургском и Челябинском уездах. Стерлитамакского уезда это коснулось в меньшей степени, поэтому по обеспеченности лошадьми он вышел на первое место. Второе место занял Верхнеуральский уезд, сравнявшийся с Оренбургским. В Шадринском уезде обеспеченность лошадьми и крупным рогатым скотом оставалась на прежнем уровне.

Уменьшилось поголовье коров в Оренбургском уезде: в расчёте на душу населения количество коров снизилось здесь в 2,5 раза. В лучшем положении находились Верхнеуральский, Уфимский, Белебеевский и другие уезды. Сокращение количества крупного рогатого скота вызвало увеличение поголовья мелкого скота. Высокая обеспеченность овцами выявилась в Верхнеуральском и Оренбургском уездах. В последнем число овец на одного человека по сравнению с 1827 г. выросло в 2,5 раза (т. е. в той же пропорции, в какой снизилось число коров). Одинаковая обеспеченность овцами была в Челябинском, Белебеевском, Бугульминском и Бугурусланском уездах. Занимавший в 1827 г. передовые позиции в овцеводстве Бирский уезд к середине XIX в. оказался на третьем месте, за ним шли северо-восточные уезды: Красноуфимский, Екатеринбургский и Шадринский.

Приведённые данные дают представление о развитии в Башкортостане отдельных отраслей скотоводства, о его роли в экономике уездов в первой половине XIX в. Главной причиной снижения масштабов скотоводческого хозяйства историки и этнографы считают сокращение в результате колонизации края земель, особенно пастбищ. Разрушительное воздействие имело грубое вмешательство царской администрации в жизнь местного населения, в частности, принудительные меры по переводу скотоводов-башкир к оседлости²⁸.

И всё же в первой половине XIX в. скотоводство оставалось у башкир основным занятием, а полукочевого образ жизни продолжал доминировать.

Близкое к традиционному, полукочевое, содержание скота (с соблюдением ранних сроков выезда и позднего возвращения осенью в аулы, с сохранением большой протяжённости маршрутов, с периодической сменной стоянок) в 30—40-е гг. XIX в. фиксируется в горах и в предгорной полосе юго-восточного Зауралья²⁹.

Большинство кузгун-катайских деревень современного Белорецкого района РБ (Азикево, Азналкино, Кудашманово, Кузгун-Ахмерово, Серменево, Улу-Елга и др.) располага-

лось в междуречье Белой и Большого Инзера, к западу от Белорецкого завода. Их жители кочевали со скотом в пределах этой территории, покидая аулы после 10 мая и возвращаясь к 1 октября. Особым событием для кузгун-каитайских башкир был общий сбор в середине лета в долине р. Сурюнзяк. Другие пастбища находились в верховьях Буганака, Кадыша, Яндыка и других небольших рек Бельского бассейна. Некоторые кочевые маршруты захватывали долину Большого Инзера. Здесь, на месте одной из летовок, во второй половине XIX в. была основана д. Карталы.

Данные по трём крупным кузгун-каитайским деревням (Азикеево, Кузгун-Ахмерово, Серменево) свидетельствуют, что на летовки выезжало большинство населения (50—100 хозяйств), в деревнях оставалось 15—20 семей. Ведущим направлением хозяйства было коневодство. В среднем на одного “кочующего” приходилось пять—восемь лошадей. Относительно высокой была обеспеченность коровами. Количество мелкого скота было небольшим. Так, в д. Серменево в 115 дворах (100 выезжало на летовку) содержалось более 800 лошадей, около 600 коров, 150 овец и 100 коз. В расположенной среди гор и удалённой от больших дорог д. Кузгун-Ахмерово (65 дворов, 50 “кочующих”) соотношение скота было несколько иным: 300 лошадей, 118 коров, 100 овец и 19 коз³⁰.

Недалеко от этих мест, в левобережье Белой, в тамьянской д. Шигаево из 100 дворов выезжало на летовку 80. У жителей было 500 лошадей, 300 коров, 150 овец, 30 коз. Кочевой маршрут соединял верховья рек Кага, Рязь, Узян (притоки Белой) и верховья Малого Кизила (здесь был их водораздел)³¹.

В полном составе выходили на летовки жители аулов карагай-кыпсакских, бурзянских и других родоплеменных групп современного Бурзянского района. Наряду со скотоводством, здесь были развиты и лесные промыслы. На летовках занимались гонкой смолы, сидкой дёгтя, углежжением, заготовкой коры и бортничеством. Среднее количе-

Табун кумысных кобылиц
(Бурзянский район, 1971 г.).

ство лошадей в деревнях Бурзянской волости колебалось от двух до шести на двор. Коров в большинстве случаев было в полтора-два раза меньше. Встречались и исключения. В д. Атиково на р. Кана (69 дворов, все выезжали на кочёвку) количество лошадей и коров было одинаково — по 500 голов. В отдельных деревнях (Исянгазино, Мусятово) число коров превышало число лошадей. Мелкого скота было мало. В некоторых деревнях (Киекбаево, Миндегулово) в 1842 г. овец не было вообще, в других (Аскарарово, Исянгазино, Мусятово, Усманово) их насчитывалось меньше, чем дворов. Лишь в относительно многолюдных и зажиточных селениях (Абдулмамбетово, Атиково, Байназарово, Мунасиново, Субхангулово) овцы могли бы составить отару в одну-две сотни голов, но на двор приходилось в среднем только по две-три овцы. В единичных хозяйствах разводили коз³². Их содержание было более затруднительным особенно в зимнее время.

Сезонными жилищами в этих местах служили бревенчатые дома (*бурама*). Каждая кочевая группа имела готовые поселения: весенние (*язгы йорт*), летние (*йэйге йорт*) и осенние (*көзгө йорт*). Это и обуславливало повторяемость кочевых маршрутов из года в год. Каждая остановка имела название. В родственных деревнях Байназарово и Магадеево ещё в середине XX в. можно было услышать воспоминания о прошлых выездах со скотом в горы. Уходили километров за 20 на запад от деревни в сторону горы Юрматау. Дальнее летнее поселение на-

На кочёвке
(Восточное Зауралье, начало XX в.).

ходило у р. Нугуш. Постепенно приближаясь к деревне, в середине лета поселялись на кочёвке, называемой Алюшка-йорт. Вблизи деревни на поселении Багау-йорт проводили конец лета и сентябрь. С первыми заморозками возвращались в деревню³³. Таким образом, охватывались и дальние, и ближние пастбища. На сенокосных лугах и осенних стоянках жилищем служили шалаши (*кыуыш*), которые иногда покрывались шкурами животных, корой и др.

Полукочевой быт определял жизнь юго-восточных зауральских башкир (бурзян, кыпсаков, тамьянцев, тангауров и др.). Жители деревень, расположенных по Сакмарю, откочёвывали в Уральские горы. В середине лета в долинах небольших рек на западных склонах гор собирались несколько родственных деревень. Особенно оживлённо становилось на пустынных берегах Бетери (Бутар), притока р. Белая. Здесь сходились жители деревень Аминово, 2-е Иткулово, Идрисово, Кульсурово, Муллакаево, Темясово и др. (Баймакский район). К р. Майгашты (приток р. Кага) ежегодно направлялись скотоводы деревень Аскарново, Бурангулово, Кужаново, Салаватово, Таштимирово и др. (Абзелиловский район), расположенных в верховьях Кизила. К концу лета они возвращались в межгорье Ирендюка и Уралтау. Восточные склоны хребта Ирендюк становились на лето пристанищем жителей зауральских степных деревень.

В Зауралье использовались переносные жилища — кибитки (*тирма*) и конические шалаши. Это давало некоторую свободу в выборе места для летнего поселения, хотя и здесь порядок передвижения ежегодно повторялся. Ста-

рожили д. Ярлыкапово (Абзелиловский район) со слов своих отцов и дедов рассказывали, что сначала все жители откочёвывали за 35—40 км в горы, к р. Узян. Там были две постоянные стоянки на речках Сукракты и Кэбэк-айры, в двух-трёх километрах одна от другой. На каждой жили по полмесяца. К июлю переходили на западные склоны Ирендюка, чтобы заняться сенокосом. Затем те, у кого были посевы, жали хлеб. Во второй половине августа находились в горах в урочище Тулыбай, в четырёх-пяти километрах от деревни.

В сентябре в местности Суктай на берегах Кизила жили до холодов. Скотоводы д. Билалово (Баймакский район) имели четыре остановки: место, где жили до сенокоса (*Оло һәүәнәк*), место, где находились сенокосные луга (*Кандыбил*), стоянка в августе (*Бәләкәй һәүәнәк*), место осенней стоянки (*Көзгө ташлы йорт*) у подножия Ирендюка³⁴.

Привлечение башкир к земледельческим занятиям внесло значительные коррективы в их образ жизни. Во многих деревнях на кочёвки выезжали только по завершении сева (чаще всего 1 июня). Таким образом, из календаря кочевий выпадала весенняя стоянка — отправлялись сразу на летовку. Кочевание в середине и во второй половине лета недалеко от деревни было обусловлено, как отмечалось выше, необходимостью заготовить сено и выполнить ряд сельскохозяйственных работ.

В первой половине XIX в. юго-восточное Зауралье оставалось типично скотоводческим районом. В этом регионе было значительным общее количество лошадей, крупного рогатого скота и овец. Можно перечислить множество деревень (Баишево, Баймурзино, Бахтигареево, Буранбаево, Ишмухаметово, Кульсурово, Туркменево и др.), где в 30—40-е гг. XIX в. на один двор в среднем приходилось от 10 до 20 лошадей. Структура стада была представлена в нескольких вариантах. Характерное для кочевников-скотоводов соотношение видов скота сохранялось в степной зоне в деревнях Абдряшево, Альмухаметово, Исяново, Туркменево, Халилово и др. (восточная часть Баймакского и юго-восточная часть Абзелиловского районов). Коров здесь было в

полтора-два, а то и в три раза меньше, чем лошадей. Число овец часто приближалось к числу лошадей, во всех случаях оно превышало количество крупного рогатого скота. Так, в д. Халилово (Абзелиловский район) в 62 дворах насчитывалось 300 лошадей, 150 коров, 200 овец, 80 коз, в д. Туркменево (Баймакский район) в 76 дворах — 1 тыс. лошадей, 780 овец и 230 коров. Классический образец соотношения животных показывало стадо д. Исяново (Баймакский район), где на 46 дворов приходилось 220 лошадей, 150 овец, 70 коров, 20 коз³⁵.

В аулах по р. Сакмара, напротив, содержалось много крупного рогатого скота: число коров превышало число лошадей в полтора-два раза. Овец здесь по сравнению с соседними горно-лесными аулами было также достаточно. Например, в д. 2-е Иткулово (116 дворов) в 1839 г. держали 480 лошадей, 1100 коров, 400 овец. В д. Яратово (32 двора) было 266 лошадей, 433 коровы, 261 овца. Примерно такое же соотношение было зафиксировано в д. Баймурзино (30 дворов): 357 лошадей, 541 корова, 326 овец. Большие стада коров отмечены в деревнях Мирясово, Мукасево, Нигаматово, Тавлыкаево, Чингизово и др. В некоторых деревнях, например в д. 1-е Иткулово, число овец превышало количество и коров, и лошадей. Нередко в стадо входили козы. В среднем от трёх до пяти коз на двор приходилось в деревнях Абдрахманово, Баишево, Баймурзино, 1-е Иткулово, Мурзакаево, Туркменево и др. В то же время были населённые пункты (2-е Иткулово, Муллакаево, Нигаматово, Яикбаево и др.), где коз практически не разводили.

Разумеется, поголовье скота распределялось по дворам неравномерно, имущественное расслоение было значительным. Тем не менее, судя по официальным сведениям, до середины XIX в. в юго-восточном Зауралье на летовки выходило большинство жителей. Можно назвать не один десяток аулов, в т. ч. и многодворных, которые оставались на лето пустыми. Так, из д. Темясово выезжало 110 дворов, из Тавлыкаево — 106, из Альмухаметово — 96, из Туркменево — 76, из Яикбаево — 75, из Халилово — 62, из Ахмерово — 60 и т. д. В других аулах оставалось по несколько семей, редко до 10 и больше.

Таким образом, в небольших группах деревень даже одного Верхнеуральского уезда скотоводство развивалось по-разному: были различия в количестве и видовой структуре поголовья скота, системе летнего выпаса.

Эту картину можно дополнить, охарактеризовав развитие скотоводства в северной части уезда: в горах в бассейне р. Инзер и в Зауралье по рекам Малый Кизил и Урал.

Из-за плотного заселения берегов Инзера и трудностей выпаса больших стад в высокогорье поголовье скота у инзер-катайцев было сравнительно небольшим. В башкирских деревнях около рудников и заводов в стаде преобладали овцы. Например, в д. Усмангали в 1843 г. соотношение лошадей, коров и овец было соответственно 3:2:5. Примерно такой же состав был характерен для поголовья скота в деревнях Бердагулово, Гадельшино, Куяково и др. Ниже по Инзеру (деревни Бриш, Зуяково, Манышта, Сафаргулово) на двор приходилось по две-три головы лошадей и крупного рогатого скота, овцы же присутствовали лишь в некоторых хозяйствах. В частности, в д. Зуяково (41 двор) насчитывалось 110 лошадей, 85 коров и 17 овец. На Инзере коз разводили мало. Многочисленные источники подтверждают выводы о глубоком упадке скотоводства и разорении инзерских башкир³⁶. Несмотря на это, выезды на летовки здесь не прекратились. Выезжали из деревень уже в мае и были на кочёвках до сентября или даже октября. Жители деревень Бердагулово, Куш-Елга, Новохасаново поднимались вверх по Малому Инзеру, из деревень Аисово, Арышпарово, Нукатово, Усмангали направлялись к хребту Зилмердак. На кочёвках занимались сбором мёда из бортей, охотой на боровую дичь, заготовкой леса, изготовлением деревянной посуды и т. д. Каждая кочевая группа заготавливала в определённом месте сено.

Существенные перемены коснулись скотоводческого хозяйства зауральских волостей: Кубелякской, Телевской и ближайших деревень Кара-Табынской (юг Учалинского, север Абзелиловского районов). Это узкая, плотно заселённая полоса земли вдоль Уральских гор, граничащая на востоке с землями оренбургского казачества, расселившегося по р. Урал. Часть вотчинных башкирских земель была здесь отторгнута под золотые прииски, рудники. Совсем рядом находился уездный центр — г. Верхнеуральск. От него через Телевскую волость шёл большой «коммерческий тракт» к Белорецкому и другим заводам, далее на Стерлитамак, связавший Приуралье с Сибирью. Всё это не могло не сказаться на быте и хозяйстве башкир. И всё же скотоводство, хотя и в трансформированной форме, к середине XIX в. ос-

тавалось здесь ведущей отраслью хозяйства. Среднее количество лошадей на двор колебалось в значительных пределах: в большинстве населённых пунктов оно составляло две-четыре; в некоторых (деревни Балапаново, Еникеево, Казаккулово, Кучуково и др.) приходилось по пять-шесть лошадей на двор. Самые высокие показатели (семь-девять лошадей) отмечены в степных деревнях Баймово, Галиахмерово, Москово, Ново-Байрамгулово, Ягудино и др. Почти всюду коров было в два раза меньше. Большие стада коров, более 200 и даже 300 голов (в среднем по шесть-восемь на двор), собирались в Галиахмерово, Ново-Байрамгулово. Связанные тесно своим происхождением деревни Ягудино и Москово, расположенные на берегу р. Урал, выделялись наличием большого поголовья лошадей и коров, внушительного количества овец. На 60 дворов здесь было зарегистрировано 457 лошадей, 350 коров, 500 овец и около 100 коз. Много овец (больше, чем лошадей и коров) было также в деревнях Кучуково (более 10 на двор), Наурузово (семь-восемь). В других деревнях приходилось по одной-две овцы на двор; были деревни, где овец не было вообще (Каипкулово, Ново-Байрамгулово и др.). Небольшим в этих деревнях было поголовье коз³⁷.

На летовки в этом районе не выезжало от 10 до 20% жителей деревень. Укрепился обычай “кочевать” вокруг деревни: отходили за две-три версты и время от времени меняли место стоянки. Изменились сроки: выезжали во второй половине мая, а ещё чаще в начале июня. Возвращались во второй половине августа или в сентябре. В целом, выпас скота на отгонных кочевьях занимал не более трёх месяцев. Таким образом, произошёл сбой в прежней скотоводческо-пастбищной системе.

Опубликованные источники по восточному Зауралью выявляют примерно ту же картину³⁸. В более ранний период кочевья здесь были удалены от деревень на 10—15 и более километров. Затем кочевые маршруты резко сократились, были ограничены во времени и предельно приближены к деревням. Многие кочевые поселения устраивались в нескольких километрах от аула. Нередко “кочевание” осуществлялось в радиусе одного-двух километров. В официальном отчёте за 1862 г. о состоянии дел на территории Башкиро-мещерякского войска* благополуч-

ными скотоводческими районами признавались только три: долины рек Ток, Большой и Малый Уран (Бузулукский уезд), бассейн Дёмы (Белебеевский уезд) и Бурзянская волость в Верхнеуральском уезде. Как следует из этого документа, самый большой табун в крае — до 700 голов — принадлежал мулле Аллаберде Джаналину, жившему в долине р. Ток. К середине 60-х гг. XIX в. в башкирских кантонах было зарегистрировано 1327 кочевий с 27049 кибитками*. Самое большое количество кочевий (660) находилось в Верхнеуральском уезде. Наибольшее число кибиток (7,5 тыс.) оказалось в Стерлитамакском уезде, затем в Верхнеуральском и Челябинском (по 6,5 тыс.), Оренбургском (4,6 тыс.) и Белебеевском (1,6 тыс.) уездах³⁹.

За последующие десятилетия процессы, обозначившиеся в скотоводстве башкир в первой половине и середине XIX в., были доведены до своего логического конца. Перемены, связанные с переходом скотоводов к оседлости, распространялись с севера на юг, затрагивая от года к году всё новые и новые территории.

В поселениях на берегах Дёмы и Ашкардара, в одном из значительных скотоводческих районов, в 40-е гг. XIX в. на один двор приходилось до 20 (иногда больше) лошадей, 10 коров и 15 овец. Были деревни, которые отличались большим поголовьем крупного рогатого скота. Все жители этих деревень переселялись на летние пастбища, расположенные в поймах рек, за 15—25 км⁴⁰. В начале 80-х гг. XIX в. в одном из официальных изданий сообщалось, что в Уфимской губернии “сохранилось” традиционных кочёвок осталась долина Дёмы, но выход на летние пастбища имел экономическое значение лишь “для немногих зажиточных жителей, имеющих достаточное скотоводство”, для остальных кочёвки сохраняли “традиционное... влечение, без всяких экономических мотивов”⁴¹.

Переход к оседлости и формирование земледельческой направленности хозяйства особенно активно происходило в Уфимской губернии. “Есть много деревень, — писал в отчёте экономист и этнолог А.Н. Калачёв, совершивший поездку по губернии в 1898 г., — в которых башкиры сами никогда в жизни не видели тирмы** и выслушивали вопрос, когда они в последний раз ездили на ко-

* Территория охватывала районы с преобладающим башкирским населением.

* В данном случае понятие “кибитка” соответствует понятию “кочевой семейный коллектив, семья”.

** Юрта (баш. *тирма*).

чѣвку, с недоумением”⁴². Кочевая жизнь осталась в далёком прошлом не только для населения северного Мензелинского уезда, но и для центрального Уфимского. Не выезжали на летовки жители из пяти обследованных деревень северо-восточного Златоустовского уезда. В Стерлитамакском уезде встречались единичные летние поселения лишь вблизи южных деревень. Поездка была начата с Белебеевского уезда. Здесь, в верхнем течении Дѣмы, исследователь увидел в двух деревнях по одной юрте. Обе юрты принадлежали “очень богатым старикам башкирам, которые, — как писал А.Н. Калачѣв, — в них живут как на даче ради того, чтобы до своей смерти сохранить старинный, милый их сердцу обычай”. В тех же деревнях 10 семей выходили за околицу и жили в перелеске в аласыках или шалашах, наблюдая за пасущимся скотом. Кочевые традиции сохранялись у скотоводов в самых разнообразных формах. Это мог быть выезд вместе со скотом на жнивье после уборки урожая, устройство временных жилищ на какой-нибудь поляне у самой деревни или даже в пределах своей усадьбы. Наблюдалось резкое уменьшение количества скота. Среди жителей 29 обследованных деревень 15% были безлошадными. Своих коров, овец и коз они пасли в общем стаде на деревенском пастбище. Из 19 деревень, расположенных в поясе традиционного полукочевоего скотоводства, лишь в пяти в той или иной мере осуществлялись выезды на летние пастбища. Пять деревень отошли от этого обычая ещё в первой половине XIX в., четыре — в конце 50-х—60-е гг., пять — в последний раз жили на летовке в 1878 г.⁴³ Отдельные кочевья сохранились на юго-западе до 90-х гг. XIX в.

Побывавший в волостях северо-восточного и центрального (горного) Башкортостана Д.П. Никольский писал в 90-е гг. XIX в. о “полном упадке” скотоводства — в недавнем прошлом главной отрасли хозяйства: “Теперь редко можно встретить у одного хозяина 100—200 голов лошадей, не говоря уже о рогатом скоте. Прежде самый бедный башкир имел столько же лошадей и скота, сколько теперь имеет богатый. В настоящее время башкир, владеющий 20—30 лошадьми, считается богачом, да и таких богачей немного”⁴⁴.

По мере сокращения поголовья скота повсеместно уменьшалось число семей, выезжающих на отдалённые летние пастбища. В восточном Зауралье, по материалам Р.З. Янгузина, на территории скотоводческого Шад-

ринского уезда на летовках жили только те башкиры, которые имели дойных кобыл и готовили кумыс. Славился богатством Камалетдин Мухамедьяров из д. Мурино, имевший 40 лошадей. Самому богатому жителю д. Серкино Габдулкасиму Кадирову принадлежал косяк в 20 голов. В этой деревне из 40 дворов на летовки выходило всего пять-шесть семей⁴⁵.

В восточных степях Зауралья (территория современной Курганской области) обеспеченность скотом была несколько выше, особенно в Сарт-Калмакской волости (деревни Мурзабаево, Мышкаево, Султаново и др.). Наиболее зажиточные башкиры занимались перепродажей и откормом скота, получив ценз “скотопромышленников”⁴⁶.

Дольше сохранялись полукочевые традиции в юго-восточном Башкортостане (Верхнеуральский, Орский, Троицкий уезды). Обеспеченность скотом в ряде мест (особенно во 2-й Бурзянской и 4-й Усерганской волостях Орского уезда Оренбургской губернии) была выше, чем в Шадринском и Челябинском уездах, хотя количество скота в результате эпизоотий и других неблагоприятных обстоятельств заметно снизилось и здесь. Старожилы д. 1-е Иткулово (Баймакский район) рассказывали, что до революции в деревне баев было человек 10—15. У каждого имелось около 10 коров, 40—50 овец, 50—60 кобылиц. Однако основную массу составляли бедняки с одной лошадей и одной коровой; были дворы и безлошадные⁴⁷.

Особенностью юго-восточного Башкортостана, как подметил Р.З. Янгузин, было длительное сохранение кочѣвок независимо от количества скота⁴⁸. По-видимому, это объяснялось устойчивостью традиционного образа жизни и патриархально-родовых отношений. На юго-востоке был распространѣн обычай саун (*сауын*) — выделение во временное пользование дойного скота. Обедневшие семьи, взяв корову, за пользование молоком работали на бая, в конце сезона возвращали часть удою маслом, коротом. Во время экспедиций по юго-восточным районам приходилось слышать, что богатые люди следили, чтобы в деревнях никто не оставался: боялись пожаров. Если обнаруживали, что какая-то семья не выехала на летовку, специально посылали за ней подводу. В больших хозяйствах требовалось много рабочих рук; работа находилась всем, даже детям. В лесостепной и лесной полосе многие жители во время летовок занимались лесными промыс-

лами. Богатые башкиры привлекали родственников и соседей для рубки леса и заготовки сена, созывая помощь (*әмә*). В одном из произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка описана помощь во время сенокоса, организованная башкирским баем Бузыкаем из д. Муйнаково (Учалинский район), собравшая до 700 участников⁴⁹.

Кочёвки в юго-восточном Башкортостане привлекали внимание многих путешественников и учёных, посетивших край в последние десятилетия XIX в.

Итальянский профессор С. Сомье в начале 90-х гг. XIX в. проводил научные исследования в Башкирском Зауралье. Некоторое время он жил в д. Ташбулатово Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (Абзелиловский район), общаясь с местным населением. “Летом богатые, у которых много скота, сопровождают свои стада на пастбища, которые в большинстве случаев не бывают удалены от деревни больше чем на 40—50 вёрст”, — писал С. Сомье в заметке, опубликованной в “Записках Уральского общества любителей естествознания”⁵⁰. Башкирская семья, которая приютила учёного, выезжала на летовку за 25 км от деревни. Почти полвека спустя этнографам удалось услышать в этой же деревне от старожиллов удивительное повествование об обычаях, связанных с выходом на летовку.

В начале мая собирались старики, чтобы назначить день выезда. Нередко скот, чувствуя приближение лета, трогался на привычные места летовок, присматривал за ним пожилой мужчина. Тем временем жители деревни готовились в дорогу: собирали вещи, чинили телеги и упряжь. В назначенный день трогались в путь. Молодые, как правило, отправлялись верхом и к приезду остальных девушки и молодые женщины готовили обед.

В “Заметках башкира о башкирах” П.С. Назарова, опубликованных в 1863 г. в столичном журнале “Современник”⁵¹, запечатлён момент переселения из деревень на летние пастбища. Собираясь в путь, “нагружают телеги разными домашними принадлежностями... Молодые башкиры и башкирки одеваются в самое лучшее платье и гонят, все верхами, табун лошадей, стадо коров, овец — впереди телег”. Но вот приехали “на место кочёвки; выстроили бедные башкиры шалаши, а богатые раскинули кибитки и покрыли их белою кошмою... Потом собираются у какого-нибудь богатого башкира попить кумысу, без которого башкиру кочёвка не в кочёвку... Попивши у одного, идут к другому”.

Современник П.С. Назарова П.И. Небольсин наблюдал кочёвки горно-лесных башкир. Поскольку переезд в горах для телег затруднителен, использовались вьюки: “У лесных башкир при перекочёвках имущество укладывается в “чиляки”* или лубочные коробки, и все то навьючивается на лошадей”. Он видел, как грудных детей матери укладывают себе за “зилян”**, подвязывают кушаком и так едут верхом на лошади⁵².

В 1893—94 гг. летние поездки по Верхнеуральскому и Орскому уездам Оренбургской губернии предпринял музыковед и этнограф С.Г. Рыбаков. Он побывал в деревнях Ташбулатово и Аскароро (обе Абзелиловский район). Деревни выглядели пустынными, большинство жителей и скот находились в горах. Гостей проводили на кочевье, находившееся в 40 верстах от д. Аскароро. Кочёвки других деревень по восточному склону Ирэндька были удалены от жилья на 10—20 вёрст. С.Г. Рыбаков подметил, что у скотоводов Орского уезда “кочёвка... не сосредоточивается всеми своими кошами*** в одном месте, а растягивается на несколько вёрст, так что в известном месте стоит только коша три, четыре, а затем, через версту приблизительно, другие два, три коша, — в тех видах, чтобы для скота было больше простора пастись и не так часто приходилось менять места кочёвок”⁵³.

В летнем кочевье волостного старшины Сулейманова, где остановился С.Г. Рыбаков со своими спутниками, было пять-шесть юрт. Они стояли на возвышении среди нечастого леса и были окружены изгородью из жердей, чтобы скот не подходил близко к жилищам. Когда путники приблизились к стоянке, был вечер, и за поселением на поляне собралось много кобылиц и коров; там же паслись овцы, козы. Беспokoйный гомон недоеного скота эхом отдавался в горах. После дойки “скот угомонился и лежал поблизости на мокрой траве; лошади были подоены и отогнаны в лес, на ночь, пастись...”. Это было кочевье жителей из д. Темясово 2-й Бурзянской волости Орского уезда Оренбургской губернии.

Экспедиция посетила и 3-ю Бурзянскую волость — горную, малопроезжую местность, кажущуюся порой безлюдной. Д. Миндегулово, в которой располагалось волостное правление, была “безлюдная, молчаливая”. Её

* Деревянные кадки.

** Верхняя одежда (баш. *елән*).

*** Имеются в виду летние жилища: юрты, конические шалаши и др.

жители находились в 18 километрах на летовке “на горе Масим”. Поселение состояло из бревенчатых избушек, поставленных на поляне почти на вершине горы, к ним вела крутая каменистая дорога. Вокруг жилищ в лесу пасся скот. По замечанию С.Г. Рыбакова, в этих местах почти не осталось баранов и овец, так что баранину приходилось покупать в соседних волостях. Деревня Атиково, через которую путешественники проехали на Кананикольский завод, как и другие юго-восточные деревни в летнюю пору, была “совсем безлюдной”.

Лев фон Берггольц шесть лет наблюдал за жизнью инзерских катаяйцев. В очерке, присланном в 1892 г. на Географическую выставку в Москву, он характеризует катаяйцев как “народ кочевой”, поскольку всё лето они “проводят переезжая с одной кочёвки на другую”⁵⁴. Берггольц сообщает, что у каждой деревни имеется две, у некоторых — три кочёвки, которые удалены от деревни на расстояние до 15 вёрст. Обычно в начале лета “перекочёвывают на дальнюю кочёвку, где живут до тех пор, пока ещё трава вокруг не вся будет съедена скотом, — приблизительно до половины лета; затем перекочёвывают на другую, ближе к деревне, где живут до зимы”. В ряду традиционных занятий горных катаяйцев на первое место он ставит скотоводство, затем лесные промыслы и бортевое пчеловодство.

Д.П. Никольский, будучи членом Уральского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, проводил исследования в Верхнеуральском уезде. Побывав на Инзере и в верховьях Белой, он посетил 10 аулов (Зуяково, Манышта, Серменево, Тереклы, Усмангали и др.) и несколько кочевий⁵⁵. На кочёвки здесь выезжала, как правило, вся деревня. Время выезда зависело от того, когда исчезал снег в горах и вырастала трава. Это случалось во второй половине или в конце мая, а иногда даже в начале июня. “Главное отличие кочёвки лесника-башкира от степняка в том, что здесь вместо белых или тёмно-серых кошей, которыми пестреет степь, встречаете маленькие низкие избушки... покрытые драньём или лубом... Почти около каждой кочёвки находится дворик, обнесённый изгородью, куда на ночь загоняется скот... Такие кочёвки лесной башкир устраивает в нескольких местах, смотря по месту передвижения, — у иных бывает до трёх-пяти и более”, — делился впечатлениями и полученной информацией Д.П. Никольский.

Приготовление кумыса
(д. Нижнеарметово Ишимбайского района, 1981 г.).

На юго-востоке Башкортостана, в горах и в Зауралье, выезды на летовки продолжались и в первые десятилетия XX в. По словам информаторов, “выезжали обеспеченные семьи, у кого было много скота”. Вместе с ними или сами по себе кочевали, объединившись, и середняки.

В 1909 г. кочевье башкир сфотографировал исследователь Месарош Дьюла. В течение почти полутора месяцев он жил и работал в долине Сакмары (деревни Исяново, Темясово, Тупаково, Юмашево) — в местности, где, по словам М. Дьюлы, “башкиры устойчиво сохраняют свой исконный — кочевой, вернее, полукочевой быт, который является самой интересной их особенностью”⁵⁶.

Три летних сезона (1906, 1907 и 1912 гг.) провёл среди башкир, ведя наблюдения и собирая коллекции для Русского музея, С.И. Руденко. К опубликованной в 1925 г. монографии “Башкиры” были приложены карты распространения кочёвок, обозначены районы бытования юрт и других временных жилищ. На страницах книги помещены фотографии летовок в зауральских степях⁵⁷.

Последние выезды населения юго-восточного Башкортостана на летние пастбища были сопряжены в основном с двумя периодами. Большая группа деревень степного Зауралья последний раз выезжала на летовки перед Гражданской войной или перед голодом 1921 г. По нашим материалам, в 1919 г. была последняя летовка у жителей деревень Абдулкаримово и Татлыбаево Бурзян-Тангауровского кантона АБСР (Баймакский район), в 1920 г. — д. Абзаково Тамьян-Катайского кантона (Белорецкий район), в 1921 —

деревни Галиево и Рафиково Бурзян-Тангауровского кантона (соответственно Баймакский и Хайбуллинский районы), в 1926 — д. 1-е Иткулово Зилаирского кантона (Баймакский район). Одними из последних, кто выходил на летовки, были башкирские семьи из деревень Биалово и Кусеево Зилаирского кантона (обе Баймакский район) — соответственно в 1929 г. и 1930 г., т. е. в начальный период коллективизации. Традиционный образ жизни продолжали вести скотоводы восточного Зауралья, например, д. Уразаево Аргаяшского кантона БАССР (Челябинская область), тогда как большинство челябинских башкир перешло к полной оседлости уже в самом начале XX в.

До создания коллективных хозяйств продолжали выезжать на летовки жители горных аулов. В 1928 г. на летовках жили башкиры д. Исмакаево Зилаирского кантона (Белорецкий район), в 1929 г. — деревни Хамитово и Шигаево Тамьян-Катайского кантона (обе Белорецкий район), в 1931 г. — д. Киекбаево Бурзянского района и Кузгун-Ахмерово Белорецкого района. С обобществлением скота некоторые горные летовки были превращены в фермы.

Богатый опыт башкир в организации скотоводства пригодился при восстановле-

нии народного хозяйства в советский период (после Гражданской войны). В 30-е гг. среди республик Урала и Поволжья БАССР как животноводческий район занял первое место⁵⁸. Главным направлением животноводства в XX в. стало разведение крупного рогатого скота с мясо-молочной (в горах) или молочно-мясной специализацией. Важной отраслью, особенно в степях Зауралья и в юго-западном Башкортостане, стало овцеводство. В хозяйствах Абзелиловского, Баймакского, Зианчуринского, Учалинского и Хайбуллинского районов РБ сосредоточено 27% поголовья овец и треть всего производства шерсти⁵⁹.

По традиции видную роль в Башкортостане играет коневодство. Наибольшее количество лошадей содержится в зауральских районах: Абзелиловском, Баймакском, Учалинском, Хайбуллинском. До сих пор используется опыт круглогодичного содержания табунов на пастбищах⁶⁰. Во многих южных районах имеются кумысофермы. В бассейне Дёмы, в известных санаториях Шафраново, им. С.Т.Аксакова, Юматово и др., кумыс используется для лечения. Многие племенные фермы и конезаводы совершенствуют всемирно известную породу башкирской лошади.

ПЧЕЛОВОДСТВО, ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО

Южный Урал является древним центром евразийского пчеловодства. В XVIII—XIX вв. здесь можно было обнаружить все ступени развития этой отрасли хозяйства: сбор мёда диких пчёл из дупел и из поднятых на дерево бортей; содержание пчёл в колодах во дворах; организация пасечного пчеловодства.

Авторы историко-этнографических работ, посвящённых изучению хозяйственной жизни башкир, относят бортничество (*соллоксолок*) к старинным промыслам. Одинаковые у многих тюрков названия пчелы (*корт*), мёда (*бал*), воска (*балауыз*), топорика для вырубki бортей (*багау*), а также возможность объяснить понятие “колода” исходя из тюркской лексической основы дали Ф.Ф. Илимбетову основание утверждать, что ещё в древности тюркские народы были знакомы с пчеловодством. В то же время Ф.Ф. Илимбетов, как и С.И. Руденко, обнаружил в башкирском пчеловодстве, особенно в северном Башкортостане, много общего с пчеловодством восточных финнов (мари, удмуртов), а также чувашей и поволжских та-

тар¹. Видимо, эта отрасль получила развитие у многих народов Прикамья и Приуралья. С.И. Руденко также отмечал, что у башкир пчеловодство имело ряд особенностей — использование в бортничестве специфических приспособлений для лазания на бортные деревья и сохранение в течение долгого времени “ярко выраженных пережитков ранних форм пчеловодства”.

Задолго до присоединения Башкортостана к Русскому государству башкирский мёд вместе с пушниной и лошадьми встал в ряд наиболее привлекательных ценностей. В одном из исторических преданий, повествующих о взаимоотношениях башкир с булгарами, пчеловодство называется, наряду с охотой, старинным промыслом. По прото-рённому пути (“дорога до булгар занимала пятнадцать-двадцать дней”) возили продавать в г. Булгар мёд и меха. У катайцев, живших в верховьях р. Белая, из поколения в поколение рассказывается история “времен ханов”, когда монголо-татары наложили на башкир ясак из мёда и пушнины. “Вначале,

— повествуют сказители, — всё это показалось не очень обременительным. Бортью были полны леса и горы. Мёду, помимо ясака, и для самих оставалось...”². Следует отметить, что изображение топорика с поперечным лезвием для бортей было тамгой горных катайцев.

Ясак, наложенный на башкир после принятия русского подданства, также состоял из мёда и мехов. Количество мёда измерялось батманами*. Ясак был распределён между племенами. В шежере минцев упоминается, что они ежегодно сдавали 18 батманов мёда³. С введением общероссийского административно-территориального устройства в ясачных книгах подати были расписаны по волостям, а внутри них по родовым подразделениям — тюбам или аймакам. Согласно архивным материалам, большое количество мёда сдавали северные башкиры. Например, на Казанской дороге одна из тюб Ельдякской волости ежегодно собирала в счёт ясака 37 батманов мёда, Булярской волости — 21, Гирейской волости — 25, часть башкир из Шемшадинской волости — 27 батманов⁴.

Земля и лесные угодья, располагающие к занятиям пчеловодством, являлись собственностью башкир. С припуском в вотчины переселенцев из Поволжья (мари, русских, татар, удмуртов) и башкир из других волостей часть земель передавалась им во временное пользование, при этом предоставлялись права и на бортевые угодья. По сохранившимся в архивах документам можно судить о масштабах пчеловодства и некоторых сторонах организации сбора мёда в то время.

Очевидно, в XVII—XVIII вв., в наиболее ранний период, отражённый в архивных источниках, пчеловодство находилось на стадии классического бортничества. Борты (солок), выдолбленные чаще всего в стволах сосен, а также лип и других деревьев, исчислялись десятками и сотнями. Деревья с бортиями (“дельные деревья”

Резной батман
(д. Утягулово Зианчуринского района, 1970 г.).

Пчеловод с батманом
(д. Ибраево Зианчуринского района, 1981 г.).

или “дупляные деревья”), как правило, помеченные знаками собственности — тамгами (тамга), передавались по наследству, дарились, отдавались в заклад или в залог, продавались, переходили на срок в оброчное владение⁵. При смене владельца ставилась новая тамга.

При припуске в вотчину в договорных записях подробно оговаривались условия пользования “бортными ухозяями”. Они были многовариантны: от разрешения “вотчиной владеть вопче*, борты делать, мёд выдирать” до полного запрета “всякими угодьями владеть обща... кроме бортных ухозяев”, “до дельного дерева, до бортей и до дупленец дела нет”. Часто поселенцам разрешалось “новые дупленцы рубить и борты делать”, в старые же борты “не вступатца”⁶. В старинной записи на совместное владение вотчиной в Ирехтинской волости Осинской дороги (1707 г.) права землевладельцев и припущенников были разграничены в следующей форме: “наших дедов и отцов старых бортей и наших новых [бортей]

* Батман — мера массы: 1 батман равен 10 фунтам, 1 фунт равен 410 граммам.

* Совместно с вотчинниками.

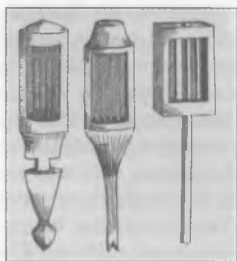
Колода-борть
(юг Башкортостана, 1970 г.).

владеть нам по своим тамгам”, а им — по своим, и “друг у друга... из бортей пчёлы не выдирать”⁷.

В деловых бумагах отражён характер пчеловодства: “дупленницы рубить”, “борти делать в дубравах” (или “в чёрном лесу”), “мёд из дупляных деревьев, из бортей выдирать”, “в борти лазить”. Казённые фразы колоритно передавали суть бортничества.

О том, что в северных районах Башкортостана в XVII—XVIII вв. масштабы бортевого пчеловодства были значительными, говорят факты и цифры из архивных материалов. В 1734 г. один из вотчинников Булярской волости Казанской дороги пустил на поселение башкирскую семью из Ногайской дороги и уступил во владение 50 бортей. Башкир Кущинской волости Сибирской дороги, выделив землю своему деду, дал ему 20 деревьев “дельных без пчёл”, другим родственникам “100 деревьев дельных”. Один пчеловод из Таныпской волости Сибирской дороги отдал в заклад “дельных деревьев 100 бортей”, другой, из Унларской волости той же дороги, заложил 10 бортей с пчёлами. В наёмной записи башкир Иланской волости Казанской дороги (1716 г.), взявший в долг, обязался выполнить ряд работ в вотчине кредитора, в т. ч. вырубить в лесу 600 бортей “снастями” хозяина⁸.

В отличие от некоторых других отраслей хозяйства пчеловодство напрямую зависело от природных условий. В восточном Зауралье башкирское население пчеловодством не занималось: там не росла липа, было мало хвойных лесов. В 1726 г. в “Записке” кунгурского бургомистра Юхнева о Казанской, Осинской и Ногайской до-

Деревянные коробочки для пчеломатки.

рогах говорилось, что в них “мёду и воску довольно”. В пределах же Сибирской дороги было не везде одинаково: “улей с мёдом много по ту сторону к Уфе... а по сю сторону к Сибири чрез Уральские горы нет”⁹. П.С. Паллас видел пчелиные улья (*умарта*) у озера Чебаркуль. Восточнее этих мест, как писал в дневнике учёный, “все башкирцы по Исетской провинции кочующие не радеют о содержании пчёл”. Он объяснял это отсутствием годного для ульев леса и частыми перекочёвками населения, занимавшегося главным образом скотоводством¹⁰. Не было развито пчеловодство и в южных степях.

Кроме населения северных лесов (особенно в бассейне р. Быстрый Танып и нижнего течения р. Белая), пчеловодством активно занимались горные башкиры. “Есть места, особенно вверх по реке Инзеру, где на каждые сто деревенских семей считается круглым счётом по тысяче и даже до двух тысяч бортей”, — сообщал в середине XIX в. П.И. Небольсин¹¹. О бортевом пчеловодстве у бурзян, живущих по р. Белая, писал А. Игнатович. Содержание пчёл в бортях в лесу местное население соотносило с дедовскими обычаями: “наши отцы и деды так делали и нам так велели”. У большинства семей было сравнительно немного бортей, но у некоторых насчитывалось до 50 “кряжей”¹². Поиски диких пчёл и приживание роёв в стволах деревьев в обустроенных пчеловодами гнёздах практиковалось в горах повсюду. Этот промысел описал, находясь на Урале, П.И. Небольсин. “Известно, что пчёлы, разроившись в лесах и выбрав себе матку, сами прививаются... к какому-нибудь дереву — дубу, вязу или осокори. Зная это, башкирцы весной, в мае, целыми деревнями отправляются в леса на поиски, и, разделившись партиями, каждый сам про себя, выискивают лесины, в которых отошедший рой может поселиться. Найдя такое дерево, башкирец затамговывает его своей тамгой... и приступает к обделке борти. Пособиями в этом ему служат топор, нож и “кирен” (*кирэм*), или широкий, пальца в четыре, ремень, выплетенный из нескольких узеньких сыромятных ремешков”. Борти разбивались на дереве довольно высоко, до 10 и более метров, чтобы обезопасить их от медведя. Для подъёма на дерево пчеловод делал внизу

⁸ Кряж — колода, долблённый улей.

ствола две зарубки. Обхватив себя вокруг пояса плетёным ремнём и, закрепив его концы деревянными палочками к дереву, начинал подниматься, упираясь ногами в ствол, а спиной в ремень. Встав на первую пару зарубок, он начинал вырубать новые уступы: “рубнёт налево, сделает там зарубку — и поставит туда левую ногу, потом рубнёт направо — переставит правую ногу; потом опять начинает работать налево, а там направо, и наконец достигает надлежащей высоты, останавливаясь иногда саженья в пяти от поверхности земли. Там уже в полулежащем положении, держась на зарубках и повиснув на ремне, он начинает долбить дере-

Сосу для сбора мёда, подставка для ног и плетённый ремень (Белорецкий район, начало XX в.).

во”. Дупло долбили, стремясь расширить и довести его до нужных размеров — “в диаметре четверти* в две, а длиной до двух с половиной аршин**”. Щель закрывали обрубком, оставляя небольшое пространство — леток (*кейэ*)¹³.

В полости дерева в трёх-четырёх местах закрепляли планки (*тагарах*) для поддержания сот, а к потолку прикрепляли вошки. Такое оборудование борти, отмеченное Ф.Ф. Илимбетовым на северо-востоке¹⁴, возможно, являлось узколокальным обычаем. Другие народы Прикамья обходились без внутреннего обустройства дупляных гнёзд.

В стволе одного дерева на разной высоте иногда было по две или даже три борти. С конца июля и в течение августа владельцы затамгованных деревьев несколько раз объезжали свой участок для сбора мёда. Поднимались на ствол по готовым зарубкам, от пчёл были защищены масками-сетками. Кроме ножа и топорика с поперечным лезвием, имели за плечами липовую кадочку (*батман*, *бал силэге*) для вырезанных сот.

П.И. Небольсину принадлежит самое первое упоминание о пасеках у башкир — об ульях-колодах (*тумэр умарта*), расставленных “на огородах или где-нибудь около деревни”¹⁵. В последние десятилетия XIX в. сообщения о колодах, собранных на полянах, в усадьбах или подвешенных на деревьях, появляются всё чаще. В описании Оренбург-

ской губернии Н. Литуновский (1878 г.) говорит о бортовом пчеловодстве у башкир в зоне лиственных лесов и о пасеках из долблёных ульев (автор называет их бортиями). Сделанные из липы, осины, сосны или дуба, они были “от 2,5 до 3 аршин высотой и до 3 аршин в обхвате”¹⁶.

В “Записках” Уральского общества любителей естествознания в 1897 г. была опубликована заметка путешественника по России барона И.А. де-Бая, посетившего окрестности Уфы. Направляясь к могиле Хусейн-бека около д. Чишмы, де-Бай обратил внимание на то, что “вокруг ульев, очень многочисленных в их деревнях, башкиры помещают на вершину шестов лошадиный череп или козлиные рога, чтобы пчёл не были заколдovаны”¹⁷. Такие обереги встречаются иногда и на современных ульях в башкирских усадьбах.

Пчеловодство было трудоёмким, но продуктивным занятием. Мёд являлся подспорьем в питании, а в хорошо налаженных хозяйствах приносил доход. Характеризуя экономику башкир, живущих в верховьях р. Уфа,

Тесло для выделки бортей.

* Четверть — мера длины: 1 четверть равна 17,78 см.

** Аршин — мера длины: 1 аршин равен 71 см.

Улей с берегами-рогами.

Вырезка сот из борти
(д. Ибраево Зианчуринского района, 1981 г.).

Н. Попов уже на рубеже XVIII—XIX вв. признавал пчеловодство для многих хозяйств прибыльным¹⁸.

Участки с бортями вотчинники берегли и, уступая землю под заводское строительство, оговаривали условия сохранения бортных деревьев и право на сбор мёда. Однако сокращение площадей лесов в северных районах и потеря вотчинных земель не могли не привести к упадку пчеловодства, уменьшению численности пчелиных семей в башкирских владениях. Менялся и характер этой отрасли хозяйства. В северных и приуральских районах в конце XIX в. имел место интенсивный переход от лесных бортей к пасечному содержанию пчёл в колодных ульях.

Показательны некоторые данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда отмечено множество пасек, в т. ч. пасеки Шагимарданова и Тухватуллина на р. Бияз. В Урман-Кудейской волости того же уезда зарегистрирована пасека и восемь башкирских пчельников (*умарталыж*) на полянах около р. Сим и её притоков¹⁹. При пасеках и пчельниках находилась усадьба, в которой жила башкирская семья, присматривавшая за пчёлами. Небольшое поселение называлось «утар» — так же, как хутор для зимнего содержания скота.

В той же переписи можно найти оценку развития башкирского пчеловодства по уездам. Видимо, при проведении переписи учитывалось промысловое, т. е. доходное, значение отрасли. В Троицком, Челябинском уездах Оренбургской губернии, в Златоустовском уезде Уфимской губернии пчеловодов не зафиксировано вообще, всего несколько человек оказалось в Белебеевском и Мензелинском уездах Уфимской губернии. По числу пчеловодов в Уфимской губернии на первом месте находился Стерлитамакский уезд, затем шли Уфимский и Бирский. В Оренбургской губернии лидировал Орский уезд, на втором месте был Оренбургский, на третьем — Верхнеуральский. Примечателен факт, что пчеловодов среди башкир в одном только Стерлитамакском уезде было почти столько же, сколько пчеловодов во всей Оренбургской губернии²⁰.

В начале XX в., по сведениям С.И. Руденко, бортничеством продолжали заниматься в западном Приуралье и кое-где в горах. В Прикамье и в низовьях р. Белая было распространено подвешивание колод с пчёлами

на деревья. Вместе с тем в Башкортостане повсеместно существовали пасеки (в усадьбах, на полянах в лесу и т. д.)²¹.

Под влиянием переселенцев из западных губерний России стали прививаться навыки содержания пчёл в рамочных ульях (*дадан умарта*). Корпуса таких ульев изготавливали во многих русских и белорусских сёлах. Однако башкиры к новым способам содержания пчёл переходили медленно: в условиях суровых уральских зим колоды казались надёжнее.

Сведения о состоянии отрасли в начале XX в. содержатся в подворной переписи 1912—1913 гг.²²

С распространением пасек богатое липой Приуралье (Стерлитамакский уезд Уфимской губернии) выдвинулось как перспективный пчеловодческий район. Роль пчеловодства в это время была значительной во всех деревнях среднего течения р. Белая, хотя держали пчёл далеко не во всех хозяйствах. В северных волостях уезда пчёлы встречались в каждом 10—15-м дворе. Так, в д. Коварды Кальчир-Табынской волости на 344 двора было 24 пчеловода, в д. Юлуково на 185 дворов — 17 пчеловодов. К югу число пасек возрастало. В д. Салихово Азнаевской волости на 225 дворов приходилось 30 хозяйств с пчёлами, в д. Сайраново (около 300 дворов) жило 34 пчеловода, в д. Аптюково (190 дворов) — столько же.

Среднее число ульев на одного пчеловода (около 10), характерное в этот период для Уфимской губернии в целом, показывал и Стерлитамакский уезд. Например, в восьми башкирских деревнях Ильчик-Темировской волости насчитывалось 110 пчеловодов и более тысячи ульев. Однако количество ульев по дворам распределялось неравномерно: от одного-двух до нескольких десятков. В Ильчик-Темировской волости две трети от общего числа пчелиных семей было сосредоточено в деревнях Ахмерово и Каныкаево.

Во многих хозяйствах, особенно в отрогах гор, содержание пчёл являлось основным занятием. В д. Айтменбетово (Кальчир-Табынская волость) жило всего два пчеловода, но у них было 100 ульев, в д. Ишара Азнаевской волости три пчеловода содержали 250 ульев. На хуторе Ибрагимовский (Араслановская волость) жил пчеловод, имевший 30 ульев, на хуторе Базгуль (Макаровская волость) — 25.

Снятие роя
(Нуримановский район, 1961 г.).

Бортъ на лиственнице
(д. Варяибашево Янаульского района, 1975 г.).

Колоды-борти на приусадебной пасеке
(д. Серегулово Зианчуринского района, 1970 г.).

В непосредственной близости гор число пасек и общее число ульев увеличивалось. В Гирей-Кипчакской волости в д. Старосаитово (103 двора) пчёлы были почти в каждом пятом дворе, всего 278 ульев; в д. Кулгунино (148 дворов) 17 пчеловодов имели более 300 ульев.

В западных волостях Стерлитамакского уезда (по левому берегу Белой, на Ашкадаре и в верховьях Уршака) роль пчеловодства резко снижалась, в степных районах сходила на нет. В д. Батырово Четырмановской волости на 138 дворов было 12 пчеловодов, но только 55 ульев. В д. Старомурадымово Уршак-Минской волости был зарегистрирован всего один улей. В д. Старояушево Фёдоровской волости, как и во многих окрестных деревнях, пчёл не держали вообще.

На северо-востоке Башкортостана пчеловодство было развито неравномерно. Природно-климатические условия на Уфимском плато, в бассейне рек Ай, Юрюзань и Уфа, мало способствовали содержанию пчёл. Пчеловоды были зарегистрированы лишь на периферии этой территории: на севере в деревнях Абдуллино (11 чел.) и Сандалаш (7 чел.), на юге — в пределах Ибраевской волости. В д. Ибраево на 18 пчеловодческих дворов приходилось 45 ульев. В восьми башкирских деревнях этой волости 59 пчеловодов имели 218 ульев. Получали мёд главным образом для своей семьи, ульев было мало.

В лесах северо-востока (Бирский уезд Уфимской губернии) долго сохранялось

традиционное бортевое пчеловодство. Подвешенные колоды и даже вырубленные в стволах сосен дупляные борти встречались ещё и в конце 70-х гг. XX в. У некоторых пчеловодов насчитывалось по 10—15 бортовых пчелиных семей²³.

Слабо прививалось пасечное пчеловодство по правому берегу р. Уфа (Байкибашевская и Балыкчинская волости). Из 21 башкирской деревни Балыкчинской волости лишь в двух, на р. Сарс, было по одному пчеловоду: в деревнях Султанбе-

ково (40 ульев) и Чурашево (20 ульев).

По-прежнему пчеловодческим районом оставался бассейн р. Быстрый Танып. В 24 деревнях Ваныш-Алпаутовской волости 155 пчеловодов содержали более 1200 ульев. В д. Уразаево Старо-Балтачевской волости 17 пчеловодов имели 420 ульев, в д. Тошкурово (8 дворов) было 222 улья, в д. Маты (столько же дворов) — 256 ульев. В д. Шульганово Кызыльярвской волости из 234 хозяйств пчёлы имелись в 30 (558 ульев).

На севере Башкортостана было много деревень, где пчёл держали всего в одном-двух хозяйствах, но пасеки были крупными. В д. Кумалак Верхне-Татышлинской волости была пасека в 40 ульев, в д. Нижнее Кудашево той же волости и в д. Месягутово Кызыльярвской волости — по 30 ульев. Такие пасеки считались, по-видимому, для этих мест средними. В д. Кашкалёво Кизганбашевской волости на 204 двора приходилась одна пасека в 60 ульев. Рядом, в д. Новый Карагуш, три человека держали 116 пчелосемей. В д. Новая Кара Кубиязовской волости башкир-пчеловод имел пасеку в 200 ульев.

Даже в левобережье Белой, где пчеловодство перестало быть распространённым занятием, в начале XX в. были зарегистрированы пасеки с 50 (д. Новоишметово) и 60 (д. Шамметово) ульями²⁴.

В советский период пчеловодство в Башкортостане получило новое развитие. Пчеловодство вошло в хозяйственную структуру большинства колхозов и совхозов.

Появились пасеки в несколько сот и даже тысяч ульев. В Приуралье некоторые хозяйства стали специализироваться на разведении пчёл. В верховьях р. Белая была выделена заповедная территория для изучения диких пчёл. Исследовательскую и научно-организационную работу возглавила Башкирская опытная станция пчеловодства. С целью сохранения лесных бортевых пчёл в 1986 г. был организован государственный заповедник Шульган-Таш на базе Прибельского филиала Башкирского заповедника. В последние десятилетия наблюдается увеличение числа частных пасек. Ульи с пчёлами можно увидеть во многих дворах. Наряду с рамочными ульями в Приуралье по-прежнему используются долблённые колоды. Башкирский липовый мёд известен далеко за пределами Урала. Неоднократно он получал медали и грамоты на международных выставках и ярмарках.

Издrevле, являясь одной из основных подсобных отраслей, важное значение в хозяйстве башкир имела охота (*хунар*). Повествуя о тех временах, сказители называют своих героических предков скотоводами и охотниками. Ещё недавно в северных районах РБ можно было услышать истории о том, как булярцы, енейцы и другие башкирские племена, некогда обитавшие в южных степях и занимавшиеся скотоводством, приходили охотиться в покрытые густыми лесами места на Ике и Нижней Белой. Позже они освоили прикамские земли, основали поселения. В одном из тазларских преданий говорится, что родовой их предок Таз-баба жил на Быстром Таныпе и занимался охотой. Однажды во время охоты он встретил главу ирехтинского рода Исян-бабу и пригласил его переселиться на Танып, чтобы вместе охотиться и ловить рыбу. Прирождёнными охотниками называют себя гайнинцы. Башкиры-минцы любят вспоминать, как их деды жили “на красивых берегах Чермасана... разводили скот, занимались охотой”. Среди приуральских юрматынцев бытует легенда про старика-охотника, который “ходил на охоту, ставил на медведя капкан, ловил кротов. В жестокие бураны вся семья сидела в юрте, завернув ноги оленьими шкурами и набросив на себя тёплые медвежи шкуры”. В бурзянской легенде повествуется об охотнике Арслангали с берегов Сакмары: “Всю свою жизнь тот старик провёл на охоте — бил волков и медведей, стрелял разную дичь. Состарившись,

он обучил своему ремеслу сыновей Ямаша и Юмаша, сам же сменил сукмар и хызму-самострел на силки и капкан и стал охотиться только на мелкую дичь вроде зайца или бобра”. В предании тангауров о переселении соплеменников на Урал отмечено: “И стали жить на этой земле... стали заниматься охотой, разводить скот...”. Один из предков кубаяк-телевцев имел земли в верховьях Белой, “держал табуны лошадей, занимался охотой”. Усергане считают, что один из их родов, башбуре, ведёт начало от охотника, вступившего в сношение с волчицей²⁵. В преданиях и легендах, где упоминается охота, территориально представлен весь Башкортостан.

С вхождением в состав Русского государства ясак, который обязались выплачивать башкирские племена за признание их вотчинных прав на землю, состоял в основном из мёда и пушнины. Размеры “пушной” части ясака впечатляют. Юрматынцы должны были ежегодно поставлять 100 кунит, минцы — 171. Зауральские кара-табынцы собирали в счёт ясака 300 лисиц. Бурзяне и кыпсаки сдавали шкурки кунит, лис, бобров и др. Любопытны подробности раскладки ясака, описанные в шежере башкир племён бурзян, кыпсак, усерган и тамьян, повествующем о принятии их в русское подданство. Вернувшись из Казани, предводители этих племён возложили выплату “пушной” части ясака на “башкирские роды, живущие в лесах”. Среди них в шежере упоминаются каттайцы с р. Инзер, казаякцы с р. Сим, туркменцы с р. Лемеза, булекейцы с р. Уфа, шайтан-кудейцы с р. Узень, дуванцы с рек Большой Ик и Киги, усергане и бурзяне, расселившиеся по рекам Белая и Сакмара²⁶. Ясак мехами платили также прикамские и нижнебельские башкиры. За Ельдякской волостью, например, в ясачных книгах было записано 100 кунит, за Булярской — 114²⁷.

С развитием ярмарочной торговли пушнина из Уфимского уезда стала появляться на рынках. Во второй половине XVII в. на Тобольскую ярмарку поступали меха выдры, горноста, куниты, лисы-корсака*, белки и др. Привозимый башкирами на сибирскую ярмарку товар имел большой спрос и нередко уходил в далёкие страны²⁸. В преданиях также содержатся сведения о переходах башкир на лыжах в Казань и Москву для сбыта мёда и пушнины²⁹.

* Степные лисы (*карпак төлкө*).

Очевидно, в XVII—XVIII вв. пушной промысел в Башкортостане процветал. К этому располагала природа края. Леса занимали значительную часть Приуралья. Лесная растительность покрывала земли в междуречье Белой и Уфы. Непроходимые лесные заросли были на левобережье р. Уфа и по р. Юрюзань. На юго-западе простиралась лесистая Бугульминско-Белебеевская возвышенность. На севере начиналась пермская тайга. Пока башкирские земли были мало заселены, животный мир здесь был несказанно богат. “Бросишь палку в лес — попадешь в птицу”, — вспоминали сказители былое. “Леса, кишашие зверьём”, — обычная для башкирского фольклора картина уральской природы. “Леса и горы изобиловали диким зверём, водились медведи, волки, лисы, куницы, выдры, соболы, норки... Народ занимался охотой, пчеловодством, держал скот, коней”, — повествует одна из древних легенд³⁰.

Башкиры, допуская в свои вотчины переселенцев, ограничивали их пользование лесами. В договорах о припуске особо оговаривались запреты на пользование лесными, охотничьими и другими угодьями: “До звериной ловли им [припущенникам] дела нет”, “Никакого зверя не ловить”. Иногда разрешалось “зверя побивать” в степях; в лесах же допущенные в вотчину “никакими снастями бить и ловить” зверей не могли. В тех случаях, когда припущенники обязывались выплачивать часть ясака, им давалось разрешение “зверя и птицу ловить” и даже иногда пользоваться бобровыми гонами. Однако бобры постепенно вымирали, охота на них осуществлялась реже³¹. Сами башкиры ходили “бобровать” далеко на юг или к р. Ирғиз³².

Традиция конной охоты на волков и лисиц, характерная для кочевых племён и народов Великого пояса степей в эпоху средневековья, время от времени возрождалась у башкир во второй половине XVIII—первой половине XIX вв. Преодолев Уральские хребты и попав в Исетскую провинцию, П.С. Паллас свидетельствовал, что зауральские башкиры уходили на охоту за сотни километров, добираясь до рек Ишим и Тобол. Возвращались они “с богатую добычею, состоящую в корсаках, лисицах, волках, бобрах и выдрах”³³. И.И. Лепёхин писал, что эти дальние охотничьи выезды приобретают особое значение, поскольку участники походов “нередко между другою рухлядью

[мехами и шкурами] пригоняют с собою табуны обьеженных тарпанов”³⁴.

Об облавной охоте или охоте гонимой охоты башкир в степях Оренбуржья в XVIII в. сообщил землемер Т. Афанасьев: “Собравшись многим числом, заганивают зверей до того, что убивают их плетьюми и всю свою в том добычу делят поровну”³⁵. Такая охота практиковалась зимой на юге Башкортостана, здесь, объединившись группой в несколько человек, выезжали на лошадях для охоты с собаками на волков. Преследуемого зверя забивали нагайками (*жамсы*), палицами (*сукмар*), кистенями (*кистән*). Собак использовали главным образом для выслеживания добычи³⁶.

В Табынской крепости И.И. Лепёхину рассказывали, что в Приуралье охотой увлекаются преимущественно башкиры, “которые, как и все степные народы, к звероловству весьма склонны”, при этом они “единственно полагаются на своё проворство и искусство в пускании стрел”. С наступлением зимы собираются “большой артелью” и, выследив оленя или лося, гоняют его иногда целую неделю, так что лошади еле выдерживают. Добычу делят поровну, даже если доля получают совсем небольшие³⁷. О преследовании оленя на лошади и с собакой молодым кыпсаком-охотником, вооружённым луком, говорится, например, в башкирской легенде “Карайгыр”³⁸.

Коллективная конная охота, проводившаяся как одним племенем или родом, так и несколькими, преследовала не только экономические цели. Молодёжь привыкала к согласованным действиям и маневрированию, получала навыки владения копьём и кистенём, училась мастерству джигитовки. Об этом писали исследователи быта средневековых кочевников С.И. Руденко, А. Ронаташ и др.³⁹ Очевидно, так было и у башкир. Косвенные подтверждения тому имеются в памятниках устного поэтического творчества.

В старину на охоту выезжали в боевом снаряжении, вооружившись луком и стрелами, копьём, булавой. К охоте готовились заранее, оговаривали сроки и место сбора, которое не менялось в течение нескольких лет. Детальное описание охоты по первому снегу дано в эпосе “Куз-Курпач” (“Куз-Курпач”). В первый день проводили состязания молодёжи в борьбе и стрельбе из лука, слу-

* Дикие лошади.

шали певцов и кураистов, на следующий день, “разделясь на артели”, отправлялись на “ловлю зверей”⁴⁰. Одним из главных героев предания “Гайша” является известный в долине р. Сакмара охотник Тойгон. Вместе со своими девятью сыновьями, младшие из которых были ещё детьми, он в летнюю пору, пока скот находился на пастбищах, выезжал на охоту. Такие походы занимали несколько дней. “В те времена, — говорится в предании, — охота для башкир была и самой увлекательной забавой, и самым большим ремеслом”⁴¹.

До начала XX в. сохранялась традиционная степная охота с соколами и ястребами. П.С. Паллас и И.И. Лепёхин во второй половине XVIII в. застали в расцвете соколиную охоту в Исетской провинции. Тогда многие имели беркутов (так называли соколов), умели добывать из гнезд птенцов и воспитывать их, чтобы использовать в соколиной охоте⁴². С.И. Руденко, объехавший почти весь Башкортостан, встречал охотников с ловчими птицами в Приуралье среди юрматынцев. В Зауралье такие мастера встречались повсюду, как вблизи Уральских гор, так и в отдалённых деревнях⁴³.

С ловчими птицами охотились на лисиц, зайцев, волков и на водоплавающую птицу: гусей и уток. Охоту на птиц наблюдал в Зауралье С.И. Руденко. Позже он воссоздал эту картину во всех подробностях: “Рано утром или под вечер, перед заходом солнца, группа верховых с соколами на руках выезжала в степь к озерам и болотцам. Заметив на каком-нибудь озере стаю уток или гусей, спускали двух-трёх соколов, и все всадники с криками и хлопаньем нагаек мчались к озеру. Нередко охотников сопровождали собаки, которые бросались в озеро и спугивали птицу. Вдогонку подымаемся уткам пускался ещё один сокол, который, стелясь над землёй, подбивал стайку всё выше и выше. Тем временем ранее выпущенные соколы, зорко следившие за стайкой, нагоняли её, взвивались кверху, затем камнем падали на уток...”⁴⁴.

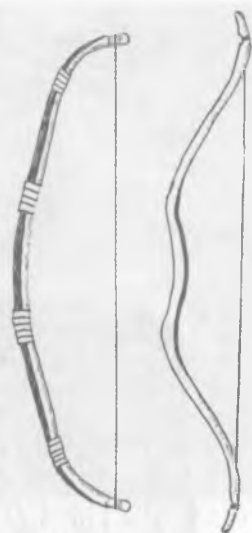
Помимо описанных видов охоты, приспособленных к степной местности, башкиры владели многими приёмами звероловства и птицевловства в лесах. При этом использовались всевозможные ловушки и капканы, характерные для населения не только Урала, но и Сибири. Учитывая, что этногенез башкирского народа продолжался в течение длительного времени, и допуская

обитание тюркских племён в контактной полосе леса и степи, можно предположить, что овладение башкирами таёжными охотничьими приёмами произошло ещё в сибирский период их истории⁴⁵.

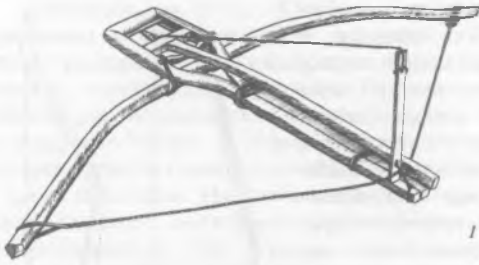
Древним оружием охоты на зверей и птиц был лук (*йэйя, ян, эзернэ*). Башкиры использовали луки двух типов: скобовидные (концы их располагались почти перпендикулярно тетиве) и М-образные (с разведёнными в стороны концами и слегка вогнутой серединой). Первые склеивались из пластин хвойных и лиственных деревьев (чаще всего ели и берёзы). Тетиву (*кереш*) скручивали из сухожилий и высушенных кишок животных, а иногда из крапивных или конопляных волокон. В длину луковиче достигало полутора метров. Луки второго типа служили не только охотничьим, но и боевым оружием. Широко распространённые у кочевников евразийских степей, они были связаны своим происхождением с южным, сугубо степным, ареалом. В Башкортостане такие луки использовались повсеместно. Например, герой одного из башкирских эпосов Алпамыша имел роговой лук (*мөгөз ян*) в два аршина, с тетивой, которую никто, кроме него, не мог натянуть⁴⁶.

В горно-лесной и таёжной местности встречались скобовидные короткие луки, обладавшие большой убойной силой с близкого расстояния. Такими луками охотились не только башкиры, но и кеты, коми, манси, селкупы, удмурты, ханты и др.

Повсюду употреблялись самодельные стрелы (*ух*), оснащённые наконечниками разного типа. При охоте на уток и гусей применяли вильчатые стрелы, на крупного зверя — острозаточенные копьевидные. Небольших пушных зверьков убивали стрелами с деревянным или костяным утолщением на конце.

Башкирские луки.

Охотничье снаряжение:

1 — капкан (д. Айтуганово Стерлибашевского района, 1969 г.); 2 — берестяной кузов (из фондов РЭМ); 3 — копье и 4 — рогатина на медведя (из фондов ИМ РБ); 5 — дробница (из фондов Оренбургского областного музея, 1971 г.).

По-видимому, в прошлом преследование зверя и охота с луком была широко распространена по всей территории Башкортостана. На значение лука как основного орудия в звероловстве указывается во многих памятниках башкирского фольклора. Так, в легенде, повествующей о расселении гайнинцев в Прикамье, один из их

предков, Гайнетдин, называет себя и своих родственников охотниками, употребляя выражение “мы — стрелки из лука” (“без ужсы”) ⁴⁷.

“Проворство и искусство в пускании стрел”, подмеченное у башкир И.И. Лепёхиным, в полную меру проявлялось в охоте на белок, куниц, горностаев. “Как только наступит зима, — писал учёный, — молодые башкирцы оставляют свои дома и отъезжают в леса... Они разделяются на разные артели и семейством ходят за мелкими зверьками...” ⁴⁸.

Башкиры-охотники, выслеживая зверя по рыхлому снегу, передвигались на лыжах (саңғы), подбитых мехом косули, оленя или лошади. Для преследования копытных животных по насту они надевали лыжи-голицы (калтагай). В таёжной зоне на севере и северо-востоке Башкортостана существовала непромокаемая цельная (некроеная) охотничья обувь из шкуры, снятой с ног лошади, коровы или лося (бышымлы кыңыырак). Иногда надевали суконные чулки, обшитые “сыроу, снятоу с ног кониюу, шерстью вверх” ⁴⁹. В снаряжение охотника входила узкая деревянная лопатка (һунар көрәге), которую использовали при ходьбе на лыжах как посох. С её помощью окапывались в снегу, ставили капканы, заметали собственные следы у насторожённых ловушек.

Постепенно лук был вытеснен ружьями, сначала кремнёвыми, затем пистонными и берданками. Принадлежностью костюма охотника стал пояс с набором пороховниц, сумочек для пистонов и дробы, с шомполом, меркой и другими предметами. Всё большее место в арсенале башкирских звероловов, особенно в горно-лесной местности, стали занимать различные самострелы, ловушки, капканы, петли. Охотники хорошо знали повадки зверей и умели выслеживать их по следам.

Вероятно, в прошлом башкиры пользовались и самострельными луками, устанавливая их на звериных тропах. Так могли охотиться на лосей, оленей. В фольклоре есть упоминание о самостреле (һызма*). В Венгерском этнографическом музее хранятся башкирские экспонаты, приобретённые венгерским исследователем Месарошем Дьюлой в Зауралье. Среди них есть охотничий снаряд, похожий на самострел

* Позже так называли кремнёвые ружья.

(метательная часть отсутствует). Охотники также использовали небольшое самодельное орудие, действующее под напором натянутой струны (*этмэ*). Его настораживали у выхода из дупла или над норой для поимки небольших лесных зверьков, а в степи — хорьков, сусликов. Ударное устройство вроде деревянного молоточка, вставленное в гнутую из черёмухи или вяза раму, приводилось в действие, когда зверьком сдвигалась чека (*тейэк*).

Плетнёвая ловушка на волка
(д. Ибраево Зианчуринского района, 1981 г.).

По принципу горизонтального самострела была сконструирована изгородь-западня на медведя, зарисованная и описанная И.И. Лепёхиным. Загородку устанавливали вокруг бортевого дерева. При попытке зверя проникнуть внутрь “сторожок” срывался, и под напором тетивы в грудь медведя устремлялась длинная стрела или обломок копья⁵⁰.

Многочисленную группу охотничьих снарядов и приспособлений составляли давящие или захлопывающиеся ловушки (*тәне, хауыт*). Наиболее простые из них состояли из двух деревянных колод, между которыми помещали приманку. Подобные ловушки до сих пор используются в деревнях в качестве мышеловок. Захлопывающиеся ловушки в виде двух лопаток с вбитыми острыми или в форме рычагов, вращающихся на оси в обрубке бревна, по принципу действия близки поздним “тарелочным” капканам. Разные виды таких ловушек сохранились в башкирских коллекциях Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, в Национальном музее РБ, в Оренбургском областном музее. В XX в. сложные деревянные капканы почти повсеместно исчезли и распространились стандартные железные. В 1984 г. в д. Кудаши Пермской области нам довелось увидеть более 10 разных по величине железных капканов (на волка, зайца, лису, медведя, рысь и др.) и несколько деревянных давящих плашек (*тәне*).

Распространённым способом ловли зайцев, лис и других зверей, а также боровой

дичи было настораживание вертикальных и горизонтальных петель и силков (*тозак, хорож*). Большими специалистами охоты с петлями являлись горные башкиры.

Существовало много других способов охоты, основанных на знании повадок диких зверей и птиц. Особенно разнообразны были охотничьи приёмы на севере Башкортостана и в Прикамье. Ставили силки на зайцев, капканы на волков, лис и куниц. Барсука брали в норе. Рябчиков стреляли из схорона, подзывая на звук манка. Для глухарей выстраивали ловушки-изгороди, вешали на дерево чучела птиц. Изучив маршруты перелёта уток с одного водоёма на другой, растягивали на пути их следования сети-перевесы (*ау*). В горах на тетеревов и глухарей охотились, подезжая на токовище по снегу на лёгких высококопильных санях (*жор санаһы*). Имела место также ночная охота при свете факелов.

Медведя брали на копьё (*һөңгө*) или рогатину. Были медвежатники, известные по всей округе. В 1980 г. в д. Саргаево Ишимбайского района РБ жил 82-летний Гумерьян Исхаков, на счету которого было 17 медведей⁵¹. Часть приёмов охоты на медведя обуславливалась необходимостью охраны бортей. Кроме применения самострелов и катапультирующих подвесных брёвен, сбивавших зверя на вбитые под деревом колья, охотились с ружьём, поджидая медведя в засаде на замаскированном в ветвях помосте (*тазгак*).

В начале 80-х гг. XX в. в окрестностях д. Ибраево Зианчуринского района можно было увидеть оригинальное сооружение из плетня — ловушку для волков, нападавших на местное стадо. В плане она представляла собой два круга, вписанных друг в друга. Между плетнёвыми стенками при необходимости помещалась коза-приманка, вход же вёл в центральное помещение. Когда волк, привлечённый криком козы, вбегал, дверь захлопывалась.

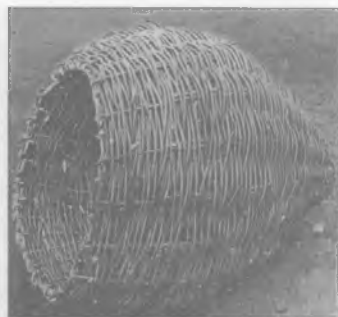
Несмотря на сохранение многих традиционных приёмов охоты, в охотничьем хозяйстве башкир в XVIII—XIX вв. произошли заметные изменения. Активное заселение Южного Урала и Приуралья, развитие горнорудной промышленности, сокращение площади лесов, интенсивное землепользование истощали природные ресурсы и привели к сокращению охотничьего промысла. “Только в некоторых местах есть специальные охотники, занимающиеся охотой как промыслом”, — писал в конце 90-х гг. XIX в. Д.П. Никольский⁵². Собиравший этнографический материал среди горных башкир-кайтаев Л. Берггольц сообщал в своих заметках, что охотников на Инзере осталось мало, “одна только деревня Бердыгулово славится охотниками”⁵³.

Согласно материалам переписи 1897 г., в Уфимской губернии охотой и рыболовством занималось 309 башкир, из них лишь для 75 это занятие было основным. В Оренбургской губернии было 346 охотников и рыболовов из башкир, и только для 101 человека эти промыслы являлись основными. Наибольшее число охотников и рыболовов было зарегистрировано в Орском и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии (в горах и юго-восточном Зауралье), чуть меньше — в Стерлитамакском и Уфимском уездах Уфимской губернии (в Приуралье)⁵⁴.

В течение XX в. число охотников, по-видимому, продолжало сокращаться. Тем не менее участники этнографических, фольклорных и диалектологических экспедиций неоднократно встречались с людьми, увлекающимися охотой и хорошо знающими это трудное и опасное ремесло.

В прошлом в хозяйстве башкир немаловажное место занимало и рыболовство. В преданиях, повествующих о приходе башкир на Урал и выборе ими места для поселения, среди богатств края называется обилие в лесах дичи, а в реках рыбы. В “славные прошлые времена”, по воспоминаниям лю-

дей старшего поколения, “реки и озёра были полны рыбой”. В фольклорных произведениях можно найти упоминания о щуках, голавлях, сазанах, песка-

Плетёная рыболовная снасть — морда.

рях, снующих на отмелях, сомах на тинистом дне, форели и хариусах в прозрачных горных реках. В легендах и преданиях есть сведения о ловле рыбы на реках Быстрый Танып, Дёма, Инзер, Кизил, на озере Кандры и в других местах⁵⁵. В грамоте, поступившей в 1700 г. из Казани уфимскому воеводе Б.Ф. Аничкову в ответ на жалобу башкир Ельдякской волости Казанской дороги о притеснении властей, говорится определённо, что “от тех вотчин [в низовьях р. Белая] прадеды, и деды, и отцы их, и они кормились рыбою”⁵⁶.

И всё же в подавляющем большинстве случаев рыболовство не было основным занятием и играло лишь вспомогательную роль в хозяйстве башкир. Отношение к нему выражала пословица: “Поймавший рыбу не разживётся, отведавший — не насытится”. Возможно поэтому при припуске в вотчинные земли башкиры легко предоставляли поселенцам право “в озёрах и в реках рыбу ловить всякими снастями” или сдавали часть земель и “рыбных ловель” в совместное владение (“рыбу ловить вопще”*)⁵⁷. В XVIII в. была распространена отдача озёр и участков рек на определённый срок в оброчное пользование. Особенно много арендных договоров (в большинстве случаев с русскими переселенцами) заключалось в Енейской, Гирейской, Булярской, Киргизской волостях, то есть в Прикамье и Нижнем Прибелье⁵⁸. В “Записке” кунгурского бургомистра Юхнева (1725—1726 гг.) говорится об отдаче зауральскими башкирами рыбных озёр “на корм русским”⁵⁹.

Этнографические материалы свидетельствуют, что башкиры владели всеми известными в крае способами рыболов-

* Совместно с вотчинниками.

ва, хотя и проявляли к ним зачастую любительский интерес. Рыбная ловля становилась средством питания лишь в неблагоприятные засушливые годы или при массовом падеже скота. Самобытные способы рыбной ловли зафиксированы в этнографических экспедициях по юго-восточному горному и зауральскому Башкортостану. Есть о них сведения и в литературе XIX в.

Рыбак в долблёной лодке (озеро Суртанды, 1958 г.).

Рыбу предпочитали ловить в небольших реках и озёрах. Наиболее продуктивным был лов рыбы сетью (*ау*). Сеть вязали из конопляных ниток, прокипятив пряжу в воде с золой для придания ей эластичности. При ширине в рост человека сеть растягивалась в длину до пяти метров. Поплавки (*калкуыус*) скручивали из берёзовой коры, грузила (*батыргыс*) формовали из прокалённой глины.

Индивидуальный лов был связан с использованием западни-морды (*һеуэн, мурза*). Ставили морду на быстрине или на глубоком месте у берега. Эта снасть, плетённая из лозы в виде вытянутой корзины с конусовидным вкладышем, была широко распространена у населения Южного Урала и Приуралья. Башкиры успешно ею пользовались, сами умели делать и порой видоизменяли форму.

Повсеместно была известна ловля рыбы удочкой (*хармак*) на самодельный или покупной крючок. Леску свивали из конопли или белого конского волоса. С.И. Руденко описал лов рыбы в зауральских озёрах в зимнее время (из проруби) на удочку с коротким удилицем (около 40 см)⁶⁰.

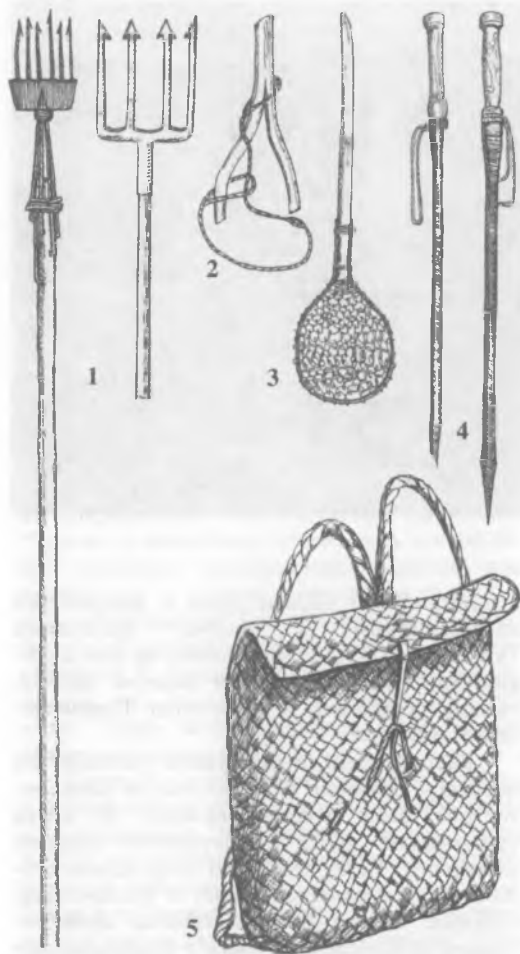
Особого искусства и сноровки требовали активные способы рыбной ловли. Именно они нашли отзвук в поговорке: «Ловля рыбы интереснее, чем сама рыба». Посетивший Южный Урал в конце XIX в. этнолог и антрополог П.С. Назаров писал о добычании башкирами крупной рыбы с помощью

традиционного лука и стрел с деревянным наконечником в форме лопаточки (*калахбаш*)⁶¹. О ночной охоте на рыб с луком при свете зажжённой бересты рассказывали старожилы д. Кулгунино Ишимбайского района⁶².

Распространённым орудием рыболовства повсюду, особенно в горно-лесном Башкортостане, была острога (*һалдау*). Её зубья выковывали, делая с внутренней стороны зазубрины. Наиболее часто встречалась острога в виде маленьких вил, с тремя-пятью зубьями. В центральных районах зафиксированы игловидные остроги с привязанными к древку спицами. Острогой пользовались летом и зимой.

Оригинальный способ ловли рыбы с острогами верхом на лошадях описан Л. Бергхольцем, побывавшим на р. Инзер у катаяцев: «Собирается днём башкир пять верхами с острогами, едут вверх по течению реки в таком порядке: один посреди реки, два около берегов, а два по самому берегу и бьют рыбу, благодаря прозрачности воды и её небольшой глубине». Исследователь утверждал, что этот способ ловли рыбы был чуть ли не единственным на Инзере⁶³. Эффективность рыбалки обеспечивалась тем обстоятельством, что горные реки на мелководье «кишели рыбою».

Острога или палка с заострённой лопаточкой применялись также для ловли рыбы ночью. Ловля рыбы при свете факелов — так называемое «лучение» (*сыракка*

Рыболовное снаряжение:

1 — остроги; 2 — петля; 3 — сачок; 4 — ледорубы; 5 — заплечный лыковый кошель для улова.

тәшәу, сыраклау) — была знакома многим народам. У башкир она осуществлялась поразному. В Абзелиловском районе ещё в 50-е гг. XX в. для этого применялась сосновая лодка-плоскодонка. Она имела удлиненный, “как у утки”, нос, на который прикреплялась решётка с горящими дровами для освещения в ночное время. По глади озера лодка двигалась бесшумно⁶⁴.

В горах, где реки были мелкими, а течение быстрым, лучили, зайдя в воду. С.И. Руденко наблюдал ночную рыбалку, в которой участвовало несколько человек: “Часть рыболовов с лопаточками шла в воде, а остальные с мешками за плечами, наполненными берестяными или смоли-

стыми факелами (*сырак*), шли у берегов несколько выше первых, освещая реку. Факелы несли в руках и некоторые из рыболовов. Как только рыболовы замечали рыбу, освещающие реку факелы отводились в сторону, чтобы они своим светом не пробудили спящую рыбу и не испугали её. Лопаткой, как и острой, били рыбу у головы”⁶⁵.

Лучением занимались и в холодное время года. Осенью, когда поверхность воды покрывалась тонким льдом, при свете берёзовых факелов выслеживали щук у берега. Увидев рыбу, за ней следили, затем, изловчившись, поддевали на острогу. Такой способ рыбной ловли был зафиксирован этнографами в 1958 г. в Абзелиловском районе⁶⁶.

В конце зимы — ранней весной, когда лёд ещё оставался прочным, зауральские башкиры ловили щук в проруби. Во льду прорубали конусовидную лунку диаметром около двух метров. Ловили рыбу жердью с волосяной петлёй и расщелиной на конце, в которую вставляли рыбу-приманку (*мәскәү*). Когда подплывали рыбы, их подсекали и вытаскивали петлёй. Этот редкостный приём практиковался в далёком прошлом и у народов Сибири⁶⁷. С древних времён он был знаком и башкирам. О летней ловле щук на петлю в озере есть упоминание в эпосе “Акбузат”⁶⁸.

В башкирском рыболовстве применялись всевозможные запруды и запоры. “Есть запруда — есть и рыба”, — говорили старики. Рыбу вытаскивали бреднем или плетёными саками (*һөзгө*). Наиболее трудоёмкими в устройстве были запоры из сосновой дранки, сплетённой наподобие циновки. Готовое изделие прикрепляли к жердям и устанавливали на дне реки у обрывистого берега. Получалось сооружение вроде лабиринта. Такие ловушки (*ыйсух*) применяло население Приуралья по берегам Белой и её притокам Симу, Инзеру и др. Широко использовали ставные сети и плетённые из ниток ловушки на обручах (*битәл, нәртә*). На сомов закидывали перемёты (*кармаклы ау*).

Таким образом, для ловли рыбы использовались различные снасти. До сих пор в деревнях встречаются опытные рыбаки (*балыксы*), имеющие целый набор приспособлений для рыбной ловли. К снасти относятся бережно и умело её используют в рыболовной практике.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

В этнографической литературе XIX — первой половины XX вв. господствовало убеждение, что кочевники-скотоводы заниматься земледелием не могли, и земледелие в состав традиционных занятий башкир включалось с большими оговорками. Распространение хлебопашества связывали с переходом башкирского населения к оседлости. В связи с этим долгое время не поднимался вопрос об этнических традициях в башкирском земледелии; казалось очевидным, что башкиры в последние века переняли опыт оседлого населения Среднего Поволжья и Приуралья. Исследователи при этом чаще всего ссылались на русские источники XVII в., в частности, на “Книгу Большому Чертежу”, где сообщалось, что башкиры живут по рекам Белая и Уфа, в горах и за горами, “кормля [их] мёд, зверь и рыба, пашни не имеют”¹. В подтверждение этого приводились и другие факты. В 1633 г. в грамоте из приказа Казанского дворца воеводе Д.И. Милославскому указывалось на недопустимость притеснения ясачных башкир Верхотурского уезда, поскольку те совсем оскудели, “кормятца летом сараню, а зимою рыбо..., пашен де у них нет”². В грамоте воеводе Б.Ф. Аничкову (1700 г.) при подтверждении владельческих прав на вотчинную землю башкир Ельдякской волости Уфимского уезда отмечалось, что “от тех вотчин прадеды, и деды, и отцы их, и они кормились рыбою и без пашен”³.

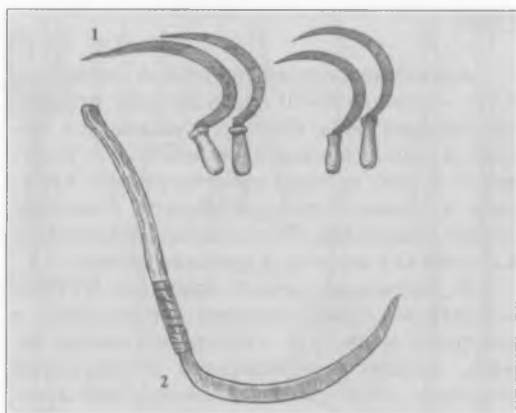
Однако к этому времени относится множество других архивных материалов, в которых не только упоминается пахотная земля, но и подчёркивается хозяйственное значение хлебопашества в жизни населения.

В 1682 г. в донесении приказчика Арамилской слободы Т. Плотцова о состоянии дел в Зауральском Башкортостане (в верховьях рек Ик и Ишим, на р. Синара) отсутствие многих башкир в летнее время в юртах объясняется тем, что они “сено ставят, хлеб жнут”. В 1690 г. башкир Гайнинской волости Уфимского уезда Бухарко Шугорев просил разрешения взять во владение земли по р. Илим в Верхотурском уезде и “пашня пахать”. Примерно тогда же тархан Дёмской волости Ногайской дороги Акинчий Таникеев в челобитной царю, отстаивая свои права на вотчинные земли, ссылался на то обстоятельство, что этими угодьями и пашнями владел его отец⁴.

Архивные документы второй половины XVII — начала XVIII вв., в которых отражены спорные дела башкир, касающиеся пахотной земли, приведены в работе Р.З. Янгузина⁵. В этих материалах фигурируют Уранская и Урман-Гарейская волости Осинской дороги, Гарейская, Дуванейская, Иланская и Каршинская волости Казанской дороги.

В документах первой половины XVIII в. — долговых обязательствах, приписанных и арендных договорах — внутри вотчинных земель, наряду с охотничьими и бортевыми угодьями, пастбищами и сенокосными лугами, особо оговаривается пахотная земля. Таких документов много по Казанской дороге. В 1717 г. в договорной записи башкир Дуванейской волости говорится о припуске татар “в вотчину во всю и на пахотную землю”. Башкир Бердыгул из д. Касаево той же волости в 1735 г. “уступил” свою деревню и всю при ней “пашенную землю” Шарипу Мрякову⁶. В донесении группы башкир уфимскому вице-губернатору П.Д. Аксакову в 1741 г. упоминается, что “в прошлых годах прадеды и деды и отцы [их] по жалованным грамотам владели... в Каршинской волости вотчиною пахотною землёю...”⁷. Жители д. Кудашево на р. Быстрый Танып (Ирехтинская волость Осинской дороги) Смаил и Алей Терговы в 1717 г. отдали за долги кредитору половину своего владения, в т. ч. половину пахотной земли вместе с “пряслами” — оградой, защищающей пашню от погравы⁸.

Заклучались подобные сделки и на территории Сибирской и Ногайской дорог. Сохранилась запись 1718 г. двух родственных групп башкир из д. Меркит-Минской волости Ногайской дороги на совместное владение вотчиной по р. Уршак. В ней подтверждается общее право пользоваться угодьями, в т. ч. “пашня пахать”. В том же году в “поступной” (дарственной) записи жителя Бишульской волости той же дороги Шелтыка Козяшева было разрешено детям его приёмного сына пользоваться его скотом, угодьями и пахотной землёй. В 1745 г. группа башкир во главе с сотником Аккулаем Бекгяшевым из д. Ташлы Суби-Минской волости Ногайской дороги подтверждала права Юламана Тоймасова, Елдаша Емашева и др. на свою вотчинную землю по р. Асава, отданную их дедами 76 лет назад: “Сию ж землю отдали мы и чтоб в вышеописанных урочищах селиться дворами... поля городить, сено косить, мель-

Орудия для жатвы:
1 — серпы; 2 — коса-горбуша (из фондов РЭМ).

ницы строить..."⁹. Имеются записи башкир Сызгинской волости Сибирской дороги, позволяющие башкирам-припущенникам “поселиться дворами” на р. Уфа и “пашню пахать”. Подобное разрешение на припуск есть также по Кайпанской волости¹⁰.

В последние годы всё больше приоткрывается завеса над ранней историей башкир, слабо освещённой в письменных источниках. Этнографы используют ретроспективные методы для изучения тенденций развития хозяйства и культуры¹¹. Применяется также историко-сравнительный анализ бытовых элементов.

Материалы этнографических экспедиций позволяют говорить о существенной доле в традиционной кухне башкир блюд из цельного, дроблёного зерна и муки. В большинстве своём, не имея отношения к восточноевропейской кухне, они были связаны с традициями питания народов Сибири, Казахстана, Средней и Центральной Азии и Среднего Востока¹². О связях с Востоком свидетельствовало также употребление в обрядовых блюдах башкир проса (пшена) и ячменя — культур азиатского происхождения. Древние традиции, нашедшие отражение в питании башкирского народа, могли дожить до наших дней только при условии, что выращивание злаков практиковалось в быту скотоводов непрерывно.

О том, что тюркоязычные предки башкир были знакомы с земледелием до переселения на Южный Урал и Приуралье, говорят не только хозяйственные традиции и народная кухня позднего времени, но и лексика башкирского языка. Названия блюд из злаков и теста, как и способы их приготовления, находят аналогии в языках племён и наро-

дов, с которыми башкиры вступали в контакты в ранние периоды своей истории. Традиционные для башкир культуры земледелия, длительное время занимавшие видное место в посевах, — это просо (*тары*), ячмень (*арна*, *ашлык*), конопля (*киндер*, *тараш*). Название проса “*тары*” восходит к древнетюркскому *tarī* — “сеять, засеивать” и *tarīy* — “зерно, злаки, хлеб”¹³. Исконно тюркским является башкирское название ячменя “*арна*”, а слово “*ашлык*”, бытующее, например, у челябинских башкир, означает “пища”. Нетрудно представить, насколько важное место занимал ячмень в пищевом рационе башкир-скотоводов уже в глубокой древности. Распространённое среди тюрков название конопля “*киндер*” в значениях “конопля” и “холст” известно во многих говорах и диалектах башкирского языка. Коноплю башкиры выращивали не только для изготовления домашних тканей, но и для употребления в пищу. Семена конопля потребляли в калёном и толчёном виде. Другое название конопля “*тарма*”, как и наименование проса, восходит к упомянутому выше глаголу *tarī*. Данные о возделывании кочевыми племенами в небольших масштабах проса, ячменя, конопля содержатся в археологических материалах Приуралья конца I тыс. н.э.

В ассортименте культурных растений у тюркских племён ещё в древности вошла пшеница (*бойзай*). Говоря о пшенице, ячмене, просе и конопле, Н.А. Халиков пишет, что эти злаки “были традиционными культурами булгаро-татарского земледелия, появившимися... по всей вероятности, ещё до переселения булгарских племён на Среднюю Волгу”¹⁴.

Археологические находки серпов, кос-горбуш, ручных жерновов, зернотёрок, сошников от деревянных плугов подтверждают, что в древнетюркскую эпоху земледелие являлось одним из занятий населения Южной Сибири, отчасти Центральной и Средней Азии, — территории, с которой генетически были связаны и древнебашкирские племена¹⁵. Пахотное орудие плужно-рального типа, близкое по устройству башкирскому сабану, было распространено в Средней Азии, Казахстане, на Северном Кавказе, в Поволжье и на Южном Урале.

Исследователи единодушны во мнении, что ранними системами земледелия у башкир были переложная (как вариант — заложная) и подсеčno-огневая. Распространение каждой из них зависело от природно-

географических условий. В степной местности, где скотоводы располагали обширными пространствами земли, нередко перелог существовал в классической форме. Небольшие участки взрыхлённой почвы засеивали просом, ячменём или коноплём в течение нескольких лет, затем пашню забрасывали, пока она не превращалась в степь, или оставляли насовсем; посевы производили в другом месте. Такая форма хозяйствования в литературе получила название “кочевого земледелия”.

В лесных районах была распространена подсечно-огневая система земледелия (лесной вариант перелога). Участок земли (*уртэн*), отвоёванный у леса с помощью топора и огня, после нескольких лет интенсивного возделывания оставлялся, и расчищалось новое место. Этот способ знали все народы Волго-Камья.

Применение башкирами подсеки нашло отражение в фольклоре. Так, в предании, записанном в д. Ново-Катаево Бакалинского района РБ, рассказывается, как осваивали эти земли первые поселенцы: “Когда старик Катай пришёл сюда, здешние места были покрыты сплошными лесами... Пovyрубив деревья и выкорчевав пни, засеяли немножко зерна...”¹⁶. В бассейнах Буя, Быстрога Таныпа, Тюя и других рек, расположенных на севере РБ, можно услышать истории, как здесь в старину деды и прадеды сеяли хлеб: выкорчевав и спалив лес, расчищали участки, и земля принадлежала тем, кто её засеял. Хлебопашцами были не все, и сеяли поначалу немного¹⁷. Занимались лесными промыслами, бортничеством.

Вариантом подсечно-огневой системы можно считать опаливание полей, которое наблюдал в 1770 г. П.С. Паллас по дороге в Исетскую провинцию¹⁸. Пал (*урт*) применяли на территории современной Челябинской области ещё в начале XX в. Выжигая на полях стерню и сухую траву, удобряли тем самым почву и уничтожали семена сорняков.

Исходным в земледелии башкир, без сомнения, был степной перелог. Выращивание злаков было вспомогательным занятием, и небольшие посевы всегда огораживались жердями или плетнём. Через несколько лет эксплуатации эти участки легко можно было сменить на невозделанную целину.

По архивным материалам и свидетельствам современников можно составить представление о состоянии башкирского земледелия в XVIII в. К этому времени из-за умень-

шения площади лесов потеряла былое значение подсечно-огневая система. Произошли существенные изменения в организации переложной системы, зафиксировано использование трёхполья.

Суть трёхпольного севооборота сводилась к разделению пашни, занятой зерновыми, на три поля, одно из которых засеивалось озимыми, другое — яровыми, третье оставалось под паром. Через год на нём сеяли озимые, затем яровые, а на третий год поле снова отводилось под пар. Закрепление в севообороте трёхполья сопровождалось расширением посевов озимой ржи. Идеально она должна была занимать треть пашни — столько же, сколько все яровые, вместе взятые. О том, что трёхпольная система применялась северными башкирами в XVIII в., свидетельствует ассортимент земледельческих культур и упоминание в документах яровых и озимых полей.

Трудно установить, когда башкиры начали возделывать рожь, но в начале XVIII в. она была распространена на северо-западе Башкортостана повсеместно. “Они сеют рожь и всякий хлеб”, — писал в 1726 г. о башкирах Казанской дороги кунгурский бургомистр Юхнев¹⁹. В 1743 г. старшиной Каршинской волости этой дороги Шарипом Мряковым было засеяно 25 “загонов”^{*} хлеба, в т. ч. 15 “загонов” ржи²⁰. По-видимому, на территории Осинской дороги и прилегающих к ней волостей Ногайской и Сибирской дорог рожь также занимала значительное место в хозяйстве башкир.

Согласно заёмной записи от 17 сентября 1765 г. служилые татары Султан, Араслан и Усман Ямбулатовы для погашения долга должны были в течение года жить у главного походного старшины Кара-Табынской волости Бекташа Кидрясева, “работать всякую... домовую работу, то есть пахать на ево, Бекташевых, собственных лошадях и хлеб как оржаной, еровой, також конопель и лён и огородный всякий овощ, брав, сеять из ево, Бекташева, собственного семени... который по урожае снимать, в гумна возить, молотить, орженой молотить, а еровой в крупу делать...”²¹. Судя по документу, у Кидрясева было комплексное земледельческое хозяйство, в котором занимались возделыванием не только зерновых, но и технических культур, выращиванием овощей.

* Загон — участок пахотной земли площадью 5462,7 м² или 2731,35 м².

Сведения о хлебных культурах в хозяйстве башкир Ногайской дороги представлены в экстракте (рапорте) о подавлении правительственными войсками восстания в 1740 г. Наряду с сообщениями о пленённых и погибших, о сожжённых деревнях и захваченном скоте, в нём есть подробные данные об уничтоженном урожае²². 30 августа 1740 г. “в урочище близ Уралу горы”, как зафиксировано в экстракте, было “потолочено разного хлеба 18 загонов”, недалеко от Табынска вниз по р. Белая сожжено “хлеба ярицы 30, ячменю 36 загонов”. По правой стороне Белой, выше Табынска, один из отрядов “потолочил посеянного... башкирцами хлеба ярицы 15, ячменю 72, овса три полосы”. Другой отряд в верховьях Белой “потолочил хлеба ржи 5, ячменю 8 загонов”. В урочищах Уральских гор “потоптано разного хлеба 103 загона”, да “подле Кырыклинских гор... потоптано разного хлеба 365 загонов”. В середине сентября “потолочено хлеба ячменю 89, ярицы 27, овса 11, полбы 9, конопля 7 загонов”. В разных районах, в т. ч. и в горах, “потолочено в загонах всякого хлеба 549, ярицы 183, ячменю 513, пшеницы 7, овса 32, полбы 42, конопля 20”. В качестве провианта было роздано посеянного хлеба “48 загонов” и “позжено 15 копён”; по другому перечню — “ржи 78, пшеницы 7, полбы 24, ячменю 212, овса 7, конопля 6 загонов” и сожжено “пшеницы 2, ячменю 13 загонов”.

В горах и в Приуралье, как и повсюду в Южном Башкортостане, господствовал в это время перелог. Одновременно высевалось несколько культур, практиковалось произвольное их чередование на полях. Постепенно устанавливалась сочетающая перелог и трёхполье система полеводства, которую в этнографической работе за неупорядоченность севооборота называют “пестропольем”. Так, о юрюзанских башкирах П.С. Паллас писал: “На новине сеют они два года ячмень, два года овёс, два года озимую рожь и ещё один или два года яровое, а после принимаются опять за новую степь”²³.

В документе, заверенном в Уфимской приказной избе 4 января 1713 г., земли называются “переложными”, но соотношение ржи и яровых культур говорит о трёхпольном севообороте. В нём речь идёт о жителе д. Байки Сибирской дороги, который подражался к башкиру д. Кийгазы Сатлыку Кузееву за треть урожая сеять ежегодно “на его переложных землях 5 полос аржаного хлеба

да 5 полос ярового на всякий год на его, Сатлыковых, лошадях и те пахотные земли огородить”. В случае урожая “тот хлеб... жать; и класть, и молотить”. Для сельскохозяйственных работ он получил от хозяина шесть лошадей, за которыми должен был ухаживать в течение договорного периода²⁴.

В историко-этнографической литературе неоднократно обращалось внимание на неравномерность развития земледелия в различных частях края. Состав возделываемых культур, методы ведения полеводства складывались под воздействием природно-климатических и географических условий, а также под влиянием переселенцев. Сказывался также уровень развития производительных сил и спрос рынка.

В 1725—1726 гг. Юхнев после поездки к башкирам в официальном отчёте охарактеризовал хозяйство всех четырёх дорог. Башкиры Осинской дороги, по его утверждению, “хлеба имеют много и пашни”. На территории Казанской дороги “пахотной земли... довольно имеют... и та дорога кормит Уфу”. Среди культур, возделываемых здесь, он указывает рожь и “всякий хлеб”. Привычна пашенная земля и для Сибирской дороги, на ней “силён родится ячмень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют”. Лишь о Ногайской дороге сказано категорично: “При оной дороге не пашут”²⁵. Однако во многие волости этой дороги (Бурзянскую, Кипчакскую, Суун-Кипчакскую, Тангаурскую, Усерганскую и др.) Юхнева башкиры не пустили, поэтому он мог не знать истинного положения дел. В распоряжении исследователей имеются противоположные, причём более ранние, данные — свидетельство служилых людей Е. Кинишемцева и И. Гречкина, побывавших у южных башкир в XVII в.: “А той... Ногайской дороги все башкирцы пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям”²⁶. Другое дело, что поля здесь были небольшими.

О состоянии башкирского земледелия в последней трети XVIII в. писали посетившие край в составе Академической экспедиции П.С. Паллас, И.И. Лепёхин и И.Г. Георги.

Находясь в ауле Ташкор на речке, впадающей в р. Быстрый Танып, П.С. Паллас отмечал, что “богатые здешние башкирцы столь изрядные хлебопашцы, что множество ржи на Камские винокурни отвозят”²⁷. По дороге из Уфы в Сибирь в 1870 г. Паллас наблюдал занятия местного населения

земледелием. В его дневнике одна за другой следуют записи об этом, обозначая маршруты экспедиции²⁸. Так, жители д. Кубаул у р. Белекес, “живущие летом и зимой в своей деревне неподвижно, сделались порядочными землепашцами и уже в состоянии вывозить свой хлеб в город на продажу”. Восточнее, за реками Сим и Миньяр, “открытые места обработаны уральскими крестьянами и башкирцами, из коих последние так много пашни засевают, что и на заводы продавать могут”. У р. Юрюзань “башкирцы... употребляют окрестные поля с пользой, пахут много пашни и высевают от 40 до 50 пудов* хлеба...”. Несколько иное положение, судя по записям П.С. Палласа, сложилось в Исетской провинции. Здесь, по данным автора, ведущую роль в хозяйстве занимало скотоводство, но “есть башкирцы, которые упражняются и в хлебопашестве, но кроме ярового хлеба, ячменя и овса, другого не сеют... и не больше как сколько им с копчёным сыром, или крутом, зимою для пищи надобно”. Севернее р. Миасс учёный обратил внимание на то, что “окрестности деревенские, которые по причине содержащегося зимою около жилища скота весьма тучны, засеяны коноплём и рожью и обещают башкирцам при возвращении их домой к осени богатые плоды”.

Таким образом, повсюду, где П.С. Паллас побывал, он видел пашни. Вместе с тем учёный отмечал разный уровень развития земледелия. Там, где главной отраслью хозяйства было скотоводство, хлеба сеяли немного, только для собственных нужд; вблизи городов и заводов выращивание зерна имело товарный характер.

О сочетании земледелия и скотоводства писали И.И. Лепёхин и И.Г. Георги.

Проведя зиму около Табынска, И.И. Лепёхин наблюдал, как по весне башкиры “прежде, нежели начинают... своё кочевое житье... сеют около деревни хлеба небольшое количество”. В д. Кутлугузино экспедиция застала народ “в больших суетах...” — шли приготовления к “сабанному празднику” (сабантую), который должен был состояться на следующий день. “Хотя башкирцы ещё по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы, — объясняет это неожиданное событие И.И. Лепёхин, — однако по соседству с русскими и ясашных татар селениями начинают вникать в хлебопашество, и вся-

кий старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашнего обихода потребно. Они наиболее сеют ячмень и овёс, а зимовой хлеб у них за ненужный почитается. Для посева конопли они также нарочито прилежны...”²⁹. И.И. Лепёхин побывал также в горных районах в излучине р. Белая, дошёл до р. Сакмара, но о земледелии в тех местах не сообщает. Зато во время поездки на Средний Урал он находит развитые земледельческие традиции в верховьях р. Уфа. Будучи в аулах на р. Ай (приток Уфы), он констатировал, что башкиры в тех местах “переродились”: “Они столь же хорошие хлебопашцы, как и их соседи”³⁰.

В фундаментальном исследовании, посвящённом народам России, И.Г. Георги писал относительно башкир: “...с давних уже времён упражнялись несколько в хлебопашестве, однако при всём том, почитая промысел сей слишком для себя тягостным, а хлеб не необходимою надобностию, мало в земледелии успевают... Иные сеют поблизости деревни десятинах* на двух хлеб и понемного конопель, но ни у кого более осьми десятин в посеве не бывает”. Занимаясь главным образом скотоводством, они тем не менее живут весной в деревнях, пока пашен не засеют³¹.

Об оседлых северных (Осинский уезд) и северо-восточных (Красноуфимский уезд) башкирах писал Н.С. Попов: “...имея главное пропитание от земледелия... сеют все роды хлебов в довольном количестве”. Иногда хлеба хватало и на продажу. В то же время башкиры-скотоводы, проживающие на юге Красноуфимского уезда, сеяли, по его словам, “небольшое количество ярового хлеба, однакож недостает одного и для собственного их продовольствия”³². По другую сторону Уральских гор, в Екатеринбургском уезде, земледелие уступало лидирующую роль скотоводству. Обработку земли и сев производили перед выходом на пастбища, затем в июле возвращались, чтобы снять урожай. Имеющие достаток обрабатывали до пяти десятин, малоимущие — до трёх десятин. Сеяли главным образом яровой хлеб: ярицу, ячмень, пшеницу и овёс. “Сих хлебов, — отмечал Н.С. Попов, — не только достаёт им для собственного продовольствия, но при случае урожая продают избытки... в Екатеринбурге и в заводах”. Население Шадринского уезда, луч-

* Пуд — мера массы: 1 пуд равен 16,38 кг.

* Десятина — мера площади: 1 десятина равна 1,45 га.

ше обеспеченное скотом, сеяло “небольшое количество хлеба”³³.

В XVIII в. масштабы земледелия росли прежде всего за счёт увеличения посевов ржи. Её удельный вес был в какой-то мере показателем уровня развития земледелия. Там, где земледелие становилось основным занятием, главной культурой была рожь. Происходило это под влиянием русского и другого пришлого населения, которое стремилось вести хозяйство в привычном для себя направлении. Достаточно сказать, что в 80-х гг. XVIII в. по занимаемым посевным площадям в 10 из 12 уездов Оренбургской губернии на первом месте стояла рожь. В Оренбургском уезде её опережали овёс и пшеница³⁴. В дальнейшем почвенно-климатические и экономические (уже тогда сказывался спрос развивающегося рынка) условия выправили ассортимент возделываемых культур.

Согласно ведомости об урожае 1800 г.³⁵, в Оренбургской губернии наибольшее количество зерновых культур высевалось в Бирском, Бузулукском, Уфимском и Мензелинском уездах, минимальное — в Верхнеуральском. Примерно одинаковое соотношение яровых и озимых наблюдалось в Уфимском, Бугульминском и Верхнеуральском уездах, в Бирском преобладали озимые. В других уездах яровых высевали больше, чем озимых: в полтора-два раза в Мензелинском, Стерлитамакском, Троицком, Челябинском и в пять-шесть раз в Бузулукском и Оренбургском.

Урожай пшеницы преобладал над рожью лишь в двух уездах: Оренбургском и Бузулукском, но уже тогда была заметна тенденция к увеличению возделывания пшеницы во всей степной зоне. В Бирском и Мензелинском уездах пшеница уступала полбе, в Челябинском, Троицком и Верхнеуральском выращивали ярицу. Повсюду большими были посевы овса. В частности, в Оренбургском уезде в ряду зерновых овёс занимал первое место. Его ценили как фуражную культуру, дающую устойчивые урожаи. Ячмень присутствовал в посевах также повсеместно, но выращивали его сравнительно немного, в основном для себя. Просо занимало видное место в ассортименте культур в Уфимском, Стерлитамакском и особенно Бирском уездах. На северо-западе (Бирский и Мензелинский уезды) широкое распространение получили посевы гороха. На юго-западе культивировалась гречиха. Имели место посевы льна, но преобладали (за редким исключением) конопляные делянки.

В 30—40-е гг. XIX в. у башкир Осинского уезда подавляющую часть посевов составляла озимая рожь. В небольшом количестве сеяли яровые: овёс, ячмень и совсем мало пшеницу. Посевы ржи преобладали также в Бирском и Уфимском уездах (около 56%). Ещё больше ржи (62%) было в посевах Белебеевского уезда³⁶. В Мензелинском уезде озимая рожь была на первом месте, но она уступала яровым, вместе взятым. На втором месте стоял овёс, на третьем — полба, за ней шла пшеница. Меньше высевали ячмень, просо и гречиху.

В юго-западных районах посев ржи продолжал расти до 40-х гг. XIX в., затем под влиянием рынка, требовавшего увеличения объёмов товарной пшеницы, рост этот приостановился, а кое-где даже наблюдался спад. На севере, в лесной и лесостепной полосе, на всём протяжении XIX в. рожь оставалась главной хлебной культурой. Устойчивое положение занимал овёс. Посевы же ячменя и проса заметно сократились.

Расширение в XIX в. посевов товарной пшеницы коснулось прежде всего степной зоны. У башкир Оренбургской губернии к 90-м гг. яровая пшеница составляла более половины пашни. Большие площади (45—50%) занимал овёс, что объяснялось значительным поголовьем лошадей в губернии. Остальные культуры (озимая рожь, ячмень, просо, гречиха) возделывались в небольших объёмах³⁷.

У башкир Екатеринбургского и Шадринского уездов имело место преобладание в посевах пшеницы³⁸. Если в первой половине XIX в. она занимала здесь второе или третье место, то к концу века стала главной хлебной культурой Зауралья, почти вытеснив традиционный ячмень.

Посевы ржи — новой культуры для восточных башкир — в течение многих десятилетий колебались и едва доходили до 30%. “Сеет башкирец неодинаково, каждый год разное: сколько семян хватит, сколько силы хватит”, — отмечалось в “Сборнике материалов” по Пермской губернии³⁹. Сказывалось то обстоятельство, что в Зауралье озимая рожь не всегда давала урожай. Часто эту культуру башкиры сеяли по принуждению кантонного начальства и редко употребляли в пищу. Тем не менее с упадком скотоводства в конце XIX в. рожь утвердилась здесь как одна из основных культур. На втором месте часто стоял овёс⁴⁰.

Своеобразно развивалось земледелие на территории бывшей Ногайской дороги, осо-

бенно в её восточных пределах (Верхнеуральский и Орский уезды). О предпочтительном отношении башкирского населения южных и юго-восточных волостей к яровым культурам на протяжении всего XIX в. писали В.М. Черемшанский, Л. Сабанеев и др.⁴¹ Несмотря на активные попытки местной администрации ускорить процесс перехода башкирско-скотоводов к земледелию, возделанные поля у большинства семей оставались небольшими. Наблюдавший в 60-е гг. за жизнью бурзян А. Игнатович отметил низкий

*Укладка снопов
(начало XX в.).*

уровень развития земледелия в бурзянских волостях: “Сеющий три десятины считается здесь богачом; большею частью ограничиваются посевом одной десятины, много — двух. Сеют больше ячмень, пшеницу, овёс, весьма редко рожь. Посеянное и снятое имеет расход дома, а в продажу не отпускается”⁴². В начале 90-х гг. итальянский профессор С. Сомье, побывав в юго-восточном Зауралье (д. Ташбулатово Абзелиловского р-на), писал: “Башкиры всё ещё остаются народом больше пастушеским, чем земледельческим... Они возделывают зернового хлеба как раз столько, сколько нужно для их потребности”⁴³.

Занимавшиеся скотоводством юго-восточные башкиры приспособляли систему летних перекочёвок к календарю земледельческих работ. На летние пастбища переселялись по завершении сева. В августе приходилось заботиться об урожае. Со слов корреспондента газеты “Оренбургский листок” А. Емельянова, скотоводы Орского уезда “хотя и выходят на кочёвки, дважды в течение лета возвращаются к своим зимовкам: для сенокоса и жатвы”⁴⁴.

На рубеже XIX—XX вв. распространённым явлением повсюду, но особенно в юго-восточных и южных районах, было крайне неравномерное распределение пахотной земли. К примеру, во 2-й Усерганской волости Орского уезда на одно хозяйство в 1899 г. приходилось в среднем по 2,4 десятины посевов. Однако в действительности у 15%

хозяйств вообще не было пашни. В то же время существовали состоятельные семьи, занимавшиеся земледелием на уровне товарного производства. Согласно архивным документам, Садык Янтемиров из д. Юлгутино имел в 1901 г. в своих амбарах запас зерна в 15 тыс. пудов, Абдулгани Куватов — 6 тыс. пудов⁴⁵.

Товарным земледелием занимались в основном состоятельные башкиры, у кого было достаточно лошадей и техники, чтобы обработать землю. Большинство же старалось обеспечить хлебом свою семью и обычно засеивало две-три десятины. У кого были одна-две лошади, те объединялись и пахали сообща, затем делили пашню по числу выделенного для работы скота. Некоторые нанимались к богатым обрабатывать землю с целью получить у хозяина лошадь и плуг, чтобы вспахать свой участок.

В горных районах, особенно в бассейне Инзера и в верховьях Белой, были десятки деревень, где земледелием практически не занимались. По переписи населения и другим справочным материалам, в конце 30-х — начале 40-х гг. не было пашен в деревнях Аисово, Арышпарово, Бердагулово, Бутаево, Габдюково, Гадельшино, Ильмяшкино, Кудашманово, Манышта, Усмангали, Худайбердино и др. В ряде деревень (Ассы, Зуяково, Кузгун-Ахмерово, Новохасаново, Сафаргулово, Субхангулово) сеяли всего одно-два хозяйства, выращивали яровой хлеб⁴⁶. В высокогорной Китайской волости

на р. Инзер не занимались хлебопашеством даже накануне XX в. Зерно покупали на стороне, продав лесоматериалы и выделанную деревянную посуду. Не сеяли башкиры соседней Гирей-Кипчакской волости: они имели хлеб, занимаясь доставкой зерна из Стерлитамака на Авзяно-Петровские и другие горные заводы⁴⁷. Очень немногие имели посевы в 3-й Бурзянской и других горных волостях. Главным занятием населения здесь стали лесные промыслы и участие в лесоразработках.

В Приуралье земледелие, несмотря на важную роль в жизни населения лесных промыслов, прочно удерживало одно из основных мест в хозяйстве. К концу XIX в. население, проживающее в среднем течении р. Белая, стало поставщиком традиционного проса. В восточной части Стерлитамакского уезда на долю проса в 1897 г. приходилось от 40 до 66% ярового клина. Ведущей культурой было просо также в Урман-Кудейской волости Уфимского уезда⁴⁸.

В XIX в. трёхпольная система земледелия являлась наиболее распространённой и официально признанной. В период кантонного управления, особенно в 30—40-е гг., нередко случалось так, что её насильно внедряли среди башкирского населения. Однако во многих южных и восточных волостях и в середине XIX в. башкиры охотнее применяли переложную систему. “По этой системе, — по описанию В.М. Черемшанского, — земля, однажды обработанная и доставившая два-три урожая пшеницы, бросается и предоставляется природе для нового утучнения, затем выбирается новый участок, ещё не разработанный, или поднимается залежь, остававшаяся в этом состоянии 5—10 лет, и подвергается обработке два-три года...”⁴⁹. Можно заметить новый по сравнению с данными П.С. Палласа относительно последней четверти XVIII в. момент — использование земли в перелог сократилось с восьми до двух лет. Иногда перелог сочетался не с залежью, а с паром. Применялся скотоводами и ещё один способ восстановления плодородия почвы: в годы, когда пашню не засевали, на ней пасли скот.

По опубликованным земским статистическим комитетом сведениям, к концу 90-х гг. в Уфимской губернии в большинстве уездов утвердилось трёхполье: в Мензелинском, Бирском, Уфимском оно составляло более 96% пахотных земель, в Стерлитамакском — 86%, Белебеевском — 81%. Лишь в Зла-

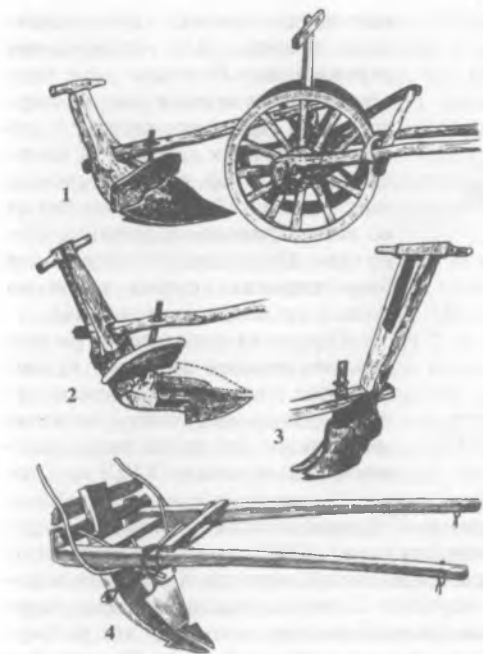
тоустовском уезде на долю хозяйств с трёхпольными посевами приходилось 15% пашни⁵⁰. На остальных землях полеводство было залежным или смешанным — залежно-паровым.

Различные комбинации паровой системы с переложной практиковались в Красноуфимском, Екатеринбургском и Шадринском уездах. В то же время на всей этой территории в конце XIX—начале XX вв. были населённые пункты или отдельные хозяйства, в которых господствовал трёхпольный севооборот. Напротив, в более южных районах, где, казалось бы, победило трёхполье (например, в Белебеевском и Стерлитамакском уездах), выделялись группы деревень и даже целые волости, в которых продолжали практиковать залежно-переложную систему земледелия.

Примерно такая же картина вырисовывалась на юго-востоке Башкортостана. В тех волостях, где была пашня, как бы параллельно существовали две разные по происхождению системы: традиционная для полукочевого образа жизни система перелога с культурой ячменя, овса и проса и паровая система с озимой рожью и ярицей или пшеницей.

На фоне прогрессивного развития земледелия в России, в т. ч. в Уфимской и Оренбургской губерниях, у башкир горнолесных районов и Зауралья сохранялась своеобразная модель “кочевого земледелия”, которую мало затронуло время. И в начале XX в., как и в далёком средневековье, среди пастбищ и сенокосов, располагавшихся часто по склонам холмов, были разбросаны небольшие, огороженные жердями или редким тыном пашни. На них росли просо и ячмень, приспособленные к горным условиям лучше, чем другие хлебные злаки. Реже встречались посевы пшеницы.

Таким же было земледельческое хозяйство у других скотоводов: алтайцев, бурят, киргизов и др. Академик В.В. Радлов, совершивший в XIX в. ряд поездок к тюркским народам Южной Сибири и Средней Азии, подчёркивал, что характерной чертой развития земледелия в скотоводческих обществах является то, что оно было занятием небольшого круга семей, способных выделить для этой цели определённое число лошадей и при необходимости нанять работников⁵¹. У башкир было много общего с другими тюрками в обработке земли (пахоте, бороновании), севе, уборке урожая, хранении и подготовке в пищу зерна.

Пахотные орудия:

1 — лёгкий сабан (д. Советская Курганской области, 1972 г.); 2 — сабан с двумя сошниками (конец XIX — начало XX вв., из фондов РЭМ); 3 — соха для окуливания растений (д. Ямангулово Кумертауского района, 1970 г.); 4 — соха с отвалом (д. Бишинды Туймазинского района, 1969 г.).

Во время этнографических экспедиций 50—60-х гг. XX в. в юго-восточные районы Башкортостана от пожилых людей можно было услышать, как выращивали в этих местах хлеб в начале века. По их словам, пахали часто деревянным плугом (*агас хабан*) с колёсчатым передком и одним лемехом (*төрән*) с железным наконечником, без отвала. В плуг впрягали от трёх до шести (иногда восемь) лошадей. На трёх лошадях (их ставили в упряжке друг за другом) перепаживали прошлогоднюю пашню. При поднятии целины лошадей впрягали парами. На переднюю лошадь садился мальчик-погонщик, взрослый мужчина шёл за плугом, регулируя нажимом глубину вспашки. Бороновали рамной бороной с зубьями из дуба или железа. Сеяли, разбрасывая рукой зерно из деревянного или берестяного ведёрка. Затем по пашне протаскивали сучковатое дерево, чтобы присыпать зерно землёй.

Жали созревший урожай серпами (*урач*), реже косами-горбушами, связывали в снопы (*кәлтә*), складывали в копны

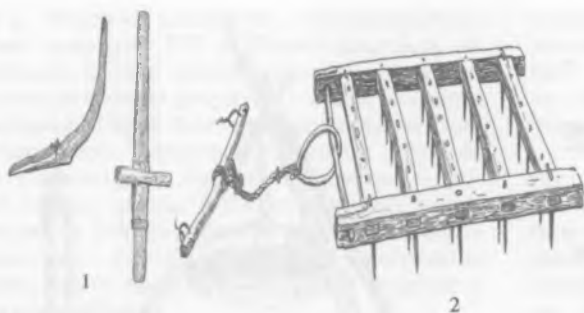

Орудия для обработки зерна:

1 — веялка-решето (д. Айтуганово Стерлибашевского района, 1969 г.); 2 — цеп (д. Сараша Пермской области, из фондов РЭМ); 3 — ступы (а — д. Ташбукан Гафурийского района; б — д. Аскарново Бурзянского района); 4 — молотильный камень (д. Айтуганово Стерлибашевского района, 1969 г.).

(*зурат, кубә, сумлә*). Позже, главным образом, для уборки овса, гречихи, гороха, а также во время сенокоса пользовались косами-литовками. Старались быстрее перевезти урожай в аул, сложить в копны или стога (*кәбән*) на задах усадьбы, где находилась утрамбованная для молотбы площадка. Многие хозяева, не дожидаясь созревания хлеба на всём поле, начинали убирать урожай с небольших участков.

Молотили часто вручную деревянными цепами (*сыбагас, тәпәс*). В основном при молотбе, как в старину, использовали лошадей, гоняя их в связке кругами по разложному на току (*ырзын*) снопам. По размеру переселенцев из южных губерний иногда пользовались молотильным камнем-катком (*ырзын ташы*). Провеивали зерно на ветру, подбрасывая деревянной лопатой. В дальнейшей обработке зерна использовались деревянные ступы (*киле*), каменные зернотёрки (*таш тирмән*) или жернова (*агас тирмән*) в виде двух кругов дерева с набитыми в радиальном направлении кусочками чугуна.

Орудия для обработки земли:

1 — приспособления для взрыхления земли и выкапывания корней (из фондов РЭМ); 2 — борона (д. Новые Бишинды Туймазинского района, 1969 г.).

Общение башкир с переселившимися на их земли русскими, украинцами, марийцами, удмуртами и другими народами сопровождалось широким обменом хозяйственного опыта. Многие сельскохозяйственные орудия и приспособления перешагнули этнические границы. Для поднятия целины и тяжёлых залежей переселенцы использовали сабан (*хабан*) — древнее орудие башкир и татар. При освоении земли в лесостепной и степной местности, особенно в «чищобах» Приуралья, башкиры применяли более лёгкое и маневренное пахотное орудие, занимавшее промежуточное положение между плугом и сохой, — косулю, бытовавшую среди пришлого населения. С.И. Руденко и А.С.Бежкович описали несколько видов сохи (соху-косулю, соху-лемех, соху-черкушу) и плуга, встречавшихся в хозяйствах башкир в различных частях региона⁵². Показательно, что и сабан в зависимости от местных условий претерпевал изменения, появлялись разновидности этого пахотного орудия: лёгкие сабаны и полусабаны, сабан с двумя лемехами (*ике төрәнле хабан*) и т. д.⁵³

Этнографический материал по всей территории расселения башкир выявил множество вариантов земледельческих орудий и хозяйственной утвари. В большинстве случаев они представляли собой усовершенствованную традиционную конструкцию или видоизменённую форму. Например, большинство ступ имело ручные круглые толкушки (*төйгәс*); вместе с тем в северных районах встречались ступы с пестом на противовесе вроде колодезного «журавля». В горной зоне горох и семена конопли раз-

мельчали в выемке горизонтального бревна. Для провеивания зерна иногда большие сита подвешивали на треножнике из жердей. При просушке снопов в северных районах сооружали конические шалаши с подогревом в яме — «шиши», известные также во всём Прикамье и Верхнем Поволжье. От русских земледельцев была перенята сушка хлеба на поле в суслонах (*марья баш*).

Одним из показателей развития земледелия является строительство мельниц. На северо-западе Башкортостана водяные мельницы были привычным явлением ещё в начале XVIII в. Сто-

яли мельничные постройки на реках База, Кармасан, Чермасан и их притоках. Сохранился документ 1711 г., по которому башкиры Каршинской волости Казанской дороги Азимбет Сартов с родственниками передали Салдыбаевскую мельницу на р. Кармасан жителям той же волости Темиру Алменову и Сюнлетю Еманову и разрешили им «ниже по реке делать запруды, чтобы другие мельницы для себя строить»⁵⁴. В той же волости в 1729 г. Тохтар Нуркеев «с товарищи» пустили в свою вотчину башкир Ногая Кодраева и Сеита Серкеева с условием построить мельницу «колёшетую» на р. Сикияз. Кроме того, им было дано право «по Карламану речке юртами [даноми] поселитца, где похотят, пашню про себя пахать... и выше стоящей на реке Бекмеевой мельницы» строить мельницы-мутовки. Чуть позже, в 1736 г., башкиры-карштинцы Чирукей Азимбетов и Якуп Аслаев от имени своей тюбы дали разрешение Шарипу Мрякову и Юваку Умирову поселиться «безповоротно» на р. Кармасан, построить «наливную колёшетую мельницу на два постава», расположив её между уже имеющимися «Бекмеевой» и «Смаковой» мельницами. В договорной записи 1730 г. между башкирами Дуванейской волости Казанской дороги Кинзибаем Сырымбетовым и Кусядыком Бекбулатовым «с товарищами» говорится, что последние получают часть повытья «под усад и под пашню навечно» и могут на «речках Сарыше или Калаше» (притоки р. Чермасан) строить мельницу.

Строились мельницы и в пределах других дорог, прежде всего там, где земледелие делало заметные успехи. В документе

башкир Яик-Суби-Минской волости Ногайской дороги о передаче в оброчное владение земель по р. Асава говорится, что башкиры-припущенники имели право пользоваться всеми угодьями и строить мельницы. В 1729 г. часть жителей Меркит-Минской волости разрешила своему родственнику Алаю в их общей вотчине “мельницу сделать и пашню пахать”.

Из источников видно, что уже в то время существовали мельницы разной степени сложности: мутовки и колёсчатые. Мельницы-мутовки, как характеризовал их С.И. Руденко, были по существу теми же ручными мельницами-жерновами, но в качестве двигателя здесь применялся водный поток, ниспадающий по жёлобу на обод с деревянными лопастями. Такие мельницы учёный встречал у бурзян, тамьянцев и тангауров в аулах между реками Белая и Сакмара⁵⁵. В начале XX в. в д. Кусеево (Баймакский район) была такая мельница, сделанная мастером Асфандияром Байрамгуловым.

В XIX в. мельницы-мутовки строились на многих реках, берущих начало в глубине Уральских гор, при этом стремились использовать перепад воды при выходе рек на равнину, устраивали запруды. В конце 30-х—начале 40-х гг. XIX в. зарегистрированы мельницы в Уметбаево (Баймакский район), Амангильдино, Тупаково (обе Абзелиловский район) и других деревнях юго-восточного Зауралья. Две мутовки стояли на р. Талашла около д. Темясово (Баймакский район), в окрестностях д. Абзакново (Белорецкий район) на р. Большой Кизил было 7 мельниц⁵⁶. Встречались такие мельницы и в Южном Приуралье.

Детальное описание устройства мутовки осталось в трудах П.С. Палласа. Он встретил и зарисовал мельницу недалеко от Юрюзанского перевоза у ручья Кульмяк. Там находилась маленькая башкирская деревушка из шести дворов, при которой имелась “крупяная мельница”⁵⁷. Называя это сооружение “башкирским изобретением”, исследователь был прав, подметив в нём древние черты. Мельницы подобного устройства видел в XIX в. у тюрков Сибири академик В.В. Радлов⁵⁸.

Переписи конца XIX в. отразили наличие почти на всех реках Уфимской и Оренбургской губерний множества частных и общественных мельниц. На некоторых небольших реках насчитывалось до 10 мельниц. Среди владельцев мельниц в Уфимской гу-

*Коса с грабельками
(д. Сабакты Челябинской области, 1972 г.).*

бернии встречаются фамилии Тукаевых, Биктемировых, Гилязетдиновых, Фаткуллиных, Халитовых. В горных районах края мельниц было немного. Хозяйства с небольшими посевами продолжали молоть зерно на ручных жерновах.

К началу XX в. специализация на тех или иных сельскохозяйственных культурах получила в Башкортостане более чёткое выражение. Повсюду, за исключением горной части Урала, земледелие развивалось на товарной основе. Влияние этнокультурных традиций на состав возделываемых культур, на методы ведения хозяйства было незначительным. Подтверждением тому могут служить материалы подворной переписи 1912—1913 гг. по Уфимской губернии⁵⁹. Из этих материалов сделана выборка по каждому уезду с охватом нескольких волостей, населённых преимущественно башкирами: Байгузинская, Балакчинская, Кизганбашевская, Московская волости Бирского уезда, Актанышская, Альметуллинская, Ирехтинская, Кузеевская, Нуркеевская, Поисевская, Такталачукская волости Мензелинского уезда, Бакаевская, Бишаул-Унга-

ровская, Булекей-Кудейская, Покровская, Сафаровская, Урман-Кудейская волости Уфимского уезда, Богадинская, Верхне-Бишиндинская, Зайтовская, Илькульминская, Куручевская, Гайныямаская, Тюрюшевская волости Белебеевского уезда, 2-я Айлинская, Большекущинская, Дуван-Мечетлинская, Калмакуловская, Ибраевская, Мурзаларская волости Златоустовского уезда, Азнаевская, Бушман-Кипчакская, Ильчик-Темировская, Калкашевская, Кальчир-Табынская, Кси-Табынская, Макаровская волости Стерлитамакского уезда.

В 1912 г. в Бирском и Мензелинском уездах рожь составляла соответственно 45,5 и 47,7% посевов, на овёс приходилось примерно по 30%, на пшеницу — менее 2% посевов. По другим яровым культурам по уездам имелись различия. Полбу (10%) больше сеяли в Мензелинском уезде, гречиху (8%) и просо (4%) — в Бирском. Горох в обоих уездах занимал примерно одинаковое положение (до 4%). Ячмень сеяли незначительно. В целом для уездов характерен сравнительно высокий процент крупяных культур.

Рожь являлась ведущей культурой в башкирских хозяйствах Уфимского и Белебеевского уездов (соответственно 39 и 27%); за ней шла пшеница (13 и 23%), заметно ниже был удельный вес овса (не более 15%). В обоих уездах сравнительно много сеяли крупяные культуры и горох; просо, гречиху и полбу — в Уфимском уезде, горох — в Белебеевском. В Бакаевской, Бишаул-Унгаровской, Булекей-Кудейской и Урман-Кудейской волостях Уфимской губернии посевы проса занимали от 14 до 21% посевных площадей, примерно в том же объёме высевалась и гречиха. Сравнительно высокий процент в посевах башкир крупяных культур объясняется традициями, идущими из XVII—XVIII вв.

Три культуры — пшеница, рожь и овёс — занимали более 98% площадей у башкирского населения Златоустовского уезда. Их возделывали примерно в равных пропорциях, но посевы пшеницы постоянно возрастали. В Большекущинской, Дуван-Мечетлинской и Мурзаларской волостях посевы этой культуры уже тогда составляли около 40%. Более суровые климатические условия, поздние весенние и особенно ранние осенние заморозки заставляли хлеборобов этого региона, при всем их предпочтении к пшенице, не оставлять и культуру

ржи. Такое же положение, по сообщениям информаторов, было в Красноуфимском уезде Пермской губернии.

В семи башкирских волостях Стерлитамакского уезда в 1912 г. пшеница занимала 25% посевных площадей, рожь — 22%, овёс — 20. В целом по уезду к этому времени рожь утратила роль главной культуры: на первое место вышла пшеница (31% площадей), за рожью осталось 25%, за овсом — 20%. В Калкашевской и Бушман-Кипчакской волостях, в юго-западной части уезда, пшеница составляла соответственно 54 и 50,5% посевов, на долю ржи приходилось 17 и 3%. В правобережье Белой, в Азнаевской, Макаровской и Кальчир-Табынской волостях, до 30% посевов занимало просо — культура глубоко традиционная для этой зоны. Меньше сеяли гречиху (9%, в отдельных волостях до 18%), ещё меньше (1,7%) — горох. Как и всюду, устойчивые позиции в крае занимал овёс.

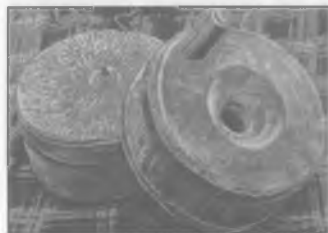
К 1908 г. в Оренбургской губернии удельный вес пшеницы в посевах поднялся до 65% и выше. Четверть посевных площадей занимал овёс. Особенно много овса (до 35%) сеяли в скотоводческих Верхнеуральском, Челябинском и Троицком уездах. Рожь, просо, ячмень возделывали в небольших количествах⁶⁰. В Оренбургском уезде в 1915 г. пшеница составляла больше половины посевов, на втором месте находился овёс. Рожь сеяли мало, за исключением Бурзян-Кипчакской и Бушман-Суун-Каракипчакской волостей. Третьей культурой почти везде был ячмень, потом шло просо⁶¹. Такое же соотношение культур (пшеница—овёс—ячмень) было характерно для многих башкирских волостей Орского уезда.

Отсутствие сведений по целому ряду горных волостей Орского и Верхнеуральского уездов свидетельствует о незначительной роли земледелия в хозяйстве башкир, проживающих на этой территории. Имеются прямые данные об отсутствии посевов в большинстве хозяйств Карагай-Кипчакской волости. Не имели посевов 24 из 26 хозяйств горной Катайской волости.

Для Челябинского уезда в 1915 г. были характерны большие размеры посевных площадей, что говорило не только о завершении процесса перехода части населения этой зоны к земледельческому образу жизни, но и о высокой товарности зернового хозяйства. Больше половины посевов занимала пшеница, за ней шли овёс и рожь, площади под ко-

*Каменные жернова
(д. Сагитово Хайбуллинского
района, 1970 г.).*

*Деревянные жернова
(д. Асылужино Кигинского района,
1968 г.).*

*Размол зерна
(д. Казмашево Абзелиловского района, 1983 г.).*

торы постепенно сокращались. Для Зауралья присуще меньшее разнообразие культурных злаков, чем для Приуралья и южных степей Оренбуржья⁶².

Статистические сведения конца XIX — начала XX вв. находят подтверждение в материалах экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР. Так, в начале XX в. на значительной территории (в северном, центральном и большей части западного Башкортостана) первое место в посевах башкир занимала озимая рожь. Состав яровых культур варьировал в зависимости от местных условий и традиций. В Караидельском районе (Бирский уезд Уфимской губернии) среди распространённых в прошлом яровых культур старожилы называют пшеницу, овёс, ячмень, гречиху, горох; в Нуримановском районе (Уфимский уезд Уфимской губернии) — овёс, гречиху, просо, ячмень, а пшеница, как утверждают местные жители, здесь не давала урожая. В Иглинском районе (Уфимский уезд) после овса называют пшеницу, полбу, просо. Овёс, гречиха, просо преобладали среди яровых культур в деревнях Кармаскалинского и Аургазинского районов (Стерлитамакский уезд Уфимской губернии). В Альшеевском, Бижбулякском, Давлекановском, Миякинском районах (Белебеевский уезд Уфимской губернии) возделывали овёс, гречиху, просо, ячмень, го-

рох, полбу, но основной яровой культурой была пшеница.

В степях, окаймляющих Южный Урал с юго-запада, юга и юго-востока, на территории Кугарчинского (Оренбургский уезд Оренбургской губернии), Мелеузовского, Фёдоровского (Стерлитамакский уезд), Баймакского, Зианчуринского, Зилаирского, Хайбуллинского, а также ряда районов Оренбургской области (Орский уезд Оренбургской губернии) сеяли яровые. Главной культурой была пшеница, хотя немалое место в посевах занимали овёс, ячмень и просо. Кое-где, ближе к горам, имелись посевы ржи.

В горно-лесной части Башкортостана наблюдалась пёстрая картина. В верховьях Белой, в Абзаково, Кузгун-Ахмерово, Шигаево и других деревнях Белорецкого района (Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии) в небольшом количестве сеяли рожь, овёс, ярицу. Культивировали рожь также в гористой части Баймакского и Абзелиловского районов (Верхнеуральский уезд), но здесь, кроме ржи и овса, сеяли ячмень, некоторые — просо и пшеницу. Вдоль западных склонов Урала, лесные части Гафурийского, Ишимбайского и Мелеузовского районов (Стерлитамакский уезд) в конце XIX в. выращивали одни яровые культуры: просо, овёс, гречиху, ячмень, меньше

*Размол зерна парами
(д. Абубакирово Хайбуллинского района, 1981 г.).*

— полбу и горох; рожь начали возделывать лишь в преддверии XX в.

В ряде мест юго-восточного Башкортостана земледелие в начале XX в. не стало основным направлением хозяйства, здесь были сильны устои полукочевого скотоводства. В то же время именно здесь сохранились особенности традиционного земледелия башкир-полукошачников. Они сочетались с земледельческими навыками, перенятыми от пришлого населения. С севера и запада новые веяния привнесли культуру ржи, с юга — пшеницу. В Зауралье эти две волны, столкнувшись, уравновесились. В начале XX в. около половины посевов в этой зоне приходилось на пшеницу, за нею шел овёс, третье место занимала рожь. Сеяли немного ячмень и горох.

Из технических культур по всему северу Башкортостана в конце XIX—начале XX вв. культивировали лён. Прежде по всей территории выращивали коноплю. Её посевы зна-

чительно сократились, однако около каждой деревни имелись густые заросли одичавшей конопли. Волокна конопли употребляли на изготовление тканей и веревок, из семян выжимали масло, калёные семена считались лакомством.

Овощеводство на большей части Башкортостана стало по-настоящему развиваться лишь с 30—40-х гг. XX в. И всё же отдельные сведения о возделывании башкирами овощных культур можно найти уже в документах XVIII в.⁶³ В исторической литературе не раз публиковались факты о принуждении башкир выращивать картофель и капусту в

период кантонного управления (особенно в 30—40-е гг. XIX в.). В конце XIX в. в сборниках статистических сведений по Уфимской губернии о башкирах северных и центральных уездов сообщалось, что они разводят огороды “для собственного хозяйства”. Огороды имелись у пермских и челябинских башкир. Выращивали картофель, лук, репу, морковь, капусту, огурцы. Кое-где начали появляться фруктово-ягодные сады.

В целом, в конце XIX—начале XX вв. земледелие у башкир в зависимости от регионов характеризовалось разнообразием возделываемых культур. В составе культурных растений и в агротехнике нашли отражение неоднородность почвенно-климатических условий, хозяйственно-культурные взаимосвязи народов края. Земледелие в этот период развивалось под воздействием рыночных отношений, значительно видоизменивших прежний жизненный уклад башкирского населения.

Гл. 5

РЕМЁСЛА И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Среди народов Урало-Поволжского региона башкир отличало широкое использование животного сырья при изготовлении различных изделий. Коневодство и овцеводство обеспечивали население кожей, шкурами, шерстью. Широко использовались шкуры крупного рогатого скота, верблюжья шерсть, козий пух, а также меха и шкуры диких зверей. Сохранившееся в языке название замши «оленья кожа» («*болан күне*») позволяет предположить, что в прошлом они занимались выделкой оленьей и лосиной шкуры. Верхнюю одежду шили из шкур рыси, волка, медведя, мягкие сапожки и комнатные туфли — из козьей кожи (шевро, сафьян). Халаты, шубы и головные уборы отделывали мехом лисы, выдры, белки, куницы.

Навыки обработки животного сырья у башкир, как и у многих полукочевых в прошлом народов Европы и Азии, связаны с традициями древних скотоводов. Характерно употребление для выделки шкур и меха кисломолочных продуктов: перекисшего снятого молока (*эсе катык*), перекисшей сырковой массы (*эсе корот*) или сыворотки. Последнее наблюдалось в южном и восточном Башкортостане. Северные башкиры, по свидетельству И.Г. Георги, применяли кислое молоко¹. Употребление в скорняжном деле молочных продуктов было свойственно всем тюркоязычным и монголоязычным кочевникам: бурятам, казахам, киргизам, монголам, ногайцам, хакасам и др.²

Меховые шкурки обычно разминали руками, овчину — особым инструментом в ви-

де деревянной рогатины-развилки с концами неодинаковой длины, между которыми помещался железный скребок (*көргө, тире гөргөсө, һөргөс*). Шкуру обрабатывали в подвешенном состоянии: захватив верхнюю часть инструмента правой рукой, продевали ногу в ременную петлю на его длинном конце и производили со стороны мездры скользящие движения. Этот инструмент до последних десятилетий XX в. находил применение у юго-восточных башкир; знали его также алтайцы, казахи, киргизы, хакасы. В прошлом башкиры и перечисленные народы использовали и узкую дощечку с зазубринами — ручной скребок (*ирәк*).

Сначала шкуры, натерев золой, чтобы убрать шерсть, выдерживали в свёрнутом виде в течение определённого времени. Дальнейший процесс обработки шкур описан И.И. Лепёхиным: «Снятую сырую кожу, разостлав на солнце, натягивают сколько можно со всех сторон и прикрепляют небольшими колышками; натянув, соскабливают шерсть обломком горбуши, вделанным в дерево наподобие скобели, и держат кожу до тех пор, пока она высохнет, и берегут по большей части до весны. Весною кладут в коптёлки...»³.

При подготовке кожи для пошива обуви, походных сумок, кумысных сосудов было обязательным закаливание её в дыму. После копчения кожа становилась более прочной и, как отмечал П.С. Паллас, «к дождю и всякой мокроте терпеливы»⁴. В XVIII—первой половине XIX вв. повсеместно на летовках и в

Обработка овчин
(д. Бурыл-Айгирово Курганской области).

Орудия для выделки овчин.

аулах, особенно в скотоводческих районах, сооружали коптильни (*ыстык, ыслык*). В начале XX в. во время поездки по Зауралью С.И. Руденко часто встречал на своём пути коптильни и позже достаточно точно и полно описал их в своей книге⁵. Простыми по устройству были ямы, покрытые корой и наполненные дымом от тлевших на дне гнилушек. Более основательно устраивались коптильни с дымоотводами: из ямы (*сокор*) дым поступал по подземному жёлобу (*улак*) в находящееся рядом помещение для кож (*ыстык*). Шкуры и кожи, а также готовые изделия подвешивали на жёрдочки.

В старину для сшивания шкур и кож башкиры употребляли сухожилия (*тарамыш*). «С этой целью, — пишет И.Г. Георги, — жилы отрезали длиною в пядень... высуша на вольном воздухе, колотят до тех пор, пока изщепляются; после чего разбирают и ссучивают так чисто, что нигде неприметно узелков»⁶. В южных и восточных районах кожи сшивали также ссученным конским волосом (*жыл*).

Одним из древнейших ремёсел скотоводов является изготовление кожаной утвари. У башкир в XVIII—XIX вв. оно практиковалось в южных и восточных районах, где коневодство и скотоводство являлись доминирующими отраслями хозяйства. При изготовлении кожаных сосудов применяли шкуры почти всех домашних животных, но основным сырьём, особенно в производстве кумысной посуды, оставались лошадиные шкуры. После специальной обработки и удаления мездры из растянутой шкуры выкраивали сосуды различных размеров и форм. Из снятой целиком кожи головы, вставив кожаное круглое дно, делали подойники (*башкунэк*), из шеи — кадочки (*көрэгә*). Высокие бутылки и фляжки (*ботлок, куллык*), сшитые двойным швом, сохраняли форму коленных выступов ног. Шкура с туловища шла на изготовление огромного сосуда для кумыса — саба (*һаба*), вмещавшего до десяти вёдер кумыса. Существовали также плоские фляжки (*муртай*) и мягкие турсуки (*турһык*) для перевозки кумыса. Сохранились воспоминания об использовании в прошлом цельных овечьих и козких бурдюков. Ценились за влагонепроницаемость сосуда из верблюжьей кожи. Всю кожаную посуду, за исключением объёмного саба, сшивали в сыром виде, затем наполняли для объёма золой и вешали на жёрдочках в коптильнях.

Изготовление кожаных сосудов требовало умения и опыта, в основном им занимались мужчины. Были в аулах мастера по выделке

овчин, мехов, пошиву тулупов и меховой одежды. Несложная технология обработки небольших шкур делала этот труд доступным и для женщин. Женским занятием считалось также шитьё мягких меховых торб (*сәрмә, кәшен*) из телячьих, жеребьих шкур или стриженной овчины. Из кусочков меха разного цвета выполняли мозаичные узоры. Нарядные свадебные торбы украшали шерстяными кисточками, плетёными шнурами.

Многие виды кожаной утвари под сходными названиями существовали и у других скотоводческих народов. Предназначенный для многолюдных трапез кумысный сосуд, саба, Л.П. Потапов, изучавший народы Южной Сибири, считал древнетюркским изобретением, сохранившимся позже у ряда родственных народов (алтайцев, башкир, казахов, киргизов и др.)⁷. В основном его использовали во время йыйынов, свадеб и других торжественных событий, в которых принимали участие все члены родоплеменного объединения.

Достоинством мастерски изготовленной кожаной утвари была совершенная форма и рациональный крой. К сожалению, не сохранилось кожаной посуды, украшенной орнаментом, но можно предположить, что в прошлом у башкир, как и у многих родственных им народов, было принято украшать саба, турсуки и другие сосуды для кумыса, использовавшиеся в свадебной обрядности.

Искусство орнаментации кожи во всей полноте представлено у башкир в охотничьем и воинском снаряжении: налучьях (*ййә һазак*), колчанах (*уж һазак*), поясных и седельных сумках (*каптырға*), сумочках для дробы, ременных поясах, подпругах (*тартма*). Приёмы декорации кожи разнообразны: тиснение, резьба по верхнему слою кожи, вышивка конским волосом, стёжка на войлочной подкладке, украшение цветным сукном и кистями, сочетание кожи разного цвета. Распространены были нашивки на кожу узорных металлических пластин и накладок со вставками из шлифованного стекла, сердолика и других полудрагоценных камней. Сложной техникой тиснения владели в XIX в. мастера южных районов Башкортостана. Их изделия (колчаны, налучья, седельные сумки и др.) можно увидеть в музеях Уфы и Санкт-Петербурга.

Существенное значение для хозяйства и военного дела имели ремёсла, связанные с обработкой металла. С.И. Руденко, основательно исследовавший материальную культуру и

Медная посуда: кумган, поднос и таз
(д. Юлдыбаево Зилаирского района, 1971 г.).

хозяйственно-культурные традиции башкирского народа, писал, что задолго до присоединения к России «башкиры сами выделывали себе железные наконечники стрел и копий, ножи и прочее, а впоследствии и ружья»⁸.

В далёком прошлом каждое племя или крупный род имел своих мастеров по металлу: кузнецов (*тимерсе*) и ювелиров (*кәмөшсө*). Их было немного, т. к. обработка металла требовала специальных знаний и навыков, однако потребность в металлических изделиях в основном удовлетворялась за счёт местной продукции. Лишь зажиточная верхушка и родоплеменная знать стремились приобрести привозное оружие и украшения. Из Средней Азии, Ближнего Востока и Кавказа поступали не только готовые изделия, но и полуфабрикаты, в т. ч. серебро, цветные камни (бирюза, сердолик), кораллы, жемчуг, раковины-каури. Всё это в определённой мере способствовало развитию у башкир ювелирного ремесла.

В музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы и других городов России, помимо орудий труда, инструментов, хозяйственной утвари, сохранилось немало ценных предметов экипировки всадника и конской сбруи, оружие. Ювелирные бляхи украшали ремни, колчаны, налущья, головные уборы, одежду. Луки деревянных сёдел покрывались чеканным железом и тонкими серебряными накладками. Связанные с ними художественные традиции уходят в глубину веков. О древности навыков металлообработки у башкир свидетельствует сходство украшений и оружия с металлическими изделиями казахов, киргизов, народов Южной Сибири и Центральной Азии.

У башкир, как и у других скотоводов, мастера по металлу работали и с железом, и медью, и серебром; широко использовали

различные способы обработки металла: литьё, ковку, сварку, чеканку и др. Они умели сами обустроить кузницу с горном (*тимерлек*, *тимерлек усагы*). Нередко кузнецы выполняли и ювелирные работы.

Перечень металлических изделий, выпущавшихся в башкирских аулах, достаточно широк. Это сельскохозяйственные орудия (железные наконечники плугов, зубья борон, серпы, косы, кетмени, вилы), охотничий и рыболовный инвентарь (остроги, капканы, рогатины), инструменты, оружие (копья, сабли, наконечники стрел, кистени, ружья), домашняя утварь (ручки дверей, скобы, замки, подковы, гвозди, треноги, ножи) и др. Мастера по серебру изготавливали женские и мужские украшения, накладки для сбруи, оформляли седла и оружие.

По представлениям древних башкир, изделия из стали и железа, особенно острые, способны были оберегать от болезней, глаза и колдовства. Охранные свойства приписывались также серебру и серебряным украшениям. Не случайно серебряными монетами, подвесками и бляхами обильно украшали женские нагрудники и головные уборы. Женщинам при доении кобылиц и коров полагалось надевать серебряные браслеты, которые, якобы, защищали от порчи молоко и животное.

Металлообработка у башкир базировалась в основном на местном, уральском сырье. Свидетельством осведомлённости населения о рудных местах и о добыче металлов являются данные топонимики: Тимертау (*Тимертау*, *тимер* — железо, *тау* — гора), Тимеркая (*Тимеркая*, *тимер* — железо, *кая* — скала), Бакыртау (*Бакыртау*, *бакыр* — медь, *тау* — гора), Кургашай, Кургашлы (*Кургашай*, *Кургашлы*, *кургаш* — свинец), Алтынсай (*Алтынсай*, *алтын* — золото) и др. Так, в Архангельском районе три притока одной речки именуются Кургашля: по преданиям, здесь добывали свинец, из которого отливали пули и дробь для ружей. Знали башкиры и о наличии на Урале нефти (*ер майы*), добывали соль, селитру, серу для изготовления пороха. Им были известны также залежи руды на горе Магнитной. «В прежних годах башкирцы, — писал автор XVIII в. М.Д. Чулков о Магнитной горе, — из сей руды плавил в ручных печах самую лучшую сталь, что после учинившегося в 1735 г. бунта им уже не позволялось»⁹. Опыт и знания башкир о рудных местах были широко использованы промышленниками и российскими властями при закладке железодельных заводов.

Долблённая маслобойка
(д. Куватово Баймакского района, 1971 г.).

Деревянная утварь
(Ишимбайский район, 1978 г.).

Вместе с тем в XVII—XVIII вв. в результате неоднократных запретов правительства иметь в аулах кузницы, изготавливать оружие и металлические орудия труда, а также в связи со строительством в крае горных заводов металлургия у башкир пришла в упадок. Лишь в начале XIX в. запреты были сняты, и, как результат этого, уже к 1862 г. на территории края было возрождено около 500 кузниц¹⁰. Однако многие навыки высокохудожественной металлообработки к этому времени были утрачены.

В ювелирном искусстве башкир, уходящем корнями в раннюю историю тюркских кочевников, использовались различные приёмы орнаментации. Как у киргизов, казахов и других родственных народов, особенно часто производилась насечка серебром по железу, профилировка краёв, чеканка, штамповка, украшение фона зернью, вставными камнями, шлифованным стеклом, кораллами. Реже, преимущественно в северных районах, применялась ажурная филигрань и инкрустирование бирюзой.

В конце XIX—начале XX вв. из-за недостатка сырья местные ювелиры всё чаще употребляли для женских украшений серебро старинных монет. Браслеты, серьги, бляхи для нагрудников, головных уборов и одежды, застёжки, наконечники орнаментировались гравировкой, чеканкой, чернением; изредка допускалась позолота. Перстни и браслеты украшали вставками из сердолика или перламутровыми пластинками. В орнаменте преобладали растительные мотивы, использовались надписи арабской вязью. Было рас-

пространено производство жетонов-блях с соляным или растительным узором. Они пользовались большим спросом, поскольку использовались для украшения праздничной верхней одежды и женских нагрудников.

В некоторых горных аулах в первые десятилетия XX в. ещё работали мастера по украшению седел и выездной упряжи. При оформлении конского снаряжения, а также колчанов и налучий самым распространённым приёмом орнаментации была серебряная насечка по железу. Большого искусства требовало изготовление стремян: они были разнообразны по форме, профильному и плоскостному декору.

Традиционные мужские ремёсла в значительной степени базировались на использовании древесного сырья. Дерево было главным материалом при сооружении жилищ и хозяйственных построек. Из древесины изготавливали орудия труда, транспортные средства (в т. ч. долблённые лодки, лыжи), посуду и другие предметы домашнего обихода. В хозяйстве находили применение береста, кора, лоза, луб, лыко.

Плотники, столяры и резчики хорошо знали свойства деревьев разных пород. Как писал в начале XX в. местный географ Д.Н. Соколов, липу (*йукэ*) на Урале башкиры рубили "в большем размере, чем какое-либо другое дерево"¹¹. Мягкая липовая древесина хорошо отслаивалась, легко поддавалась обработке ножом и полировке. Из неё изготавливали кадки, лотки для муки, лопаты, чаши. Из больших деревьев выдалбливали лодки, из досок изготов-

1

а

2

б

3

а

б

Деревянная посуда:

1 — вазочка для мёда (д. Нижний Ташбукан Гафурийского района); 2 — ковши для кумыса (а — д. 1-е Иткулово Баймакского района; б — д. Байназарово Бурзянского района); 3 — резные кадочки с ковшами для кумыса (а — из фондов БХМ; б — из фондов РЭМ).

ливали сундучки, посудные полки, столы, лавки и другую мебель.

В качестве поделочного материала высоко ценилась берёза (*хайын*). Из неё вырезали изящной формы ковши и чаши, ложки, декоративные деревянные цепи, вазочки, сёдла, стремена, дуги и хомуты, коромысла, прялки. Для художественных изделий употреблялся шишковатый нарост на берёзе — кап (*оро*). Из берёзы и ели (*шырышы*) склеивали боевые луки. Деревья хвойных пород шли на строительство домов и мельниц, изготовление лыж, лодок, некоторых частей телег и саней. С развитием бондарного дела башкирское население было вовлечено в производство сосновой и лиственничной клёпки, которая использовалась не только местным населением, но и вывозилась в другие регионы. Также использовали дуб (*имән*), осокорь (*тирәк*), вяз (*харма*), ильм (*йыла*) и другие деревья.

В распоряжении башкирских мастеров был широкий набор инструментов: топоры-тёсла (*багау*, *аталды*), долота (*жасау*, *бөрөз*), скобели и струги (*йышкы*, *юнғы*, *йомро йышкы*). Тонкую резьбу выполняли ножом (*бысак*) и резцом (*өңгөс*). Инструменты обычно изготавливались на местах. Высокого уровня достигли многие виды резьбы по дереву. Богатым декоративно-орнаментальным оформлением и силуэтным совершенством выделялась деревянная посуда для кумыса: кадочки с крышкой (*тәпән*, *көрәгә*), резные ковши (*ижау*) и разного размера чаши (*сеүәтә*, *алдыр*, *аяк*).

Основным центром производства художественной посуды были горно-лесные районы Южного Урала. В излучине р. Белая на стыке массивов липовых и берёзовых лесов, в аулах Киекбаево, Магадеево, Старо- и Но-

во-Мунасипово, Субхангулово и др., в конце XIX в. было немало мастеров по изготовлению ковшей, кадочек для кумыса, чаш, медовых батманов. Здесь сложились своеобразные орнаментальные традиции. Украшенная резьбой тонкостенная посуда и резные ковши доставлялись по рекам на базары в Приуралье; бурзянская посуда встречалась в зауральских деревнях бассейна р. Сакмара. Небольшие очаги художественной деревообработки находились на Южно-Уральском плоскогорье, на склонах Уралтау, в богатом берёзой юго-восточном Зауралье.

В Уфимской губернии в конце XIX в. в связи с активизацией кустарной промышленности и деятельностью Кустарного комитета появились центры по выпуску художественных изделий из липы, берёзы и др. В Приуралье, в деревнях Имендяшево, Нижний Ташбукан, Сайтбаба и др., выпускались подсвечники, вазочки для мёда, изящные трости, деревянные цепи с фигурками бегущих зверей в кольце, шкатулки и др. Сувениры вывозились далеко за пределы Башкортостана.

Выпускались и необходимые в быту вещи: кадочки, ведра, гребни для конопли и льна, резные прялки и хомуты, резные и раскрашенные дуги и коромысла. Базары от Иглино до Мелеуза были переполнены деревянной утварью, произведённой в приуральских деревнях. В горных аулах было много мастеров по изготовлению деревянных сёдел (*эйэр*)¹². Сёдла украшали скульптурной головкой и углублённой или рельефной резьбой плоскости лук. Парадные сёдла имели металлические инкрустированные накладки.

Трудоёмким было долбление лодок-однодеревок (*кэмэ*): в основном оно было распространено в среднем течении р. Белая и на её притоках Сим, Зилим, Лемеза, Инзер, в бассейне Быстрого Таныпа. В центре и на севере Башкортостана до настоящего времени в производстве лодок широко используется опыт башкирских лодочников (*кэмэсе*).

Особого умения требовало изготовление деревянного каркаса юрт: решёток (*кирэгэ*), верхних дуг (*уж*), центрального купольного круга (*сыгарах*). В конце XIX в. в юго-восточных башкирских аулах существовала специализация в изготовлении тех или иных частей кибиток. Однако потребность в этих изделиях, особенно в связи с переходом населения к оседлости, была незначительной и постепенно сокращалась.

Специфическим производством, характерным для быта скотоводов-башкир, было изготовление подставок под сундуки и постель (*һандыгааяк*, *урын аяғы*). Их украшали резьбой и раскрашивали. Так, многоцветным орнаментом отличались под-

Резные цепи из дерева
(начало XX в., из фондов НМ РБ).

ставки в сакмарских селениях. Иногда наносили узор на посудные шкафчики и полки.

В лесостепной зоне, где в изобилии росли кустарниковые породы ивы и черёмуха, плели различных размеров и форм корзины, рыболовные снасти (морды, мерёжи и др.), куриные и гусиные гнёзда, сундучки, кухонный инвентарь. Изготовление из лозы и черёмухи бытовых вещей особенно было распространено в бассейне р. Дёма и в Зауралье. В центральном и западном Башкортостане во второй половине XIX в. появились мастера по изготовлению плетёных тарантасов. Хозяйственные вещи (корзины, гнёзда) продолжали плести на всём протяжении XX в.

Довольно широко было развито производство утвари из бересты. В восточном Зауралье, где не было липы, посуда из бересты находила особенно широкое применение. Из прямоугольной берестяной заготовки кон-

Деревянные резные подставки под постель и сундук
(юго-восток Башкортостана).

Изделия из лозы, лыка и бересты
(Белорецкий район, 1976 г.).

ским волосом сшивали лотки для просеивания муки и отстаивания молока (*тузаяк*), коробки для сбора ягод (*каяз*, *кайыз*), колыбели (*бишек*). Было принято украшение бересты треугольными отверстиями с подкладным цветным фоном. На Урале и в Прикамье берестяная утварь была преимущественно цилиндрической формы: различные банки и вёдра со вставным дном из бересты или дерева. Лёгкие туески для сбора ягод (*төйөс*, *туйыс*) сшивались из одного слоя бересты. Плотные берестяные банки для хранения масла и кислого молока (*туз янтау*, *тырыз*) имели двойные стенки. Берестяную посуду умели делать многие мужчины и женщины.

На севере было распространено плетение из лыка. С помощью небольшого кочедыка (*шөшлө*) из лыковых полос плели лапти и другую рабочую обувь, кошлы (*биштәр*), лукошки (*тубал*), чехлы для топора, прокладки для седла, хомутов. Во второй половине XIX в. в Приуралье доходным промыслом стало изготовление рогож, рогожных кулей и попон, а также циновок (*септә*). Ещё в 70-е гг. XX в. этим ремеслом занимались в Гафурийском и Ишимбайском районах. Для изготовления циновок и попон использовали доску с зазубринами, которую вешали под крышу сарая. К ней прикрепляли массивные коклюшки (*тукмак*), с помощью которых связывали полотнища из пучков мочала или камыша.

Важное место в быту скотоводов-башкир занимали женские домашние производства, связанные с переработкой шерсти. Мягкость и эластичность волокон, способность сохранять тепло сделали шерсть универсальным сырьём для кошм и ковров, необходимых при обустройстве жилищ, особенно переносных.

Войлоками покрывали купол и решётчатые стены юрты. Кошмы и паласы стелили на полу и на дощатых нарах (*урындык*). При переходе к оседлости паласы и шерстяные подстилки стали использоваться в деревенском интерьере. Особо ценились белые кошмы (*ак кейез*). Не случайно белую кошму набрасывали на коня батыра, победившего на скачках. Лошадь невесты украшали белым с узорами чепраком.

Войлок валяли из овечьей шерсти (*йөн*). Мытую шерсть теребили руками, разбивали прутьями или инструментом в виде лучка. Для катания войлока собирали на помощь женщин. Процесс изготовления войлока (*кейез баcыу*) в домашних условиях, известный всем кочевникам, был описан в XVIII в. И.Г. Георги: "Разложив толщиною в большой палец перещипанную шерсть на простыне или рогоже, вспрыскивают горячею водою, потом катают вместе с рогожею или простынёю и опять вспрыскивают, катают... из всей силы до тех пор, пока шерсть очень крепко сляжется"¹³. В прошлом у башкир практиковалось изготовление кошм с помощью лошади. В этом случае циновка со сложенной на ней шерстью накручивалась на вал с верёвочными петлями на концах; в приспособление впрягали коня и катали по степи. Из шерсти делали также пряжу, необходимую для производства сукна (*тула*) и ковров (*балаc, келәм*).

В конце XIX столетия руно оставалось основным материалом при изготовлении домашних тканей в южных и юго-восточных районах Башкортостана. В зависимости от качества и толщины пряжи различались сукна тонкие (*сога, буcтау*), предназначенные для пошива праздничной и свадебной одежды, и грубые (*мәллә*), из которых в основном шили одежду для повседневной носки. Во всех случаях нити соединялись полотняным переплетением. Для верхней одежды, особенно демисезонной и зимней, материал делали более плотным. Одним из способов уплотнения ткани было валяние готового полотнища в рулоне. Как и в производстве кошмы, его поливали горячей водой, катая по полу, в некоторых случаях шерстяную ткань сворачивали, наложив на циновку.

В овечью шерсть, предназначенную для вязания тёплых шалей и мужских шарфов, добавляли козий пух. "Я видел ткань, делаемую ими из козьей шерсти, довольно тонкую, мягкую и тёплую", — писал профессор С. Самье, описывая быт башкир конца XIX в.¹⁴

Белые кошмы украшали несложным орнаментом из валяной шерсти контрастного (тёмного естественного, красного, зелёного, оранжевого и др.) цвета. Узор из парных завитков-рогов, кругов, треугольников, ромбов располагался по краю, несколько крупных фигур находилось симметрично в центре. На чепраки и небольшие кошмы нашивали ткань, вышитую тамбуром или укорашенную аппликацией. Некоторые подстилки на нары имели чехлы, сшитые мозаичной техникой (*хорама*) из разноцветных клинышков.

С переходом к оседлости войлоки утратили прежнее значение. На первый план выдвинулось ковроделие. Распространённым видом ковровых изделий были паласы с продольно-полосатым орнаментом (*буй балас*). Узор создавался нитями основы (*буй*) и состоял из разноцветных гладких или зубчатых полос. Нити, скрученные из двойной пряжи, плотно прилегали друг к другу, не оставляя зазоров. Ткали такие ковры на горизонтальном узконовойном станке, без берда. Тонкая нить — утка (*архау*) прибавалась с помощью мечевидной пластины (*жылыс*). Материалом для паласов служила овечья и козья шерсть. Нити из козьей пряжи были более прочными, обладали блеском и придавали особую красочность изделию. Ткали паласы узким полотнищем, затем разрезали на куски нужной длины и сшивали. Повторение полосок одного цвета через определённые интервалы обуславливало ритмический строй орнамента. Башкирские ткачихи умело использовали руно естественного цвета, сочетая белую, серую и коричневую пряжу. Употребляли также шерсть домашней окраски, тёплых спектральных тонов. Насыщенность сочетаний красного, жёлтого, зелёного цветов уравновешивалась узкой серой или тёмно-коричневой полосой.

Искусно выполнялись детально орнаментированные паласы (*асалы балас*). Ткали их широким полотнищем. Для каждой цветной детали имелся свой уток. В местах соприкосновения элементов узора нитями разного цвета обхватывали с двух сторон нить основы, не оставляя зазоров. Орнаментированное центральное поле узорного ков-

Станок для изготовления циновок
(д. Бикбулатово Кугарчинского района, 1981 г.).

Изготовление войлока.

Изготовление узорного полотенца на ткацком станке
(д. Шокурово Свердловской области, 1984 г.).

Ткацкий станок
(д. Кусеево Баймакского района, 1958 г.).

ра состояло из крупных фигур, заполненных мелкими деталями ромбов, шестиугольников, восьмиконечных звёзд, квадратов. Иногда геометрический орнамент дополнялся роговидными завитками или растительным рисунком. Часто узоры в виде уступчатых ромбов или меандров покрывали всю поверхность ковра, не оставляя фона. Внутри больших фигур помещались мелкие. Центральное поле обводили каймой. В старинных коврах использовалась пряжа, окрашенная растительными красками домашнего изготовления. Материал отличался прочностью и приятным тёплым колоритом. Более поздние ковры выделялись резкостью цветовых сочетаний, что объясняется употреблением анилиновых красителей.

Некоторые ковровщицы выполняли на станках или рамах ворсовые ковры. К основе привязывали шерстяные нити, концы которых выводили налицо и подравнивали ножницами. Для составления узора использовалась шерсть разных цветов, фон обычно был чёрно-коричневым. На нём размещались крупные медальоны той или иной конфигурации. Характер орнамента и техника исполнения сближала башкирские ковры с ковровыми изделиями киргизов, туркмен, узбеков. Ворсовые ковры и узорные паласы часто ис-

пользовались для украшения стен жилища, в то время как полосатыми застилали нары или лавки, а в гостевой комнате или в юрте — пол. Их утепляли, нашивая на кошму (*тышлы кейез*).

Тюркские племена были знакомы с ткачеством до прихода на Южный Урал. Древний ткацкий станок (*урын*) был без рамы, имел примитивные нитчинки в виде палочек (*шэбе*) с волосяными петлями, с помощью которых можно было чередовать чётные и нечётные нити основы. Позднее возник станок с двумя ремизками (*көрөс*), попеременно поднимающимися и опускающимися с помощью педалей (*тәбәлдерек*, *табалдырык*). На таких станках башкиры ткали холст (*киндер*), сукно (*тула*), паласы. При этом употребляли пряжу как шерстя-

ную, так и растительного происхождения.

Согласно источникам, в прошлом для домашнего ткачества, помимо шерсти, использовали нити из стеблей крапивы, дикой и культурной конопли. Из растительной пряжи ткали холсты. В трудах участников академических экспедиций XVIII в. И.Г. Георги, И.И. Лепёхина, П.С. Палласа крапивный холст упоминается наряду с конопляным: “холст ткут они больше из крапивы, а иногда и из пеньки: но всегда претолстый и узкий”; “толстый холст на одежду ткут они по большей части сами; ибо не только прядут нитки из пеньки, но и из простой большой крапивы”¹⁵. П.С. Паллас оставил подробное описание обработки крапивы: “осенью вырывают так, как конопли, сушат, потом мочат, былинки ломают руками, сдирают кожуру и напоследок толкут в деревянных ступах до тех пор, пока сделается мягкою”¹⁶. Со временем крапивный холст был вытеснен конопляным. В дневниках И.И. Лепёхина отмечалось, что жизненный опыт научил башкир ценить конопляный холст, который “доброю своею много превосходит крапивный”¹⁷. На Южном Урале не только собирали дикую коноплю, но и культивировали это растение.

В северных районах в XIX в. больше выращивали лён. Однако льняное полотно шло

главным образом на полотенца и скатерти. Одежду, особенно обрядовую, продолжали шить из конопляных тканей. В южных районах также преобладала конопля. П.И. Небольсин в середине XIX в. писал, что в южных аулах если лён и сеется, то “в весьма незначительном количестве; жители всюду довольствуются коноплей, растущей дико в деревнях”. По его наблюдениям, каждая семья собирала около четырёх пудов дикорастущей конопли, вырабатывала “аршин сто грубого, но прочного холста”. Посеяв пуда полтора конопли, получали до трёх пудов сырья, достаточных на 100 аршин ткани. Посевы льна были рассчитаны на такое же количество полотна. Этого запаса, по оценке П.И. Небольсина, хватало на одежду для всей семьи, полотенца, скатерти и другие вещи¹⁸.

В XIX — начале XX вв. преимущественно ткали полотнища большой ширины (от 28 до 32 см). В первые десятилетия XX в. из хлопчатобумажных покупных ниток ткали материал 45—50 см шириной. Широким было домо-тканое полотно в аулах, расположенных к северу от г. Уфа, в междуречье Уфы и Белой.

В южных и восточных скотоводческих районах готовую ткань обычно окрашивали, применяя в основном органические (натуральные) красители. Предпочитали красный цвет. Его получали из корня подмаренника (*кызыл тамыр*) или пользовались привозной краской из марены. Были популярны также зелёный цвет, получаемый из настоя плауна (*серетма*), жёлтый или оранжевый — из настоя серпухи (*һыйыр теле, һары буяк*). Для усиления красящих свойств и закрепления краски в раствор добавляли золу, квасцы, окись железа. Иногда получали переходные тона, накладывая одну краску на другую. Например, выдержанную в отваре горного мха ткань опускали в настой листьев серпухи. В других случаях холст, окрашенный в настое плауна в зеленоватый цвет, кипятили в растворе марены. Можно отметить, что в красильном производстве южных и восточных башкир было заметно воздействие восточно-азиатских, в т. ч. и китайских традиций.

У северных башкир традиции художественного ткачества развивались в тесной связи с соседними народами: удмуртами, восточными марийцами, татарами, кряшенами, мишарями. Они долгое время использовали светлые холсты, а также домашние материалы из заранее окрашенной пряжи. Ткани декорировали в процессе их изготовления. Пересечение разноцветных нитей основы и утка в за-

данном ритме создавало множество вариантов пестряди. Было распространено сочетание в клетках или полосках белых и красных нитей. Красно-белое сочетание дополнялось узкими чёрными, жёлтыми, синими полосками. Встречались и другие расцветки. “Крупноклетчатая пестрядь, состоящая из белых и синих ниток собственного дела...” упоминается Н.С. Поповым при описании быта башкир Шадринского уезда¹⁹. Из такой ткани делали полотенца (*тастамал*), скатерти (*ашгыяулык*), занавеси (*шаршау*). Использовали её и для пошива домашней одежды.

Сложной формой узорного ткачества являлась браная техника (*сунтәрләу, сунтәрләу, күтәрәп һуғыу*): отдельным утком ткалось полотно, а другими (цветными) утками выполнялся выпуклый орнамент, напоминающий счётную вышивку. Он состоял из уступчатых геометрических фигур, выстроенных в ряды или разбросанных по полю. Фон мог быть белым, однотонным цветным или пестротканым. В последнем случае узорные розетки (*сүпләм, сәкән*) помещались в клетках.

Расположение орнамента на полотне и его расцветка зависели от назначения ткани. В декоративных полотенцах, служивших подарками на свадьбах, призами в состязаниях на празднествах или использовавшихся для украшения жилища, узор чаще всего располагался на концах тремя-четырьмя полосами. Его обычно составляли из геометрических фигур, гармонично сочетающихся в цвете и рисунке. Старинные полотенца были преимущественно белые, в более позднее время в полотенцах преобладал красный фон. Для орнаментации на белой основе использовалась красная пряжа, на красной — чёрная, белая, зелёная, жёлтая, синяя. Встречались белые полотенца с разноцветным узором. В некоторых деревнях на севере Башкортостана преобладало вертикальное построение орнамента — столбцами. Иногда орнамент был мелким и густым и занимал почти всю ткань.

Занавеси-шаршау, игравшие основную роль в функциональном разграничении жилого помещения и его убранстве, отличались яркой декоративностью. Центральное поле с крупным орнаментом в виде звёзд, квадратов или многоугольников было обведено полосатой каймой с браными розетками. Узоры выполнялись цветной шерстью, гарусом, реже использовались хлопчатобумажные нитки. Крупные детали орнамента одноцветных, красных или оранжевых шаршау напомина-

Изготовление пряжи
(с. Дуван-Мечетлино Мечетлинского района, 1977 г.).

ли по характеру рисунка и колориту ковровые изделия Средней Азии. Со среднеазиатскими коврами башкирские шаршау сближало наличие каймы и диагональное цветовое решение орнаментальной композиции. Тот же принцип выдерживался в пестротканых занавесях, но узор в последних был мельче и разобъённое, располагался в клетках ткани. По особенностям декора к занавесям были близки узорные скатерти (*ашъяулык*). Такая ткань использовалась также для пошива праздничной одежды.

При изготовлении предметов убранства дома — занавесей, полотенец, скатертей — использовалось также закладное тканье (*асалан хуғыу*, *булеп хуғыу*). Эта техника была распространена главным образом в северо-западном и западном Башкортостане. Каждой цветной детали в ней соответствовал свой уток. Разноцветные нити утков не соединялись, на границе двух цветов оставались просветы. Основу орнамента составляли короткие полоски, которые, располагаясь уступами, соединялись в зигзаги, ромбовидные, S-образные, X-образные и другие фигуры.

Сложной техникой отличалось многоцветное тканье на трёх, четырёх, шести подножках. Нарядной получалась фактура тка-

ни, цветовые же сочетания были сдержанными. Допускалось соединение красных с белыми или чёрными нитями. Встречались и чисто белые ткани. Особое переплетение нитей создавало “косые” узоры (*хья бизэк*) в виде ёлочка, зигзагов, косых линий или “гнёзд” (*оялан хуғыу*). Такую ткань использовали для скатертей, реже — полотенец и платьев.

Изготовлением тканей в Башкортостане активно занимались до конца 20-х гг. XX в. Дольше сохранялись традиции тканья в северных районах. Здесь в 50—60-е гг. можно было встретить мастериц, увлекающихся орнаментацией декоративных полотенец и скатертей. Своеобразный подъём переживало во второй половине XX в. ковроткачество. Изготовлением художественных паласов славилась ткачихи из дёмских и приуральских селений. Почти всюду домашние ткацкие станки использовались для производства половиков и тряпичных подстилок на нарты (*сенрэк балас*).

Одним из основных способов изготовления тёплых шерстяных вещей было вязание. На спицах вязали чулки, носки, варежки, шарфы, кушаки. На юге Башкортостана было распространено изготовление узорных платков из белого, дымчатого или тёмно-коричневого козьего пуха. В северных районах узорное вязание развивалось с использованием тонкой белой пряжи из овечьей шерсти. До сих пор рельефным или ажурным орнаментом (косой линейкой, сеткой, зигзагом, уголкем) украшают здесь паголенки женских и детских чулок, варежки, перчатки.

Богатые традиции имеет башкирская вышивка. Достаточно сказать, что башкирским вышивальщицам было известно около двух десятков приёмов узорного шитья. О распространении в башкирских аулах различных способов ручной орнаментации тканей в XIX в. писал Д.П. Никольский: “Как на одно из любимых занятий башкир можно указать на вышивание... Вышивать должна уметь каждая башкирская девушка. Вышивка делается шерстью, шёлком, бисером и т.п. Большая часть вышивок выполняется по полотну, по миткалю (полотенца, рубахи), по сукну”²⁰.

Вышивали шаршау, подзоры (*кашага*, *өрлөк шаршауы*), полотенец, скатерти, молитвенные коврики (*намазлык*), салфетки для кумысных кадок (*көрэгэ ябыу*). Нашивали вышитую ткань на чепраки (*серге*), кошмы (*хызыл түшэк*). Вышитыми узорами украшали свадебную и праздничную одежду. Ритуальными были свадебные платцы (*янысык*, *тохсай*) и жениховские платки (*хуль-*

ядулх). Описывая башкирский сабантуй в Приуралье, И.И. Лепёхин отмечал, что призом победителю скачек часто служил белый платок, вышитый по углам разноцветным шёлком²¹. Победителям в борьбе вручались узорные полотенца. Символом сабантуя нередко являлся вышитый платок, прикреплённый наверху высокого столба, установленного на праздничном майдане. Во многих местах долго сохранялся обычай, по которому перед сабантуем у молодых женщин, вышедших в тот год замуж, устроители собирали по вышитому полотенцу или платку для награждений на празднике.

У башкир наиболее характерным видом вышивки был тамбур (*элмэ, кайыу, йүрмән сигеу*), известный всем тюркским народам. В зависимости от особенностей исполнения тамбурного шитья различались обычный петельный тамбур, двойной тамбур или “косая сетка” (*жуш элмэ*), когда одновременно с контурами заполнялось сеточкой внутреннее поле, а также ковровый шов (*күпертеп сигеу, күпертеп һырыу*). Обычный и двойной тамбур часто сочетались. Так вышивались кисеты, мужская и женская суконная одежда, ленты для перетяжки постели (*түшик тарткы*), чепраки и другие вещи, обычные в скотоводческом быту. В XIX — начале XX вв. двойной тамбур сохранялся преимущественно в юго-восточном Башкортостане. Вышитые предметы дополняли атрибутику свадебной обрядности.

Двойной тамбур был неразрывно связан с кускарным орнаментом, иногда и вышивку называли кускарной (*хускар теген*). Словом кускар (*хускар* — рог барана) обозначался целый ряд элементов узора с одинарными и парными завитками, интегралами. Комбинации кускаров создавали вихревые розетки, спирали с завитками, сердцеподобные фигуры. Иногда орнамент приближался к растительному. Это наблюдалось, в частности, в вышивке декоративных лент для перетяжки сложной горкой постели. Выразительный, композиционно завершённый вариант кускарной вышивки представлен в орнаментации свадебных кисетов. Поверхность кускарной фигуры, расположенной в центре, заполнялась шерстяными (реже — шёлковыми) нитками красного, зелёного, жёлтого цветов. Фоном было чёрное, красное или белое сукно, позже фабричная ткань. Контуры узора выразительно дублировались вышивкой обычным тамбуром нитками более тёмного или контрастного цвета. Цветовая гамма орнамента поддерживалась полосами цветного

сукна или атласных лент в обшивке и шерстяными кисточками.

Кускарная вышивка — явление древнее, она знакома алтайцам, казахам, киргизам, хакасам и другим народам. Однако специальные исследования дают основание утверждать, что башкирская вышивка — явление по-настоящему самобытное, ей нет прямых аналогий²².

Обычным тамбуром мастерицы вышивали растительные узоры на белых, красных, розовых и голубых тканях. На полотенцах, салфетках, скатертях, молитвенных ковриках, занавесках для матицы и стен (*кашага, өрлөк шаршауы*), женских платьях, фартуках и мужских рубашках выполнялись однотонные или многоцветные орнаменты. В композицию включались линейные и розеточные узоры. Их стилизация зависела от местных традиций. В основе изображения находились предметы реального мира, о чём свидетельствуют обозначения узоров: лист (*япрак*); молодой листок (*йәш япрак*); кленовый лист (*саган япрагы*); дубовый лист (*имән япрагы*); осиновый лист (*уҫак япрагы*); стебель (*һабак*); почки (*бөрө*); цветок (*сәскә*); цветок сараны (*һарына сәскәһе*); петушиный гребешок (*кикрәк*); ожерелье (*жымай*) и др. Концы вышитых полотенец и край коротких занавесок нередко украшали белым или цветным кружевом собственного плетения.

Старинные тамбурные вышивки выполнялись иглой. В XX в. вышивальщицы стали пользоваться пальцами (*кирге*) и крючком. Разноцветный плотный узор из переплетающихся побегов с листьями и цветами выглядел особенно ярко на чёрном, красном или тёмно-синем фоне. Так вышивали свадебные и праздничные платья и фартуки, свадебные мужские рубахи. В северо-восточном Приуралье и в Зауралье в XVIII—XIX вв. были развиты высокохудожественные навыки вышивки шёлком и гарусом по холсту. Коллекции Российского этнографического музея и музеев г. Уфа насчитывают десятки хараусов* (*һарауыс*), тастаров** (*таҫтар*) или концовок к ним; есть также салфетки на кумысные кадки, сумочки, кисеты. Вышивка выполнялась по счёту нитей ткани косым стежком (на хараусах) или счётной гладью (на тастарах и бытовых вещах). В окантовке применялась вышивка росписью, крестиком, нашивались кораллы. На тастарах имелись ажурные полосы с вышивкой цветной перевитью, иногда по краям пришивалось кружево.

* Женское налобное украшение.

** Платок с вышитыми концами.

Хараусные и тастарные вышивки отличались геометризованным линейным или розеточным орнаментом, выполненным в сдержанной красно-коричневой или золотисто-бежевой гамме. Изредка в той же манере вышивали бытовые и ритуальные предметы: свадебные кисеты, салфетки для сосудов с кумысом. Традиционные предметы, с которыми некогда были связаны эти вышивки, к XX в. вышли из употребления, что привело к утрате самобытного орнаментального пласта. Была забыта вышивка косым стежком. Долше продержалась вышивка счётной гладью. Ею стали украшать одежду из фабричных тканей, при этом часто применялась гладь “в набор”, напоминающая браное тканье, орнамент которой чаще всего был ограничен простыми геометрическими фигурами. К примеру, ещё во второй половине XX в. в Курганской области готовили к свадьбе комплекты из кумачового платья и фартука с тонкой счётной вышивкой шёлком; иногда вышивка выполнялась на воротниках и планках мужских рубаш. Так же украшали кушаки (*билбау*) для костюма жениха. Кроме красной ткани, для праздничных рубаш и фартуков употребляли ткани светлых тонов: голубого, розового, светло-серого. Вышитый геометрический орнамент располагался и по краю головного покрывала невесток (*жушь-яулык*). Многие женщины умели вышивать сами. В то же время в аулах встречались опытные вышивальщицы, которые выполняли работу на заказ. На северо-востоке Башкортостана в 50—60-е гг. XX в. встречались платья и фартуки, вышитые многоцветной перевитью. В некоторых домах сохранялись ажурные полотенца.

В горных аулах и в Зауралье одним из традиционных способов орнаментации сукна и других тканей являлась аппликация. Аппликационными нашивками украшали верхнюю одежду (*сакман*), голенища обуви (*сарык, ката*), суконные чулки (*тула ойок*), праздничные чепраки (*серге, сергетыш*), войлок (*хейез*). У восточных башкир в XX в. аппликацию нашивали на подол хлопчатобумажных платьев и передников.

Наиболее простой техникой аппликации была нашивка по контуру рисунка цветных полосок (*айзандырыу, бороу*). Более сложной по исполнению аппликаций являлась нашивка на ткань или суконную основу цельного, заранее вырезанного узора или его отдельных элементов (*кайы*). Кроме полос, зигзагов, волнистых линий, в аппликациях использова-

ли кускарные узоры различной конфигурации. Особенно выразительными и композиционно отработанными были арочные узоры на праздничной женской обуви. Мастерство вышивальщицы определялось количеством соединённых воедино орнаментальных “гнезд”-квадратов. Каждый квадрат, в свою очередь, был детально разработан с помощью линий с завитками. Центральное поле на заднике было обведено орнаментальной каймой в виде арки. В аппликации преобладал красный цвет; под отдельные детали узора подшивали чёрное, жёлтое, зелёное сукно.

Несколько иначе выглядела аппликация на одежде. На подоле хлопчатобумажных платьев или передников выделялся однотонный узор в виде крупной волны, одинарного или сдвоенного зигзага с деталями-розетками в углублениях. Выразительны некоторые названия узоров: яблоко (*алма*), след волка (*буре табанк*), палец (*бармак*), круг (*дүңгаләк*) и др.

Во второй половине XX в. в Белокатайском районе БАССР и в соседних деревнях Свердловской и Челябинской областей праздничные платья украшали узорами из тесьмы (*урнакләу*), орнамент которых повторял контуры растительных узоров тамбурной вышивки.

Из всех женских ремёсел вышивка оказалась наиболее приспособленной к современным условиям. Появились новые материалы, расширились технические возможности рукоделия, но до сих пор сохранилась художественная основа старого вышивального искусства — традиционный колорит и выработанный веками орнаментальный строй.

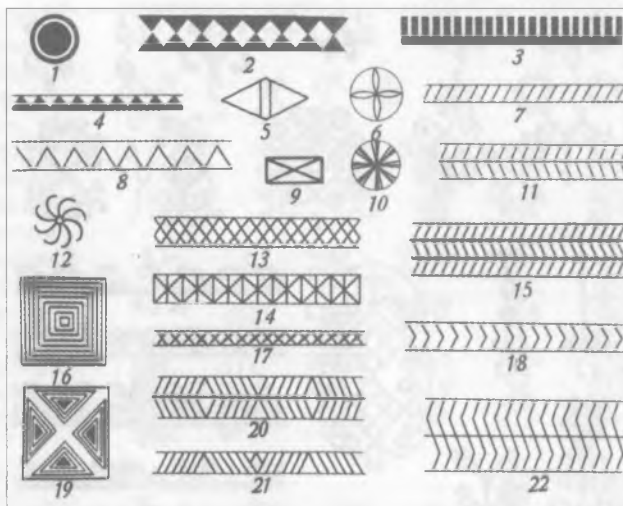
Традиционные ремёсла, являясь составной частью хозяйственной деятельности, были направлены прежде всего на создание утилитарных вещей. Однако мир материальных предметов не существовал в отрыве от духовного мира людей. Внешний вид изделия должен был соответствовать эстетическим идеалам, гармонировать с привычными представлениями о красоте. Почти все башкирские ремёсла (в первую очередь — женские) были сопряжены с декоративным творчеством.

Очевидно, в XIX—XX вв. нанесение на ремесленные изделия орнамента редко преследовало религиозно-магические цели. Использование декоративных средств стало явлением художественного уровня: орнаментирование повышало ценность созданной вещи, усиливало эмоциональное воздействие, подчёркивало высокий профессионализм мастера. В то же время круг украшаемых предметов

был ограничен. Это вещи, предназначенные для убранства “парадного”, гостевого жилища (ковры, узорный войлок, занавеси и пологи), посуда для торжественных трапез (кумысные кадки, ковши и чаши, вазочки для мёда), выездная упряжь, узорные чепраки, праздничная и обрядовая одежда, атрибуты праздников и ритуалов (полотенца, платки, наборы подарков, призов). В этой целенаправленности применения декора заключалась исключительная роль и историческая предопределённость узоротворчества. Вполне допустимо, что изначально орнамент мог заключать в себе смысловую нагрузку, однако с течением времени эти представления постепенно стёрлись, утратились. Интерпретация орнамента у мастеров XX в. чаще была ассоциативного свойства, она не проявляла устойчивости даже в пределах небольшого района.

Как показывают археологические и этнографические исследования, в декоративном искусстве наиболее устойчивым элементом является орнамент. Многие из узоров насчитывают тысячелетия. Постепенно усложнялись орнаментальные композиции, переосмысливались мотивы. Однако в комплексе однотипных узоров всегда можно выявить первооснову и проследить её развитие в пределах одного этноса или группы родственных народов. В разработке вопросов этногенеза, в восстановлении этапов этнической истории и культурно-исторических связей орнамент используется как наиболее надёжный этнографический источник.

Историко-генетический анализ башкирского орнамента был предпринят в начале 1960-х годов. С.А. Авижанской, Н.В. Бикбулатовым и Р.Г. Кузеевым было выделено шесть орнаментальных комплексов, каждый из которых представляет собой “совокупность родственных по происхождению однотипных орнаментальных мотивов”, показана их связь с определённым кругом бытовых предметов, описана техника исполнения²³. Авторы рассматривали эти комплексы как культурные “наслоения различных периодов в этнической истории башкир... выражение их былых историко-культурных связей”²⁴. Результаты исследования С.А. Авижанской, Н.В. Бикбулатова и Р.Г. Кузеева, пользующиеся всеобщим признанием в научном мире, подтверждаются материалами этнографических экспедиций конца прошлого столетия.

Первый орнаментальный комплекс:

1—4 — аппликация на войлоке и тканях; 5, 6, 8—11, 14—22 — резьба по дереву; 7, 13, — орнамент на коже (7 — тиснение, 13 — врезной контур); 12 — вышивка бисером, аппликация.

Узоры первого, наиболее древнего орнаментального комплекса составлены из прямых линий и геометрических фигур: треугольников, ромбов, квадратов, прямоугольников, кругов. К ним же относятся собранные из отрезков окружности вихревые и многолопастные розетки, иногда вписанные в круг. Нередко поверхность геометрических фигур бывает детально разработана: их очертания неоднократно дублируются; в ромбах и квадратах попарно соединяются треугольники; прямоугольники делятся диагоналями. Многообразны ленточные орнаменты: зигзаг (“узор пилы”), цепи треугольников и поставленных на угол квадратиков, косые кресты, бордюрная диагональная сетка, наклонные линии в окантовке, ряды “ёлочек”, шевронов.

Большинство узоров этого комплекса использовалось в резьбе по дереву: зубчатые и линейные (особенно “ёлочки” и шевроны) при украшении кумысных и медовых кадок; угловатые фигуры и розетки — прялок и ткацкого инвентаря. В первом случае применялась плоскорельефная резьба с углублением фона, рисунок был двуплановым: углублённая и выпуклая поверхности представляли два варианта однотипной композиции. Во втором случае резьба была углублённой, двух- и трёхгранной выемчатой. Чаще всего трёхгранные лунки, выполненные вразброс, становились основным украшением прялки. Некоторые простейшие фигуры (ромбы, кру-

Второй (кустарный) орнаментальный комплекс:
 1, 2, 4, 10, 11, 13, 15, 16 — двойной тамбур; 3, 27, 28 — серебряная насечка (конская сбруя); 5, 6, 8, 9, 12, 14, 17—20 — аппликация; 7, 12 — счётная вышивка; 22—23 — простой тамбур; 24, 25, 29 — архитектурный декор; 26 — тиснение по коже.

ги) и бордюрные “ёлочки” присутствовали в декоре расписных подставок под постель. Старинный башкирский кожаный щит, обнаруженный в музее Казанского государственного университета, украшал врезной орнамент из концентрических кругов, наклонных “порубок” и сетки.

Орнамент встречался также на кошмах в виде вкатанного узора (зигзаг, круги) и в аппликации на тканевых покрывалах войлоков (цепочки треугольников и квадратиков). Вихревые розетки и концентрические кружки выполнялись вышивкой бисером на верхней женской одежде. К ним близки по типу круглые, с чётко обозначенным центром, нашивки из перламутра и металла. “Ёлочки” и “косички” украшали поверхность браслетов и колец. Элементы этого комплекса (накладные ромбы, треугольники, круги) и бордюрные

ные зубцы позже были включены в архитектурный декор. Большинство описанных орнаментированных вещей было сосредоточено в юго-восточном регионе, в основном в горных и прилегающих районах. Лишь узорный ткацкий инвентарь и прялки были больше характерны для северных и предуральских районов.

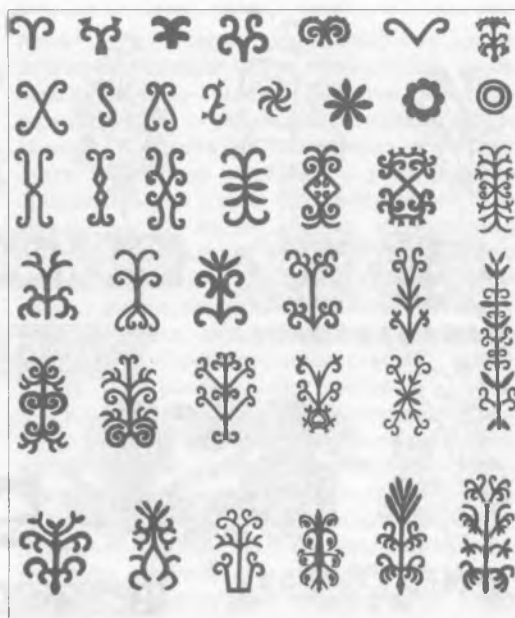
Узоры первого комплекса распространены чрезвычайно широко и за пределами расселения башкир. Они нашли отражение в декоративном искусстве народов Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, но особенно заметное место занимают в декоре тюркских народов Южной Сибири. Саяно-алтайский (по С.В. Иванову) тип сибирского орнамента, включавший почти все признаки выделенного выше комплекса, был характерен для искусства алтайцев, тувинцев, хакасов, чулымских татар, якутов; прослеживался у самодийцев, угров и других народов Сибири²⁵. Концентрические круги с центром, выполненные в технике аппликации и вышивки (в т. ч. бисером) или в форме нашивных пластин, встречались как на юге Сибири, так и в других областях, затрагивая северо-восточную Азию. С.И. Вайнштейн описал “докочевнический слой” орнамента у тувинцев, близкий по составу башкирскому²⁶. Характерно, что на юге Сибири, как и у башкир, линейные “ёлочные” узоры и шевроны выявлялись прежде всего в резьбе по дереву.

Можно предположить, что орнаментальный комплекс, представленный у юго-восточных башкир в декоре деревянной посуды, войлока и одежды солярными узорами, сформировался у тюркоязычных кочевников, в т. ч. у башкир, под влиянием древних культур Сибири. Лишь одна составляющая этого комплекса — орнаментация прялок, распространённая в северных и центральных районах Башкортостана, тяготеет к декоративным традициям Восточной Европы. Похожий геометрический орнамент в виде отдельных розеток или фактурной “сетки” был распространён на бытовых предметах у финно-угров (пермских и волжских) и русских. В целом же его ареал обширен, и первоначальное происхождение пока не выяснено²⁷. У башкир он появился в сравнительно позднее время.

Второй орнаментальный комплекс представляют кускарные узоры. Из одинарных и парных завитков выстраивались бордюрные полосы или составлялись сложные композиции, заполнявшие значительную часть поверхности предмета. Часто использовались значки в виде интегралов, иногда объединённые в вихревую розетку. Кроме вышивки, орнаменты данного комплекса применялись в аппликации на сукне и тканях; в тиснении по коже; на ювелирных поделках (особенно в украшении сбруи); в войлочных изделиях. В литературе также подчёркивается, что он использовался “исключительно для оформления предметов кочевнического быта: чепраков, декоративных лент, обуви с суконными голенищами... колчанов, налучий...”²⁸.

Кускарный комплекс, как и описанный выше геометрический, был характерен для декоративного искусства населения горного Урала и Зауралья (у башкир северо-восточных районов РБ, Курганской и Челябинской областей). Вышитый кускарный орнамент, близкий к растительному в сочетании с геометрической аппликацией, применялся на юго-востоке Башкортостана для украшения целого набора свадебных вещей: чепраков (*серге*), нарядной постели (*кызыл тушэк*), лент для перетяжки постели (*урын тартаһы*), белых женских чекменей, мужских кисетов и др. В восточном Зауралье была больше принята аппликация из полос с завитками. Как уже говорилось выше, кускарный орнамент широко применялся при изготовлении праздничной женской обуви с суконными голенищами (*сарык, ката*).

Узоры второго орнаментального комплекса характерны для искусства всех тюркоязычных народов Азии и Европы. Они выполнялись в вышивке и аппликации на тканях, войлоке (вкатанные и нашивные узоры), коже. В Сибири они составили южносибирский тип орнамента, объединявший декоративное искусство хакасов, алтайцев, якутов, тувинцев и бурят²⁹. Исследуя генезис тувинского декора, С.И. Вайнштейн выделил раннекочевнический слой орнаментов, состоящий из завитков, спиралей, роговидных мотивов. Автор подчёркивал, что он был широко распространён уже в скифское и гунно-сарматское время³⁰. Значительное место подобные мотивы занимали в позднем искусстве казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков и некоторых других народов Средней Азии³¹. У народов Сибири и Средней Азии существовало название ведущего мотива “кочкар мюйюз”, идентич-

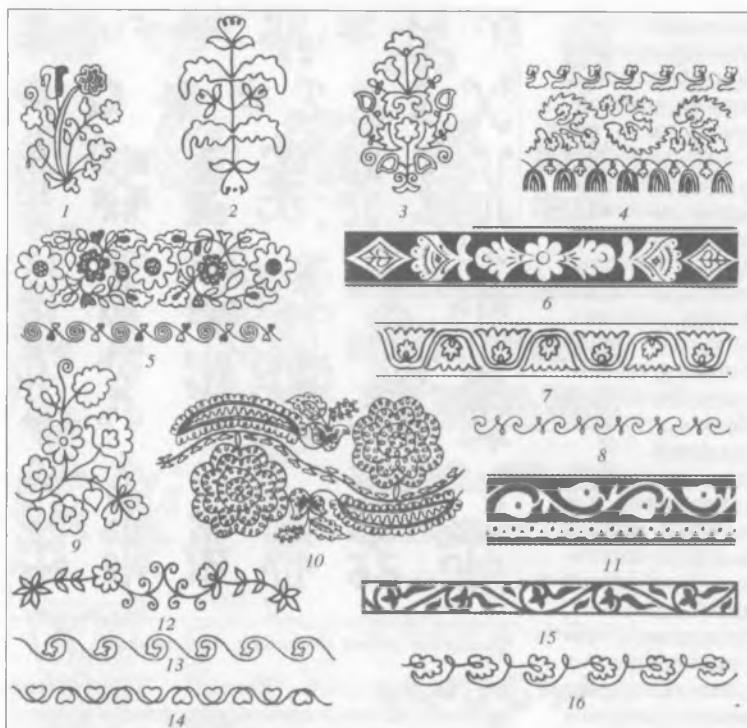

Кускарные узоры (вышивка, аппликация).

ное башкирскому “кускар”. Присутствие мощного раннекочевнического пласта в декоративном искусстве башкирского народа говорит о тесных генетических и культурных связях родоплеменных объединений башкир на начальных этапах истории с племенами и народами Южной Сибири и Центральной Азии.

Преимущественное распространение второго орнаментального комплекса в декоративном творчестве юго-восточных и восточных башкир объясняется длительным сохранением кочевого образа жизни. Именно в данном регионе в традиционной одежде, особенно ритуальной, кускарный орнамент, близкий то к зооморфному, то к растительному, приобрёл символическое значение. Отдельные элементы комплекса использовались повсеместно как в ранних ремёслах, так и в поздних (в частности, в архитектурном декоре). По оценке С.И. Руденко, эта орнаментика “наиболее... характерна для башкирского изобразительного искусства, и её корни уходят глубоко в древность”³².

Третий орнаментальный комплекс состоял из стилизованных мотивов цветочно-растительного происхождения. В основном он применялся в тамбурной вышивке, а также в вышивке бисером, жемчугом, металлической нитью на женских головных уборах (колпаках) и мужских тубетейках; в орнамент ювелирных украшений; в тиснении по кож

Узоры на серебряных украшениях (чернение).

Третий (растительный) орнаментальный комплекс: 1—5, 7—10, 12—14, 16 — тамбурная вышивка; 6, 11, 15 — гравировка и чернение на ювелирных украшениях.

на сумках, налучьях и колчанах. В XX в. это направление узоротворчества неожиданно проявилось в производстве паласов.

Тамбурная вышивка была самой плодотворной областью применения и развития “цветочных” орнаментов. Старинные вышивки, выполненные обычным петельным швом, отличались контурным рисунком. Сохранились многие варианты узких бордюрных узоров, полосного орнамента, в которых стилизованные листья на стеблях и цветы причудливо сплетены в гирлянды. Те и другие сочетались в вышивке на занавесях, подзорах, полотенцах; отдельные растения или букеты помещались в углах скатертей, намазлыков, платков. Позже получило распространение применение растительных орнаментов в вышивке женской и мужской одежды.

Во второй половине XIX—начале XX вв. вышивка с преобладанием цветочно-растительного орнамента была распространена повсеместно, за исключением юго-восточного региона, где была развита кускарная вышивка. Следует отметить, что на территории бытования данного орнамента существовали локальные различия. В западных районах для заполнения деталей орнамента использовали петельную ковровую технику. В северо-вос-

точных районах с появлением в вышивке на одежде развёрнутых композиций цветы и листья стали заполнять тамбуром по спирали, выделяя контуры цветом. У башкир южных и юго-западных районов РБ, Аргаяшского, Сосновского и других районов Челябинской области в цветочно-растительном орнаменте сочетался простой и двойной тамбур. Контурная тамбурная вышивка у башкир Курганской области отличалась сильной стилизацией и ритмичным чередованием ниток разного цвета независимо от деталей узора.

Анализ рассматриваемого орнаментального комплекса даёт возможность проследить процессы культурного взаимодействия двух родственных народов — башкир и татар. Северобашкирские растительные орнаменты в вышивке на тканях, тубетейках и женских колпачках обнаруживают определённое сходство с традициями декора татар³³. Это подметил С.И. Руденко, сделав предположение о появлении у башкир цветочных узоров, выполненных тамбурным или петельчатым швом, “под влиянием искусства казанских татар”³⁴. Много общего и в орнаментах татарских и башкирских серебряных украшений³⁵. Видимо, здесь имело место влияние художественной культуры татар, тем более

что в башкирских аулах во второй половине XIX—начале XX вв. получили распространение изделия татарских ремесленников: тюбетейки, женские наколки-колпачки, украшения, обувь. Это подтверждается тем, что отдельные предметы (намазлыки, скатерти), попавшие в музейные коллекции из горных районов или юго-восточного Зауралья, были привозными. Взаимовлияние башкир и татар, проживающих в северо-западных районах Башкортостана, в области декора наиболее ярко видно в основных мотивах и элементах цветочных вышивок. Тем не менее предположение о татарском влиянии не объясняет до конца существование тамбурной вышивки с растительным орнаментом у северо-восточных башкир, тем более у зауральских. Поиск истоков орнаментального пласта уводит в земледельческий мир южных областей Средней Азии и Ирана. В разных частях Узбекистана и Таджикистана, а раньше и в Иране, отмечался весенний праздник цветов, символизировавший пробуждение природы. Там же существовала традиция готовить к свадьбе вышитую одежду для невесты и целый набор вышитых тканей (простыней, ковриков, покрывал, накидок на колыбель) с изображением цветов (тюльпанов, маков, роз), извилистых веточек с листьями. Исследователи подчёркивали, что растительные орнаменты играли прежде всего роль оберегов³⁶. Часть обычаев, связанных с культурами природы, сохранялась в исламских традициях. В условиях запрета на изображение человека и животных особое значение приобретали растительные орнаменты. Они распространялись вместе с исламизацией евразийских кочевников далеко за пределы Средней Азии. В кочевом быту появлялись персидские и среднеазиатские флёровые ткани, различные изделия с вышивками прежде всего культового назначения (намазлыки), коврики, покрывала.

Исследователи отмечают, что третий орнаментальный комплекс сложился относительно поздно в среде тюркских кочевых племён Средней Азии и прикаспийских степей (в искусстве народов Южной Сибири он не обнаружен). Основываясь на том, что мотивы этого комплекса известны казахам, киргизам, узбекам, а в Урало-Поволжье — башкирам и татарам, особую роль в распространении этого орнамента авторы отводили племенам кыпчакского объединения, многие из которых до прихода на Южный Урал и в Урало-Поволжье находились в Средней

Азии³⁷. Носителями среднеазиатских традиций на юго-западе могли быть минцы, на северо-востоке — айлинцы и сарты, в восточном Зауралье — айлинцы, катайцы, сарты. Именно в местах их расселения появились очаги тамбурной вышивки с растительным орнаментом, но с ярко выраженным местным колоритом. У части южных и восточных башкир растительные узоры на бытовом текстиле выполнялись двойным тамбуром, в орнамент вводились завитки. Такого же характера вышивки существовали у казахов и киргизов³⁸. Сформировался особый “кочевнический” тип растительных узоров.

Касаясь вопроса о распространении растительных орнаментов в декоративном творчестве башкир, нельзя не учитывать и позднее влияние Востока на культуру и быт мусульманского населения Урало-Поволжья и Западной Сибири. Изучив орнаментальную культуру киргизского народа, С.В. Иванов пришёл к выводу, что растительный комплекс, воспринятый в кочевой среде, с течением времени приобрёл характерные особенности³⁹. Также он подчёркивал особую роль среднеазиатских городов в распространении среди кочевников вышивок с растительным орнаментом.

Четвёртый (ковровый) комплекс составляли угловатые медальоны (шестиугольники, восьмиугольники, звёзды и другие сложные в очертании фигуры), заполненные мелким орнаментом. Несколько крупных медальонов в один-два ряда занимали центральную часть тканого полотнища (поле в кайме), более мелкие были соединены в три-пять рядов. Орнамент, как правило, был многоцветный, многоплановый. Так украшали паласы, ворсовые ковры, большие занавеси, скатерти. Территория распространения комплекса ограничивалась западными районами Башкортостана.

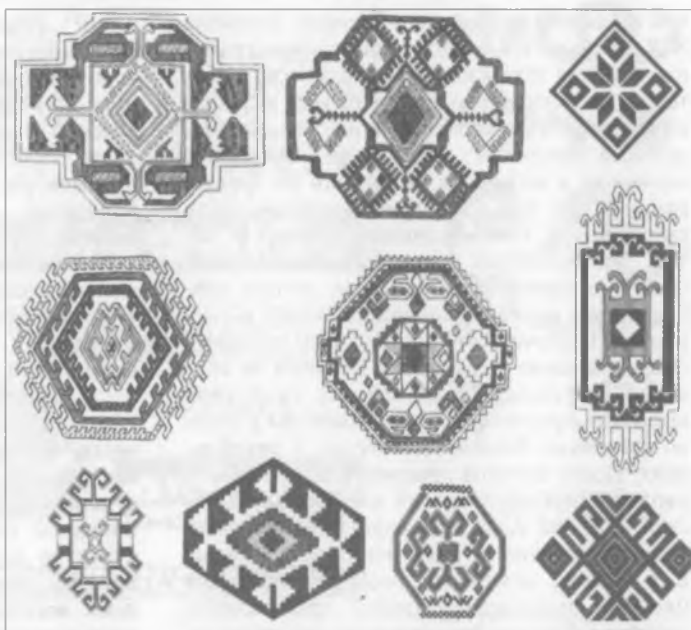
Корни четвёртого орнаментального комплекса, как и предыдущего, уходят, по всей видимости, в древнее ткацкое ремесло населения внутренних областей Средней Азии и Ближнего Востока. Продвинувшиеся сюда тюркские кочевники, занимаясь овцеводством, в короткое время овладели узорным ткачеством и достигли больших успехов в ковроделии. Мотивы данного комплекса обнаруживают близкое сходство с ковровой орнаментикой киргизов, туркменов, узбеков⁴⁰.

Н.В. Бикбулатов и Р.Г. Кузеев объясняли это явление расселением на Южном Урале родовых подразделений кыргызов и туркмен, зафиксированных в составе северо-за-

Ковровые узоры.

Четвёртый (ковровый) орнаментальный комплекс.

падных и центральных башкир⁴¹. Однако решающим фактором в переносе некоторых традиций ковроткачества из Средней Азии в Приуралье может оказаться расселение здесь башкир минского родоплеменного объединения, часть которых, как показывают источники, ещё в XIV в. жила на Сыр-Дарье⁴². На территории минцев в долине р. Дёма сложился наиболее самобытный район ковроткачества, именно здесь изготавливали и ворсовые ковры.

Среди набора узоров, связанных с орнаментацией домашних тканей в Приуралье, четвёртый комплекс выделяется стилистически. Его появление нельзя объяснить логическим развитием более простой орнаментальной основы. Он был привнесён в сравнительно позднее время и начал использоваться не только в коврах, но и в узорных тканых полотнищах.

Пятый орнаментальный комплекс условно можно назвать тастарно-хараусным, т. к. он преимущественно распространён в вышивках на старинных холщовых головных уборах. В нём объединены сложные композиции из простейших элементов (треугольников, ромбов, квадратов, трапеций, “ёлочек”, крестов), иногда дополненные угловатыми завитками, восьмиконечными звёздочками. Концы тастаров украшались многосоставными розетками и полосным орнаментом. К комплексу относятся также трёхчастные, близкие по форме к трапеции

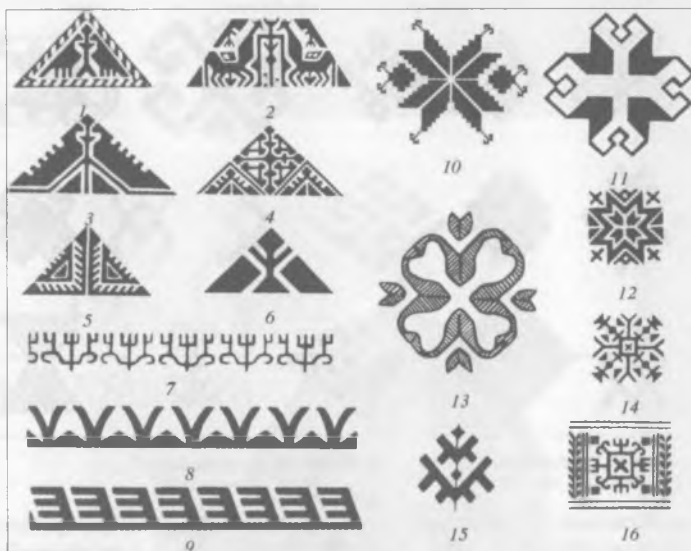
композиции вышивок на хараусах. В них обнаруживаются зооморфные изображения, напоминающие в одних случаях птиц, в других — коней, повернутых к центральному изображению, иногда с антропоморфными признаками. С.И. Руденко, описывая орнаменты на хараусах, выделил 13 основных композиций⁴³.

Пятый орнаментальный комплекс неоднороден не только в графическом и композиционном отношении, но, как видно, и генетически. Общая территория распространения вышивок (горные и зауральские районы), совместное применение их в одном костюмном комплексе способствовали выработке единого орнаментального стиля, однако в структуре орнамента сохранились две обособленные группы: орнамент тастаров и орнамент хараусов. Обособленность групп поддерживалась разной техникой исполнения и различной формой предметов.

Вопрос о появлении тастарно-хараусных вышивок в декоративном искусстве башкир до конца не решён. Типологические параллели с учётом техники исполнения и анализа орнамента ведут прежде всего в финно-угорский мир Евразии (но им не ограничиваются). Это дало основание выдвинуть положение о включении в башкирскую художественную культуру традиций древних угров, обитавших на Южном Урале до прихода тюрков и затем ассимилированных ими.

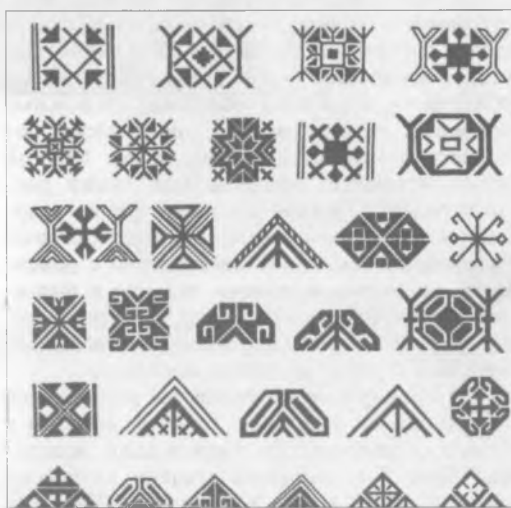
Авторы не сомневались в древности орнамента, раннее его появление у восточной группы башкир и длительном развитии “на башкирской почве”⁴⁴. Вопрос о преемственности орнамента от финно-угров не так однозначен. С.И. Руденко указывал на сходство некоторых башкирских мотивов и композиций на хараусах с марийскими, чувашскими и хантыйскими, но в то же время обращал внимание на глубокую связь финно-угорских вышивок с переднеазиатскими традициями⁴⁵. Вышивка косым стежком и другие счётные вышивки были характерны для горных таджиков и каракалпачков⁴⁶. Геральдические композиции со стилизованным деревом в центре встречаются, в частности, на лицевых занавесках у горных таджиков⁴⁷. С.В. Иванов, уделявший изучению и картографированию орнамента большое внимание и указавший на широкое распространение подобной композиции в Западной Сибири (у манси и южных хантов) и Европе, связывал её появление “с влиянием искусства народов Передней Азии”⁴⁸. Пути проникновения отдельных мотивов и композиций, как и счётной вышивки, в художественную культуру башкир ещё предстоит исследовать, поскольку тюркские племена могли познакомиться с переднеазиатским искусством раньше, чем финно-угры Западной Сибири, Приуралья и Среднего Поволжья.

Шестой орнаментальный комплекс охватывал основные узоры браного ткачества, счётной вышивки (преимущественно в позднем её варианте), вышивки по выдергу (перевиту), вязания. Геометрические очертания фигур определялись способами орнаментации тканей в процессе тканья, вышивкой по выдергу и по счёту ниток. По описанию Н.В. Бикбулатова, наиболее распространёнными узорами в комплексе являлись “различные квадраты и ромбы — простые, уступчатые, зубчатые, с продолженными сторонами, с парными рогаобразными завитками на вершинах, пересечённые крестнакрест... восьмиконечные розетки, X-образные и другие фигуры”⁴⁹. Вариантов узоров было изобретено множество. Обычно

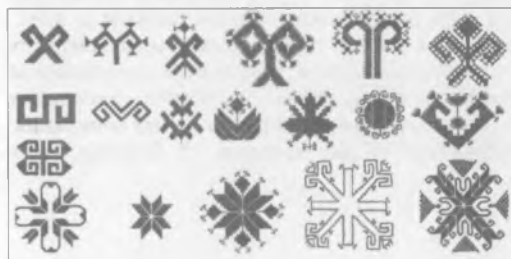

Пятый (хараусно-тастарный) орнаментальный комплекс:

1—6, 12, 14, 16 — вышивка “косым стежком” на хараусах; 7, 10, 11, 13, 15 — бордюры и розетки на тастарах; 8—9 — узоры на верхней одежде.

Узоры на хараусах.

Узоры на тастарах.

Шестой (геометрический) орнаментальный комплекс (ткачество, вышивка).

однотипные, равные по величине элементы группировались в ряды, отделённые один от другого контурными линиями. В ткачестве встречались более свободные композиции.

Узоры шестого комплекса были распространены у башкир северо-западных, северных и центральных районов РБ в ткачестве, северо-восточных — в перевити, Курганской области — в счётной вышивке. Отдельные элементы использовались практически повсеместно в вязании шалей, чулок. Шестой орнаментальный комплекс был также распространён в декоре соседних финно-угорских и тюркских народов. Это подтверждают публикации последних десятилетий с описанием ткачества, плетения, вязания и вышивок у марийцев, коми, татар, удмуртов, чувашей⁵⁰. В вышивке эти элементы иногда сочетались с узорами пятого комплекса.

У башкир узорное ткачество развивалось в зоне ранней оседлости, главным образом в северных районах. Но именно здесь население было в наибольшей степени этнически смешанным. В конце XIX—начале XX вв. у башкир и их соседей большой популярностью пользовались узорные ткани из пестряди с многоцветным браным узором в клетках. Как видно, этот вариант орнаментации тканей появился в результате сотворчества тюркского и финно-угорского населения края. Более ранние, красно-белые сочетания, характерные для финнов, у башкир были

распространены меньше, только в орнаментации полотенец. Обычно с поздним русским влиянием связывают появление у башкир вышивки перевитью, по крайней мере — в её северо-восточном варианте⁵¹. Закрепление в художественной культуре башкир шестого орнаментального комплекса относится к последним векам и связано, в основном, с местными уральскими традициями узоротворчества.

Историко-структурный анализ орнамента показывает неоднородность башкирской культуры, длительность

формирования её этнической специфики, заключающейся в оригинальном сочетании, нередко переплетении разнохарактерных компонентов.

По существу, каждый орнаментальный комплекс представляет собой определённый этап в этнической истории башкир. Ранние пласты (первый и второй комплексы) берут начало в древнетюркском искусстве юга Сибири и Центральной Азии. Второй комплекс признаётся наиболее типичным для тюркоязычных кочевников. В третьем и четвёртом комплексах явно прослеживается влияние среднеазиатских и переднеазиатских культур периода средневековья. Близость с народами Урало-Волжского региона отражают пятый и шестой комплексы. В то же время отдельные композиции пятого комплекса соотносятся с индо-иранскими, и вопрос об их появлении у башкир должен решаться отдельно⁵².

Выводы, полученные при исследовании башкирского орнамента, нашли подтверждение при изучении народного костюма, жилища, традиционной кухни, утвари, хозяйственных занятий и транспортных средств⁵³. Однако, устанавливая близость культуры башкир с культурами других древних и современных народов, этнографы не всегда в состоянии решить вопрос о путях и времени появления тех или иных явлений культуры на Южном Урале.

гл. 6

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Аулы, кочёвки, жилища

Одежда

Традиции питания

АУЛЫ, КОЧЁВКИ И ЖИЛИЩА

В Башкортостане насчитывается более 2 тыс. поселений с башкирским населением; несколько сотен находится за пределами республики (в Республике Татарстан, Курганской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областях).

Большая часть современных башкирских деревень имеет богатую историю, насчитывающую два-три и более столетий. Их основание связано с переходом полукошачевого населения к оседлости, позже — с выделением из существующих деревень выселков — сыновних, братских поселений.

Архивные материалы позволяют восстановить названия десятков деревень, существовавших в XVII—XVIII вв., но позже исчезнувших. Причины их исчезновения кроются в социально-экономических условиях (в неустоявшихся земельных отношениях, неоднократном переделе вотчинных земель) или объясняются политическими событиями (уничтожением поселений во время набегов соседей-степняков, сожжением при подавлении народных волнений и др.). Иногда сами жители переносили аулы на более удобные для зимовки места, при этом нередко меняли и названия. Свойственное бывшим кочевникам лёгкое отношение к перемене места жительства подметил у башкир в XVIII в. И.Г. Георги: “Ежели им какое-нибудь место в их стране покажется лучше прежнего, то покидают они свою деревню и строят новую”¹.

В процессе становления башкирских поселений можно отметить несколько этапов. Ещё при сезонном кочевании у башкир, как и у многих других скотоводов, вместе с весенними (*язлау*), летними (*йэйлэу*) и осенними (*көзлэу*) стоянками существовали зимовки (*кышлау*). Об этом есть сведения в работе Д.А. Хвольсона, который со ссылкой на ибн-Русте (X в.) писал: “С наступлением зимнего времени, кто из них к какой реке ближе, к той реке и причоковывает и остаётся там в продолжении зимы...”². Жилищем могла быть покрытая несколькими слоями войлока и обложенная снегом юрта. В лесной и лесостепной местности более целесообразным было использование древесных материалов и сооружение бревенчатых жилищ или полуземлянок с деревянным каркасом³.

Вхождение Башкортостана в состав Российской империи стимулировало появление постоянных поселений по всей террито-

рии. В конце XVI—XVII вв. были определены и документально оформлены границы вотчинных владений. На первых порах стационарных поселений — аулов* (*ауыл*) было немного. Чаще всего аулы являлись центрами родов и родовых подразделений. Их называли соответственно этнической принадлежности: Бурзян, Табын, Тамьян, Ямаш и т. д. Поблизости от них нередко располагались хутора (*утары*) — своеобразные выселки, которые крепкие семьи организовывали для зимнего выпаса скота и самостоятельного проживания.

Основная масса деревень была основана в конце XVII—XVIII вв. Отселялись группы семей из разросшихся поселений, хутора превращались в аулы. За новыми поселениями закреплялись имена основателей-первопоселенцев. Вокруг коренного поселения (*төп ауыл*) формировались кусты родственных деревень. Об одной такой группе деревень, связанной родственными узами, упоминается в документе 1737 г.: “Сеит-бай ныне жилище имеет зимовье своё за Пшейдяком горою над Белою рекою в 20 дворах... а круг оного Сеит-бая то же Парнинской волости в разных деревнях по 20 дворов в деревне, итого 10 деревень”⁴. Как иллюстрацию взаимоотношений родственных поселений в процессе оседания скотоводов можно привести историю части рода мунаш племени бурзян, изначально связанной с д. Идрисово (в прошлом — Исмагилово), основанной в первой половине XVIII в.⁵ Во второй половине XVIII—начале XIX вв. из неё выделилось семь родственных групп, которые, образовав хутора, вскоре переросли в деревни (Аминево, Исянбетово, Ишбердино, Кулсурово, Муллакаево, Субхангулово, Тактагулово). Выходцами из д. Муллакаево были образованы в начале XIX в. деревни Исянбетово, Кулсурово, Тактагулово.

К началу XIX в. в юго-восточном лесостепном и степном Зауралье, где процесс активного образования аулов начался позже, чем в других частях Башкортостана (лишь после укрепления границы по р. Урал), обозначились кусты поселений вокруг старых деревень Иткулово (Аиткужино), Кинзепулатово (Буранбаево), Тавлыкяево, Темясово, Чингизово (Мунаш) и др. На юго-востоке, в предгорьях и горах, в начале XIX в. на месте хуторов-утаров появились десятки аулов⁶.

* Аул — сельский населённый пункт (у многих тюркских и монгольских народов первоначально — кочевая община).

В источниках XVIII—первой половины XIX вв. имеется немало сведений об устройстве башкирских поселений. В записке правительству “О состоянии башкирского народа” (1743 г.), составленной вице-губернатором П.Д. Аксаковым, сообщалось, что аулы есть “большие и малые, а не больше ста дворов”, расположены они “по избытию мест все при хороших водах и лесах”⁷. По материалам пятой ревизии (1795 г.) можно составить представление о размерах башкирских поселений⁸. Значительное количество деревень к концу XVIII в. насчитывало полтора-два десятка дворов, были населённые пункты, объединявшие менее 10 хозяйств. На этом фоне аулы в 30—40 дворов казались многонаселёнными*. Разрослись и стали крупными (50—60 дворов, иногда больше) аулы, образованные до середины XVIII в. В их числе можно назвать деревни Верхнеташево (Мелеузовский район), Коварды, Юдуково (Гафурийский район), Сайраново (Ишимбайский район), Серменево (Белорецкий район), Старый Четырман (Фёдоровский район), Тереклы (Архангельский район), Тулябаево (Кугарчинский район), Москово, Туляково, Тунгатарово (Учалинский район) и др.

На севере Башкортостана деревни увеличивались за счёт переселенцев из татар и мишарей, становившихся припущенниками башкир. В первые десятилетия XIX в. здесь было немало деревень в сто и более дворов, причём многие из них имели смешанный национальный состав. Это способствовало формированию сходных культурных традиций, в т. ч. в строительном деле и архитектурно-планировочном устройстве деревень.

На взгляд европейца, до середины XIX в. в башкирских поселениях не было “никакого порядка и улиц”: селились беспорядочно, существовали лишь “какие-то закоулки, неровные и кривые, вроде лабиринтов”⁹. В этнографической литературе такая планировка называется “кучевой”. Складывалась она стихийно. Как и на кочевьях, жилища первых поселенцев располагались в ряд у подножия холма или вдоль опушки леса, выделенные впоследствии сыновья старались поселиться поблизости от отчего дома. Таким образом собирались кучные группы жилищ с сообщающимися дворами.

Кучевые поселения характерные в прошлом не только для башкир, но и для других народов края, были неудобны для учёта хо-

зяйств. В связи с этим царская администрация с конца XVIII в. начала в восточных губерниях перестройку деревень по уличным планам. В 40—50-е гг. XIX в. такие мероприятия затронули и башкирские земли. По предписаниям оренбургского губернатора, в деревнях должно было быть не менее 25—30 дворов, мелкие деревни объединялись. Разработан был образец плана улично-квартальной застройки, “предполагаемый к постройке для кочующих башкирцев” (образец типового плана деревень опубликован в работе А.З. Асфандиярова¹⁰). Определялась не только ширина улиц (10—15 сажень), расстояние между домами, но и размеры, общий вид домов, место для некоторых хозяйственных построек (бань, кузниц). Реформирование башкирских деревень было проведено в сжатые сроки. Уже к началу 50-х гг. появились десятки новых поселений, жилой фонд обновился на треть, застройка деревень приобрела систему¹¹.

Десятая ревизия (1858—1859 гг.) зафиксировала значительное увеличение числа дворов в деревнях, что отчасти было следствием урегулирования семейно-родственных отношений и деления семей в ходе перестройки деревень. Укрупнение деревень, рост в них числа дворов представляет устойчивую тенденцию на протяжении всего XIX в.

Нарушение кровнородственных связей, распад вотчинных территорий, оседание на башкирских землях переселенцев, развитие земледелия, промыслов и мелкой торговли вызвали во второй половине XIX в. бурный рост населённых пунктов. Прежде всего это затронуло северо-западные и западные районы. В 1870 г. вдоль дорог из Бирска в Мензелинск и Осу встречались десятки деревень по 100—150 дворов. К началу XX в. число хозяйств во многих из них приблизилось к 200, в разряд многонаселённых перешли средние деревни. Особенно крупными были населённые пункты, смешанные по этническому составу.

Деревни башкир-вотчинников были мелкие, и их размеры заметно колебались по территории. В Белебеевском и Мензелинском уездах Уфимской губернии, где была высокая плотность населения, на рубеже XIX—XX вв. аулы объединяли в среднем 100 дворов, в Бирском — 80, в горах и предгорьях (Златоустовский и Стерлитамакский уезды) — 70. В каждой третьей деревне Стерлитамакского уезда было не более 50 дворов. У южных и восточных башкир, сохранявших традиции скотоводческого быта, поселения в 100 и более усадеб были единичными. Менее 50 дворов насчитыв-

* Семьи, состоящие из 10 и более человек, тогда были обычным явлением.

1

2

Мечети

(1 — д. Тупаково Абзелиловского района, начало XX в.; 2 — д. Гудбурово Янаульского района, 1984 г.).

валось почти в $2/3$ аулов Верхнеуральского и Орского уездов, а также в половине аулов Челябинского уезда Оренбургской губернии¹².

Во второй половине XIX в. в связи с развитием в крае товарно-денежных отношений началось решительное преобразование деревень. Было построено значительное число мечетей, мусульманских школ (мектеб, медресе), открывались и светские русские школы, врачебные участки и больницы, торговые лавки. В населённых пунктах встречались мастерские по производству орудий труда, телег и саней, по обработке кож и шкур, пошиву одежды, обуви и головных уборов, регулярно проводились базары и ярмарки. На нужды жителей работали частные кузницы и водяные мельницы.

Развитие сельского строительства было особенно заметным вблизи заводских посёлков и городов. В их числе были губернские города Уфа и Оренбург, уездные центры Белебей, Бирск, Верхнеуральск, Мензелинск, Стерлитамак, Троицк и др. Тем не менее ещё в конце XIX—начале XX вв. башкирские аулы в своём облике и внутренней жизни сохраняли характерные для прошлого черты.

Условиями ведения скотоводческого хозяйства диктовалась необходимость устройства аулов вблизи водных источников — по берегам рек и озёр. Колодцы в башкирских деревнях появились позднее. Место для поселения всегда подбиралось с учётом рельефа, влажности почвы, защищённости от ветров и снежных заносов. Учитывалось наличие пить-

евых источников — родников, ключей. Во избежание затопления в период паводка дома ставили на надпойменной террасе. В горах, где в дождливое лето случался резкий подъём воды, дома располагались над береговой кручей. Жилища также устанавливали под естественной защитой у подножия горы или на пологом подветренном склоне.

Редко улицы башкирских деревень вытягивались на значительное расстояние. Крупные селения состояли из нескольких параллельных или пересекающихся улиц. На неровной местности цепочка усадеб была прерывиста. Вдоль небольшого извилистого ручья жилища обычно группировались то на левом, то на правом берегу.

Архитектурным и организационным центром аула было здание деревянной или каменной мечети с устремлённым ввысь минаретом с полумесяцем на шпиле. По мнению Б.Г. Калимуллина, культовые сооружения составляют «развитую и интересную ветвь башкирского зодчества»¹³. Характерный вид селению придавало расположенное на некотором расстоянии кладбище (*зыярат*). В степной местности, где для погребения выбирали сухое приподнятое место, издали были видны ряды поставленных на могилах каменных плит. В лесостепных районах на кладбище сажали деревья. Старые кладбища постепенно приобретали вид рощ с могучими берёзами, елями, соснами, которые и сегодня можно увидеть за околицей больших деревень. Обкладкой могил камнем или сооруже-

нием надмогильных сруб-ов различались кладбища степных и лесных районов. О родовой принадлежности погребённых свидетельствовали врытые камни или столбики с тамгами и деление кладбища на участки.

Остатком прежних общественных делений долгое время оставались в ауле так называемые “концы” (*ос*), объединявшие дворы родственных семей или родовых подразделений (*аймак*, *насел*, *туба*, *түпә*). Родственные связи между деревнями были учтены

при административно-территориальном размежевании башкирских земель на волости и юрты*. Наиболее крупные аулы обычно становились центрами волостей и кантонов.

Учёные и путешественники, посетившие Башкирский край в конце XIX в., подмечали отсутствие у башкир “домовитости, преданности своему жилищу”. Не раз им приходилось наблюдать, как оставленная на лето, словно вымершая, деревня зарастает травой и конопляником¹⁴. Степные южные деревни привлекали внимание открытостью, широкими улицами, большим расстоянием между домами. Ощущение простора усиливало отсутствие оград — следствие господствовавших в прошлом патриархально-общинных отношений.

Наряду с аулами, в юго-восточных горнолесных и степных районах существовали кочевые поселения — летовки (*йэйләу*). В конце XIX—начале XX вв. на летовки выезжали прежде всего состоятельные семьи, имевшие большие отары и табуны, а также семьи, нанявшиеся на работу или взявшие скот на выпас.

В середине XIX в., когда выезды на летние пастбища на Южном Урале и в Зауралье ещё широко практиковались, из каждой деревни выходило по нескольку кочевых групп. Они двигались по определённому маршруту, охватывая ближние и дальние пастбища, делая за лето от трёх до шести переходов. Вокруг деревни основывалось несколько летних поселений. В более отдалённые времена ухо-

Поселение на сенокосе
(д. Нижнесерменево Белорецкого района, 1971 г.).

дили на расстояние до 70 и более километров. Зауральские башкиры устраивали летовки в горах. В Оренбуржье кочевые группы сосредоточивались в долинах рек. В середине XIX в. П.И. Небольсин застал в долине р. Белегуш располагавшиеся на расстоянии в один-два километра друг от друга кочёвки жителей 13 башкирских деревень¹⁵.

Кочевая группа обычно состояла из 5—10 семей. В открытой местности юрты устанавливали в ряд у реки или озера выходом в степь¹⁶. В горах преобладало скученное расположение построек. “К вечеру мы доехали до кочёвки Зуяк... — записывал в дневнике Д.П. Никольский. — На вершине горы раскинулись в живописном беспорядке кочёвки башкир. Одни из них приютились между стволами громадных столетних сосен, другие — где-нибудь у пригорка, третьи — посередине луга. Внизу под горой был слышен шум горного ручья...”¹⁷.

Иногда в пережиточной форме встречалась древняя традиция кочевников располагать жилища в форме подковы. Такое поселение встретил П.И. Небольсин на р. Сакмара: “Башкирские кибитки раскинуты были полукругом”¹⁸. Отметим, что в 60—70-е гг. XX в. таким же образом расставляли шалаши на сенокосных угодьях башкиры Белорецкого района.

Для коллективного пользования в центре летнего поселения сооружали под навесом очаг с котлом и хлебную печь. На окраине находился шалаш для упряжи, седел и хозяйственной утвари. Иногда рыли погреб для молочных продуктов.

* Здесь: административно-территориальная единица кантонной системы управления.

Тюркская (1) и монгольская (2) юрты.

В кочевьях встречались тюркская и монгольская разновидности войлочных юрт (*тирмэ*). Первая существовала у башкир повсеместно, вторая — в восточном Зауралье и кое-где в южных и юго-западных районах (Южное Приуралье, бассейн Дёмы). Их отличительным признаком была форма крыши — пологая шатровая или конусовидная, что зависело от формы жердей в куполе: слегка выгнутых в нижней части (в тюркской юрте) или прямых по всей длине (в монгольской).

Стены юрт состояли из звеньев-решёток (*жанат*), число которых определяло размеры жилища. В фольклорных произведениях упоминаются кибитки из 10—12 звеньев. Во второй половине XIX—начале XX вв. на летовках можно было увидеть юрты из пяти-семи звеньев. Такие кибитки запечатлены на фотографиях С.И. Руденко и М. Дьюлы. В 1907 г. в одной из бурзянских волостей Орского уезда для Этнографического отдела Русского музея была выполнена модель тюркской юрты из пяти решёток (в масштабе 1:10)*.

В растянутом виде решётка достигала в длину 2,2 м (при высоте более 1,5 м), но продуманная конструкция позволяла её складывать в компактный тюк, удобный для транспортировки. При необходимости решётки быстро устанавливали по кругу, крепили ремнями или верёвками из конского волоса. Между решётками вставляли дверную коробку из брусев. Верхнюю часть остова стягивали шнуром и узорной тесьмой (*башкур*).

Купол составляли специальные жерди (*ук*), выструганные из ивы. Верхним концом они вставлялись в брусчатый обод (*сагарак*) диаметром более од-

ного метра с отверстиями в нижней плоскости. Обычно юрты устанавливали два-три человека поднимали обод на шестах с развилками (*һыргауыл, бакан*), остальные вставляли в него жерди, одновременно привязывая их к решёткам.

Традиционно юрты покрывали войлоком. Для стен предназначалось несколько прямоугольных кошм (*киргэг*

кейезе), купол покрывали трапециевидными кошмами (*өзөк кейезе*). Сверху их закрепляли арканами, концы которых привязывали к кольшкам, вбитым в землю. Это придавало сооружению устойчивость при непогоде. Особая кошма (*төндөк*) служила для прикрытия купола, но большую часть времени верх юрты оставался открытым. Дверь была деревянной, одно- или двустворчатой, покрашенной красной или коричневой краской. Иногда вход в юрту закрывал тканый палас или узорчатый войлок.

Нарядно выглядели юрты, покрытые белыми кошмами (*ак тирмэ*), любовно воспеваемые народными сказителями. Их ставили для приёма гостей и других торжественных событий. В XIX в. такие жилища свидетельствовали о состоятельности семьи.

Монгольские юрты, в отличие от тюркских, редко достигали больших размеров. Складывается впечатление, что они являлись менее престижными. В Приуралье, где во второй половине XIX в. происходил стре-

Сборка юрты
(д. Исханово Орского уезда Оренбургской губернии, ныне Баймакского района, начало XX в.).

* Сейчас юрта находится в фондах РЭМ.

Плетёный аласык
(д. Ямангулово Кумертауского района, 1970 г.).

мительный переход населения к оседлости, наблюдалось некоторое упрощение конструкции юрт. В бассейне Дёмы стала обычной замена купольных жердей верёвочными стропами. Они шли от врытого в центре столба (*урта багана*) к решёткам и закреплялись колышками снаружи у стен. Иногда для летних жилищ использовали только четыре решётки. Подобная форма прямоугольного переносного жилища с шатровой крышей близка к некоторым древнемонгольским традициям¹⁹.

Наряду с юртой, существовали различные варианты кочевых жилищ классического тюркского типа, распространённого не только у башкир, но и у казахов, киргизов, узбеков, ногайцев и др.²⁰

Долгое время у скотоводов-башкир, как и у других кочевников, походным укрытием служил покрытый войлоком шатёр из жердей, предназначенных для купола юрты (*укбаи*). В начале XX в. в таких сооружениях жили на летовках одинокие старики или обедневшие семьи.

Пристрастие населения горно-лесной зоны к круглому, простому в конструкции, жилищу выразилось в использовании жердевых шалашей-чумов (*кыуыш*). Их высота достигала четырёх метров. Покрытием служила кора, береста, луб, сухая трава, циновка; использовался и войлок. С прекращением выезда на кочёвки конические шалаши стали устанавливать в усадьбах для отдыха в жаркие летние дни. Зимой, утеплив старой кошмой, их использовали как укрытие для овец и другого мелкого скота.

На летовках в горах очень рано появился принципиально новый для скотоводов тип жилища — бревенчатые избушки (*бурама*, *бура аласык*). Их торцовые стены на три-четыре бревна были выше боковых и служили опорой для продольных балок, поддерживавших корьевое покрытие. Окно в избушках не было. Чтобы в помещении было светлее, под кору иногда подкладывали слой бересты. Дверной проём располагался с торца: его прикрывал полог, рама с натянутой корой или дощатая дверь. Перед входом был сложен очаг для приготовления пищи. Иногда печь располагалась внутри помещения.

На рубеже XIX—XX вв. такие жилища встречались в бассейне Инзера и Белой. Можно предположить, что в прошлом примитивные бревенчатые постройки, знакомые уральскому населению с давних пор, широко использовались башкирами в бассейне Уфы и в Прикамье. С.И. Руденко встречал их у кудейцев. Н.С. Попов сообщал, что оседлые пермские башкиры с наступлением лета перебираются в «вежи», которые стоят недалеко от изб и сооружены «наподобие немшенных амбаров». «В них нет, — по его характеристике, — ни полу, ни окон, ни потолка; но покрыты будучи одними драницами на два ската, имеют посреди сей крыши для прохода дыму небольшое отверстие или окно»²¹.

В Южном Приуралье, кое-где в Зауралье и по отрогам Уральских гор на летовках и промыслах чаще жили в каркасных жилищах — аласыках (*аласык*, *кабык аласык*). Распластанную кору крепили к продольным жердям, прибитым или привязанным к столбовым опорам. На врытые по углам столбы опиралось и корьевое покрытие, которое бы-

Срубный аласык.

ло одно- или двускатным. Из коры, натянув на раму, делали двери. В ряде мест (в степях и бедных лесом районах Приуралья) были приняты переносные аласыки из готовых рам. Подобный аласык описан П.И. Небольсиным: “Там, где проезд с места на место удобен для телег, как например по степи, аласык делается из четырёх частей или сторон. Части эти состоят из лубков, сшиваемых вместе верёвками и нашиваемых на планки. Эти четыре стенки, при остановке семьи, вместе складываются в четырёхугольный балаган, концы которого склиниваются; верхние части этого рода лубочных рамок загибаются отовсюду к общему центру и таким манером образуют закруглённую крышу и — дом готов; он уже не покрывается ни кошмами, ни чем. Для двери с одной стороны выделяется узкое пространство; оно обшивается тоненькими жёрдочками, составляющими рамку, и к ней привешиваются лубочные лоскуты”²².

В конце XIX—начале XX вв. летовки в лесостепной местности отличались разнообразием жилищ: состоятельные семьи ставили одну-две юрты, остальные — аласыки или шалаши. Итальянский учёный С. Сомье писал, что башкиры д. Ташбулатово жили на летовках в “кошмовых кибитках” и в “конических хижинах, похожих на остяцкие чумы, покрытых, как и те, берестой”²³.

Традиционные способы строительства жилищ складывались у башкир в сложных культурно-исторических и природно-географических условиях. Большим разнообразием и изобретательностью отличались местные приёмы использования строительных материалов. Вместе с тем в архитектуре жилищ улавливались общезнаменательные и даже региональные явления.

На большой территории издавна основным строительным материалом был лес. В северной лесной полосе (до широты г. Уфа) и в горной области дома строили из брёвен, крыли колотым тёсом, дранкой, корой. Предпочтительное отношение к древесине, особенно хвойных пород, было замет-

Дом с четырёхскатной крышей
(д. Габдюково Белорецкого района, 1962 г.).

Дом на каменном фундаменте
(д. Асылгужино Кигинского района, 1962 г.).

Пятистенные дома
(д. Абдрахимово Мечетлинского района, 1977 г.).

Дом из самана
(д. Байгундино Саратовской области, 1963 г.).

Бревенчатые мазанки с соломенными крышами
(д. Таймасово Курортного района, 1970 г.).

но у всех башкир. Недостаток строительного леса в лесостепи и степи вызвал к жизни способы возведения жилищ из подручных материалов: камня, глины, дёрна, тальника, камыша, соломы.

Исходной формой деревенского жилища у башкир, как и у соседних народов, была четырёхстенная изба с пристроем (*дурт мөйөшлө өй*). Функциональное разделение жилища было условным и в некоторой степени повторяло внутреннее устройство юрты. Часто, покупая у русских пятистенный сруб, башкиры для жилья оборудовали лишь внутреннее помещение. Первая от входа комната использовалась как сени, в ней отгораживали кладовку. Если же жилища становились обе комнаты, их изолировали и прорубали в каждую вход из длинных общих сеней.

В технике строительства бревенчатых изб у башкир было много общего с народами не только Урало-Поволжья, но и всей лесной

полосы Восточной Европы. Основным способом соединения брёвен была так называемая рубка “в чашку”. Вместе с тем в башкирских деревнях знали и другие способы сооружения сруба. Некоторые дома и мечети были срублены “в замок” или способом, получившим на Урале название “ласточкин хвост”. Высота сруба зависела от расположения половых балок. В северных и горных районах из-за влажности почвы пол поднимали на третий или четвёртый венец. В южных степных деревнях пол врубали во второй венец, в единичных случаях балки клали внутри сруба на землю. В целом, высота комнат была небольшой — около двух метров. Другой особенностью башкирских жилищ было низкое расположение оконных проёмов: подоконники лишь слегка поднимались над уровнем нар²².

Традиционной (в некоторых местах до конца XIX в. единственной) была двускатная форма крыши. Покрытие опиралось на слези, положенные на бревенчатые фронтоны (*бурама кыйыгы*) или на несколько пар наклонных балок — стропил. Способы покрытия древесными материалами (корой, щепой, дранкой) различались по территории в деталях, но в них можно обнаружить общие элементы, известные также и другим народам: применение связел, деревянных крюков, слег, желобов и др. Характерной чертой крыш, главным образом в горных районах, было нависание одного ската над другим, что исключало применение конькового бревна. В старых домах фронтоны нередко оставались открытыми. В юго-западных безлесных районах избы крыли соломой, в восточном Зауралье — дёрном. Некоторые жилища юго-восточных степных башкир имели плоское земляное покрытие (*тупах өй*). Распространение четырёхскатных крыш относится к самому концу XIX — началу XX вв. и связано с развитием стропильной техники. Во многих деревнях четырёхскатное покрытие появилось вместе с домами-пятистенками.

В юго-западном Башкортостане (бассейн Дёмы) и в степном Зауралье при отсутствии строительного леса сооружали плетнёвые мазанки (*ситән өй*) с покатою земляной или двускатной соломенной крышей. Пол в них

Интерьер юрты
(юго-восточное Зауралье, начало XX в.).

был глинобитным. Такие жилища утепляли, делая двойные стены с земляной засыпкой. В степи строили также дома из самана (“воздушного кирпича”), камня-плитняка, реже встречались жилища с глинобитными, дерновыми стенами. Во всех этих постройках дерево употреблялось только для опор и наката крыши. Покрытие было земляным или глинобитным, покатым на две стороны, иногда плоским. Земляным оставался пол, глинобитными были печь и возвышение, служившее для сна и трапез (*ер урындык*). Саманные и дерновые мазанки были особенно характерны для деревень в долинах Тока, Большого и Малого Урана, а также по Большому Иргизу и Камелику. В XIX в. из самана строили здесь не только большую часть домов, но и мечети²⁵.

Избы из каменных плит сооружали в юго-восточном Зауралье. Такие жилища можно было увидеть в Баймакском и Абзелиловском районах ещё в 40—50-е гг. XX в. На юго-западе камень применялся и для хозяйственных построек, оград. Ярким подтверждением широкого применения в строительстве камня служат пережившие века мавзолеи (*кэшигэ*) Хусейнбека и Турахана²⁶, остатки некрополя над могилой Бэндэбикэ и каменные мечети.

Развитие архитектуры и планировки жилищ активизировалось во второй половине XIX в. В башкирских аулах всё чаще стали появляться “сдвоенные” дома (*харакаршы өй*) из двух четырёхстенных, соединённых сенями.

В публицистической литературе XIX в. имеется немало красочных описаний устройства юрты. Так, петербургский учёный-музыковед С.Г. Рыбаков, собиравший материал в 90-е гг. XIX в. в Орском уезде, бывал на летовках башкир и в качестве гостя неоднократно посещал юрты знатных семей. В путевых заметках он делился своими впечатлениями: “Внутри такая постройка бывает часто очень обширна, представляя просторную комнату... На стороне против входа

расстилаются ковры, подушки, одеяла, на которых и проводят время домочадцы: пьют, едят, отдыхают, спят и пр. По бокам от входа и вообще по стенам помещаются разные хозяйственные принадлежности, кадочки, кожаные меха — саба и турсук для приготовления кумыса, лошадиная сбруя, хомут, решета и т.п. У бедных посреди коша [юрты] отводится место для костра, дым от которого уходит в отверстие наверху... Богатые выносят костёр наружу или же отводят для него отдельный кош или избу, а главный кош содержат в опрятном виде”²⁷.

Жилое пространство в юрте организовывалось относительно центра. На дальней от входа половине юрты находилось почётное место (*тур, тур баш*). Поверх травы здесь расстилали кошмы и паласы. В этой части принимали гостей и устраивали домашние трапезы. В расстановке вещей и утвари присутствовал определённый порядок. Правая от входа сторона юрты считалась женской (*катындар ягы*), хозяйственной. Здесь стояли посудные шкафчики и лавки, находились кожаные сосуды с кумысом, кадочки с айраном и медовкой, короба и корзины с коротом, хранились посуда и пищевые припасы. В левой части юрты, парадной, стояли на деревянных подставках кованые сундуки с имуществом, на них была сложена постель: одеяла, подушки, нашитые на войлок цветные паласы. По стенам были развешаны выездная упряжь, сёдла, оружие, нарядная одежда.

Экономист А. Калачёв в конце 90-х гг. XIX в. встречал юрты на юге Белебеевско-

го уезда. Он отмечал, что их внутреннее устройство зависело от состоятельности хозяина: “Богатые ставят туда кровати, стулья и шкафы, пол устилают коврами; медная посуда, кувшины... с длинными горлышками, тазы, самовары стоят красивой горкой; у двери, завешанной ковром, на стенке висит старинное седло, убранный серебром”²⁸. Кровать с “щёгольской постелью” видел в одной из юрт оренбургских башкир П.И. Небольсин ещё в 50-е гг. XIX в. Он обратил внимание на обилие в юрте тканей в виде занавесей, делящих помещение на части: “Внутри семейной кибитки развешиваются две занавески: одна, кругом стены, служит для кибитки тем же, чем обои для наших комнат; другая, развешиваемая вдоль кибитки, начиная от дверей, разделяет башкирское жильё на два неравные отделения: большее — мужское, меньшее — женское. В экстренных случаях последняя занавеска откидывается, чтоб дать больше простора созванным гостям”²⁹.

В бревенчатых жилищах впервые начали строить очаги с прямым дымоотводом — чувал (*сыуал*) и устраивать дощатые помосты (*урындык*), ставшие характерными элементами интерьера жилищ горно-лесных и зауральских башкир. Привычное размещение бытовых вещей, принципы организации жилого пространства были перенесены из кочевых жилищ в избы. Вместе с тем в домах появились новые элементы интерьера: приподнятые дощатые помосты у стен — нары (*урындык*, *һике*, *буй һике*) и постоянный очаг — печь (*оло мейес*) или камин (*сыуал*) с небольшой печкой (*усаҡ*) и котлом (*жазан*). Нары и печь занимали иногда треть жилого пространства.

Характерное устройство башкирской избы описал М.А. Круковский: “Направо от входной двери стоит небольшая печь; чаще всего она стоит, не примыкая к стенам... а отдельно, так что между печью и стенами образуется проход... От печи до передней стены протянут полог, вышитый разноцветными узорами, разделяющий комнату на две половины, а вдоль всей передней стены тянутся широкие, низкие нары”³⁰. В горах нары занимали иногда две стены — торцовую и боковую.

Нары застилали циновками (*сентә*), войлоком (*кейез*), сверху — домоткаными коврами (*буй балаҫ*). Вокруг места трапезы располагались стёганные подстилки (*буй юрган*, *түр юрган*). Н. Литуновский писал, что у башкир Оренбургской губернии дощатые нары заменяли “кроватьи и лавки, столы

Чувал
(д. Азналино Курганской области, 1972 г.).

и стулья”. На нарах совершали молитву, пили чай, ели, а ночью спали³¹.

Наиболее почётной считалась левая половина нар. Её украшали нарядные ковры и узорные подстилки. По стенам висела парадная одежда, богатые головные уборы и украшения из кораллов и серебра. В углу могли быть встроены полочки для старинных книг, здесь же или над дверью устанавливали застеклённую рамочку с художественно оформленным изречением из Корана или молитвой. Украшением стен мог быть сборчатый ситцевый или домотканый занавес, а в северном и центральном Башкортостане — вышитые и тканые полотенца, молитвенные коврики, салфетки, занавеси (*хашага*, *өрлөк шаршауы*). М.А. Круковский, бывая у приуфимских и юрюзанских башкир, наблюдал, как в их комнатах “со стен и с потолка спускается множество полотенца, концы которых вышиты узором. Полотенца эти бывают очень красивы, узоры никогда не повторяются”³². У южных башкир украшением дома могли быть инкрустированные седла и оружие.

Место на нарах против печи считалось, как и в юрте, женской стороной (*хатындар ягы*). На узорной подставке здесь стоял сундучок с одеждой, тканями, украшениями. На

Подставка под постель
(Абзелиловский район, 50-е гг. XX в.).

него была сложена горкой постель, перетянутая узорной тесьмой (*тушэк тарткыны*). С поперечной жерди под потолком (*урза*) свешивались нарядные платья, шали, скатерти, полотенца. Часто это был уголок невестки (*киден ягы*). Рядом между нарами и печью находился стенной шкафчик с чайной посудой.

С появлением в доме мебели нары сохранились на кухне. В основном их использовали в хозяйственных целях (на них раскатывали тесто, резали лапшу и т. д.), иногда для отдыха. Кухонную часть (*казанлык*) всё больше обособляли от остального помещения, иногда отделяли по линии печи (там, где прежде был занавес) дощатой перегородкой. В таких случаях большой сундук со сложенными на нём постельными принадлежностями ставили у боковой стены. В доме, где были молодожёны, на "чистой" половине ставили кровать под глухим пологом (*сымылдык*). Около кровати на пружине или гибкой жерди (*хиртмә*) подвешивалась к потолку колыбель (*бишек, сәңгелдәк*).

Особый колорит придавала дому деревянная и берестяная утварь у печи: квашня, вёдра и кадки, туески с солью, поварёшки, ковши и др. За узорную перекладину на стене (*калак хыстырғыс*) были вставлены ложки. На припечке стоял самовар. Печь по верху окаймляла сборчатая занавеска.

Прежние обычаи проявлялись в оформлении нарах напротив входа почётного места (*түр*), в широком использовании в интерьере текстиля, постельных принадлежностей, кошм, подушек и перин, развешивании на жердях у потолка и по стенам одежды.

Как и в юрте, в комнате от входа до передней стены был протянут тканый или вышитый занавес (*шаршау*), изолировавший кухонную часть.

В башкирских деревнях в конце XIX—начале XX вв. встречались печи трёх видов: чувалы, комбинированные хлебные печи и голландки. В простом варианте остов чувала состоял из поставленных в круг жердей, обмазанных глиной. Зев топки был узкий и высокий, поленья устанавливали вертикально. Дым уходил в прямую трубу. Исторически такие очаги находят аналогии в древних культурах Урала и таёжной Азии. Позже они были восприняты населением таёжного пояса, в т. ч. и тюркским³³. Во время поездки по югу Сибири П.С. Паллас, увидев подобный очаг у хакасов, назвал его "башкирским"³⁴. Российская администрация видела в чувалах главную причину пожаров и неодобрительно относилась к их использованию для обогрева жилищ. С перестройкой деревень в XIX в. территория распространения чувалов заметно сократилась. Тем не менее в горных аулах их сооружали из кирпича и в XX в. Рядом складывали привычные низкие очаги с котлом для приготовления пищи.

Комбинированная печь представляла собой хлебную печь типа русской, соединённую в одну систему с очагом. В силуэте корпуса печи, соединении очагов, устройстве дымоходов было много различий по террито-

Печь-голландка
(юго-восток Башкортостана, 50-е гг. XX в.).

рии³⁵. Башкирские печи в отличие от русских редко имели монолитный корпус. Их особенностью являлся вмазанный котёл. Не всегда они имели лежанку. В наиболее простых вариантах печей не было сложной системы дымоходов: дым из обеих топков уходил в вытяжную трубу над припечком.

Комбинированные печи в горах, особенно в восточном Зауралье, сосуществовали с чувалами. Так, в конце XIX в. С. Соммье, описывая интерьер дома, в котором он жил в д. Ташбулатово, писал, что “в его комнате стояла русская печь, а в комнате хозяев туземный чувал — цилиндрическое сооружение с трубой из дерева и глины”³⁶. Д.П. Никольский в 80-х гг. XIX в. обследовал в Екатеринбургском уезде 871 двор, в которых насчитал 880 сувалов и 582 печи. В пятистенках (они составляли треть домов), как правило, были и сувалы, и печи³⁷.

При перестройке деревень в период кантонного правления в башкирских домах стали появляться голландки. Пожилые люди, со слов своих дедов, рассказывали, как кантонные чиновники учили башкир делать кирпичи, чтобы складывать такие печи, обогревавшие жилище эффективнее, чем традиционные сувалы. В домах усложнённой планировки их ставили на “чистой” половине. Помимо круглых, обитых жёстью (*дуңгаләк мейес*), складывали прямоугольные и Г-образные голландки с нишами для самовара, кумгана (*комган*), с фигурными карнизами и выступами, объёмными роговидными узорами на поверхности. Позже в угол такой печи стали встраивать плиту.

Башкирский интерьер получил дальнейшее развитие с усложнением планировки жилища. В домах из двух помещений деление на “чистую” и хозяйственную половины было очень чётким. Одна из комнат обставлялась как гостевая (*хунак булмәһе*, *хунак өйө*), другая же считалась кухней (*аш бешереу булмәһе*, *кашыгаях як*, *казанлык*). Иногда жилые помещения шестистенки называли “старым” и “новым” домом. В “новой” части появлялась мебель, в “старой” ещё долго сохранялись печь с котлом и широкие нары.

В юго-восточной (зауральской) области Башкортостана, где в домашней обстановке долго ощущался колорит кочевого быта, гостевую комнату иногда обустраивали как “белую юрту”. Нар здесь не было, но на полу были расстелены кошмы, узорные войлоки, ковры, у стен стояли сундуки с уложенной

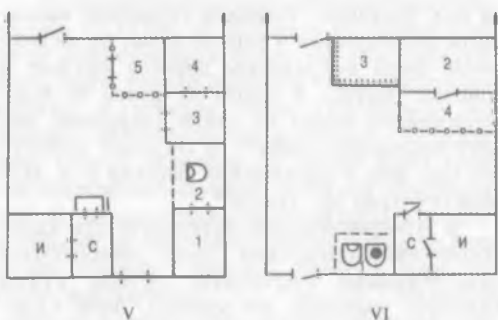
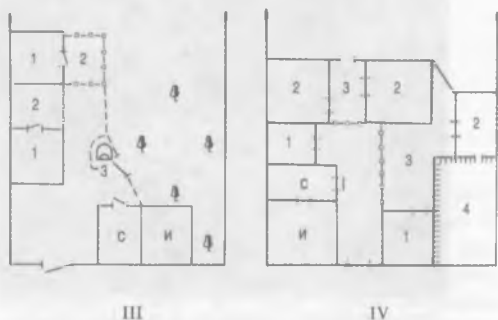
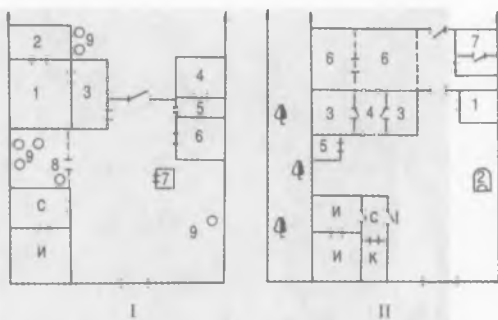

Декоративный текстиль в традиционном интерьере
(д. Бачкитау Краснокамского района, 1979 г.).

на них постелью. Комнату украшали вышитыми полотенцами и занавесками, на видном месте были выставлены дорогое оружие и конская упряжь. В одном из домов Н. Крашенинников видел на стене старинное инкрустированное седло³⁸. В гостевой комнате без нар жил у аргаяшских башкир в д. Мухаметкулево М. Дьюла³⁹.

В этнографической литературе при характеристике башкирских усадеб упоминаются разнообразные постройки: летние кухни (*аласык*, *усаклык*, *ут якжыс*), бани (*мунса*), клетки (*келәт*), помещения для скота (*арбаз*, *азбар*, *һарай*), навесы (*ялма*, *лапаҫ*), домики для молодняка (*мал өйө*, *малуха*), погреба (*баз*, *мөгәрән*), коптильни (*ыслык*), овины (*әуен*) и др. Вместе с тем нередко говорится о незастроенности усадеб, об отсутствии чётких правил в расстановке строений.

Башкирская усадьба в современных вариантах формировалась одновременно с развитием поселений. Её обустройство было связано с переходом населения от полукочевого образа жизни к оседлости. Об устройстве дворов в башкирских поселениях, о том, что размеры усадеб, расположение жилых и надворных построек сильно варьируются, писал в начале XX в. С.И. Руденко⁴⁰. Ска-

Планы усадеб (И — изба, С — сени, К — кладовка):

- I** — д. Верхнекудашево Татышлинского района
(1 — коровник, 2 — овчарня, 3 — загоны, 4, 5 — баня, 6 — мастерская, 7 — погреб, 8 — сад, 9 — ульи);
- II** — д. Асылгузино Кигинского района
(1 — домик для новорождённого скота, 2 — летняя печь, 3 — коровник и овчарня, 4 — навес, 5 — курятник, 6 — открытые загоны, 7 — баня);
- III** — д. Ямантау Челябинской области
(1 — клеть, 2 — хлев, 3 — навесы, 4 — загоны);
- IV** — д. Старомусятово Бураятского района
(1 — хлев, 2 — загоны, 3 — летняя печь);
- V** — д. Буранбаево Баймакского района
(1 — баня, 2 — летняя печь, 3 — коровник, 4 — овчарня, 5 — загон под навесом);
- VI** — д. Верхнетавлякеево Баймакского района
(1 — летняя печь, 2 — сарай, 3 — загоны, 4 — дворик под навесом).

зывался и разный уровень обеспеченности семей. У зажиточных было несколько амбаров: отдельно для зерна (*иген келәте*), для муки (*он келәте*), для мяса (*ит келәте*), у других их вообще не было — небольшой провиант они держали в домах или в кладовке в сенах. Заметна была разница и между регионами, отличавшимися степенью оседлости и развития земледелия. Если в северных поселениях сложились определённые традиции в разделении двора на “чистую” и хозяйственную части, рано появились за сараями огороды, то в южных и восточных деревнях усадьбы стали системно застраиваться только в XX в.

В работе, посвящённой башкирским поселениям и жилищу, нами было выделено до 10 вариантов застройки усадеб с учётом историко-этнографических и географических условий⁴¹. Наиболее распространёнными являются два типа усадеб, различающиеся взаиморасположением дома и приусадебного хозяйственного комплекса (сарай, загоны и др.): в одном хлева находятся в дальнем углу по одной линии с избой, в другом — по диагонали от неё. Каждый из этих типов представлен в трёх-четырёх вариантах. В их числе однорядовая продольная застройка, а также угловая — с сараями вдоль продольной и поперечной линий или разбросанными по углам.

Более сложные усадьбы также отличаются множеством комбинаций. Это может быть разделённый двор, состоящий из “чистого” и скотного двора и огорода. Возможен замкнутый двор, нередко крытый и мощный. Функционально разделённые дворы характерны для северных районов, замкнутые — для горно-заводской зоны. С увеличением числа хозяйственных служб стали появляться усадьбы с продольными рядами построек по центральной линии: в середину двора выносили кухню, клеть, мастерскую.

Несмотря на многообразие усадеб, в их организации можно обнаружить общие черты. В большинстве случаев жилище обособлено от других строений. Хозяйственные постройки никогда не имеют входа непосредственно из избы, даже когда в целях экономии строительных материалов примыкают к ней (саманные однорядные строения в оренбургских и приволжских степях). Во многих районах, особенно на севере и западе, хозяйственные строения не заходят за линию избы. В других вариантах напротив дома, по другую сторону ворот, устанавливают кухню

или летнюю избушку. Раньше в многолюдных, сложных по составу семьях в передних углах усадьбы стояли два дома, третий мог находиться посередине двора. В начале XIX в. Н.С. Попов писал об усадьбах башкир Пермской губернии: “Один хозяин имеет таковых юрт [изб] по две и по три, из коих каждая по большей части стоит в особенном месте и всё ограждается одною оградой, которая иногда окружает четыре и более домов”⁴². Такие усадьбы в конце 20—начале 30-х гг. XX в. встречал на северо-востоке Б.Г. Калимуллин⁴³.

В башкирских усадьбах было множество хозяйственных сооружений полузакрытого типа: всевозможных навесов, крытых и открытых загонов (*кэртэ, ялан кэртэ*), летних очагов. Двор нередко называли тем же словом, что и улицу: “урам”, “хура” (улица — *оло хура, оло урам*).

Авторы XIX—начала XX вв. свидетельствуют, что с распашкой земель и сокращением пастбищ кочёвки приближались к деревне, и постепенно летние жилища начали устанавливать на окраине или во дворе. Обычно в них семья проводила лето⁴⁴. Неудивительно, что некоторые хозяйственные постройки (в первую очередь, так называемые “летние кухни”) по внешнему и внутреннему облику и устройству были похожи на бревенчатые и корьевые жилища, устраиваемые башкирами на летовках. Круглые в плане плетнёвые аласыки с пирамидальной соломенной крышей в юго-западных районах своим силуэтом напоминали юрты. Для южных усадеб привычными были дворные печи для приготовления пищи и выпечки хлеба, защищённые от дождя навесом.

С переходом к оседлой жизни было связано появление у башкир таких построек, как амбар и баня. В их конструкции было много общего с постройками финно-угров и славян на европейском Севере.

В целом, выбор материала при сооружении хозяйственных служб был зависим от природных условий. Как и при постройке жилищ, использовались преимущественно древесные материалы, но при их отсутствии

Бревенчатая избушка и корьевой шалаш.

Хозяйственные постройки.

применялись тальник (на плетень), камыш, солома, камень-плитняк, глина. Находил применение опыт устройства землянок: особенно часто их использовали для зимовки новорождённого скота или в качестве зимних овчарен. На северо-востоке их называли земляной хлев (*ер арбаз, ер азбар*). На основе землянок в северных районах получили распространение погреба с надпогребицей. Ямы-коптильни, примитивные или усложнённые со срубным верхом, существовали в хозяйствах, занятых обработкой шкур и кож, выделкой утвари для кумыса, пошивом кустарной обуви. В коллективном пользовании небольшого круга родственных семей находились хлебные печи в полуземлянках.

Основные тенденции, сложившиеся у башкир в строительстве стационарных жилищ и в формировании интерьера во второй половине XIX в., получили дальнейшее развитие в следующем столетии. Социолого-эт-

Каменная клеть.

нологические исследования, проведённые в 1986 г., позволяют подвести некоторые итоги.

Традиционный дом, слегка модифицированный, в 80-е гг. оставался основным жилищем у 82% сельского башкирского населения и у 14% городского. Он сохранялся прежде всего в обычных (традиционных) поселениях (до 93% жилищ) и в «центральных усадьбах» (82%), меньше в районцентрах и посёлках городского типа (50—60%). Относительно большое число индивидуальных домов имелось в старых городах (в Бирске, Белебее, Белорецке — до 20%), а также в городах и промышленных посёлках, основанных в 20—30-е гг. XX в. (в Баймаке — 40%; в посёлках Тузан, Тирлян, Бурибай — 65—90%). В Уфе и в новых городах (Салават, Нефтекамск) большинство башкирских семей (90% и более) живёт в благоустроенных многоквартирных домах. Следует отметить, что у башкир (по сравнению, в частности, с русскими и татарами) доминирует предпочтительное отношение к индивидуальному жилью: 82% опрошенных в сельской местности и 32% в городах (по отдельным городским поселениям 60—80%) выразили желание иметь свой дом и приусадебный участок.

Модификация сельского традиционного дома направлена на улучшение жилищных условий. Как правило, расширяется жилая площадь, увеличивается высота комнат. Деревянными перегородками и внутренней стеной сруба помещение делится на функциональные части: гостиную, детскую, кухню, прихожую, спальню. Стало правилом отгораживать в сенях чулан. Распространился обычай пристраивать к дому застеклённую веранду и использовать её как дополнительное жильё в летнее время. Почти все сель-

Крытая корём баня.

ские дома электрифицированы, значительная часть газифицирована. Каждый десятый дом имеет водопровод, также часто встречается паровое отопление. Менее громоздкими выглядят кирпичные печи, упростилась система дымоходов.

Внутреннее убранство до сих пор сохраняет множество традиционных деталей: ситцевые или вышитые занавески под потолком и у печи, пологи у кровати, подвесная люлька, сундучок, красочно уложенная постель. Украшением жилища служат также старинные полотенца с вышивкой, узорная скатерть, домотканые дорожки и ковры. Наряду с современной кухонной и столовой посудой, в быту сохранилась и традиционная утварь: самовар, деревянные и берестяные кадочки, лотки и др. В небольших деревнях традиционные черты проявляются ярче, чем в крупных сёлах; в домах сельского типа они естественнее, чем в квартирах. Многие элементы традиционного интерьера утратили утилитарное значение и сохранились как декоративные.

Ряды больших добротных домов на улицах современных деревень можно назвать традиционными условно. От прошлых жилищ они отличаются не только размерами, но и многими техническими и архитектурными новшествами. Наряду с бревенчатыми, появляются особняки из кирпича. Иногда кирпичом обкладывают сруб. Крыши кроют тёсом, железом или шифером. Двускатные крыши имеют фронтоны, украшенные фигурной рустовкой, резными причелинами, узорными оконцами, балкончиками. На домах можно увидеть отделку, выполненную разнообразными орнаментальными приёмами: долблёнными узорами, накладками, пропиленным кружевом. В композициях просматриваются солярные, зооморфные, растительные моти-

вы. Как и в прошлом веке, резьбой украшают прежде всего оконные наличники. Применяются накладные и сквозные узоры. Вместе с тем всё чаще появляются ажурные карнизы и фризы или украшенные углы дома. Распространяются резные ворота и калитки. Во многих деревнях обычным явлением стали фасады и ворота, покрашенные в два-три цвета. Применяется детальная раскраска наличников. В оформлении окон и резного крыльца вводятся новые архитектурные и декоративные элементы. Используется в декоре резная жёсть.

Логическое завершение получила планировка сельской усадьбы. Уже в 30-е гг. она освободилась от больших амбаров, конюшен, гумна, овина. В то же время почти в каждой усадьбе появились летние кухни, бани. Стали разнообразнее постройки для разных видов домашнего скота и птицы. Повсеместно, с дальнейшим развитием огородничества, во дворах стали устраивать парники, погреба. Увеличились участки, занятые овощными культурами. Нередко дом окружают фруктовые деревья и кустарники. Среди зелени размещаются домашние пасеки. Уделяется внимание эстетическому оформлению двора. Цветы в палисаднике и декоративные насаждения украшают современные улицы.

В советский период существенно изменилась структура поселений. Разнообразны современные сельские поселения. Выделяются крупные многонациональные сёла — районные центры (на 2000 г. их было 34), многие из которых по типу застройки и благоустройству приближаются к посёлкам городского типа. В их числе крупные старинные сёла (в прошлом волостные, торговые центры), а также посёлки, построенные по типовым проектам в новое время. Отдельный разряд составляют посёлки городского типа, или рабочие посёлки (в 2000 г. — 41) с промышленным уклоном развития. Они основывались при животноводческих комплексах, заводах по переработке сельскохозяйственных продуктов, а также лесомате-

*Двускатный дом с надворными постройками
(д. Лемез-Тамак Мечетлинского района, 1977 г.).*

*Кирпичный дом с двускатной крышей
(д. Кисак-Каш Янаульского района, 1979 г.).*

риалов, некоторые возникли в связи с постройкой железнодорожных веток, связавших столицу Башкортостана с городами Белорецк, Магнитогорск, Кумертау и Оренбургской областью. Немало посёлков возникло в южном и юго-восточном Башкортостане при освоении степных целинных и залежных земель.

На всём протяжении XX в. происходило укрупнение населённых пунктов. Этот процесс впервые выявился в XIX в. в связи с усилением переселенческого движения в крае (особенно после крестьянской реформы 1861 г.) и получил дальнейшее развитие в начале XX в. (после столыпинской аграрной реформы). В ходе коллективизации заметно активизировался, причём осуществлялся как стихийно, так и целенаправленно. Индустриализация привела к исчезновению десятков деревень, расположенных вблизи городов и промышленных посёлков.

Складывались иные межпоселенческие связи. Прежние родственные отношения деревень, которые учитывались при основании колхозов в 30-е гг., во второй половине XX в. полностью нивелировались.

В истории поселений Башкортостана заметный след оставили 60—70-е гг. Реконструировались райцентры, “центральные усадьбы”, обновлялся жилой фонд в деревнях. Очагом общественной жизни становились “центральные усадьбы”. Они превосходили другие деревни по многолюдности, отличались жилищными условиями и более высоким уровнем коммунальных удобств. Государство финансировало строительные работы в колхозах и совхозах, выделяло льготные кредиты на постройку индивидуальных домов. В этот период были разработаны перспективные планы развития и застройки крупных деревень и райцентров, составлены генеральные архитектурные планы с учётом местных природно-географических и хозяйственных условий. Характерной особенностью новой планировки было отделение жилого массива от общественных хозяйственных строений. За пределы деревни, в живописное место, выносились школы-интернаты, больницы. В центре поселения выделялась площадь, застроенная общественными и административными зданиями. В сёлах сооружались стадионы и спортивные комплексы. Большое внимание уделялось электрификации, газификации, водоснабжению. Слабой стороной планового строитель-

ства было определение круга так называемых “неперспективных деревень”, усиленное стягивание населения в административно-территориальные центры. Некоторые населённые пункты переносились на новое место, если в них иссякали питьевые источники или они располагались в неудобных для жизни условиях. Десятки жизнеспособных деревень были перенесены на новые места при строительстве дамб, плотин и образовании искусственных водоёмов. К запустению некогда процветающих аулов привело, в частности, решение о создании Иштугановского водохранилища. До этого в тех же местах ряд деревень оказался на дне Нугушского водохранилища.

Индустриализация края, подъём экономики и культуры привели к росту и преобразованию городов Уфа, Бирск, Белебей, Стерлитамак, основанных в XVII—XVIII вв. В 1923 г. стал городом Белорецк — металлургический посёлок дореволюционной застройки. С развитием горно-рудной промышленности, металлообработки и машиностроения возникли зауральские города Баймак, Сибай, Учалы, горные посёлки Тирлян и Тузан. С освоением энергетических ресурсов в западных и приуральских районах, организацией нефтепереработки и производственной нефтехимии связано развитие городов Ишимбай, Октябрьский, Туймазы, Салават, Кумертау и др. По данным на 2000 г., в Башкортостане насчитывается 21 город и 41 посёлок городского типа.

Деревня Кулгунино Ишимбайского района, 1982 г.

Для многонациональной республики закономерен сложившийся в городах полиэтничный состав населения. Новым качеством надо признать увеличение в них удельного веса коренного населения — башкир, до 50-х гг. проживавших преимущественно в сельской местности. Приток башкир в города нарастал от десятилетия к десятилетию, особенно интенсивным он был в 70—80-е гг. К 1989 г. примерно треть городских башкир в республике (122 тыс.) проживала в Уфе. Относи-

тельно большое число башкир (от 23 до 28 тыс. чел.) было сосредоточено в городах Нефтекамск, Салават, Стерлитамак; несколько меньше (16 и 20 тыс.) — в Ишимбае и Сибее. Доля башкир значительна в юго-восточных зауральских городах: Баймаке (более 60%), Учалах, Сибее (38—40%), а также в посёлках Бурибай и Тукан. Высокий удельный вес башкирского населения в городах Мелеуз, Нефтекамск, Ишимбай, Дюртюли (20—25%)⁴⁵.

ОДЕЖДА

Башкирский костюм в своей основе сложился под влиянием традиций скотоводческого мира. Побывавшие на Южном Урале во второй половине XVIII в. П.С. Паллас и И.И. Лепёхин отмечали широкое использование у башкир при изготовлении одежды материалов животного происхождения. Из овчины шили мужские шапки, шубы и тулупы. Из обработанных кож делали сапоги, башмаки. Из овечьей шерсти валяли войлочные колпаки, шляпы, чулки. Домашнее сукно употребляли для чекменей, обуви, головных уборов. В то же время в наиболее обеспеченной части общества, как издавна водилось у скотоводов, носили одежду из шёлка, бархата, парчи и других восточных тканей, тонкого европейского сукна. Дорогие материалы шли прежде всего на верхнюю парадную одежду. Платья, рубахи, тонкие штаны в XIX в. шили из российского ситца, кумача и среднеазиатских хлопчатобумажных тканей.

На севере Башкортостана, где в условиях оседлости ткачество уже давно достигло высокого уровня, вплоть до 20-х гг. XX в. одежду продолжали изготавливать из клетчатых, полосатых и белых холстов. Из домашней ткани в сине-белую и чёрно-белую полоску здесь шили даже верхнюю, преимущественно повседневную, одежду. Праздничные и свадебные костюмы шили из специально выработанного узорного домотканого полотна. Исследователи XVIII—XIX вв. писали о сходном составе мужского и женского костюма башкир, о копировании взрослых покровов в детской одежде, о незначительных изменениях в головных уборах и верхней одежде по сезонам. Вместе с тем издавна в одежде учитывались возрастные особенности. Значительно различались традиционные костюмы по территориальным (локальным) группам.

Мужской традиционный костюм включал длинную рубаху (*кулдәк*) туникообразного покроя с прямыми рукавами (*ең*), мышечными квадратными вставками-ластовицами (*кештәк*), боковыми клиньями (*сабыу*), широким отложным воротником (*яга*), скреплявшимся у нагрудного разреза плетённым шнурком с кистями (*иңербау*). Рубахи пожилых мужчин были преимущественно из светлых тканей, у молодых — красные, синие, с кумачовыми яркими ластовицами и воротником, обшитым узким позументом. По свидетельству В.М. Черемшанского, вокруг прорези вышивали иногда “красными нитками разные фигуры”¹. Рубаху носили навыпуск поверх белых или полосатых холщовых,

Башкирский национальный костюм, XVIII в.

Традиционный мужской костюм
(юго-восточные башкиры, XIX в.).

Костюм старшины.

красных или синих хлопчатобумажных штанов (*ыштан*) с прямоугольной вставкой (*төп*). В холодное время года надевали более узкие в шаге штаны (*салбар*) из сукна и других плотных материалов.

Знатные башкиры в городах и некоторых аулах носили камзолы (*камзул*) с рукавом до локтя или безрукавные. Зимние безрукавки подбивали мехом. В южных и восточных районах более распространённой была одежда казачьего покроя. Это сшитые из тёмной ткани приталенные кафтаны-казакины (*кәзәкәй, кәзәки*) с рукавом, стоячим воротником и глухой застёжкой. В торжественные дни на камзолы и казакины надевали приталенные бешметы (*бишмәт*), просторные плотные халаты-еляны (*елән*) или лёгкие шёлковые халаты-чапаны (*сапан*). Издавна сезонной и праздничной одеждой у башкир являлись шерстяные чекмени (*сәкмән*). Их шили из белого или коричневого домашнего сукна, красного или зелёного покупного. Нарядно выглядели белые чекмени, украшенные красной, синей и чёрной обшивкой.

Традиционный праздничный костюм башкир живописно представлен в очерке П.И. Небольсина, побывавшего в середине XIX в. в долине р. Сакмара: «Мужчины... щеголяют бешметами и халатами. Бешметы

из разноцветных, волнистых и полосатых бухарских материй, из узорочных московских штофов и из гладких материй, а халаты преимущественно бывают цветные суконные, выложенные широкими позументами, иногда ряда в три, по воротнику, полам и подолу; бедные люди ходят в грубых белых шерстяных халатах, а у богачей они бывают из тонкого сукна, иногда белые атласные, роскошно вышитые шелками. Под верхним халатом, надеваемым нараспашку, блестит дорогая серебряная, убранный разноцветными камнями бляха бархатного бухарского пояса; на одном бедре «калта» [кожаная плоская сумка], на другом натруска и сумочки для узкого ножа и для дробы»².

Для зимы чекмени и бешметы шили на лисьем, беличьём и хорьковом меху. В южных аулах встречалась одежда из лошадиных и оленьих шкур³. Во многих семьях имелись крытые материей или нагольные овчинные шубы (*тун*) и тулупы (*толон*). Праздничными считались лисьи и волчьи шубы (*төлкә тун, буре тун*). Под влиянием соседних народов в башкирском быту появились приталенные полушубки (*кыска тун, билле тун*) и дублённые шубы (*дуплы тун*).

Рабочую и зимнюю одежду подпоясывали ремнём (*кайыш билбау*) или мягким шерстяным кушаком (*билбау*), обернув дважды вокруг пояса и подоткнув его концы на боках. Для дорогих кафтанов у молодых мужчин имелись шёлковые и бархатные пояса с нарядной пряжкой (*кәмәр*). Предпочитали подпоясывать приталенную одежду, а верхний широкий халат свободно ниспадал с плеч. Часто носили верхнюю одежду, надевая её друг на друга и не застёгивая.

На севере Башкортостана и в северо-восточном Зауралье, где население постепенно переходило к оседлости и земледелию, многослойность костюма постепенно утрачивалась, верхняя одежда становилась сезонной. В праздничном и официальном костюме на первый план выдвинулся камзол. Большое внимание стали уделять художественно-де-

коративному оформлению рубах, используя вышивку и узорные ткани. В свадебный костюм входили нарядная рубаха и штаны из браного холста, в восточном Зауралье — вышитые рубаха и кушак. Эти вещи готовила для жениха невеста.

Старинные платья (*күлдәк*) башкирских женщин в основе кроились так же, как и мужские рубахи. Различались местные варианты покроя платьев: цельный — с узкой или широкой оборкой по низу; составной — с юбкой, пришитой на уровне бёдер или по талии. Между верхом и юбкой обычно вставлялась поперечная полоска ткани — пояс. В западных районах ниже груди пришивалась широкая оборка (“верхний подол” — “*әскөштәк*”), прикрывавшая талию. Женские платья имели воротник-стоечку. Около нагрудного разреза полукругом прикреплялись цветные полоски и ленты (*изеу*). Женщины преклонного возраста предпочитали платья из неокрашенного холста или из светлых фабричных тканей. Молодые, напротив, любили яркие (красные, зелёные, фиолетовые, синие) цвета. Под платьем носили прямоугольную с загнутыми верхними углами нагрудную повязку (*тушелдерек*). Её среднюю часть, видимую в разрезе платья, украшали поперечными полосками и лентами или незатейливой тамбурной вышивкой (предпочтение в орнаменте отдавали растительным мотивам). Со временем такие повязки стали принадлежностью костюма пожилых, молодые носили платья с нагрудной планкой. В этнографических работах XIX в. встречаются сведения о плотной вышивке на груди холщовых платьев, напоминавшей вышивку на ставших реликтовыми повязках-хараусах (*һарауыс*)⁴. Не случайно вышитые кусочки ткани вместе с пасмой ниток и нагрудной повязкой долгое время входили в число ритуальных свадебных подарков, предназначенных для пожилых родственниц.

Во второй половине XIX — начале XX вв. на северо-востоке Башкортостана и в восточном Зауралье было распространено украшение лентами и вышивкой, главным образом, нижней части платья, видимой из-под кафтана или камзола. Вышитый тамбуром растительный узор, иногда сильно стилизованный, располагался полосой над широкой оборкой. В восточных районах (у

курганских башкир) в вышивке на одежде использовали также технику счётной глади. В северных аулах вышивка нередко сочеталась с узорным тканём: к верху холщового платья с узорными рукавами пришивали низ из гладкого фабричного материала с полосой тамбурной вышивки.

В XX столетии в комплект праздничной одежды был включён фартук (*альяпма*, *альяпкыс*). Узоры стали многоцветными, плотными. Вышивка покрывала весь подол и рукава платья, подол и грудь передника. Платья курганских башкирок часто украшала аппликация. На красном фоне помещался зелёный, синий, серый узор, на синем — красный, жёлтый, на зелёном — красный, жёлтый, синий; были и другие сочетания. Иногда фон был из пёстрого ситца. Основой композиции мог стать одинарный или двойной зигзаг, волнистая линия, внутри которых вышивались розетки той или иной конфигурации с символическими названиями: яблоко (*алма*), цветок (*сәскә*), бабочка (*күбәләк*), волчья лапа (*бүре табаны*). Выполнялись также композиции из сдвоенных завитков-кускаров (*хүсхар*). Женские шаровары (*ыштан*) покроем повторяли мужские. Прямые штаны было принято забирать в паголенки чулок.

Повседневной (в первую очередь, у пожилых) и праздничной женской одеждой являлся безрукавный камзол. В ряде районов юж-

Нагрудники:
1 — селтяр, 2 — сакал (из фондов РЭМ).

Праздничный женский елян.

ного и юго-восточного Башкортостана камзолы стали популярны лишь со второй половины XIX в. Появились многообразные варианты их украшения серебряными монетами, вышивкой бисером или стеклярусом. В горах и в Башкирском Зауралье в XIX в. распространённой одеждой женщин молодых и средних лет были короткие чёрные или цветные кафтанчики (*кәзәки*), похожие на мужские.

По всей территории в праздничном женском костюме традиционной была тканевая одежда на подкладке. В северных и центральных районах носили цветные приталенные бешметы, в южных и восточных — тёмные просторные еляны. Традиционно халат являлся в гардеробе женщины частью свадебной одежды, поэтому его старались сделать нарядным. На бархатные бешметы нашивали позумент. Иногда бешметы шили из среднеазиатского шёлка (*эзрәс*). На елян чаще покупали хлопчатобумажную или полшерстяную ткань. Нашивки из кораллов, бисера, серебра на тёмном материале выглядели очень декоративно. Ворот, рукава и полы обшивали полосами красного, зелёного, синего и жёлтого сукна, узким и широким позументом. Основными сюжетами в вышивке и аппликации на елянах были солнце и звёзды. В одних случаях солнце изображали аппликацией из сукна и вышивкой в виде кругов с лучами (*мәһәр*) или с перламутровым кружочком в центре, нередко используя в вышивке молочный и цветной бисер. В других случаях мусульманские амулеты — бету (*бетей*) и соляные знаки выкладывали из кораллов, чередуя их с длинными подвесками из монет и серебряных блях. Юго-восточные еляны нередко имели наплечную вы-

Женский вышитый чекмень (из фондов РЭМ).

шивку или наплечники из галуна с бахромой (*яурынса*). Позументные, коралловые и серебряные нашивки располагались также на уровне талии (*бәйөрсә*) и в верхней части спинки. В юго-западных районах (бассейн р. Дёма) еляны украшались монетами, позументом, цветной строчкой. Свообразным было расположение монет: по две-три на полах и подоле и плотными рядами у талии, в верхней части и по бокам спинки.

В скотоводческих районах взрослые женщины, как и мужчины, носили суконные чекмени. Белые чекмени, вышитые цветной шерстью и отделанные цветным сукном, кисточками, перламутром, служили свадебной и праздничной одеждой. Иногда их носили как паранджу, набрасывая на голову.

Меховая женская одежда имела лишь в состоятельных семьях. Праздничные шубы покрывали среднеазиатской шёлковой материей, отделяли мехом лисицы и других пушных зверей. Ценились также шубы из шкур молодых ягнят (*күрпә*). В свадебной обрядности до недавних пор фигурировала шуба из лисьих лап (*бақа тун*) — свадебный подарок жениха матери невесты. В прошлом бытовали утеплённые пальто, простёганные пластами овечьей и верблюжьей шерсти и отделанные мехом (*кәпө*, *күпмә*). Позднее появилась приталенная тёплая одежда на вате (*һырма*, *бишмәт*). Широко были распространены шерстяные и пуховые шали (*дебет шәл*).

Обувь обычно изготовлялась из кожи, иногда в комбинации с сукном. Престижной и праздничной обувью у людей молодого и среднего возраста считались сапоги (*итек*). Нарядно выглядели цветные сапоги из доб-

ротно выработанной мягкой кожи. Женские сапоги имели каблуки с подковками. Пожилые предпочитали мягкие ичиги (*ситек*), которые за пределами дома носили с кожаными галошами (*хун калуш*). В северном и западном Башкортостане были распространены кожаные башмаки (*ката*, *кэуеш*, *башмак*): глубокие или мелкие, как туфли. Женские нарядные кожаные башмаки с цветной строчкой, кисточками, заклёпками являлись свадебной обувью.

До начала XX в. на территории Башкортостана было немало частных кожевенных заводов. Во многих аулах имелись собственные сапожники. Обувь покупалась также на ярмарках и базарах. В XIX—начале XX вв. российские фабрики выпускали сапоги и нарядные башмаки — ката, пользовавшиеся спросом у местного населения. Тем не менее в горном и восточном Башкортостане преобладала традиционная обувь, прежде всего, с суконным верхом (*бышым ката*, *сарык*). В зависимости от высоты верха и способа его украшения можно выделить несколько разновидностей женской обуви — ката. Повсеместно были распространены кожаные башмаки на твёрдой подошве, верх которых мог быть низким, едва прикрывающим подъём ноги, или высоким, до колен. Сукно расшивалось узорной аппликацией. Особой декоративностью отличались сапоги с суконными голенищами, характерные для восточного Зауралья. Ещё несколько десятилетий назад они были признанной обувью невест, также надевались в праздники.

Сарык (*сарык*) — самобытная суконная обувь с низом из сыромятной кожи. Её подошва заходила наверх, формируя края и задник, к передку пришивали полуoval, рассчитанный на подъём ноги. “Это обувь, похожая на чулок, сделанный из сукна, но пятка и вся ступня обшиты кожей с лёгкою подошвой”, — описывал сарыки побывавший у бурзян А. Игнатович⁵. Длинные голенища обычно подвязывались у колена плетёными шнурками (*хылысмау*). На мужскую обувь на заднике и с боков нашивали кожаные полуovalы. У мужчин такая обувь была повседневной, рабочей. Женские сарыки красочно орнаментировались, служили и повседневной, и праздничной обувью.

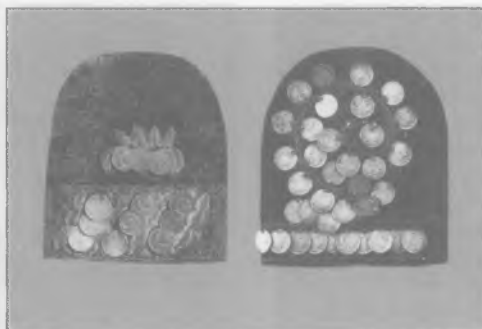
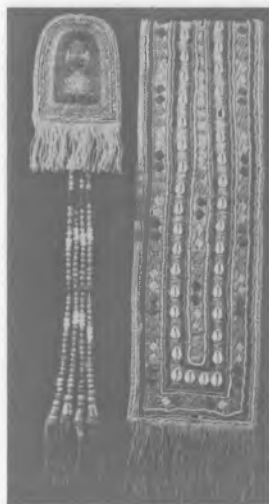
Аппликация и вышивка на белом сукне башкирской обуви представляет самостоятельную область женского творчества, связанную своими истоками с древними культурными традициями тюркских племён. Со-

Обувь:
1 — кожаные башмаки; 2 — кожаные туфли; 3 — ката с суконными голенищами; 4 — сарык; 5 — лапти; 6 — меховая обувь.

вершенная арочная композиция рисунка, роговидный орнамент, отработанная техника исполнения свидетельствуют о многовековой преемственности этого вида искусства. В нашивку на сукно красную основу рисунка вводились контрастирующие цвета: синий, зелёный, жёлтый, и постепенно выстраивалась насыщенная цветовая гамма, свойственная башкирскому декору. Иногда фоном служило чёрное сукно. Сложность орнамента, количество “гнёзд” подчёркивали уровень исполнительского мастерства. На дошедших до нас экземплярах обуви выявляется бесконечное множество вариаций основных элементов: кускаров, ромбов, треугольников, уголков.

К архаичным видам обуви можно отнести низкую меховую обувь из шкуры лошади, лося или коровы (*хыныйграк*) с небольшим суконным или холщовым верхом на вздержке. Её использовали на северо-востоке Башкортостана охотники и лесорубы при ходьбе на лыжах. Летней и осенней рабочей обувью в северном лесном районе были лыковые лапти (*сабата*). Иногда к ним пришивали холщовый верх. Обычно их плели из семи лыковых лент, по типу татарских и марийских. Кожаную, меховую и лыковую обувь носили с суконными чулками (*тула ойок*) или портянками (*сылгау*). В южных районах умели изготавливать войлочные чулки (*кейез ойок*). Со временем они были заменены вязаными шерстяными чулками (*йөн ойок*) и валенками.

Бархатные колпачки с монетами.

Накосник и наспинник
(из фондов РЭМ).

Кашмау
(из фондов РЭМ).

Головные уборы указывали на семейное положение человека, подчёркивали его социальную принадлежность. У мужчин форма уборов была более универсальной, социальные и возрастные различия касались лишь способа отделки. С детского возраста (как только мальчик начинал ходить) и до преклонных лет в любое время года и в любых условиях носили плотно охватывающие бритую голову тубетейки (*тубэтэй, тахья*). Их шили местные мастера из хлопчатобумажных тканей или бархата на подкладке, густо простёгивая верх и околыш. Выделялись тубетейки молодых мужчин, принятые от невесты в качестве подарка: красные, зелёные, синие, расшитые гарусом, бисером, кораллами, отделанные позументом, кистями. Встречались в башкирских аулах также высокие татарские тубетейки и турецкие фетровые шапочки (*фэс*).

В холодные дни на голову надевали меховые круглые шапки с покатым верхом (*бүрек, кэпэс, тупый*). Сшитые из овчины или утеплённые ватой, они имели узкую выпущку. Праздничные шапки состоятельных башкир были отделаны мехом бобра, выдры (*жамсат бүрек, жама бүрек*). Шили шапки с широким околышем из лисьего меха или искусно подобранных лисьих лап, с бархатным верхом. Использовали для шапок также шкуры рыси, волка, медведя. В степных районах в зимние бураны надевали типичные для кочевников-скотоводов евразийских степей меховые малахаи (*колахсын*) с небольшим верхом и широкой трёхсоставной полостью, прикрывающей спину и плечи. При таком головном уборе, хорошо защищающем

от ветра и холода, шубы не имели воротников. В горном Башкортостане по типу малахаев выкраивали войлочные и суконные шапки (*көлэпэрэ*).

Существовало несколько разновидностей цельнокатаных головных уборов. На юге и востоке это были белые колпаки (*жалпак*) с разрезными (по бокам) полями, на севере и западе — шляпы (*эшлэпэ*) с узкими или широкими, приподнятыми или припущенными полями. В этнографических источниках XIX в. есть упоминания о высоких бархатных шапках, отделанных по краю и швам позументом. Они являлись принадлежностью костюма башкирских старшин, позже — волостных управителей. Особенностью этого убора были якоревидные поля, "поддёрнутые над висками кверху и имеющие форму раздвоенного уха"⁶. Ритуальной считалась белая чалма (*сэллэ*). Белую тонкую ткань мусульмане навивали на тубетейку, шляпу или шапку. Такой убор надевали, готовясь к молитве, постоянно ходили в чалме лишь служители культа.

У женщин всех возрастов в конце XIX — начале XX вв. самым распространённым головным убором был небольшой платок (*яулык*). Его носили в исправленном виде, покрыв голову, плечи и верх спины, скрепляя два ближайших угла под подбородком в узел. Иногда поверх платка надевали меховую шапку, праздничный убор — кашмау (*кашмау*), набрасывали шёлковую или кашемировую шаль с бахромой. Платок могли носить также с бархатным колпачком или с налобной повязкой из ткани или позумента (*баш бэйләмес, битлек, укалы сук*).

У башкир северо-восточного Башкортостана и восточного Зауралья головным убором молодых замужних женщин было покрывало из двух неразрезанных “французских” платков — кушъяулык (жушъяулык) с набором украшений. Особенно примечательным был массивный подбородник с монетами (*һағалдырыҡ*). В Зауралье от подбородника на грудь свисали шерстяные шнуры с разноцветными кисточками или вышитая полоска ткани (*эйәксен*). Вышивкой и монетками украшали и край платка вокруг лица. Покрывало имело височные кисти из кораллов, плодов гвоздики, бисера, мелких монет (*мәрйән сук, қолакса сук*). Под кушъяулык, прикрывая волосы и часть лба, надевали колпачок или повязывали свёрнутый козынькой красный или синий платок (*һыңар яулык, баш бәйләмес*). Красное двойное покрывало, скрывающее не только лицо, но и фигуру, молодые женщины начинали носить, переехав в дом мужа, и не снимали до 35—40 лет. В “возрасте свежести”, в 40—45 лет, было принято повязывать белое покрывало — тастар (*таҫтар*). В начале этого возрастного периода его сочетали иногда с коралловым кашмау или меховой шапкой. Женщины преклонного возраста предпочитали не надевать тяжёлые уборы, были сдержанны в выборе украшений.

Старинные тастары восточных групп башкир представляли собой холщовые, до трёх метров, полотенца с вышитыми концами. Художественная вышивка шёлком и цветным гарусом (главным образом, в технике счётной глади, иногда перевити) располагалась двумя-тремя полосами, к концам пришивалось кружево. Тастары носили с вышитыми налобными повязками-хараусами. В центральных и южных районах Башкортостана на тастары использовали до двух метров светлого ситца. Покрывалом укутывали голову и верхнюю часть туловища. В северо-западных районах, видимо, для той же цели в прошлом использовали треугольные покрывала (*хыйытса*).

Древним и самобытным убором является кашмау. Его основой был плотно охватывающий голову “шлем” с отверстием на ма-

Головной убор девушки
(д. Бретьяк Бурзянского района, 1976 г.).

Девичий колпачок
(Белокатайский район, 1959 г.).

Головной убор замужней женщины: колпачок с монетами и покрывало
(д. Петрушкино Челябинской области, 1963 г.).

Тастар
(д. Темясово Баймакского района, 1962 г.).

кушке, длинной наспинной полосой, заканчивающейся бахромой. Красную ткань на войлочной или суконной подкладке покрывали монеты и низки кораллов. Поверх них прикреплялись подвески — наконники (*сулпы*). На наспинной узкой полосе выполнялся бисером плотный орнамент в виде разноцветных ромбов, треугольников, квадратов, полос. Использовались для украшения также перламутровые пуговицы и раковинка-каури. В верхней части головного убора, на темени, прикреплялась свисающая на лоб бляха с сердоликом (*маңлайса, маңлайсук*). Массивные подвески пристёгивались к уголкам шлема у щёк. Закреплялся убор под подбородком изящной пряжкой (*каптырма*), от неё на грудь спускались на цепочках

медальоны. Кашмау был в составе подарков жениха, в ряде мест его надевали на свадьбу. В других случаях женщина получала право носить этот убор в более зрелом возрасте, после рождения одного-двух детей. В горных районах (по берегам р. Инзер, в верховьях Белой) в начале XX в. он считался головным убором почтенных женщин.

П.С. Паллас в ходе экспедиции по северо-востоку Башкортостана и Зауралья зарисовал и описал у восточных башкир высокий убор из кораллов и монет с полосой во всю спину. Один экземпляр этого убора в середине XIX в. попал в Москву на этнографическую выставку (в настоящее время хранится в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга). В быту такой убор был утрачен в XIX в. Старожилы его называли “*кәләүш*”, “*башкейм*”, но подробно описать не могли. В северных аулах существовала почти забытая сегодня шапочка с бусами и монетами (*такья*). По-видимому, как и у финно-угорских народов, она относилась к свадебным головным уборам.

Во второй половине XIX—начале XX вв. самым распространённым убором в северных районах были колпачки разных видов. Ещё в первые годы XX в. по нижнему течению Белой и по берегам Ика в башкирских аулах носили длинные белые колпаки, связанные из хлопчатобумажных ниток (*ак калпак*, *мамьк калпак*). Края отворачивали, складывали несколько раз, получая плотный околыш. Вязка была односторонней с редкими ажурными полосами. Такие колпачки некоторое время оставались в костюме старых женщин, затем навсегда были утрачены. Женщины из привилегированных слоёв общества надевали в основном бархатные колпачки, расшитые золотой или серебряной нитью, украшенные цепочками и монетками по центру и краю. Мягкий верх при надевании заламывали набок.

Наиболее популярными у взрослых девушек и молодых женщин были небольшие шапочки с плоским верхом (*бәлкәй калпак*). Изготавливая их, тёмную ткань натягивали на круглый ободок из картона или бересты. Околыш украшал выпуклый узор из бисера, жемчуга, стекляруса, кручёной проволоки и подвески из монет или жемчужных бус. В северо-восточном Зауралье такие колпачки имели длинные боковые кисти из бус. На затылок от околыша спускалась полукруглая ткань, украшенная по краю шерстяными кисточками.

Меховые шапки не относились к числу распространённых женских уборов. Лишь на знатных башкирках можно было увидеть шапки, отороченные мехом выдры и обшитые по верху позументом (*кама бурек*). Пожилые для тепла надевали под платок стёганые шапки (*тупый*).

Традиционный костюм дополняли украшения. Нарядно выглядел мужской ковровый пояс с фигурной застёжкой и серебряными накладками со вставками из бирюзы и сердолика. К мужским престижным украшениям относились перстни-печатки с выгравированным текстом и перстни с крупными сердоликами (*акык*). Набор женских украшений был многочисленным и разнообразным. Существовали наборы ювелирных украшений, а также отдельные украшения в виде нашитых на тканевую основу кораллов, монет и подвесок.

Ювелирные изделия (браслеты, заколки, застёжки, кольца, подвески, серьги) изготавливались местными мастерами* или покупались на базарах и ярмарках у татарских, русских ремесленников и торговцев. Доходили до Южного Урала украшения со среднеазиатских и ближневосточных рынков. Среди башкирских украшений преобладали серебряные. На пластинчатые браслеты, фигурные подвески, накладки и другие изделия узор наносился чеканкой или гравировкой, использовалось чернение. Реже применялась техника филигрании. Орнаментальная композиция на металле дополнялась вставками сердолика, бирюзы, перламутра. Встречалось в украшениях прозрачное и цветное гранёное стекло. Значительное число украшений изготавливалось из кораллов. Это были ожерелья (*мәрийен*, *муьин бау*, *муьинсук*), коралловые запястья, височные кисти к головным уборам, сетки-пелерины, наплечники. Заметное место в костюме отводилось нагрудникам и наспинникам из нашитых на суконную или войлочную основу кораллов, монет, ювелирных поделок, бисера, раковин-каури, перламутровых пластин и пуговиц. Таким же способом украшали накосные ленты, головные ободки и некоторые другие предметы женского костюма. Изготавливая то или иное украшение, варьировали порядок нашивок. Одинаковых вещей практически не встречалось.

Использование в украшениях кораллов, перламутра, сердолика, бирюзы, раковин,

* Местных изделий уцелело сравнительно немного, т. к. ювелирное искусство — древнее ремесло башкир — после закрытия в первой половине XVIII в. по указу правительства мастерских и кузниц пришло в упадок.

Серебряная поясная пряжка.

Ювелирные подвески (филигрань).

Ювелирные украшения: серьги и браслеты.

серебряных бубенчиков, медальонов и подвесок заключало в себе не только социально-знаковый, но и магический смысл. В этом сказывалось влияние Востока, где ещё в древности эти материалы воспринимались как природный дар, способный обеспечить благополучие, здоровье, счастье. К восточным традициям восходит обычай носить браслеты на обеих руках, кольца — на всех средних пальцах. Эффект “очищающего” звенящего серебра достигался нашивкой монет на шнуры, свободным соединением подвесок на колечках и шарнирах, изготовлением “звенящих” браслетов и колец, длинных многоступенчатых серёг и наконсников.

Множество украшений, в первую очередь, массивные нагрудники и наспинники, были принадлежностью костюма замужних женщин, особенно молодых и средних лет. С возрастом украшений носили меньше. Пожилые отдавали предпочтение небольшим нагрудникам с позументом, сердоликом и незначительным числом монет, нагрудным перьям в форме полумесяца, ожерельям из кораллов, янтарным бусам. Продолжали носить кольца, браслеты, косные шнурки с монетами или подвесками.

Определённая группа украшений предназначалась для девушек, вступивших в брачный возраст. К ним относились плетёные наконсники из разноцветной шерсти с кисточками (*каралык*), косники с бусами (*сэсбау, сэсмэу*), затылочные украшения (*елкэлек, елкэмес*). На голове девушки носили ободки, украшенные бусами, бисером, монетами, цепочками, иногда к ним прикреп-

ляли длинные кисти из бус. В украшениях могли использовать ароматные плоды гвоздики, бадьяна и других растений, крашенные рыбы позвонки, ракушки.

Сложные украшения, как и головные уборы с богатыми нашивками из кораллов и серебра, постепенно приобрели завершённый в художественно-эстетическом отношении вид. Непрерывающиеся оживлённые торговые связи через Среднюю Азию с Ближним Востоком и Индией способствовали процветанию этого вида рукоделия.

Кольца, браслеты, наконсники, ожерелья и небольшие нагрудники носили постоянно. “Звон серебра” считался охраняемым. Коралловые украшения, нагрудники и “звенящие” браслеты и кольца надевали, в частности, когда шли доить кобылиц. В праздники, на свадьбу или в гости надевали все имеющиеся украшения.

Путешественники XVIII—XIX вв. в своих поездках по Башкирскому краю обращали внимание на территориальные различия в башкирской одежде⁷. Территориальные костюмные комплексы — локальные варианты традиционной одежды — сложились на Южном Урале в процессе консолидации родов и племён в пределах определённых природно-географических и хозяйственных зон. Распространение по территории наиболее характерных элементов материальной культуры, в т. ч. и одежды, в начале XX в. показал на картах С.И. Руденко⁸. В 60-е гг. методом системного картографирования основных видов одежды, головных уборов и украшений были выделены границы семи территориальных

Праздничный елян
(д. Исламгулово Мелеузовского района, 1958 г.).

костюмных комплексов: юго-восточного, юго-западного, самаро-иргизского, северо-западного, северо-восточного, восточного и центрального⁹. В их характеристике определяющим стал женский костюм, при этом на первое место выдвинулись украшения и головные уборы. Местное своеобразие подчёркивали также декоративно-художественные традиции оформления праздничной одежды.

Значительную по площади территорию объединял юго-восточный костюмный комплекс. Он охватывал горные районы в излучине р. Белая, юго-восточные и южные по р. Урал, Зауралье. При изготовлении одежды здесь широко пользовались покупными тканями. Одежда отличалась яркостью, окрашивались даже домашние холсты. Для юго-востока было характерно разнообразие верхних одежд. На платье надевали кафтан (*казэки*), тканевый елян, суконный чекмень. Праздничная и свадебная верхняя одежда выглядела очень декоративно: её отделявали вышивкой, сукном, позументом, нашивали на грудь и полы кораллы, бисер, перламутр, монеты, серебряные подвески. Праздничными считались также шубы из меха лисы, выдры. В прошлом здесь носили утеплённые стёганные пальто из пластов овечьей или верблюжьей шерсти (*көпө*). Женский костюм этого комплекса дополняли длинные нагрудники с серебром и кораллами, получившие название “кружево” — селтяр (*селтәр*) из-за плетённой из кораллов сетки, покрывавшей нижнюю часть суконной основы; в верхней части

плотно расположенные коралловые низки составляли узор из кругов и полукружий, поверх прикреплялись монеты и ювелирные подвески. На юго-востоке были приняты коралловые ожерелья и запястья, серебряные пластинчатые браслеты. С украшениями из кораллов и серебра гармонично сочетался кашмау. Пожилые носили тастар. Девушки украшали волосы накосниками из бус (*сәсмәү*) и затылочными украшениями полуовальной формы с кораллами (*елкәлек*). Большой популярностью пользовались ювелирные изделия с сердоликовыми вставками, а также “звенящие” браслеты и кольца. Обувь была преимущественно кожаной. Носили сапоги, кожаные туфли и галоши, суконные и войлочные чулки.

Юго-западный комплекс представлен одеждой населения бассейна р. Дёма. Здесь также преобладали южные скотоводческие черты. Женские свадебные и праздничные еляны отличались характерной отделкой спинки и пол монетами. Вышивка на верхней одежде не сохранилась. Головным убором, как и всюду на юге, являлись кашмау и тастар. Оригинальными были украшения: полукруглый нагрудник — сакал (*һаһал*), центральное поле которого, обрамлённое цепочками, низками кораллов и шариками-пуговицами (*тәймә*), было заполнено ювелирными бляхами и монетами; наспинник (*сәсһап*) в виде широкой полосы ткани с металлическими нашивками. Носили здесь также широкие чересплечные перевязи с монетами и кораллами (*теүэт*) и коралловые ожерелья с кистями (*мунһаһ*). Популярной обувью в конце XIX—начале XX вв. были кожаные галоши и ката; их носили с суконными и вязаными шерстяными чулками. Праздничная обувь украшалась кожаной аппликацией, цветной строчкой, кисточками, заклёпками, металлической инкрустацией.

Особенности самаро-иргизского комплекса (по рекам Большой и Малый Уран, Иргиз, Камелик, Самара, Ток) объясняются историей формирования этой группы. Переселенцы с юга Башкортостана соединили элементы культуры юго-восточного и юго-западного этнографических районов. Распространённой верхней одеждой, как и всюду на юге, были тканевый елян, шерстяной чекмень и кафтанчик. Головные уборы (кашмау, тастар) и кожаная обувь были традици-

онными, своеобразием отличались лишь украшения. В праздничном костюме женщины оригинально выглядело украшение, соединяющее в себе основные элементы юго-западного сакала и юго-восточного селтара. Иногда использовали как самостоятельное нагрудное украшение коралловую сетку. В эти места попадало много изделий с Востока. Встречались, в частности, “звенящие” браслеты, соединённые цепочками с кольцами. Украшением девушек, помимо шерстяных накосников, служили треугольные футляры или изящные серебряные пластинки с ушком для косного шнура; их прикрепляли на затылке между косами.

Северо-западный костюмный комплекс (Прикамье, бассейн западного Ика, ниже течения Белой, междуречье Белой и Уфы) характеризовался широким использованием при изготовлении одежды конопляных, позже хлопчатобумажных тканей домашней выработки — белых, клетчатых и полосатых. Они шли на женские платья и фартуки, мужские рубахи, штаны, на рабочую верхнюю одежду (*саба*). Северо-запад славился узорными (браными) холстами, из которых шили праздничную и свадебную одежду. Домашнее сукно употреблялось для тёплой мужской одежды. Женщины имели ватное пальто (*һырма*). Распространённой верхней одеждой был бешмет из бархата или среднеазиатского шёлка. Украшали верхнюю одежду скромно: узкой полоской позумента по краю и узорной ювелирной застёжкой (*халтырма*). Пожилые женщины надевали на платье камзол, молодые — фартук. Кроме обычных головных уборов, — платков и шалей — на северо-западе сохранились воспоминания о белых треугольных покрывалах (*хыйыхса*). Невестки ходили в крачужных платках с узорами (*бөркәнсек, француз яулыҡ*). В конце XIX—начале XX вв. на северо-западе распространённым головным убором были колпачки. Здесь существовали все виды колпачков: маленькие плоские, полуовальные, длинные мешкообразные (в числе последних — вязаные). Сохранились воспоминания о праздничном уборе из монет и бус (*такыя*). Для украшений употреблялось серебро, иногда с позолотой. Были приняты ожерелья из монет и кулонов со вставками — узкие, под шею (*муынса*) или закрывающие в несколько рядов всю грудь (*һырга*). Носили крупные бусы из янтаря (*гәрәбә*), гранёного цветного стекла, воротники с узорной застёжкой и длинными нагрудными

подвесками (*яка сылбыры, яка сыныйыры*). Накосником служил шнурок с мелкими или крупными монетами (*тәңкә, һумлык*), у состоятельных к нему прикреплялись узорные подвески. Преобладали ювелирные изделия (серьги, застёжки, подвески), выполненные в технике филигранны, со вставками из бирюзы. Распространённой рабочей обувью являлись лыковые лапти (*сабата*). В праздники на суконные или вязаные чулки надевали кожаные, позже — резиновые галоши.

Северо-восточный комплекс (верховья р. Уфа, бассейн Ая, Юрюзани и Ика) отражал многие черты, в целом характерные для земледельческо-скотоводческих районов. Развитое ткачество давало возможность шить платья, рубахи и другую одежду из домашних материалов. Для праздничных и свадебных костюмов использовали узорное домотканое полотно. Была распространена тамбурная вышивка, местами — цветная перевить. Пожилые, как и в других северных районах, на платье надевали безрукавные камзолы, молодые — фартук. Бешмет с позументом являлся верхней одеждой в течение весны, лета и осени. На зиму шили стёганое пальто. Головным убором невесток был кушъяулык с подбородником, украшенным монетами. Его надевали на маленькие колпачки, расшитые бисером, жемчугом, канителью, украшенные монетками. Тёплым убором пожилых считались стёганные шапки (*тупый*). Богатые женщины надевали меховые шапки. Украшения изготавливались в основном из серебра, редко использовались кораллы. Наряду с ювелирными изделиями (кольцами, браслетами, маленькими и длинными серьгами, косными подвесками), в качестве украшения использовались мелкие и крупные монеты. Способом чешуйчатой зашивки тканевой основы изготавливали нагрудники (*муынса*), перевязи (*эмәйзек*). Одну-две монеты прикрепляли к концам накосников. Ожерелья из металла в отличие от северо-запада здесь не были приняты, но янтарные бусы (*гәрәбә, хытай*) считались престижным украшением. Отличительная особенность северо-восточного комплекса — кожаная, меховая или лыковая обувь с суконной обшивкой или невысоким верхом. Лапти плели из лыка и бересты. Только на северо-востоке умели шить кожаную обувь на мягкой подошве (*бышымлы хыйырак*) из шкуры, снятой с области коленного сустава лошади, лося или коровы. Прежде существовали длинные меховые бахилы. Наряду с суконными и холщовыми чулками, были приняты белые вя-

Нагрудник и вышитое платье
(д. Терменево Салаватского
района).

Камзол и нагрудник из кораллов
и монет
(д. Казмашево Абзелиловского
района, 1983 г.).

занные чулки с рельефными и ажурными полосами. Их надевали с кожаными, резиновыми галошами или туфлями без задников.

В восточнозауральском комплексе — одежде челябинских и курганских башкир — сочетались черты северо-восточного и юго-восточного происхождения, что объяснялось этническими связями башкирских групп восточного Зауралья с населением северо-восточных и горных районов Башкортостана. Женщины носили елян, мужчины — казакины, ценилась суконная и меховая одежда. Верхняя одежда украшалась позументом и монетами. В XX в. из повседневного и праздничного костюма халаты были вытеснены камзолами. Яркость и самобытность восточнозауральскому комплексу придавало сочетание больших трапезиевидных нагрудников (*яга*) и вышитого по краю красного кушъяулык со специфическим набором украшений (височные кисти, подбородник, монеты по краю платка). Восточнозауральский нагрудник из монет и кораллов с подвесками (*бау*) на шнурах носили с наспинником (*иңһәлек*). Запястья украшали коралловыми низками с монетками. В косы вплетали цветную тесьму с кистями. Бытовал девичий накосник (*сәсмәу*) из бус, который носили с затылочным украшением (*елкәлек*). Взрослые женщины вплетали в косы шнуры с монетами. Только здесь сохранились воспоминания о высоком уборе из кораллов и серебра (*башкейем*, *кәләнүш*). Восточное Зауралье в

XIX—XX вв. являлось одним из районов интенсивного развития вышивки на одежде. Вышивали платья и фартуки, мужские рубахи и кушаки, женские головные уборы, обувь с суконными голенищами. Комплекты праздничной и свадебной одежды украшались тамбурной вышивкой, счётной гладью, аппликацией. В старину в Зауралье носили вышитый головной тастар с налобной повязкой. Манера вышивки — косой стежок, счётная гладь, роспись — в других районах Башкортостана была мало известна.

В центральном, или инзерском, костюмном комплексе при всём его своеобразии было заметно влияние южных и северных групп. Платья, рубахи и нательную одежду в бассейне Инзера и в верховьях Белой шили как из светлого холста, так и из ярких фабричных тканей. Верхней одеждой женщин и мужчин

служил елян. Женский елян украшали позументом: были характерны позументные нашивки на боковых швах. Женскими головными уборами служили белые тастары, красные “французские” платки, кашемировые и шёлковые шали. Девушки и молодые женщины носили на голове ободок с бисером, монетами, с околушными кистями и наспинником из бус. Пожилые надевали меховые шапки. Женский нагрудник прямоугольной формы имел двойную бахрому из кораллов; в нижней части среди рядов монет помещалось затянутое бисерной сеткой “оконце”. Западнее, ближе к Белой, нагрудник приобретал округлую форму, приближаясь к дёмскому, но в его оформлении наблюдались присущие только этому району особенности: монеты перемежались с нашивками из кораллов. Как и всюду, на юге были популярны коралловые ожерелья. Перекинулись с юго-восточными девичьи накосники из шерстяной тесьмы с кистями и бусами.

Особенностью центрального комплекса были кожаные ката с войлочными голенищами, украшенными цветными суконными полосами и кускарными узорами. У мужчин голенища были низкими, до щиколоток, у женщин — высокими, до колен. Носили также кожаные сапоги и глубокие галоши.

Можно заметить, что в каждом костюмном комплексе узколокальные черты сочетались с элементами, получившими развитие

на соседних территориях. В целом, в одежде второй половины XIX—начала XX вв. в той или иной мере прослеживалось влияние двух культурно-хозяйственных укладов: оседлого земледельческо-скотоводческого, в сфере бытования которого оказались Прикамье и северный Башкортостан, и скотоводческого, распространённого в степях и отрогах Южного Урала. Не случайно северо-западный и юго-восточный комплексы, максимально удалённые друг от друга и сформировавшиеся в разных природно-географических и культурно-этнических условиях, обнаруживают наиболее резкие различия.

Башкирский костюм к началу XX в. заметно изменился по сравнению с одеждой XVIII в. и даже середины XIX в. В нём ещё можно было обнаружить глубоко традиционный пласт, связанный с ранними периодами формирования культуры, но более очевидными становились новые явления, вызванные жизнью развивающимися товарно-денежными отношениями. В работах авторов второй половины XIX в. (П. Небольсин, А. Игнатович, В. Флоринский и др.¹⁰) говорится о широком употреблении фабричных материалов. Покупные ткани шли прежде всего на одежду молодых женщин и мужчин. С развитием отходничества заметно унифицировался повседневный мужской костюм: в нём появилась одежда и обувь городского образца. Одновременно в определённых слоях общества рос спрос на дорогие восточные товары и изделия местных кустарных производств и художественных промыслов.

Через Оренбург и Троицк продолжали поступать с Востока среднеазиатские ткани, кожаная обувь, мужские и женские халаты из среднеазиатского шёлка, бухарские ковровые пояса, персидские шали, серебряные и позолоченные украшения, бусы из сердолика и янтаря, кораллы. Все эти товары попадали прежде всего в зажиточные семьи и дополняли праздничный костюм. Развитие мелкой торговли способствовало распространению среди баш-

1

2

Нагрудники:

1 — селтяр (д. Азналкино Белорецкого района, 1976 г.);
2 — сакал (д. Азнаево Бижбулякского района, 1969 г.).

1

2

Камзолы:

1 — с нагрудной пряжкой (д. Имендешево Гафурийского района, 1961 г.);
2 — украшенный монетами (д. Бретьях Бурзянского района, 1976 г.).

кир казанских ичигов, башмаков, приталенных бешметов и камзолов, цветных тубетек, женских колпачков, браслетов, колец, серёг, бус и других украшений.

Социальные различия, отражавшие углубившуюся имущественную дифференциацию, обозначались в одежде всё более резко. Публицисты, касаясь обнищания башкирских масс, писали об утрате головных уборов

и украшений из серебра и кораллов, их продаже, отдаче в залог¹¹. Постепенно снижались навыки ювелирного мастерства, забывалась трудоёмкая вышивка на холсте. Костюм терял свойственный ему колорит, сглаживались местные особенности.

Тем не менее в первые полтора-два десятилетия XX в. башкирская одежда продолжала сохранять самобытность. На фотоснимках того периода башкиры запечатлены в традиционных костюмах, характерных для скотоводов. В Венгерском этнографическом музее (г. Будапешт) сохранились фотографии М. Дьюлы, сделанные им в 1908 г. среди юго-западных башкир. В ходе поездок по Башкортостану в 1906, 1907 и 1912 гг. С.И. Руденко собрал богатый материал для этнографического исследования быта башкир. В его книге имеется обстоятельное описание народной одежды¹². В Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург) в фотоколлекциях М.А. Круковского и С.И. Руденко содержится немало интересных снимков народной одежды башкир.

Существенные изменения традиционная одежда претерпела в советское время. В 20-е гг. после военной разрухи и неурожайных лет ещё наблюдалось некоторое оживление домашнего ткачества и других ремёсел, связанных с изготовлением одежды и обуви. Стимулировалось создание производственных артелей по пошиву обуви, верхней одежды и головных уборов, по вязанию шалей и платков. Одежду продолжали изготавливать в домашних условиях. Именно поэтому в перечне товаров, пользующихся повышенным спросом, на первом месте в то время стояли ткани. Однако на севере Башкортостана, где в это время возросли посевы льна, фабричные материалы покупали гораздо меньше¹³.

В эти годы существенно изменился костюм наиболее социально-активной, в первую очередь, мужской части населения. Вернувшись домой, участники Первой мировой и Гражданской войн продолжали носить армейские брюки, гимнастёрки, френчи, шинели, матросские бушлаты, т. е. одежды в деревнях не хватало. Сняв традиционную одежду в военные годы, многие башкиры её больше не надевали. На смену полувоенному костюму пришла городская одежда. Сельская молодёжь после окончания в городах учебных заведений возвращалась в деревню в одежде, которая была обычной для городского населения. Стали носить рубашки-косово-

ротки, пиджаки, куртки, фуражки, ботинки. Явление не было широко распространённым, но стало предпосылкой более лояльного взгляда на городскую культуру.

Развитие местных отраслей лёгкой промышленности, в т. ч. ткацких, суконных, кожевенных предприятий, швейных и обувных фабрик, обеспечивало торговлю всем необходимым. Свёртывание трудоёмких домашних производств и приобретение через потребительскую и государственную торговлю новых товаров в 30-е гг. стало повсеместно распространённым явлением. Не менее действенными оказались изменения в социальной сфере. Сказалось оживление культурной жизни в сёлах, ликвидация неграмотности. Вовлечение башкирских женщин в общественную жизнь изменило их семейное положение, способствовало формированию более широких интересов, новых вкусов и воззрений, что не могло не отразиться на одежде. У многих людей младшего поколения изменения в костюме были связаны с поступлением в школу.

Мужская одежда в 30-е гг. и позже была в основном фабричного изготовления, хотя пожилые башкиры сочетали вещи современные и старинного образца: длинные рубахи (их носили не подпоясывая), штаны старого покроя, отдельные виды верхней одежды, кушаки, тюбетейки, меховые шапки. Постепенно новые черты утверждались и в женском костюме: длинная и широкая верхняя одежда осталась в основном гардеробе пожилых женщин; менее объёмными стали платья, появились новые детали в их отделке и крое. Распространение новых фасонов привело к унификации одежды, особенно повседневной. Это не исключало местного своеобразия, которое проявлялось в декоративном оформлении костюма и касалось, в первую очередь, праздничной одежды.

Основные тенденции, наметившиеся в развитии народной одежды в 30-е гг. (вытеснение национально-особенного распространённым, приспособление к новому стилю жизни, сохранение традиционных элементов в праздничном костюме), оставались ведущими на всём протяжении двадцатого столетия. В 50—60-е гг. в башкирских деревнях встречалось ещё немало старинной одежды, которая сохраняла народный колорит. Платья, безрукавки, иногда верхнюю одежду многие шили по старым образцам. В некоторых регионах (на северо-востоке Башкортостана и в ряде районов Курганской, Свердловской и Челя-

бинской областей) в послевоенные годы возродилось и расцвело вышивальное искусство, украшение одежды аппликацией и лентами. Для торжественных дней берегли старинные украшения и традиционные головные уборы. Особые требования предъявлялись к свадебной одежде, которую готовили заранее. Часто это были вышитые комплекты: женское платье и фартук; мужская рубаша, пояс и тюбетейка. На свадьбу старались надеть традиционный головной убор и украсить костюм коралловым нагрудником. В восточном Зауралье в костюме невесты входила обувь с вышивкой и аппликацией. Позже такую обувь носили как праздничную.

*Традиционный мужской костюм
(Кизинский район, 1963 г.).*

*Традиционный праздничный женский костюм
(Оренбургская область, 1963 г.).*

Однако уже в 70—80-е гг. усиление урбанизации и насаждение в сельских условиях городского образа жизни привели к нивелировке самобытных форм культуры. Данные этносоциологического исследования 1986 г. показали, что большинство башкир (92% в сельской местности и 96% в городах) национальную одежду в обычных условиях не носят. Небольшая часть, в основном пожилые люди, повседневную одежду фабричного производства дополняют отдельными элементами традиционного костюма: платком, повязанным по-мусульмански, тюбетейками, сапожками с галсами, бархатным камзолем, кольцами и браслетами, накатниками с монетами. В сельских и некоторых городских семьях сохраняются и находят применение вещи, практически необходимые в суровых зимних условиях: шубы, полшубки, тулупы, валенки, пуховые платки и шали, вязаные шерстяные чулки и носки. В качестве рабочей обуви остались грубые сапоги, резиновые глубокие галоши.

Традиционная одежда, особенно высокохудожественные её образцы, часто сохраняется как культурная реликвия. Отдельные предметы или неполный костюм в 80-е гг. имели 80% из опрошенных на селе и более половины в городе. На юго-востоке Башкортостана в одежде с его своеобразным национальным колоритом до сих пор ярко выражены народные традиции. Даже в городах и рабочих посёлках не оказалось ни одной семьи, в которой не было бы традиционной одежды или её основных элементов. В г. Баймак и в посёлке Бурибай половина опрошенных имела все основные части костюма. Заметно сохранение традиционных

вещей в деревнях, расположенных на значительном расстоянии от городов и посёлков. Показательно, что половина опрошенных в городах и более 60% в деревнях охотно покупали бы одежду и украшения, выполненные в национальном духе, если бы в республике было налажено их производство. Об этом свидетельствует предпочтение наших современников в выборе свадебного костюма: примерно треть сельских жителей высказалась за национальный костюм, допуская в нём современные элементы. В городе таких людей было гораздо меньше (13%), но сильно мнение, что современную одежду необходимо сочетать с некоторыми элементами традиционного костюма.

Поддерживая всё возрастающий интерес к истории, в республике предпринимаются усилия к возрождению традиций прошлого¹⁴. Этому способствуют республиканские смотры и фестивали художественной самодеятельности, на которые приезжают творческие коллективы из всех уголков Башкортостана. Таким образом, национальный костюм восстанавливается прежде всего как сценический. Кроме того, народная одежда служит источником для вдохновения художников и модельеров при создании современных коллекций повседневной и праздничной одежды.

ТРАДИЦИИ ПИТАНИЯ

Сочетание мясных и молочных продуктов с зерновыми и мучными легло в основу народной кулинарии башкир. Большим подспорьем в питании было использование съедобных корней, трав и ягод, мёда диких и домашних пчёл, мяса лесных птиц и животных, рыбы.

К концу XIX в. у многих народов Волго-Уральского региона прослеживаются общие черты в способах обработки зерна, технологии мукомольного производства, ассортименте продуктов питания. Использовались похожие ступы и ручные жернова. Зерно в основном мололи на водяных мельницах. В обстановке постоянного культурного обмена совершенствовались связанные с хмелевой закваской навыки хлебопечения.

Анализ пищевых традиций убеждает в том, что употребление зерна и муки вместе с мясными и молочными продуктами было обычным явлением уже в древности. Так, мучные изделия, сваренные в воде или в жире, могут иметь азиатское происхождение. Многие блюда из цельного зерна также известны народам Южной Сибири и Центральной Азии¹. Рецепты приготовления пресного теста на кислом молоке были знакомы древним и поздним кочевникам. Утвержде-

ния некоторых авторов XVIII—XIX вв., что население, сохранявшее полукошевой уклад жизни, потребляло преимущественно молоко и мясо, несостоятельны. Очевидно другое: у полукошевых южных и восточных башкир в выборе продуктов, способах приготовления ритуальных и праздничных блюд, порядке приёма пищи и этикете многолюдных трапез обнаруживалась тесная связь с глубинными пластами скотоводческой культуры, берущей начало в центральноазиатском регионе. В башкирском полукошевом быту ассортимент молочных и мясных кушаний был разнообразен, а технология переработки молока была последовательна и рациональна.

Важным продуктом питания было коровье молоко. “У кого корова, у того есть угощение” (*“һыйыры барзың — һыйы бар”*), — говорили в народе. Из кобыльего молока готовили только кумыс. Козье молоко давали детям и больным, использовали в производстве кумыса. Овец доили редко.

На свежем молоке (*һөт*) готовили мучные и крупяные каши и жидкие блюда. Значительную часть надоенного молока отстаивали в деревянных корытах, лубяных и берестяных коробах, затем собирали сливки (*каймак*). Снятое молоко кипятили и заквашивали, получая варенец — катык (*хатык*). В состоятельных домах катык, предназначенный для непосредственного употребления в пищу, делали из цельного молока. Иногда катык отжимали: густую питательную массу (*һөзмә*) ели, заправив сметаной и сахаром. Чтобы получить творог (*эремсек, эремек*), молоко нагревали в котле, добавив ковш катыка или пахты; доведя до кипения, творожистую массу вычерпывали в холщовый мешок или в сито и клали под гнёт. Реже творог готовили из простокваши в протопленной печи. Запасая творожистую массу, выпаривали из неё всю влагу и получали сухой творог (*кызыл эремсек, әжекәй*). Незадолго до окончания варки добавляли масло, сахар или мёд. В других случаях сухой творог растирали с топлёным маслом и, слепив колобки, складывали в кадку. Разновидностью сухого творожистого продукта был ягодный творог (*еләк әжекәйе, кара эремсек*), в который при выпаривании подмешивали полевою клубнику. С сухим творогом пили чай, пекли пироги. Он относился к разряду особо питательных и целебных кушаний.

Сбивание масла
(д. Бикбулатово Куяргазинского района, 1981 г.).

Корзина для хранения корота
(д. 2-е Иткулово Баймакского
района, 1971 г.).

Приготовление корота
(д. Юмашево Баймакского района, 1964 г.).

В южных и восточных районах сливки нередко собирали с кипяченого молока. Снятое молоко шло на творог и на кислое молоко. В хозяйствах, где было много дойных коров, готовили варёные сливки (*бешкэн каймак*): при долгом кипячении молоко вспенивали, и на поверхности образовывался жёлтый пористый слой, жирный и густой, как масло. С появлением в деревнях сепараторов процесс получения сливок ускорился и упростился. Часть сливок использовалась в пищу непосредственно. Сливки добавляли в чай, заправляли творог, кашу, похлёбку, их клали в тесто и начинку для пирогов. Однако в основном они шли на производство сливочного масла (*ак май*).

Существовало несколько способов приготовления масла. На всей территории Башкортостана сбивали масло из свежих сливок в узком деревянном сосуде (*көбөсәк, көбө*) с помощью пахталки (*бешкәк*) с крестовиной или кругом на конце. Знали также способ сбивания густых сливок в глубокой чаше деревянной ложкой или палочкой-весёлкой. На юге помнили старинный способ получения масла в раскачивающемся кожаном сосуде. В начале XX в. в башкирском быту встречались покупные ящики-маслобойки.

В южном Башкортостане и в некоторых районах Зауралья употребляли также масло из сливок, собранных с кипяченого молока. Если масло предназначалось для зимних заготовок, его подсаживали, складывая в кадки. Когда набиралось достаточное количество, перетапливали, сливая верхний прозрач-

ный слой. Помимо использования в кулинарии, топленое масло (*һары май*) подавали к чаю. Изысканным блюдом считалось топленое масло, заготовленное с горной вишней, костяникой, клюквой, брусникой. Беловатый осадок, оставшийся при перетопке, старались израсходовать в первую очередь.

Для повседневного употребления в летнее время на юго-востоке предпочитали сбивать нежирное масло из сливок с добавлением кислого молока и воды или айрана (*кубек май*). Оно имело приятный кисловатый привкус, было лёгким и воздушным, но плохо хранилось.

Незаменимым продуктом питания, особенно зимой, а также в походных условиях, был сухой сыр — корот (*хорот*). Его заготавливали осенью в значительном количестве, от нескольких десятков до нескольких сотен колобков. Сырьём для корота служило длительно киснувшее в кадках молоко (*эркет*). Кадка постоянно пополнялась новым снятым молоком, лишняя сыворотка при этом вычерпывалась. Собрав необходимое количество, прокисшее молоко, непрерывно помешивая, долго кипятили в котлах, затем отжимали в лубяных коробах или мешках. Размяв и посолив густую массу, формовали колобки и лепёшки диаметром 10—12 см. Их сушили на специальной решётке (*тергә*) на солнце или на помосте (*ылаш*) над очагом, иногда слегка коптили. Авторы XVIII—XIX вв. писали о питательных и целебных свойствах корота. В экстремальных условиях он мог заменить необходимые белковые продукты и хлеб. Растрев,

Вяление мяса
(д. Старохусаиново Давлекановского района, 1969 г.).

его подмешивали в чай, бульон. Употребляли корот и в свежеприготовленном виде (*йэш корот*) с добавлением сливок.

Освежающим напитком в летнее время был айран (*айран*) — разведённое ключевой водой кислое молоко. Пили также полученную после приготовления нежирного масла пахту (*май айраны*).

Снискавшим заслуженное признание своими целебными свойствами был напиток из кобыльего молока — кумыс (*кымыз*). В башкирские степи и предгорья на лечение кумысом приезжали многие именитые россияне, в числе которых были и писатели Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Технология приготовления кумыса, его биологические и химические свойства изучались в научных лабораториях России.

В народе различали кумыс на старой кумысной закваске (он особенно ценился) и на кислом коровьем молоке, вернее, айране. Иногда к кобыльему молоку добавляли козье, реже — коровье. Сбивали мутовкой с грибовидным основанием в высоком, около метра, сосуде из полого дерева (*көбө, гөбө*), вмещавшем 20—30 л напитка. В старину, когда кумыс сбивали в кожаном сосуде, обходились практически без закваски, т. к. на стенках сосуда всегда оставались бродильные бактерии. В технологии приготовления кумыса особенно важным было частое взбалтывание. При хорошей закваске кумыс можно было пить через сутки, когда он начинал пениться, но зрелым кумыс становился лишь через несколько дней. В дальнейшем весь летний период обходились без закваски, по мере употребления готового кумыса добавляли в сосуд свежее молоко.

Все перечисленные молочные продукты были широко известны в скотоводческом мире. Способы их приготовления имеют

давние традиции: они обнаруживаются у некоторых тюркских и монгольских народов, в своё время контактировавших с башкирами. То же можно сказать и по поводу традиций употребления мяса (*ит*). Особенно вкусными и полезными считались конина и баранина, охотно готовили и говядину. Из домашних птиц разводили на мясо гусей. Употребляли боровую дичь. Свинину не ели по законам шариата. Строго соблюдали традиционное правило при забое скота и птицы: перерезав шейную артерию, выпускали кровь.

Мясо варили в котле в подсоленной воде большими кусками. По мере готовности его перекладывали в чаши и разделявали на порции (*өлөш*) и ели с отваренной лапшой, салмой (*һалма*), картофелем; часть крошили мелко, чтобы подать в супе. Гусей, уток и кур разрезали в готовом виде.

Сохранились воспоминания, как охотники и лесорубы поджаривали зайцев, диких уток, куропаток на вертеле, а разделанные туши крупных зверей, обернув шкурой, закапывали в землю и разводили на поверхности многочисловой костёр.

В домашних условиях варка в котле была в большинстве случаев единственным способом приготовления горячих мясных блюд. Исключение составляло кушанье из жареной печени, сердца, почек (*хурзак, хуржак*). Обычно же все внутренние органы тщательно промыв, отваривали, рубили и затем употребляли в том или ином виде в пищу. Варили суп из вывернутых салом внутрь и переплетённых овечьих кишок (*йүрмә*). Считались лакомством варёные почки (*бөйөр*), кусочки печени (*бауыр*), вывернутая прямая кишка (*карта*). При забое коровы или овцы готовили варёную колбасу из отваренного и рубленого сердца, печени, лёгких и других внутренностей с салом и добавлением распаренного пшена, ячменя и пшеницы (*тултырма, тутьырмыш*). В южных районах Башкортостана пекли пирожки из пресного теста с рублеными отваренными внутренностями, приправленными жиром, солью и луком (*самбуса*).

Распространёнными способами хранения мясных продуктов были соление, вяление, копчение². Люди старшего поколения утверждают, что солёное мясо, завёрнутое в просоленную шкуру и зарытое в землю, могло храниться длительное время. Чаще же небольшие куски и полосы солёного мяса, разрубленные на четыре части тушки

гусей, пласты солёного жира с мясом сушили и вялили, иногда коптили. Внутренний жир хранили также в солёных и предварительно высушенных кишках. Своеобразным деликатесом были конские вяленые и сырокопчёные колбасы — казы (*казы, казылык*), особенно ценились приготовленные из сала и мяса, снятых с рёбер (*жабырга казыһы*).

Большой раздел башкирской кулинарии связан с использованием злаков. Прежде всего, это супы и похлёбки, каши, разновидности лапши и другие изделия из теста, сваренные в воде, молоке или бульоне, разнообразную выпечку из пресного или кислого теста. Приоритеты в употреблении тех или иных злаков по районам определялись местными агротехническими и историческими традициями. В юго-восточных и южных аулах, где земледелие сохраняло архаические основы, вплоть до начала XX в. в составе посевных культур оставались ячмень и просо, многие кушанья готовили из ячменной крупы и пшена. Просо широко использовалось также в центральном Башкортостане, но на хлеб здесь сеяли рожь. В западном Башкортостане прочное место в питании занимала пшеница. Местами употребляли в пищу коноплю, гречиху и горох. Для приготовления некоторых кушаний использовали овёс. В северных районах со второй половины XIX в. существенным дополнением к зерновым стал картофель. Вблизи городов и заводских посёлков сажали и употребляли в пищу капусту, брюкву, репу. Другие овощи стали выращивать позже.

Жидкие зерновые блюда (*өйрә, үрә*) и каши (*бутка*) варили из пшена, ячменя, полбы, пшеницы, овса на молоке или воде с распущенным маслом или жиром. В отличие от мясных, их называли сухими или постными (*хоро аш, хысыр аш*). В старину для похлёбки (*өйрә, күжә*) использовали целые ячменные зёрна. На юго-востоке кушанье с варёным ячменём считалось традиционным. “Юра — род ячменной похлёбки”, “Юра готовится из ячменной крупы, которая варится с водой и похожа на жидкую кашу”, — свидетельствуют авторы XIX в.³ Нередко в это блюдо добавляли дикорастущие травы и коренья: дикий лук (*йыуа*), черемшу (*һаҫыҡ йыуа*), борщевик (*балтырған, көпшә*), сарану (*һарына*). Заправляли тёртым коротом или катыком. В XIX в. стали использовать картофель.

Древним приёмом обработки зерна перед употреблением в пищу было прокаливание в сухом или смазанном жиром котле. Калёный ячмень и пшеницу — курмас (*курмас*) иногда вместе с конопляным семенем давали детям как лакомство. Молотый курмас заваривали кипятком, получая еду быстрого приготовления. “...Курмачом называется цельный жареный в котле ячмень, до которого башкирцы немалые охотники и едят его с маслом и без оно́го”, — свидетельствовал П. Размахнин в 30-е гг. XIX в.⁴ Башкиры Приуралья пшено прокаливали в смазанном жиром котле, а затем толкли его, добавив молоко. Прессованную лепёшку (*онтак*), вынув из ступы, поливали мёдом. В других вариантах отваренное, а затем подсушенное пшено толкли со сливками. Получалась приятная на вкус белая пушистая масса (*суҡ, киле буткаһы*).

Повсюду из проваренного и высушенного или прожаренного зерна (пшеницы, овса, ячменя) на каменных или деревянных зернотёрках заготавливали муку мелкую или крупчатую — талкан (*талхан*). Перед едой её заваривали кипятком, приправляли маслом или размешивали в горячем молоке, иногда доводили до кипения. В южных районах к трапезе готовили лепёшки до 10 см в диаметре, слепленные из талкана со свежим сливочным маслом; иногда к талкану прибавляли молотую черёмуху. Припасая на зиму, талканную муку проваривали в жирном осадке от перетопленного масла (*турта*) и складывали в кадочку. Специфическим, типично скотоводческим было питательное кушанье из муки, сваренной в густых сливках, в молоке или отстое после перетопки масла; перед окончанием варки в кушанье добавляли одно-два яйца (*саламат, саламай, әүмәл, боламыҡ, боламсай*). К местным, уральским, традициям относился овсяный кисель (*кеҫәл*): овсяную муку размешивали в воде и заквашивали, затем варили в воде. Ели кисель с молоком.

Издавна в башкирском быту были популярны молочные и мясные блюда с изделиями из теста. В простейшем варианте это было тесто, перетёртое между ладонями: небольшие катышки (*умас, ыумас*) опускали в кипящее молоко или воду с жиром, заправляли катыком, зелёным луком. Иногда его готовили с борщевиком. Для клёцек (*сумар*) тесто замешивали на воде или молоке с яйцами и опускали в кипящий суп ложкой. Изделия из крутого теста типа галушек

или ракушек (*сокор халма, хулхалма*) варили как в молоке, так и в бульоне. Чаще для мясных блюд тесто раскатывали в сочень. В старинных блюдах сочень варили большими кусками (*йэймэ, кумэс, энкэл*). Их выбирали шумовкой на блюдо и поливали бульонным жиром или маслом. Кушанье заменяло в мясном угощении хлеб — раньше не было принято подавать печёный хлеб к мясу. В других случаях делали лапшу, нарезаая тесто тонкими полосками (*тукмас*). У южных и восточных башкир была распространена ромбическая лапша (*халма*).

В башкирскую кухню прочно вошли вареники с творогом или мясом (*хазан холагы, хазан тэкәһе, сүсбәрә, билмән*). Их варили и подавали в молочном супе, бульоне, реже — отдельно, со сметаной, маслом.

Пресное, раскатанное в лепёшку тесто шло и на приготовление хлеба (*кумэс, икмэк*). Способ получения хлебных изделий в разогретом очаге описан П.С. Палласом: “Башкирская женщина месит... руками лепёшку на воде с солью, сажает её на поду камина в горячую золу и загребаёт... Потом втыкает на палочку и держит несколько у огня, чтобы корка поджарилась”⁵. Такой хлеб называли “зольным” (*көлүкмэк, кәлсә, көлкүмәс*). Во дворах и на летовках были сложены небольшие закрытые печи для выпечки плоских хлебцев. Иногда они располагались рядом с очагом и котлом для приготовления пищи.

С древними традициями связано изготовление тонких лепёшек (*йэймэ, йока*) на стенках раскалённого котла, а также приготовление хлебных изделий в котле в кипящем животном жире или масле. Замешивали тесто на молоке и яйцах для приготовления сдобных лепёшек (*йэймэ, майдикмэк*). Из такого же теста, разрезав его на тонкие полоски, делали хворост (*кош теле*) или, нарезав в форме ромбов, треугольников, готовили сдобное печенье-йгуаса (*йгуаса*). Для чак-чака (*сәксәк, кәлсәк*) и баурсака (*бауырһак, иләк йгуасаһы*) тесто замешивали только на яйцах. Чак-чак обязательно заливали мёдом или сахарным сиропом. Готовили своеобразные пироги-кыстыбый (*кыстыбый*): сложенные вдвое блины или сочни обжаривали в масле на сковороде и начиняли, не защищая края, пшённой кашей с маслом или творогом с яйцами.

На сковороде готовили блины и оладьи из пшеничной, ржаной, гречневой, просяной муки и из гороха (*хоймак, табикмэк,*

Летняя печь
(д. Байгузино Зилаирского района, 1981 г.).

күптермә). Тесто замешивали на кислое молоко с яйцами и давали подняться; особенно любимы были пшённые блины. Из пресного сдобного теста делали пироги и пирожки с творогом и с ягодами (*ләүэш, асык ауыз, өсмөйөш, бәрәмәс, шәңкә*). Как уже упоминалось, при забое скота было принято готовить пирожки с ливером. Небольшие по размеру пироги с начинкой жарили в масле или выпекали в домашней печи. С духовой печью связано появление большого пресного пирога со сложной начинкой — балеш (*бәләш*). Он был характерен для башкир северных, центральных и западных районов. Варианты начинки были разнообразны: сочетались мясо, крупа и лук, фрукты (ягоды) и масло. В XIX в. в мясные пироги стали класть огородный лук и картофель. Были любимы балешы с гусятиной. Иногда пекли балешы с зайчатиной.

Хлебопечение в европейском смысле стало развиваться с переходом к оседлости и устройством домашних “русских” печей. Было воспринято употребление хмелевого

солода (*комалак*) для закваски (*супрә*). Новая технология приготовления пышных караваев хлеба, а вместе с ними пирогов, булочек и других изделий была раньше освоена на севере Башкортостана и постепенно распространилась на юг. Из дрожжевого теста выпекали пирожки (*бәйөрөк*) с калиной, полевой клубникой, малиной, смородиной, черёмухой, мясом, рыбой, творогом, яйцами, а также картофелем и другими овощами. Из чашки хлебного замеса, добавив молоко и яйца, научились делать тонкие блины (*белен*).

В XX в. дрожжи нередко использовались и для традиционных изделий. Лепёшки (*йәймә*), печенье (*йыуаса*) из кислого теста ставили на сковородах в печь, а уже потом смазывали маслом. Не только из пресного, но и из кислого теста выпекали маленькие и большие пироги.

Поскольку кур в башкирских хозяйствах было мало, яйца использовали экономно. Их клали в сдобное тесто, подмешивали в творог, направляли постный суп. Употребляли в варёном виде, готовили омлет (*тәбейә*).

Летом собирали вишню, землянику, калину, клубнику, костянику, малину, рябину, смородину, черёмуху, в северных лесах — голубику и чернику, на болотах — бруснику и клюкву. Кроме консервирования в топлёном масле, в сухих творожистых продуктах и в мёде, их сушили. Из калины, клубники, рябины, смородины делали тонкую пастилу (*как*). Ягоды проваривали также в молоке, затем сушили и мололи. Перед употреблением в качестве начинки для пирогов эту массу перемешивали с маслом или размачивали.

Охотно включали в традиционную кухню съедобные травы: разновидности лука, дикую морковь (*хуяс*), щавель (*кузгалак*), кислицу (*хымызлык*), свербигу (*какы*), борщевик, сарану. Одни из них ели сырыми, другие использовали в составе повседневных блюд. Как приправу употребляли дикий лук. Из сушёных и молотых лукович сараны варили молочное пюре (*тәлйә, тәлке, этәлгә*), суп, пекли лепёшки. Готовили крупяные и мучные супы с борщевиком. Из щавеля варили похлёбки, пекли пироги. Разнообразные листья и травы (душицу, зверобой и др.) собирали для настоев и чая. Весной пили берёзовый сок (*кайын һыуы*). Из хмельных напитков старинным является буза (*буза*). До последнего времени её готовили в горных районах и

Зауралье. Закваской для бузы служили пророщенные ячмень, пшеница, реже рожь. Зерно сушили или морозили, затем перемальывали вместе с калёным овсом (он давал напиток цвет), заливали в кадке кипятком и оставляли киснуть. Для обильной пены добавляли сало или нутряной жир (*туң май, эс майы*). Время от времени жидкость взбивали.

Медовку или брагу (*бал, эсе бал*) начали делать с появлением закваски из хмеля. Позже стали использовать дрожжи. К употреблению этих напитков, особенно с дрожжевой закваской, ревностные приверженцы ислама относились неодобрительно.

Ежедневные приёмы пищи ограничивались тремя трапезами. Утреннюю еду (*иртәнге аш*) подавали перед началом трудового дня после умывания и молитвы, часов в шесть-семь. В полдень семья собиралась на обед (*тәшкә аш*). В страду и дни сенокоса ели в поле. Рабочий день завершали в семь-восемь часов вечерней едой (*киске аш*). В дни мусульманских постов (*ураза*) согласно религиозным предписаниям питались в ночное время — после захода солнца и перед утренней зарёй.

Повседневной пищей у большинства населения были “постные” крупяные и мучные блюда, сваренные на молоке или воде. Прочное место в повседневном питании занимали блины, лепёшки, слоёные лепёшки. Нередко чаепитие с горячими лепёшками или хлебом, маслом и мёдом заменяло одну из трапез. Чай пили из самовара со сливками или молоком. В летнее время за завтраком можно было угоститься сдобренным сметаной кислым молоком, свежеприготовленным творогом, варёными сливками. Определённого меню не существовало. Однако дневная и вечерняя еда во многих случаях были обильнее утренней. Мясной, куриный или гусиный суп, вяленую колбасу, омлет, тушёную или варёную рыбу, как правило, употребляли во время полуденной или вечерней трапезы.

При организации питания в дни поста употребляли калорийные продукты. Чтобы не затрачивать много сил на их приготовление, старались использовать припасённые заготовки из жареного или варёного зерна, перемешанного с маслом, сухой творог с маслом, вяленое мясо, конские колбасы с жиром. Для предраусветной трапезы варили муку в масле или сметане и другие питательные блюда.

*Башкирская семья за трапезой
(XIX в., из фондов РЭМ).*

Питание каждой семьи зависело от материальных возможностей. В зажиточных семьях набор продуктов был разнообразен, каждодневное меню по составу кушаний было более богатым, а трапезы обильнее, чем в других домах. Потребление мяса зависело не только от достатка в доме, но и от состояния скотоводства в том или ином уезде. В конце XIX в., по свидетельству Д.П. Никольского, в Екатеринбургском уезде, отличавшемся скотоводческой направленностью развития хозяйства, из обследованных 870 дворов мясо употребляли почти постоянно в 786, от случая к случаю — в 49 и крайне редко — в 38⁶. По замечанию учёного, в этот период мест, где мясная пища готовилась в будни, оставалось немного. Оскудение пищевого рациона доходило до крайнего состояния в неурожайные годы. «В 1866 году при поездке моей по Башкирии, — писал в путевых заметках В.М. Флоринский, — в некоторых местностях Оренбургского и Орского уездов я был поражён ужасающей нищетой. Были жилища, где не было решительно ничего съестного и сами жители заявляли, что они не ели ничего по несколько дней... Большая часть бедных довольствовалась испечёнными в золе лепешками из толчёного проса и лебеды... Другое кушание — болтушка из воды с мукой или отвар проса в воде⁷. Проехав множество деревень, автор увидел варёное мясо только в одном доме⁷.

Обеспеченность продуктами питания распределялась неравномерно по сезонам. В летнее время (когда было много молока, съедобных корней и ягод, поспевали горох и злаки), проблема питания решалась сравнительно легко. Выезжая со скотом на летовки, уставшие от холодов и недоедания люди очень быстро поправляли здоровье и заметно преображались. С середины зимы всюду, особенно в горных

и южных селениях, где урожай зерна были незначительными, многие семьи жили впроголодь. «В продолжение зимы бедняку едва случится раза три или четыре поесть собственной говядины, — писал А. Игнатович о башкирах Бурзянской волости, — а то сидят на одной юре, или жидкой кашнице, [которую], сварив, забеливают курутом. Иногда юра заменяется кислым молоком⁸. Авторы XIX—начала XX вв. неоднократно возвращались к теме обнищания народа и описывали ситуации, когда башкиры зимой брали в долг зерно и муку у русских крестьян или у промышленников в счёт будущей аренды своих угодий.

Традиции питания органично вплетались в канву общественных отношений, дополняли сложившиеся веками обычаи, обогащали обряды.

Путешественники, побывавшие в XVIII—XIX вв. в аулах и на летовках, отмечали исключительное гостеприимство народа. Эта черта характера башкир отмечалась в российском этнологическом справочнике, вышедшем в 1880 г.: «Башкиры очень гостеприимны и потчуют своими национальными яствами всякого гостя без разбора, к какой бы народности он не принадлежал и какого бы он звания и сана не был⁹. После поездки по Бурзянской волости в начале 60-х гг. XIX в. А. Игнатович писал: «Гость у бурзянца есть священная особа: для любимого и по-

чётного гостя бурзянец не пожалеет зарезать лучшего и хотя бы последнего барана или жеребёнка”¹⁰. О радушном приёме жителями д. Ташбулатово (Абзелитовский р-н) вспоминал итальянец С. Соммье¹¹.

В башкирском быту неукоснительным правилом был обычай ответного гостеприимства. “Праздничное угощение взаимно” (“*Байрам ашы кара-каршы*”) — это выражение стало поговоркой. Об этом свидетельствует и притча о том, что башкиры, по нелепой случайности утратив дарованные им богом праздничные дни, явились к всевышнему вторично, тот сказал: “У меня нет больше праздников, я всё раздал. Если хотите иметь праздники, приглашайте гостей. Каждый гость принесёт с собой праздник”.

На угощение ходили охотно. Не отозваться на приглашение значило обидеть человека. Общение становилось особенно активным, когда кончалась летняя страда и проводился убой скота на зиму. “При первом упавшем на землю снеге, — рассказывал А. Игнатович, — башкиры пускаются развезжать по гостям целыми семьями. Объехав сначала родственников по дальним деревням, потом знакомых и хороших приятелей, возвращаются к себе домой и ждут к себе тех, у кого были, в назначенное время”¹². После приезда гостей начиналась длительная церемония угощений внутри деревни. Собравшиеся за гостевым столом считали своим долгом позвать присутствующих в свой дом. Взаимные посещения и торжественные трапезы длились иногда целую неделю.

В праздничные дни, особенно в мусульманские праздники и в дни поминовения всех умерших, считалось богоугодным делом угощать малоимущих сельчан. Богатые выделяли скот (барана, бычка, лошадь) для приготовления всеобщего угощения. В южных районах выносили вмещавшие до 100 литров кожаные сосуды-саба или турсуки с кумысом для всех желающих. Во время праздников было принято хождение детей по домам (*байрамсылау*). Их одаривали пирогами, булочками, печеньем, сладостями, приготовленными для этого случая.

Любое общественное событие, будь то праздник, общеродовое собрание (*йыйын*) или религиозный обряд, оно являлось поводом для устройства коллективной трапезы. Продукты для общего угощения (мясо, крупу, жир) собирали накануне по дворам. Иногда обговаривался денежный взнос на

покупку лошади или баранов. Во всех случаях обязательным было мясное угощение (*итле аш*). На женских праздниках главным блюдом обычно была каша из крупы (пшённая, ячменная, пшеничная) и масла, собранных по деревне. Нередко женские обряды так и назывались — “грачиная (воронья) каша” (“*карга буткаһы*”), “дождевая каша” (“*ямғыр буткаһы*”). Пищу готовили на лоне природы в больших котлах. Каждая трапеза начиналась и заканчивалась чаепитием, для которого участники приносили несколько самоваров, чай, сахар, сливки, сладкие пироги, обжаренные в масле лепёшки, печенья, оладьи. Некоторые приходили с кумысом, бузой, медовкой. Коллективные трапезы характеризовались всеобщим радушием, весельем, превращаясь в большой праздник. Не зря родилась поговорка: “Суп, сваренный сообща, бывает густ” (“*Ашты бергә бешерһәң, куйы була*”). На празднествах, подчас многолюдных, в том или ином доме угощал хозяин. Приглашённые приходили, как правило, с гостинцами. В зависимости от обстоятельств, это мог быть чай, мёд, сладости, блины и др. Часть принесённого раздавали детям, другую ставили на стол к чаю.

Продолжительный цикл свадебных обрядов включал попеременные взаимные угощения и обмен подарками, в состав которых входили, кроме вещей, гуся, мёд и печёные изделия (балеш, баурсак, йыуаса, печенье, пироги, чак-чак и др.)¹³. К свадьбе заготавливали кумыс, брагу или медовку. Выделялся скот на убой. Для свадебного стола готовили принятое в данной местности мясное гостевое блюдо (*итле аш*) с лапшой, иногда с картофелем, просыяные блины (*тары коймагы*) с маслом или сметаной. К чаю обязательно подавали баурсак, масло, конфеты, мёд. Примерно те же продукты и кушанья присутствовали на празднике наречения имени, хотя его отмечали скромнее. Навещавшие роженицу родственницы и подруги приносили гостинцы: яйца, мёд, сметану, блины, баурсак.

Традиционным поминальным блюдом, особенно на третий и седьмой дни, были лепёшки, чаще пшённые, приготовленные в котле и смазанные маслом. Готовили пшённую молочную кашу с маслом или муку в сметане. На поминки, которые справлялись на 40-й день и через год, обычно закалывали барана. Пекли балеш и кыстыбый, оладьи, варили суп с мясом. Во всех обрядовых

трапезах предполагалось участие широкого круга родственников.

Помимо свадеб, поминок и рождения ребёнка, родных и соседей собирали по случаю проведения помочи (*өмә*). Состав участников определялся целесообразностью. При осеннем забое скота приглашалось трое-четверо мужчин и столько же женщин для разделки внутренностей, мытья кишок. На угощение принято было отваривать шейную часть туши. Тогда же готовили варёную колбасу. Кроме того, каждый участник получал “долю” (*өлөш*) из печени, сердца, лёгких, которую гости уносили домой. Наиболее широко была распространена помочь по заготовке гусей (*каз өмәһе*). После окончания работ отваривали одного-двух гусей, затем в бульоне варили кашу (*каз бутжаһы*) или суп-лапшу. Готовили также чай с оладьями из просяной или гречишной муки. Женщины, которые ошпыливали гусей, получали “долю” из голов, шеи, лапок, крылышек. В юго-западных районах Башкортостана бытовал обычай печь из этих частей, а также сердца, желудка, печени балеш с крупой; свою “долю” женщины получали после вскрытия пирога.

Угощением заканчивалась любая совместная работа: постройка дома, сенокос, обмолот снопов и др. После отёла коровы на угощение молозивом приходили ближайшие родственники и соседи. Его варили или жарили (*ыуыз эремсеге, ыуыз коймағы*), добавляли в суп или пекли шангы (*шаңқа*). Был распространён обычай угощения родственников хлебом (обычно лепёшкой), испечённым из муки первого помола. Символичной была раздача “для пробы” первого весеннего кумыса. Осуждалась его продажа в кругу родственников и знакомых. До сих пор кое-где в глубинке считается грехом продавать молоко.

Приготовление пищи и потчевание собравшихся на трапезу регламентировалось “обычаями предков”. Обычно готовили молодые женщины, за столом в кругу семьи распоряжалась свекровь. На женских праздниках молодые готовили, подавали; пожилые, угощаясь, неторопливо беседовали. На сабантуях, йыйынах за приготовлением мясного угощения следили мужчины. В доме гостей мужчин принимали хозяин и его старший сын. Почтенные старцы и именитые гости занимали почётные места. Женщины садились за трапезу своим кругом. Посреди каждого “круга” (*хор*) ставили большую чашу с мясным угощением.

Приготовление мясного угощения на сабантуе (д. Азналино Курганской области, 1972 г.).

Долгое время обходились без столов. Для кушаний расстилалась скатерть. Располагались, сидя на пятках или скрестив ноги, на нарах или на земле на кошме и паласах. Пожилые могли опереться на подушки. Перед едой и после неё совершали омовение рук. Приступали к еде одновременно по произнесении молитвы — благодарения Аллаху.

Национальным блюдом башкир является бишбармак (*бишбармак*). Традиционно его готовили из свежей баранины или конины, иногда с добавлением казы. Сварив мясо, от бульона (*һурпа*) отделяли навар (*тозлок, һөзлөк*). Пока шла разделка сваренного мяса, в бульоне варилась салма (в поздних вариантах — картофель, затем салма). Старинный распорядок, принятый в среде кочевников-скотоводов, предусматривал два момента: сначала подавали в общей чаше свежеприготовленное мясо и жирные казы, а затем в маленьких чашах бульон, заправленный острым коротом. Со временем угощение разнообразилось. После мяса или одновременно с ним в больших чашах (*табак, аш-*

лау) подавали лапшу или клёчки с мелконакрошенным мясом, политым наваром. В западных районах с развитием огородничества куски мяса выносили в чаше с отваренным картофелем, затем ели суп-лапшу. В угощении мясом сложился своего рода этикет. Наиболее лакомыми считались грудинка (*туш ите*), жирные нижние рёбра (*жабырга*), верхняя часть ног (*тәпәш, янбаш*). Ценился мозг трубчатых костей. Мясо с костью (*бай һөйәк*) преподносилось наиболее уважаемым пожилым мужчинам или приезжим гостям. Те, отделив ножом кусочки мякоти, должны были угостить ближайших соседей. Каждого старались наделить также кусочком печени, сердца. Баранья голова предназначалась самому старому и почтенному человеку. Головы лошадей и коров готовили во время весенних поминок всех умерших, на которые собирали стариков аула.

Не только мясо, но и отварную лапшу раньше было принято брать руками. Европейцев, посетивших башкирские аулы в XIX в. и участвовавших в трапезах, приводил в смущение обычай, когда хозяева, выказывая благорасположение, угощали гостей лапшой и мясом из своей ладони (*һоғондороу*). Один из таких гостевых приёмов был описан С. Сомье. В доме, где он жил, был приготовлен и подан в большой деревянной чаше бишбармак. Приглашённые родственники и соседи ели, сидя на нарах и держа мясо в руках. Для приезжих были поданы деревянные ложки. “Башкирский этикет предписывает, чтобы хозяин дома, прежде чем приняться за бишбармак, взял пятью пальцами правой руки кусочек жира из миски и, смешав его на ладони левой руки с варёным тестом и сделав лепёшку, положил её в рот своего гостя...” — делился своими впечатлениями итальянец¹⁴.

Когда мясо с лапшой съедалось, в двух-трёх небольших чашах (*тус-*

так, сеуәтә) пускали по кругу жирный бульон с коротом. Считалось хорошим тоном, отпив часть бульона, передать чашу соседу. Время от времени чаши вновь наполнялись.

После небольшого перерыва начиналось угощение кумысом. Его выносили в кожаных флягах (*ботлоқ, куллык, туррық*) или резных кадочках (*тәпән, көрәгә*), наливали ковшом с узорной ручкой (*ижау*) в чашу. Иногда кумысные трапезы, особенно по поводу приезда нежданного гостя, приобретали самостоятельное значение. В них соблюдался тот же почтительный к приезжему и к собравшимся настрой. “Мы тесно сидим на нарах, угощая друг друга большой круговой чашей с кумысом. Его пьют с благоговением, стараясь не пролить и не расплескать ни капли, вспоминая имя Аллаха”, — записывал свои наблюдения этнограф А. Калачёв в поездке по Уфимской губернии летом 1898 г.¹⁵ Со свёртыванием кумысного дела гостевые трапезы всё чаще стали сопровождаться чаепитием.

XX в. принёс с собой существенные изменения, коснувшиеся и системы питания

Отдых у юрты.

населения. С середины 30-х гг., после тягот военного времени и социальной ломки, на селе наметился подъём уровня жизни. В колхозах и совхозах большие площади засеивались зерновыми культурами. Усиленно внедрялось овощеводство. Зарождалась система общественного питания, появлялись сельские пекарни и маслозаводы. Стал разнообразнее выбор продуктов в торговой сети. Однако культура питания оказалась более инертной, чем другие стороны быта. Население придерживалось прежних привычек в выборе продуктов и способах приготовления блюд.

Лишь во второй половине XX в. под влиянием традиций других народов и городского быта стала видоизменяться и башкирская кухня. В обиход сельских и городских башкир начала входить продукция предприятий пищевой промышленности. На башкирском столе всё чаще появлялись блюда, не характерные для кулинарии этого народа: салаты, овощные супы, тушёные и жареные кушанья, разнообразные кондитерские изделия, соленья, варения, маринады.

Социологические исследования показали, что треть сельских башкирских семей в 80-е гг. всё ещё предпочитала традиционные блюда, половина сочетала их с заимствованными. В городе для 60% населения было характерно “смешанное меню”, у трети семей кухня была интернациональной. Только одна из 15 городских семей следовала традициям. Из обихода прежде всего были исключены блюда, приготовление которых казалось нецелесообразным или затруднительным в новых условиях. Стали историей “зольный хлеб”, мучная каша на воде, блюда из цельного зерна, просяные и гороховые блины. Вместе с тем менее разнообразными стали кушанья из молока. Из-за отсутствия достаточного числа лошадей в семьях не готовили кумыс. Стали забываться рецепты приготовления изделий из пресного теста. И всё же знание национальной кухни и навыки приготовления старинных кушаний ещё высоки.

Более 90% сельских женщин и около 70% женщин в городских семьях готовят не

менее 10 традиционных блюд, почти каждая из них сумела бы приготовить более 20. Прочны традиции в питании в юго-восточных районах Башкортостана. Здесь сохранилась в полном объёме традиционная мясо-молочная кухня, многие придерживаются старых правил в организации праздничного стола. Бишбармак и в наши дни подаются в общей чаше, а затем потчуют собравшихся бульоном. Определённый порядок приёма гостей соблюдается до сих пор и в других местах. Сохраняются многие блюда свадебного и праздничного стола. Для торжеств ставят бузу, брагу, мёдовку. В городах и посёлках традиции заметно ослаблены. Однако даже в тех случаях, когда традиционные блюда не являются постоянными, на семейном столе чувствуется пристрастие людей к определённой пище. В башкирских семьях любят мясной суп с домашней лапшой, часто варят молочную пшённую кашу, пекут оладьи, кыстыбый, калят в котле пшеницу, варят в жире баурсак, заготавливают вяленых гусей, конские колбасы, пастилу из ягод. Из молока делают катык, творог. Сбивают масло из сливок, пьют айран. Некоторые из этих продуктов (катык, кумыс, корот) освоены местной промышленностью. Народные блюда: бишбармак, балеш, кыстыбый и др. — готовят на предприятиях общепита.

Приготовление блюд национальной кухни часто входит в программу многих современных праздников и обрядов. Так, умение резать лапшу, печь сладости и пироги показывают молодые замужние женщины на празднике “невестки—свекрови”, ставшем традицией в Абзелиловском и других районах. Выставки национальных блюд, приготовленных сельскими жительницами, демонстрируются на фестивалях и республиканских торжествах. В дни, когда народ чувствует своего национального героя С. Юлаева, в гостевых юртах на берегу р. Юрюзань (на родине Салавата) можно отведать десятки праздничных блюд, приготовленных представительницами различных районов. Таким образом, одновременно с фольклорными традициями возрождается национальная кухня.

гл. 7

БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА

Общественные отношения

Социальная организация

Социальная структура

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы развития башкирского общества, его родоплеменной организации и социальной структуры до вхождения в XVI в. в состав Российского государства до сих пор остаются предметом научных дискуссий¹. В этой связи представляет интерес предложенная Р.Г. Кузеевым периодизация исторического развития народов, составляющих Волго-Уральскую историко-этнографическую область. По его мнению, становление феодальных отношений на этой территории происходило с рубежа I—II тыс. н.э. до начала XX в. и претерпело в своём развитии несколько этапов, или периодов. Первый период (конец I—начало II тыс. н.э.) характеризуется распадом родового строя и генезисом феодальных отношений. Второй период (XI—XIII вв.) представляет собой период развития ранних форм феодализма и государственности (Волжская Булгария) и постепенного расширения этого процесса на периферию Волго-Уральского региона. В третьем периоде (вторая треть XIII—середина XVI вв.) Золотоордынским государством и его преемниками устанавливаются в регионе свойственные им феодальные социально-экономические и социально-политические структуры. Четвёртый период (с середины XVI в. до второй половины XIX в.) делится на три этапа: вторая половина XVI—XVII вв.; XVIII—первая половина XIX вв.; пореформенное время, — каждый из которых характеризуется своими особенностями феодального развития². В целом соглашаясь с точкой зрения известного этнолога, отметим, что требуется дальнейшее комплексное изучение данных проблем с позиций современного состояния исторической науки и на основе вовлечения в исследовательский процесс всех видов источников (археологических, этнографических, фольклорных и др.).

Развитие общественных отношений у башкир нашло отражение во многих эпических произведениях (“Алдар и Зухра”, “Кусяк-бий”, “Кузыкурпяс и Маянхылу”, “Алпамыша” и др.)³, в которых основная сюжетная линия обычно разворачивается вокруг ханов, биев, батыров и других представителей родоплеменной знати. Памятники устно-поэтического творчества народа, а также свидетельства средневековых путешественников⁴ показывают, что башкиры задолго до монгольских походов переживали период распада веками устоявшихся

норм патриархально-родовых отношений. Судя по этим источникам патриархальный род в его классическом представлении — с такими атрибутами, основанными на идее кровного родства, как коллективная собственность на скот и пастбища, совместное производство и коллективное потребление, — ушёл в небытие и стал данью истории.

На основе анализа археологических памятников VI—IX вв. н.э. видные исследователи Урало-Поволжского региона Н.А. Мажитов, А.Х. Халиков и В.А. Иванов пришли к заключению, что к концу I тыс. н.э. на этой территории складываются народности с чёткой социальной и имущественной дифференциацией. Согласно их взглядам, средневековые племена именьевской, турбаслинской, кушнареновской и караякуповской культур заложили основы для дальнейшего развития раннефеодальных отношений у формирующихся народностей, в т. ч. и башкир. Доказывается этот вывод наличием отдельных богатых погребальных комплексов, состоящих из искусно украшенных уздечных и седельных наборов, рубящего и режущего оружия, серебряных поясных наборов, дорогих привозных тканей и др. Погребальный обряд (срубы в могилах, культ огня, захоронение частей коня и др.) также свидетельствуют о существовании у носителей этих культур развитой системы религиозных представлений, основу которой, возможно, составляло тенгрианство⁵.

Многочисленные находки орудий земледелия, а также появление с IX в. на территории Южного Урала большой сети стационарных поселений в форме городищ и селищ указывают, по мнению Н.А. Мажитова, на переход башкир к полукочевому ведению скотоводческого хозяйства с элементами оседлости⁶.

Одной из главных причин разложения патриархально-родовых отношений было появление частной собственности (прежде всего на скот), которое и предопределило дальнейший ход развития общественных отношений. В башкирской общине постепенно начинают выделяться семьи, обладающие влиянием и содержащие большее количество скота, чем остальные. Усиление и социально-экономическое утверждение таких семей шло во внутренней структуре общества по восходящей: родовое подразделение (группа родственных семей) — род — пле-

мя — союз племён. Причины и начало этого процесса остаётся только предполагать. Но можно констатировать, что к рубежу II тыс. н.э. имело место имущественное и социальное расслоение башкирского общества.

Башкиры находились в этот период на стадии полукочевого скотоводства, для которого был характерен не круглогодичный выпас скота, а его пастбищно-стойловое содержание с сезонными перекочёвками весной, летом, осенью и возвращением к стационарным поселениям — зимовкам. Скот у полукочевников находился в собственности отдельных семей, ведущих индивидуальное хозяйство. В этот период башкиры, видимо, кочевали уже не родом, а отдельными родовыми подразделениями, состоящими из кровнородственных семей, из среды которых и выделялись будущие предводители племён и родов. Сезонные перекочёвки осуществлялись под руководством старейшин — аксакалов (*акһаҡал*) родовой группы. Совет аксакалов регулировал маршруты кочевий по территории родовых земель, которые по-прежнему считались коллективной собственностью всей общины. Ограничение радиуса перекочёвок, появление зимовок, будущих аулов, способствовало ведению комплексного хозяйства. При ведущей роли скотоводства у башкир было развито бортничество, охота, появились зачатки земледелия. В связи с переходом к пастбищно-стойловой системе содержания скота возникает необходимость сенокосения и заготовки кормов на зиму для некоторых видов скота и молодняка. Сокращение длины маршрутов весенне-летних перекочёвок способствовало разведению крупного рогатого скота, т. е. изменению видового состава стада⁷. На этом фоне происходила дальнейшая имущественная и социальная дифференциация башкирского общества, в основе которого лежал дуализм частной и общественной собственности⁸.

Основным путём усиления патриархально-родовой знати был не захват в монопольное, частное владение общинно-родовых земель, а возможность регулировать земельные отношения внутри рода в своих интересах. С другой стороны, каждый башкирский бий, являясь самым крупным владельцем скота в роду, умело использовал свой подвижный, ежегодно приумножающийся капитал для эксплуатации соплеменников, в глазах которых он всегда выступал как родственник по мужской линии. Престижность в обществе родства с богатым и сильным, а также внут-

ридовая солидарность позволяли молодому и энергичному слою родовой аристократии без видимого принуждения эксплуатировать рядовых общинников (своих же сородичей) при выпасе скота, заготовке кормов и других хозяйственных работах путём устройства помочи (*өмә*), выдачи скота в аренду — сауна (*сауын*) и т. д. Кроме того, укреплению подобных отношений способствовал и фактор зависимости каждого башкира от родовой общины — единственного института, обеспечивавшего ему социальную защиту в условиях натурального хозяйства.

Проблемы землепользования в кочевом и полукочевом обществах неоднократно становились предметом дискуссий среди исследователей. По мнению некоторых кочевниковедов, общественные отношения без частной собственности на землю, но с неограниченным правом родовой верхушки распоряжаться маршрутами кочёвок, лучшими пастбищами составляли основу так называемого “степного”, или “кочевого”, феодализма⁹.

Судя по источникам в начале II тыс. предводители башкирских племён и родов уже давно не избирались на народных собраниях — йыйынах (*йыйын*). Это право могло быть узурпировано у них советом старейшин, в состав которых теперь входили не только (и не столько) аксакалы, но и представители экономически сильных семей или групп семей. Очевидно, что в рассматриваемое время у башкир уже существовал принцип наследования власти и при этом, возможно, не соблюдался основной в кочевом обществе принцип “старший в роде”. У башкир наследование власти биев его сыновьями сохранялось до введения института выборного старшинства в 1736 г.

Немалое значение в развитии общественных отношений у башкир сыграли шежере родов и племён, отражающие не только генеалогическую историю рода, исторические события на протяжении десятиков поколений, но и генеалогию самой родовой аристократии. В этой связи можно предположить, что появление шежере было обусловлено не только необходимостью соблюдения принципа родовой экзогамии или доказательства своей принадлежности к тому или иному роду¹⁰, но и стремлением отдельных представителей родоплеменной знати показать древность и знатность своего рода, а следовательно, своё наследственное право на власть в обществе.

В IX—XII вв. башкиры по уровню развития общественных отношений и внутренней

организации были близки к кимако-огузским племенам Южной Сибири и Казахстана, волжским булгарам, тюркам и хазарам, хотя и не сумели создать государство со всеми его атрибутами (с денежным обращением, системой налогов, войском, судебными органами и т. д.)¹¹. Была фактом действительности того времени достаточно развитая военно-политическая организация башкир. Известно о существовании у них в этот период союзов племён, объединённых сильными ханами, которые были наделены всеми властными полномочиями (правом вершить суд, творить законы, исходя из норм обычного права и т. д.). Ханская власть была больше направлена не на укрепление своего рода и племени, составлявших при необходимости основу его потенциального (нерегулярного) войска, а на охрану целостности территорий кочёвок и силовое решение межплеменных конфликтов. Башкирские эпосы, легенды и предания показывают политический вес, силу и влияние хана на окружающие племена и народы. В этом отношении представляет интерес и упоминание в сочинении Гардизи (XI в.) военачальника Башгирда, стоявшего во главе 2000 всадников, к которому хазарский хакан обратился с предложением идти походом на болгар¹².

В начале II тыс. башкиры занимали обширные территории от Урала до современной Самарской области. (По мнению многих историков, Ахмед ибн-Фадлан, оставивший первые наиболее достоверные сведения о башкирах¹³, проехал в X в. в составе посольства Арабского халифата в Волжскую Булгарию только по юго-западной или западной окраине башкирских кочевий¹⁴). Очевидно, что на такой территории могли вести кочевое хозяйство только крупные союзы племён во главе с сильными ханами и с чёткой военной организацией, совпадавшей с родоплеменной структурой.

В этой связи представляют большой интерес сведения о башкирах, содержащиеся в сочинениях арабских авторов — ал-Балхи, Истахри, Идриси (X—XII вв.) и др.¹⁵ Так, ал-Балхи, писал, что башкиры разделяются на два племени, одно из них, состоявшее из 2 тыс. чел., соседствовало с булгарами, которым было подвластно¹⁶; другое башкирское племя граничило с печенегами. Упоминание некоторыми восточными авторами “внутренних” и “внешних” башкир прежде всего указывает на военно-политическую организацию древнебашкирских племён, вошедших

затем в историю под общим этнонимом “башкорт”¹⁷. Неоднократно упоминаемые в восточных источниках “две тысячи башкир” не обозначали, видимо, абсолютную численность войска и тем более этноса. Это были, возможно, войсковые единицы или его подразделения, построенные на основе десятичной системы (начиная с родового подразделения) и при необходимости легко мобилизуемые на уровне рода, племени или союза. Строгая иерархическая соподчинённость основных звеньев родоплеменной и военной структуры башкир делала такой тип социальной организации общества очень мобильным и прочным.

По свидетельству источников, во главе воинов всех родов стояли батыры. Крупное племя, состоящее из нескольких родов, могло выставить тысячу и более воинов, союз племён — несколько тысяч. Так, в эпосе “Кусяк-бий” повествуется о предводителе союза башкирских племён Масим-хане, у которого “в ханстве воинам отважных нет числа”. Когда пришла беда на земли хана, он разослал своих гонцов к биям подвластных родов с призывом о помощи, который фактически был сигналом послать вооружённые сотни “к ханской ставке”¹⁸. Род тангаур выставил две сотни из 180 воинов с полным снаряжением во главе с батыром Тимеркотло, род тамьян — две сотни из 150 воинов во главе с Тамьян-батыром, род бурзян — 350 воинов во главе с Каракулумбетом. Самый многочисленный род кыпсак направил в ханскую ставку восемь батыров под предводительством Бабсака¹⁹.

В свете сказанного допустимо рассматривать сведения ал-Балхи как указание на то, что рядом с булгарами существовал союз башкирских племён с потенциальной возможностью при необходимости выставить две тысячи всадников — две крупные воинские единицы по 10 сотен в каждой. Понятия “сотня”, “тысяча”, используемые в средневековье для обозначения войсковых единиц, позволяют высчитать общую численность народов, племён или союзов племён. Так, население в 20 тыс. чел. могло выставить две тысячи воинов. Поэтому сообщение ал-Балхи о башкирах, которых “никто не может покорить”²⁰, можно объяснить не тем, что они хорошо защищены лесами, а скорее потенциальной возможностью этой части башкир выставить две боеспособные “тысячи” воинов. Возможно, этим же объясняются выводы о том, что башкиры оказали упорное сопротивление монголам, которые не смогли их разгромить.

Таким образом, существование в IX—XIII вв. военно-политических объединений башкирских племён говорит о возникновении и развитии в этот период основ государственности у башкир.

С началом в XIII в. завоевательных походов монголов естественный ход развития общественных отношений у башкир был нарушен. Башкирское общество, возможно, впервые в своей истории, столкнулось с иной структурой социальной организации и социально-экономических отношений. Веками устоявшемуся родовому самоуправлению башкир под началом родоплеменной знати (биев, батыров, аксакалов) был противопоставлен военно-диктаторский режим Чингисидов с улусной системой административно-территориального деления завоёванных земель и народов. Согласно этой системе, покорённые земли и народы делились ханом между ближайшими родственниками на улусы — части, доли (өлөш), которые могли выставить тысячу или десять тысяч воинов независимо от их этнической принадлежности. Выделение улусов производилось без учёта прежних границ племён и родов. Более того, созданная монголами улусная система изначально была направлена на разрушение родоплеменных границ. В классическом варианте эта система была развёрнута на основной территории Золотой Орды, в степях Дешт-и-Кипчак, таким образом, от неё больше всего пострадали половцы (кипчаки).

Многие исследователи, ссылаясь на данные венгерского монаха Юлиана, посетившего “страну башкир” в 1236 г.²¹, считают, что значительная часть башкир была завоёвана в период 1214—1220 гг. Однако прямого завоевания, видимо, всё же не было, а происходили лишь отдельные столкновения в Зауралье, в бассейне р. Яик (Урал).

Возможно, в этот период, а именно летом 1219 г., когда Чингисхан со своим войском находился в степях Южной Сибири перед походом в Среднюю Азию, в его ставку на Иртыше была принята дипломатическая миссия союза семи башкирских племён во главе с Муйтен-бием. По шежере племени усерган, Чингисхан принял богатые дары от башкир, которые признали его власть над собой. Муйтен-бий получил от Темучина ханский ярлык на вечное (наследное) владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по обеим сторонам рек Белая (Агидель), Урал (Яик), Сакмара со всеми притоками, а также на кочевья по восточному склону Уральских гор до

рек Ишим и Тобол со всеми их притоками²². Башкиры оказались в вассальной зависимости от Чингисидов и выплачивали им дань.

В “Чингизнаме” пишется, что в этот же период Чингисханом были определены основные родовые символы Муйтен-бия: дерево — рябина, птица — журавль, родовой клич — байгун и родовая тамга — знак в форме подхвостника шлеи. Родовые символы были определены также Тамьян-бию, Юрматы-бию, Кыпчак-бию, Салжут-бию, Бурзян-бию, Кирейт-бию²³. Трудно однозначно утверждать достоверность событий и фактов, изложенных в “Чингизнаме” и родословной племени усерган, но нельзя не признать, что территория исторического Башкортостана не была ареной крупных военных столкновений с монголами, что могло объясняться наличием у башкир договорных отношений с ними. Возможно, в истории действительно имел место описанный Юлианом факт, что башкиры в течение 14 лет вели войну с монголами, неоднократно выигрывали сражения и заключили договор о союзе в дальнейших походах. Л.Н. Гумилёв датирует монголо-башкирскую войну 1220—1235 гг.²⁴ И всё же договор башкир с монголами, по всей видимости, был заключён раньше, уже к началу 20-х гг. XIII в.

Судя по источникам этот период характеризовался усилением военно-политической консолидации башкирских племён, что сдерживало монголов от завоевания башкирских земель по правобережью Яика. Это даёт возможность говорить, что в доордынский период социально-экономическое развитие и этнические процессы в башкирском обществе протекали относительно самостоятельно в оболочке тех же патриархально-родовых отношений, но общество имело более чётко выраженную военизированную структуру, близкую к состоянию “народ — войско”. В условиях существования реальной внешней опасности народ сплачивался вокруг ключевых фигур общества: своих ханов, биев, батыров.

Река Яик продолжала оставаться естественной границей с юга и востока между страной башкир и разделённой на улусы Ордой Джучи, история создания которой подтверждает вышеизложенное. Перед смертью Чингисхан в 1227 г. выделил своему старшему сыну Джучи в качестве кочевий завоёванные до р. Иртыш земли, получившие название Большая Орда. После завоевания западносибирских и зауральских степей в 1229 г. границы Большой Орды расширяются до р. Яик, но

не переходят её, т. е. основные земли башкирских племён и родов по обим склонам Южного Урала остаются вне пределов Орды Джучи, в её состав включаются лишь территории их кочевий в Зауралье. К 1232 г. весь Великий пояс степей Дешт-и-Кипчак, от Иртыша до Итиля (р. Волга), был в руках ордынцев — потомков Чингисхана и его сына Джучи. После разгрома в 1236 г. Волжской Булгарии границы Большой Орды расширяются за счёт включения степных просторов Причерноморья, Подонья и низовьев Дуная. С 1237 г. вся эта территория от Алтая до Дуная стала называться Улусом Джучи²⁵. Несмотря на постоянное расширение территории владений Чингисидов, башкирские земли по правому берегу р. Яик, скорее всего, не входили в зону основных кочевий монгольских ханов, а башкирские племена являлись лишь объектом сбора дани. По крайней мере, в источниках границы Орды и улусов всегда указываются по левобережью р. Яик. По мнению Г.А. Фёдорова-Давыдова, это объясняется тем, что «наличие огромных степных просторов Дешт-и-Кипчак, возможно, несколько ослабило стремление монгольской кочевой знати XIII в. отобрать у местной феодальной верхушки земли, чтобы использовать пашни и луга оседлого населения в качестве пастбищ для своего скота, как это имело место в Иране и Азербайджане»²⁶.

С образованием в начале 40-х гг. XIII в. ханом Батыем внутри огромной монгольской империи самостоятельного кочевого государства с центром в г. Булгар, затем в г. Сарай-Бату политика по отношению к завоёванным и покорённым народам изменилась — ими нужно было управлять. Оказались пророческими слова Чингисхана, деда Батыя, сказанные задолго до этих событий: «Верхом на коне можно завоевать многие страны, но удержать их верхом на коне нельзя».

До Золотой Орды основным объектом эксплуатации в степях Дешт-и-Кипчак были кочевники-половцы, которые оказались фактически на положении рабов в условиях скотоводческого хозяйства. Постоянные междоусобицы и перераспределение улусов в Орде усугубляли положение кочевого населения. Оседлое же население подвергалось периодическим грабёжам и набегам, нерегулируемому сбору дани. В новом государстве как оседлое, так и кочевое население было обложено многочисленными налогами, что обеспечивало постоянный доход государству.

Как известно, территория Большой Орды была поделена на три улуса между сыновьями

Джучи: Батыем, Шибаном и Ордой. Поволжье, территория северо-восточного Кавказа составили улус Батыя, Казахстан и Западная Сибирь — улус Шибана, Приаралье и гузские степи — улус Орды. Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечает, что границы улусов чётко соответствовали этническим и племенным образованиям кочевого населения половецкой степи (так, например, граница между улусами Батыя и Шибана соответствовала границе между западными и восточными половцами). Характерно, что территория современного Башкортостана не вошла в состав ни одного из улусов Большой Орды, границей между башкирами и улусом Шибана являлась р. Яик²⁷. Это ещё раз подтверждает историческую реальность дипломатических переговоров башкирской родовой аристократии с Чингисханом в 1219—1220 гг. Иммунитет договорного вассалитета башкир оказался настолько прочным, что не нарушался даже Чингисидами. Верховным сюзереном башкирского народа выступил сам Чингисхан, который и являлся номинальным хозяином башкирских земель, и дань выплачивалась непосредственно императорскому двору. Башкирские ханы сохранили свой титул как пожалование, что подтверждалось специальным ярлыком — золотой или серебряной пайцзой (басма, байса). Это обеспечивало и гарантировало внутреннее самоуправление народа и право на владение родовыми землями.

Возможность подобного рода вассалитета и сохранения структуры рода и своей родовой аристократии подтверждается и другими примерами. Так, известно, что в начале XIII в. кипчакский хан Бандуча принял подданство Чингисхана и, став его вассалом, продолжал управлять отцовским родом. Известно также, что и его сын Тутука унаследовал власть отца над своим родом и тысячей его воинов. Впоследствии он стал одним из тысячников среди эмиров и беков, выходцев из монгольской аристократии²⁸. И эти факты имели место в то время и в тех условиях, когда на землях Дешт-и-Кипчак утверждалась улусная система монголов. Особенно интенсивно процесс разрушения внутренней организации патриархально-родового общества скотоводов-полукочевников протекал в XIII—XIV вв. в западной части Золотой Орды, где монгольские ханы, являясь непосредственными держателями кочевых владений-улусов, по своему усмотрению перекраивали степь на десятки, сотни и тысячи частей, методично разрушая родовые границы, специфику рода,

его этнонимии и внутреннюю структуру. Поэтому на этих территориях исчезают племенные названия и повсеместно утверждается общий этноним “татары”, которым в исторических источниках называют правящую аристократию монголов в степях Дешт-и-Кипчак, а затем и всё кочевое население Золотой Орды. Социальные отношения в регионе развиваются быстрыми темпами в направлении формирования “кочевого феодализма улусного типа”, что подтверждается существованием единоличных собственников кочевых земель — ханов и улусбеков, а также бесправного, безземельного податного населения — кипчаков и половцев.

На востоке Великого пояса степей и его периферии, в т. ч. на Южном Урале, улусная система была неразвитой, а власть монголов осуществлялась не напрямую, а опосредованно — через местную родовую аристократию или наместников. Благодаря этому башкиры сохранили не только свой этноним, но и названия крупных родов и племён, восходящих к домонгольскому времени таких, как бурзян, усерган, тамьян, катый, юрматы и др., которых сегодня насчитывается более 45. Они сохранили самобытную культуру, особенности развития этнографических групп: диалектное расслоение языка, своеобразие родоплеменного и антропологического состава. Общественные отношения и этнические процессы протекали внутри башкирского общества, не пересекаясь с аналогичными процессами в Золотой Орде, т. к. башкиры не были вовлечены в сферу действия разрушительных по своей сути улусных отношений. Согласно договорному вассалитету, башкиры оставались собственниками своей земли. Монголы видели в них потенциальных союзников, общественный строй которых не надо было военизировать, а сам народ обучать военному делу. В первой половине XIII в. монголы неоднократно испытывали на себе боеспособность башкирских войск.

В связи с этим нельзя не согласиться с В.А. Ивановым, который писал, что башкиры, находясь на периферии Золотой Орды, жили по своим внутренним законам и традициям. Отношения башкирских племён с ордынским центром ограничивались регулярной выплатой ясака, который был, очевидно, не столь разорительным, чтобы подорвать экономическое, социальное и в конечном счёте этническое развитие башкир²⁹.

Об относительной самостоятельности башкирских племён в составе Золотой Орды

пишет и археолог А.Ф. Яминов. Картографирование и сравнительный анализ археологических памятников позволили ему выдвинуть предположение о стабильности этнического состава башкирского населения в лесостепных и горно-лесных районах Южного Урала в XII—XIV вв., а также о том, что монголы-татары никогда не использовали башкирские земли для своего расселения, как это было в степях Дешт-и-Кипчак³⁰.

Изложенное подтверждается и результатами антропологических исследований древнего и современного населения Башкортостана, показывающими устойчивость и преемственность антропологического состава башкир в последнее тысячелетие по всей территории их расселения. Усиление монголоидных признаков южносибирского расового типа у южных и юго-восточных башкир объяснимо передвижением и оседанием на башкирских землях не собственно монголов, а родственных башкирам по языку и культуре родов кыпчакской племенной конфедерации, вытесненных из степи монголо-татарами в XIII—XIV вв.³¹

Как уже отмечалось, улусная система была развёрнута в основном в степях Дешт-и-Кипчак, северной границей которых была р. Яик (Урал). Ханская власть в улусах распространялась как на земли, так и на населявшие их народы. Хан являлся собственником земли, и его отношения с населением можно рассматривать как раннефеодальные.

Социально-экономическое развитие башкирского общества, основу которого составляли патриархально-родовые отношения, в этот период протекало относительно самостоятельно. О степени имущественной дифференциации башкир, естественной в условиях экстенсивного пастбищного скотоводства, трудно что-либо утверждать, т. к. нет достоверных источников. Но в этот период можно наблюдать изменения в социальной структуре башкирского общества. Так, в нём появляются наделённые государственной властью тарханы, вначале монгольские, а затем из среды самого башкирского этноса. Они, возможно, были первыми вестниками начала феодализации населения Южного Урала, но не всего башкирского общества. Этому препятствовала и раздробленность башкир на роды и племена.

Башкиры в золотоордынский период владели и пользовались землёй самостоятельно отдельными родами и племенами. Сбор с них ясака тарханами и баскаками был первой

формой государственного обложения, которую можно сравнить с феодальной рентой за владение землёй.

После распада Золотой Орды в конце XIV—XV вв. башкиры оказываются в вассальной зависимости от Ногайской орды, Казанского и Сибирского ханств. Западные и зауральские башкиры оказались в составе владений казанского и сибирского ханов, которым платили только дань. Основная же часть населения попала под власть ногайских мурз, которые, отобрав у башкир право на владение их родовыми землями и, следовательно, на распоряжение летними и зимними кочевьями, стали монопольными собственниками башкирских земель³². П.И. Рычков со слов башкирского старшины Кыдраса Муллакаева приводит сведения, что во второй половине XV в. основная часть Башкортостана принадлежала двум ногайским мурзам — Басману и его брату Туре³³. В результате междоусобиц в Башкортостане главным мурзой в начале XVI в. становится прямой потомок ногайских мурз Акназар. После него Исмаил-мурза управлял Башкортостаном семь лет, а затем около 1546 г., главным и последним мурзой становится сын Акназара — Ахмет-Гирей³⁴.

В период ногайского владычества (около 100 лет) башкиры фактически были лишены права на владение и пользование родовыми землями, чего не было ни в условиях Золотой Орды, ни в последующем, когда они вошли в состав Русского государства. Этот период с большой долей уверенности можно назвать феодально-патриархальным, когда на первый план выступает незавуалированная феодальная эксплуатация зависимого населения в лице башкирского народа. Присутствует феодальный собственник башкирских родовых земель (ногайский мурза, на местах — тарханы), широко практикуются всевозможные поборы, ясачная подать и другие повинности. Народ всё больше прикрепляется к земле, т. к. резко ограничиваются площади пастбищ и кочевий. Это, в свою очередь, вело к разрушению основ веками складывавшейся родоплеменной структуры кочевой общины и скотоводческого уклада хозяйства. По сведениям П.И. Рычкова, ногайский мурза Акназар “всячески их [башкир] изнурял и в бесзилие приводил; ибо на три двора по одному токму коглу иметь допускал, и как и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владеть також и чрез реку Белую переходить не допускал, а как звероловством промышляли, принуждены были платить

ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице”³⁵.

Со второй половины XVI в. развитие башкирского общества, оказавшегося в составе феодального Российского государства, протекало под влиянием различных факторов.

В обмен на жалованные грамоты, подтверждающие право башкир на вечное владение и пользование родовыми землями³⁶, они обязывались нести военную службу и платить ясак в пользу казны. Монопольным собственником башкирских земель стало Русское государство. Это была дальновидная политика, т. к. фактически башкиры оказались номинальными собственниками земли, хотя, платя ясак, они были уверены, что ясачная подать является подтверждением их прав собственности на родоплеменные земли.

Общественный строй, оставаясь в целом патриархально-феодальным, отражал уже различные формы общественных отношений в скотоводческих и оседло-земледельческих районах. Если в юго-восточных и зауральских скотоводческих районах цементирующей основой была чёткая трёхчленная родоплеменная структура общины с патриархально-родовым укладом общественной жизни, то в западных оседло-земледельческих районах всё больше нарастает тенденция перехода к оседлости и земледелию, росту значения индивидуальных семей. В этих районах начинается процесс распада родовой общины, который наиболее чётко проявлялся на уровне родов и племён. Большую роль в этом процессе сыграло переселенческое движение конца XVIII—XIX вв.

Характеризуя хозяйство и социальную структуру башкирского общества в составе Русского государства, Р.З. Янгузин пишет, что территориально процесс феодализации в Башкортостане протекал неравномерно. В основном он затронул земледельческие районы, где велико было стремление использовать “право распоряжения общинными землями”³⁷. Огромную роль в развитии феодальных отношений и феодальной земельной собственности в этих районах сыграла повытная* система и институт индивидуального припуска** на общинные земли³⁸. Примером, свиде-

* Повытье — участок земли, первоначально принадлежавший отдельному роду или группе кровнородственных семей, постепенно перешедший в индивидуальное пользование, в последующем во владение отдельной семьи под сенокосные, пашенные, бортные и другие угодья.

** Припуск — социальный институт, регулирующий отношения между башкирами-вотчинниками и разными категориями пришлого населения.

тельствующим о путях феодализации общества в оседло-земледельческих районах, может служить, по мнению учёного, деятельность старшины Каршинской волости, позднее “главного старшины” Казанской дороги Шерипа Мрякова, который расширял свои земельные владения за счёт скупки, а затем прямого захвата повыйтий башкир-вотчинников Каршинской волости³⁹. Здесь отчётливо наблюдается тенденция к развитию феодальных отношений между общинниками, основанных на эксплуатации чужого труда и получении феодальной ренты.

В скотоводческих районах официальным владельцем земель долгое время продолжала выступать волостная община, которая сохранялась очень долго, вплоть до конца XIX в. Феодализация родовой аристократии в этих районах происходила за счёт привлечения разорившихся сородичей

для ухода за скотом или путём прямого захвата лучших участков пастбищ и лесных угодий старшинами или баями⁴⁰. Самыми крупными собственниками земли и скота были тарханы. Они имели право по своему усмотрению выбирать лучшие участки вотчинных земель в свою собственность. Это обеспечивало быстрое обогащение и привлечение за бесценок бедняков для ухода за скотом, численность которого доходила до десятков тысяч⁴¹.

Таким образом, к концу XVIII—началу XIX вв. башкирское общество резко поляризуется в результате его феодализации. Особенностью этого явления было то, что оно происходило неравномерно и развивалось по-разному в земледельческих и скотоводческих районах. При этом феодализация общества происходила на фоне сохранившихся родоплеменных институтов.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Башкирское общество с первых этапов его истории на Южном Урале покоилось на прочном фундаменте института патриархальных родов и племён, в котором отношения кровного родства невидимыми нитями связывали всех членов общества в единый этнополитический социум. Многоступенчатый характер родоплеменной организации, основные звенья которой составляли родовое подразделение, род и племя, обуславливался кочевым укладом жизни и был свойствен не только башкирам, но и многим кочевым и полукочевым народам Средней Азии и Казахстана¹. Сплочённость и взаимопомощь родственников обеспечивали коллективную и личную безопасность, сохранность семейного скота и родовых пастбищ. Неприкосновенность частной и общинной собственности гарантировалась нормами обычного права, в частности, кровной мстью — карымта (*карымта*) и экономической — барымта (*барымта*), совершаемой общими усилиями родового подразделения или рода соразмерно величине нанесённого ущерба.

Устойчивость структуры родоплеменной организации башкир обеспечивалась обязательным знанием генеалогии — шежере и непрекаемым авторитетом родовых старейшин — аксакалов. Система анимистических представлений, вера в бессмертие души, прежде всего духа родового предка, в его покровительство всем членам общины придавали сакральный смысл понятию “род”, подчёрки-

вая его вечность в череде сменяющихся поколений. Именно тесное переплетение идейного и материального начал способствовало сохранению родоплеменной организации башкир на протяжении многих веков.

Многоступенчатость родоплеменной структуры башкир, соподчинённость и относительная самостоятельность её звеньев позволяли гибко регулировать хозяйственную деятельность кочевников, в частности, успешно решать вечную дилемму между постоянным ростом поголовья скота и ограниченными возможностями его выпаса на территории общинных пастбищ. В условиях перехода к полукочевому хозяйству, сопровождавшегося сокращением территории кочевий, поголовье скота должно было находиться в оптимальном соответствии с площадями пастбищ по всему маршруту весенне-летних перекочёвок вокруг зимовок. В противном случае происходила саморегуляция природно-социального равновесия за счёт изменения родовой структуры, т. е. происходила сегментация рода и отделение от него самостоятельного подразделения, которое закладывало вдали от отцовского аула основы будущего стационарного поселения и осваивало новые маршруты выпаса скота на общеродовой территории. В подвижности родоплеменной структуры, особенно на уровне низших её звеньев, заключался один из устойчивых основополагающих признаков башкирского общества, позволивших ему сохранить свою

целостность в условиях неоднократно менявшегося внешнего окружения.

Как уже отмечалось, в течение XIII—первой половины XVI вв. башкирам удалось сохранить свою родоплеменную организацию в основных её чертах. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в момент присоединения к Русскому государству дипломатические миссии башкир возглавляли бии племён юрматы, мин, бурзян, усерган, кыпсак, тамьян и др. Вплоть до начала XX в. в восточных и юго-восточных скотоводческих районах Башкортостана функционировала трёхзвенная родоплеменная организация. (Иногда число звеньев было больше. Так, в составе кара-табынцев, восточной ветви племени табын, Р.Г. Кузеев зафиксировал пять звеньев: группу родственных семей (*тармыт, аймак*) — родовое подразделение (*аймак*) — дочерний род (*тубь, аймак*) — род (*ырыу*) — племя (*ырыу, оло ырыу, иль*)²). В западных земледельческих районах по мере роста экономической самостоятельности индивидуальных семей родовые подразделения постепенно распались, и на их месте появлялись соседские общины, объединявшие представителей одного рода или племени, но уже по территориальному признаку.

Первые наиболее достоверные сведения о башкирских племенах и родах содержатся в документах Русского государства, касающихся административно-территориального устройства Башкортостана. Первоначально волости территориально совпадали с границами крупных племён и родов, что облегчало сбор ясака. Однако подвижность родоплеменной структуры башкир вносила путаницу в волостное управление, и это сказывалось на объёме собираемого в пользу казны налога. Поэтому царская администрация была вынуждена проводить опись, или ревизию, башкирских земель, в результате чего территория Башкортостана неоднократно перекраивалась в течение XVIII—XX вв.

В 1725—1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым был составлен список башкирских волостей, материалы для которого собирались на местах расселения башкирских родов по всем четырём дорогам с указанием количества дворов и боеспособного мужского населения. Судя по этому списку Уфимская провинция делилась на 60 административных волостей, территориально в целом совпадавших с родоплеменным составом населения: 20 волостей на Сибирской дороге, 20 на Ногайской, 12 на Казанской и

4 волости на Осинской дороге³. В “Реестре башкирских волостей” Уфимской провинциальной канцелярии, содержащем сведения на 1730 г., указаны 58 волостей на всех четырёх дорогах⁴. Ценным источником является “Роспись” разделения территории Уфимского уезда по волостям, составленная в 1735 г. начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кириловым. Пытаясь выявить структуру не административной системы, а родоплеменной организации народа, он выделяет среди башкирских волостей “настоящие роды” (племена) и “произошедшие роды” (роды) и впервые приводит данные по 63 родам и племенам⁵. В работе П.И. Рычкова “Топография Оренбургская” приводится наиболее полный список родоплеменных этнонимов башкир — названия 34 “настоящих родов или волостей” и 135 “происшедших от оных туб и аймаков”⁶. Представляют интерес и “Историко-административные сведения о башкирском народе”, составленные в 1775 г. по приказанию графа П.И. Панина и содержащие данные по Казанской (7), Ногайской (34), Осинской (5) и Сибирской (3) дорогам о 49 волостях⁷.

В начале XX в. на основе данных комиссий по размежеванию башкирских земель (созданы в 1898 г. в Оренбургской, Уфимской и Пермской губерниях) С.И. Руденко составляет первую карту расселения башкирских племён и родов, в которой 124 башкирские земельные дачи (вотчинные родовые земли) объединены в 18 родовых групп⁸. Однако отсутствие собственных материалов по родоплеменному составу башкир не позволило известному учёному-этнологу в полной мере раскрыть внутреннюю структуру башкирского рода, в частности, на уровне семейно-родственных групп, да и самих родов к началу XX в. у башкир было гораздо больше. Неоценимый вклад в изучение этих вопросов внёс член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев, труды которого являются образцом изучения в российской академической науке кочевых и полукочевых в прошлом народов. Использование широкого круга источников, в т. ч. богатейшего полевого материала, собранного в 1953—1965 гг. в районах компактного проживания башкир, позволило Р.Г. Кузееву разработать систематизированный свод родоплеменной этнонимии башкир XVII—начала XX вв., раскрыть сущность структуры башкирского рода и показать его роль в этнической истории народа. В общей сложности им приводятся данные по этнонимии и

структуре 46 племён, 128 родов и более двух тысяч родовых подразделений⁹.

Основу любого общества составляет семья, которая, являясь одной из форм социально-экономической адаптации, в миниатюре отражает его внутреннюю структуру. Исследователи выделяют большие патриархальные (сложные) и малые (нуклеарные) семьи и связывают первые с кочевниками и полукочевниками, а вторые — с земледельцами. Как пережиточная форма патриархальной семьи или промежуточная между большой и малой семьями рассматривается неразделённая семья¹⁰. Подробно вопросы развития различных форм башкирской семьи рассмотрены А.З. Асфандияровым¹¹.

Эволюция башкирской семьи по мере распада родовой организации, перехода к оседлости и земледелию шла от большой патриархальной к малой индивидуальной семье, которая в XVIII—первой половине XIX вв. стала доминировать. В XVI—XVIII вв. у башкир в зависимости от количества поколений, одновременно проживающих в одном дворе, можно выделить большие, или неразделённые (более двух поколений), и малые, или нуклеарные, семьи, состоявшие из родителей с неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми. На основе малых семей возникали неразделённые семьи, которые в зависимости от типа хозяйства (скотоводство, земледелие) могли разрастаться и вновь распадаться на малые. Исследователи выделяют у башкир несколько типов неразделённых семей: отцовскую (совместно проживали родители с женатыми детьми и внуками), братскую (в одном дворе жили женатые братья со своими детьми), а также семью, которая состояла из женатых сыновей с детьми и одного из братьев отца (дядя — племянник). Надо полагать, что в условиях полукочевого, в целом экстенсивного, хозяйства, требующего постоянного сплочения большого количества людей, наиболее оптимальной формой семьи являлась большая неразделённая. В земледельческих районах важную роль играли малые семьи.

У башкир-скотоводов Белебеевского уезда, по мнению А.З. Асфандиярова, в XIX в. чаще встречались большие семьи; это было характерно и для башкир, проживающих в Зауралье и юго-восточных районах Башкортостана. В Бугульминском и Мензелинском уездах, где более 80% башкир занималось земледелием и пастушеским скотоводством, неразделённые семьи встречались редко¹².

Та же картина наблюдалась и у башкир северо-западных районов Башкортостана. Например, у оседлых башкир-гайнинцев Осинского уезда Пермской губернии господствовала малая семья (80%). Вместе с тем необходимо отметить, что повсеместно встречались обе формы семьи и имела место тенденция преобладания неразделённых семей в степных, лесостепных районах и малых семей — в земледельческих. Однако ряд авторов, опираясь на источники периода кантонной системы управления, придерживается противоположной точки зрения. Данное противоречие, видимо, объясняется тем, что в 1798—1865 гг. единицей фискального обложения являлся двор независимо от его населённости, поэтому в этот период больше встречались неразделённые семьи. С отменой кантонной системы управления и переводом башкир из военно-казачьего сословия в гражданское резко увеличивается доля малых семей¹³. Как правило, родственные семьи, образующие основу родового подразделения, проживали компактными группами на одной территории, внутри одного основного аула (*төп ауыл*) или на выселках.

Родовые подразделения — ара, аймак (*ара, аймак*) у башкир, как и у других кочевых и полукочевых тюркоязычных народов, представляют собой экзогамную группу родственных семей, ведущих своё происхождение от одного реально жившего в недалёком прошлом предка по мужской линии. Это были группы семей, объединённые реальным кровным, а не генеалогическим родством. В литературе такие группы семей называются семейно-родственными группами, родовыми подразделениями, мелкими родовыми подразделениями, патронимиями¹⁴. Родовое подразделение, являющееся низшим звеном в родоплеменной структуре, оказалось наиболее устойчивым во времени, т. к. реально воплощало внутри себя многие особенности патриархально-родовой общины (кровное родство, идеологическое единство, взаимопомощь, коллективная собственность на землю, общность хозяйственных интересов и т. д.). Компактное проживание на одной территории (как правило, в одном ауле) одновременно четырёх-пяти поколений кровных родственников позволяло сохранять и регенерировать многие патриархально-родовые институты вплоть до конца XIX—начала XX вв., особенно в районах полукочевого скотоводства. Подчёркивая близость своего родства, члены родового подразделения употребляли

в отношении себя выражение “дети одного отца” (“*бер ата балалары*”), “один корень” (“*бер тамыр*”, “*бер зат*”) и сохраняли основную родовую тамгу¹⁵. В состав таких групп могли входить 10—20 семей общей численностью 40—80 человек. Однако некоторые семейно-родственные группы, особенно в скотоводческих районах, включали 30—50 семей¹⁶. В условиях скотоводческого хозяйства, требующего коллективных усилий при уходе за скотом, пастбые и т. д., это было оправдано экономически.

В северных и северо-западных земледельческих районах, где получает развитие индивидуальная форма ведения хозяйства, большую роль начинают играть небольшие группы семей, а то и отдельные семьи. В этих районах родовое подразделение в течение XVII—XVIII вв. постепенно теряет своё экономическое значение, образуются общины, в которых происходит размывание кровнородственных связей, т. е. появляются территориальные, или соседские, общины. Те же процессы наблюдаются в районах, где основу хозяйства составляли лесные промыслы, требующие усилий не всего родового подразделения, а отдельно взятых семей (рубка и сплав леса, изготовление изделий из дерева, выделка мочала, сидка дёгтя и др.). Таким образом, уже в XVIII в. родоплеменная структура северо-западных и западных башкир была представлена только двумя крупными звеньями — племенем и родом, родовое подразделение теряет своё значение в общей структуре родоплеменной организации.

Родовое подразделение обозначается у северо-восточных башкир словом “аймак”, у юго-восточных — словом “ара”. Согласно Р.Г. Кузееву, ара объединяла до 20 и более родственных семей и этим словом никогда не обозначали индивидуальную семью. В северо-западных районах употребляются оба термина, что может рассматриваться в качестве доказательства слабой очерченности родового подразделения как самостоятельного звена и потери им функциональной значимости в родоплеменной структуре башкирского общества. Обозначение на западе родового подразделения терминами, имеющими более позднее происхождение (“насель”, “током”, “быуын” и др.), видимо, также связано с распадом родового подразделения как единой организации, объединённой общностью хозяйственных интересов, и с сужением круга родственных связей и самих родственников¹⁷.

Семьи родственных групп всегда (и во время кочёвок, и на зимовках) селились рядом. По мнению Р.Г. Кузеева, стационарные поселения (аулы) в восточном Башкортостане начинают появляться в конце XVI—начале XVII вв.¹⁸ А.П. Чулошников указывает, что у башкир “не позднее конца XVII в. появляются более прочные поселения... аулы в среднем около 30 дворов”, включающие одно или два родовых подразделения¹⁹. В XVIII в. башкирские аулы состояли из пяти-шести родовых подразделений, которые селились компактно, образуя “концы” (*ос*). Аулы не разрастались, т. к. это вызывало трудности с выпасом скота, поэтому с увеличением числа жителей образовывались выселки, куда переселялись семьи одного или нескольких родовых подразделений. В большинстве случаев аулы носили патронимические названия, т. е. имена основателей в основном старших по возрасту.

Воспроизводство населения приводило к сегментации разросшегося родового подразделения и выделению из него новых самостоятельных аймаков или ара, которые, в свою очередь, также дробились через три-четыре поколения. Как показано Р.Г. Кузеевым на примере аймаков мирки́т-минского рода (д. Мурадымово)²⁰, обособление и выделение новых родовых подразделений из основного аймака было достаточно длительным процессом и охватывало три-четыре поколения (примерно 75—100 лет, учитывая, что средний возраст поколения составляет 25 лет). Ядром будущего аймака, называемого “тармыт”, могла быть реальная личность, вокруг которой объединялись кровные родственники в пределах трёх-четырёх поколений (прадед — правнук). От имени этой личности обычно получали этноним (или название аула) и начинали своё шежере члены отпочковавшегося родового подразделения. Так, в составе рода аю племени усерган известны родовые подразделения утяган, юныс, нагман; в составе рода монаш племени бурзян — аргынбай, абсалым. Происхождение некоторых названий семейно-родственных групп связано с народами, переселившимися в край после присоединения башкир к Русскому государству (мишарями, татарами, черемисами, чувашами) или осевшими на территории башкирских родов в XVI—XVIII вв. (калмыками, казахами, киргизами, таджиками, туркменами и др.).

У башкир зафиксированы также родовые подразделения, названия которых происходят от животных и птиц, в т. ч. тотемных.

Например, у усерган зарегистрированы родовые подразделения айыу (медведь), куйан (заяц), мышы (лось); у бурзын — бесэй (кошка), куйан (заяц); у табын — боркот (беркут), йомран (суслик) и т. д.²¹ У тамьян род кубалаяк (бабочка) входили кээзлэр (козы), уезлар (быки), колон (жеребёнок), бесэй (кошка). Были этнонимы, отражающие хозяйственную деятельность, — балыксылар (рыбаки); прозвища — урзаклар (утка, утинная походка), тукмактар (горячие)²².

Кроме этнонима, у каждого родового подразделения была тамга, повторяющая в своих очертаниях основную родовую тамгу. В процессе сегментации родового подразделения его тамга сохраняла основу, её лишь немного видоизменяли. Были и семейные тамги, которые, впрочем, не сильно отличались от тамги родового подразделения.

С древнейших времён внутри родового подразделения существовала родовая экзогамия, но особенно строго соблюдался запрет на заключение браков внутри семейно-родственной группы в пределах нескольких поколений по отцовской линии (до четвёртого поколения): между двоюродными и троюродными братьями и сестрами. Брак между потомками пятого и последующих поколений не ограничивался, т. к. они уже не считались кровными родственниками. Это подтверждается и терминологически: прапраправнук обозначается термином “ты-уа-ят” (от баш. *ят* — посторонний, чужой), т. е. от пятого поколения уже рождаются “чужие”. Экзогамия семейно-родственных групп, характерная в прошлом для многих кочевых и полукочевых народов, являлась не столько препятствием к кровосмешению, сколько фактором, способствующим разрастанию и усилению рода за счёт заключения браков и установления родства между различными по происхождению родовыми подразделениями и родами. В этом плане заслуживает внимания замечание туркменского этнографа А. Джикиева, что слово “калин” (невестка, баш. *килен*) переводится с древнетюркского как “чужая”, “пришлая”, “взятая со стороны”²³.

Кровное родство по отцовской линии обычно подтверждалось в шежере или в генеалогических преданиях семейно-родственных групп, включающих до десяти и более поколений. В отличие от родовых генеалогий у семейно-родственных групп шежере всегда начиналось с реально жившего предка, т. е. не легендарного, а конкретного лица.

Основная тамга рода карагай-кыпсак и её вариации в тамгах родовых подразделений.

Члены родового подразделения обычно знали всех жителей своего аула, принимали участие в важных для каждой семьи событиях, связанных с рождением ребёнка, свадьбой (коллективно покрывали расходы, помогали в выплате калыма) и т. д. Традиции коллективной взаимопомощи сородичей находили выражение также при заготовке кормов, строительстве, во время стихийных бедствий и т. д. В случае смерти сородича усилиями всех членов аймака устраивались поминки. На кладбищах у каждого родового подразделения были свои отдельные участки. Могилы сородичей отмечались тамгами аймака.

Одним из пережитков патриархально-родовых традиций у башкир был совместный выход всех членов аймака на кочевки. Каждое родовое подразделение кочевало строго по своим маршрутам, которые обсуждались старейшинами аула, но в конечном итоге устанавливались предводителями родов. Традиции совместного кочевания сохранялись даже в условиях имущественной и социальной дифференциации башкирского общества, начавшейся ещё задолго до монгольских походов и особенно чётко проявившейся в XVII—XVIII вв. на уровне родовых подразделений. Основная масса семейно-родственных групп продолжала кочевать вместе. Бедняки, не имеющие скота, нанимались к богатым сородичам пастухами или же брали часть его табуна на выпас в весенне-летний период с условием возврата осенью табуна и части приплода хозяину. Такой вид найма назывался саун (*сауын*). Сауникам разрешалось летом пользоваться продуктами животноводства, а осенью получить за работу часть приплода. У некоторых баев сауниками могли быть не только сородичи, но и выходцы из других родов, племён, пришлых народов (казахов, калмы-

ков, татар и др.). У башкир были и пастбищно-кочевые группы, в которые входили малоимущие представители одного аула, но из разных родовых подразделений²⁴. По мере углубления имущественной дифференциации эти группы становятся основной кочевой единицей аула.

Род у башкир обозначается словами “тюба” (*тубэ, тупэ*) или “аймак” (*аймак*). Юго-восточные и южные башкиры (усергане, бурзяне, тангауры, кыпсаки и др.) чаще используют слово “тюба”, северо-восточные (катайцы, табынцы, кудейцы, айлинцы и др.) — слово “аймак”²⁵. Как известно, в этнической истории северо-восточных башкир в XIII—XIV вв. немалую роль сыграли тюрко-монгольские племена, а ещё ранее, в IX—XII вв., — кимако-кипчацкие племена. Судя по источникам башкирское племя салют восходит своими корнями к монгольскому племени салджиут. По сравнению с другими группами у северо-восточных башкир фиксируется и наибольшая среди других групп монголоидная примесь в антропологическом типе. Если взять во внимание эти обстоятельства, то становится понятным обозначение рода на юго-востоке и юге Башкортостана монгольским по происхождению словом “аймак”. На связь юго-восточных башкир с печенежско-огузскими и другими тюркоязычными племенами Средней Азии указывает употребление слова “тюба”. Например, у туркмен род определяется словом “тупе”, при этом различают “улу тупе” (большой род) и “киче тупе” (малый род)²⁶. Характерно, что среди минцев и юго-восточных башкир горно-лесных районов используется термин “тупе” вместо распространённого “тюба”.

Башкирский род объединял несколько родовых подразделений, компактно расселившихся в отдельных аулах или на отдельных его улицах и концах. В зависимости от величины и силы рода число входивших в него аулов колебалось от пяти до нескольких десятков. Основной аул, от которого отделялись выселки (*утары*), назывался “коренной аул” (*тәп ауыл*) и нередко носил имя основателя рода. С XVI в. на территории рода расселялись не только кровнородственные семейные группы, но также и родовые подразделения других, не родственных родов и даже групп иного этнического происхождения. На это указывает, в частности, наличие в составе бурзянских и катайских родов подразделений калмак, мишар, туркмен и др.

Структура и границы рода были неустойчивы из-за постоянной его сегментации и выделения новых родовых подразделений, а также разрастания отдельных родовых подразделений до размеров рода. Видимо, с этим связано то, что и род, и родовое подразделение обозначались одними и теми же словами “аймак” и “тюба”.

Единство основной массы членов рода определялось больше генеалогическим родством, нежели кровным. В родовых шежере нередко отражаются исторические события 500—600-летней давности, содержатся имена предков по мужской линии, насчитывающие от 10 до 30 и более поколений. Примечательно, что у рода в отличие от родового подразделения основателем могла быть нереальная, мифологическая личность.

Родовая этнонимия башкир многокомпонентна. Этимологически названия многих родов восходят к началу II тыс. н.э. Часть этно-

Родоплеменная организация башкир
(на примере племени усерган).

нимов возникла позднее, в XIII—XVI вв., т. е. в период Золотой Орды и политических образований, возникших после её распада. Р.Г. Кузеев в своих исследованиях приводит несколько групп родовых этнонимов, различных по своему происхождению²⁷:

1) этнонимы, в которых отразились следы домусульманских верований башкир. Например, роды айбуу (медведь), буре (волк) у усерган, род карга (ворона) у катайцев, елан (змея) у куваканцев и еланцев, карагай-кыпсак (*карагай* — сосна) у кыпсаков;

2) этнонимы, произошедшие от имени основателя рода, подтверждаемого данными родовых шежере (патронимические). Так, у юрматынцев известны роды татигас, азнай, ильсек-тимер и др.;

3) этнонимы, возникшие в результате многовекового этнокультурного взаимодействия башкир с другими народами. Например, у юрматынцев зафиксированы роды ногай-юрматы, мишар-юрматы, у кудейцев — туркмен-кудей, у минцев — ногай-мин, миркит-мин;

4) этнонимы топографического характера, отражающие особенности рельефа в местах расселения того или иного рода: ялан-катай (*ялан* — степь), инзер-катай (*Инейэр* — Инзер), урман-кудей (*урман* — лес) и др.;

5) этнонимы, в которых как компонент содержится название цвета: кара-табын, кызылбаш, ак-кыпсак. Существует мнение, что цвета в прошлом символизировали стороны света: север — чёрный (*кара*), юг — красный (*кызыл*), запад — жёлтый (*һары*), белый (*ак*), восток — голубой (*күк*). Однако эта группа этнонимов могла нести и другую смысловую нагрузку. Например, компонент “кара” в этнониме кара-кыпсак мог отражать не только цвет, но и указывать на древность рода, т. к. слово “карый” с древнетюркского переводится как “старый, древний”. “Күк” можно перевести не только как голубой, но и “небесный, божественный”;

6) этнонимы, указывающие на особенности хозяйственной деятельности представителей конкретной родовой общины: балыксылар (рыболовы), сунарылар (охотники) и т. д. Следует отметить, что такие этнонимы больше распространены на уровне не рода, а родовых подразделений.

Наиболее значимой структурной единицей башкирского общества является племя, возглавляемое родоплеменным вождём — бием. Юго-восточные башкиры обозначают племя словом “ырыу” (*ырыу*) или “улкян

ырыу” (*өлкән ырыу*), северо-восточные — словом “иль”. В XVII—XVIII вв. по мере распада племён и племенных союзов происходило сужение понятий “ырыу” и “иль” и они могли обозначать отдельные роды и даже родовые подразделения. Следует отметить, что до XIX в. термин “иль” употребляли также туркмены, обозначая этим словом крупные племена, оформившиеся в самостоятельные этнические общности или народности (*халык*) и состоящие из нескольких более мелких племён (понятие племня чаще всего передавалось словом “уруг”). В этом же значении оно употреблялось у казахов, киргизов, каракалпаков и других тюркоязычных народов, что говорит о значимости и устойчивости терминологии на уровне племенной организации в среде кочевых и полукочевых народов.

В составе башкир в XVII—XIX вв. Р.Г. Кузеев выделяет 46 племён и 128 крупных родов²⁸. В южных и юго-восточных районах Башкортостана с древности расселялись племена бурзян, кыпсак, тамьян, тангаур, усерган, юрматы. Юго-западный Башкортостан, бассейн р. Дёма, был населён минскими родоплеменными группами. На северо-востоке Башкортостана издревле поселились крупные племена ай, катай, кудей, сальют, табын. Северо-западные районы Башкортостана входили в зону расселения таких племён, как гайна, ирэкте, тазлар, уваныш, уран. Долина нижнего течения р. Белая была заселена племенами гирей, дуваней, елан, елядяк, канлы, каршин, киргиз.

Занимавшие огромные территории (одного или нескольких современных районов) башкирские племена были неоднородны по своему составу. Они могли включать различные по происхождению роды, число которых доходило до десятка и более. Например, северо-восточное племя табын состояло из 13 родов, между которыми уже не существовало родственных связей (по своему происхождению они были связаны косвенно). Племя тангаур, наоборот, было более однородным и состояло из двух родов. Племена дуван, кошсы, мурзалар, сальют, упей и другие не имели родового деления²⁹. Таким образом, можно сказать, что большинство башкирских племён (ай, бурзян, катай, кыпсак, табын, усерган и др.) уже в домонгольское время представляли собой союз различных по составу и происхождению родов, объединённых не столько родством, сколько владением общими землями и символами родоплеменной принадлежности.

Этнографические группы (ЭГ) башкир и историко-хозяйственные районы (ИХР) Башкортостана в XVII—XIX вв.
(Н — Ногайская дорога, К — Казанская дорога, О — Осинская дорога, С — Сибирская дорога).

Территория племени, как и других звеньев родоплеменной структуры, считалась нерушимой и очерчивалась чаще всего географическими объектами: руслами рек и речушек, горными хребтами, лесами, отдельными скалами и др. Кроме того, границы отмечались межевыми столбами, деревьями, на которых выбивались родовые тамги. Земля считалась коллективной собственностью всего племени, в то время как скот находился в частной собственности отдельных семей. Частная собственность на скот порождала имущественное неравенство между общинниками, из среды которых выдвигались главы отдельных семей, обладающих большим количеством скота, влиянием на сородичей. Они и становились впоследствии представителями родовой аристократии.

Земля (территории кочевий, пастбища, бортные, лесные и другие угодья) внутри племени распределялась между отдельными родами, внутри рода — отдельными родовыми подразделениями. В распределении земель, маршрутов кочёвок на весенних, летних, осенних пастбищах основную роль играла родоплеменная аристократия — башкирские ханы, бии, тарханы, баи и др. Не являясь юридически собственниками общинных земель, они фактически владели правом их распределения и забирали себе лучшие пастбища, угодья и водные источники. Кроме общинных земель, в XVII в. у башкир были и свои инди-

видуальные участки, на которых располагались бортные угодья, бобровые гоны, участки для сенокосения и занятия земледелием. Такие участки составляли вначале повытье, а затем вотчину. Таким образом, внутри общинных вотчинных земель были и индивидуальные “вотчины” отдельных семей. Право отвода этих земель принадлежало биям, тарханам и волостным старшинам³⁰.

В источниках, прежде всего в фольклорных памятниках, сохранились сведения о существовании у башкир союзов племён, возглавляемых ханами. Так, в эпосе “Кусякбий”, повествующем о жизни горно-лесных башкир в IX—XII вв., есть указания на союз племён во главе с Масим-ханом, в который входили племена бурзян, тамьян, тангаур и др.³¹ В литературе можно встретить утверждения о том, что ещё до монгольских походов на юге Башкортостана семь крупных башкирских племён объединились в один союз, вошедший в историю под названием “союз семи племён” или “семиродцы” (*ете ырыу*). В шежере башкир племени усерган говорится, что предводитель племени Муйтенбий, сын Токсобы, получил от Чингисхана ярлык на вечное владение огромной территорией, которая включала земли нескольких крупных башкирских племён³². О существовании в прошлом крупных межплеменных союзов свидетельствуют диалектные различия в языке современных башкир, территориальные особенности в материальной культуре. На это указывает и процесс присоединения к Русскому государству, который происходил поэтапно: своих послов направляли отдельные группы племён, которые совпадают с выделенными в литературе этнографическими группами башкир.

Количество племён в союзах могло быть разным, иногда доходило до десяти и более. Складывавшиеся обычно в периоды межплеменных конфликтов и набегов со стороны соседей, союзы племён, объединённые по территориальному принципу, сыграли важную роль в истории башкирского народа. Однако эти союзы были непрочными, межплеменные конфликты приводили их к быстрому распаду. Кроме того, золотоордынские ханы, а затем правители Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды, в состав которых входила территория Башкортостана, жестоко подавляли любые попытки политической консолидации башкирских племён.

Важную роль в жизни родоплеменных объединений играла родовая символика:

тамга, птица, дерево, боевой клич — оран (*оран*), которые возникли в недрах родового строя и символизировали единство рода и племени. К сожалению, по мере распада родовой организации многие атрибуты оказались утраченными.

В настоящее время известно огромное количество башкирских тамг (по Р.Г. Кузееву, более 3,5 тыс.³³). В работе Р.Б. Ахмерова приводится подборка и анализ различных тамг, высеченных на скалах и камнях по берегам р. Белая, озёр Аслыкуль и Кандрыкуль, на каменных плитах у д. Ташлы Альшеевского района (Килен-таш) и д. Старо-Калмашево Чекмагушевского района (Тамга-таш) и др.³⁴ При всём их многообразии родовые тамги были устойчивы и, передаваясь из поколения в поколение, сохраняли начертание древней основы. Поэтому число основных тамг, учитывая их вариации по родам и родовым подразделениям, можно свести до нескольких десятков, соответственно числу крупных племён и родов. Происхождение тамг до сих пор до конца не выяснено. Многие считают, что они выражают родовую принадлежность и закрепляют право на любую частную собственность его носителя.

В легендах и преданиях нередко приводятся сведения о том, что тамги башкирским родам и племенам были розданы Чингисханом. Скорее всего, они были лишь уточнены и переписаны монгольскими сборщиками налогов — друзьями и баскаками. В условиях кочевого скотоводства тамги, видимо, возникли гораздо раньше. Так, одно из древнейших письменных упоминаний о тюркских тамгах относится к V в.³⁵ О практике клеймения скота ещё в огузо-печенежское время говорится в сказании Рашид-ад-Дина «Огузнаме»: «Каждому из 24 внуков Огуза во избежание споров и разногласий Иркил Ходжа определил его ранг, занятие, прозвище. Каждому из них он раздал тамгу для клеймения скота, чтобы можно было различать, кому какие животные принадлежат»³⁶. Известно, что средневековые башкиры были тесно связаны с огузо-печенежским миром, поэтому вполне допустимо существование у них родовых тамг. В пользу такого предположения говорят и выводы А.И. Левшина, который, опираясь на «Жеты Жаргы» («Семь установлений») хана Тауке, пишет, что по законам степи все казахские племена, роды и поколения и всякий могущий носить оружие должны были иметь свою тамгу, с обязанностью накладывать её на весь скот и имущество для разли-

чения, что кому принадлежит»³⁷. Н.В. Бикбулатов отмечал, что у башкир, согласно обычаю минората, дом отца, усадьба и его тамга переходили после его смерти к младшему сыну³⁸. Р.Г. Кузеев приводит сведения о том, что ещё в XVII в. родоплеменная территория у башкир отмечалась межевыми столбами, на которых выжигались тамги или вдоль её границ закапывались угли и брёвна с вырезанными на них тамгами³⁹.

Касаясь вопроса о происхождении тамг, необходимо подчеркнуть, что их истоки уходят в глубокую древность. Об этом говорят геометрические изображения на стенах Каповой, Мурадымовской и других пещер на Южном Урале, тамгообразные знаки на керамике и других археологических находках эпохи бронзы и раннего железа. Видимо, изначально тамги имели отношение не к частной собственности, а вообще к конкретному родовому сообществу, в стилизованной, знаковой форме отражая его этноним. В тамге была заложена скрытая для чужеродцев информация о происхождении рода, его тотеме. В этом плане в глазах сородичей тамга имела сакральное, магическое значение. Изучение во время полевых экспедиций учёными ИИЯЛ тамг на каменных плитах, установленных на могилах XIX в., показывает, что территории кладбищ обычно были разделены между отдельными родовыми подразделениями.

Первые собиратели и исследователи башкирских тамг Н.А. Аристов и Д.Н. Соколов предполагали, что тамги являлись изображением родовых богов или духов-покровителей и лишь позднее в связи со сменой мировоззрения стали знаками родовой или семейной собственности⁴⁰. На связь формы тамги с родовым этнонимом и его тотемом указывает С.М. Ахинжанов в исследованиях, посвящённых кимакам и кипчакам. Как известно, змея и дракон были тотемами кимаков («народа змеи») в период их политического господства в степях Казахстана в IX—X вв. В китайских источниках VIII в. в виде змеи изображена тамга кимаков, называемых народом *каи*. Настоящее название племени или рода было табуировано. Оно являлось тотемическим символом, имело магическое значение, и сородичи верили, что иноплеменики через этноним рода могли причинить вред всему роду. Именно поэтому, полагает С.М. Ахинжанов, в тюркоязычной среде кимаки называли себя «уран», а не «джилан» (змея), т. е. замаскировывали этноним и передавали его

смысл через другое слово, образованное от слова “уралыу” — “извивается”⁴¹.

Тамга, являясь по своей сути эквивалентным символом тотемного животного, могла быть своеобразным геральдическим знаком, который присутствовал на знаменах. Голова волка, как известно, была на знамени предводителя древних тюркских кочевников Ашина: свирепый оскал тотемного животного на знамени рода должен был внушать страх противникам и обеспечивать успех в военных походах.

Тамга выполняла и оберегательные функции. Её наносили на наиболее значимые в кочевой и полукочевой жизни предметы, например, оружие, клеймили животных (боевых коней или вожаков стад и табунов) и др. Этим гарантировалось их благополучие и сохранность через магическое влияние тотемного знака. Не исключено, что в доисламский период символ тотемного животного в качестве личного оберега мог быть представлен и в различных татуировках, среди которых присутствовала и родовая тамга. По мере укрепления частной собственности и расчленения общества, а также с проникновением ислама тамги теряют первоначальные функции и становятся знаками частной собственности. Появляются личные и семейные тамги. Они сохраняли в своей основе первоначальную родовую тамгу, значение которой многие уже не помнили. Ими клеймили скот, отмечали территорию пастбищ, бортовых угодий и сами борты, тамга заменяла подпись владельца и т. д. Таким образом, тамги в жизни скотоводов в бесписьменный период играли важную роль. Родовые знаки башкир отражали родоплеменную структуру и принадлежность каждого к одному из её звеньев как полноправного члена.

В отличие от тамг функциональное значение родовых деревьев и птиц было несколько иным. В них отразились отголоски анимистических воззрений башкир. В памяти народа ещё сохранились названия некоторых священных птиц (онгонов) и деревьев племён и крупных родов⁴². Можно заметить, что большинство родовых птиц относится к соколиным (беркут, кречет, ястреб и др.), а деревьев — к хвойным породам (лиственница, сосна и др.). Кроме того, птицы и родовые деревья фиксируются у наиболее древних по происхождению башкирских племён таких, как бурзян, канлы, кыпсак, мин, табын, тангаур, усерган, которые осели на Южном Урале ещё в конце I тыс. н.э.

Ахмед ибн-Фадлан, во время путешествия из Багдада в Волжскую Булгарию побывавший в 922 г. у башкир, писал, что башкиры-тюрки поклоняются различным змеям, птицам и другим тотемным животным, у них развит культ предков. Путешественник отмечал поклонение одной группы башкир (возможно, предков усерган) журавлям, которые якобы в одной из битв своими криками обратили в бегство их врагов⁴³. Здесь налицо почитание журавля как тотемной птицы, которая впоследствии стала священной птицей племени усерган. Мотив поклонения птицам проявляется и в сюжете ряда произведений устного народного творчества башкир. Так, в предании “Воронёнок” говорится, что в один из набегов казахи похитили беременную жену башкирского батыра. Батыр пошёл в кочевья казахов и выкрал свою жену. На обратном пути у них родился сын, которого родители спасаясь от погони, оставили в вороньем гнезде. Позднее они вернулись к этому гнезду: сидит их дитя на ветке и ручонками тянется к летающим воронам. Стали забирать ребёнка, а вороны не хотят его отдавать, кружат над ними и пронзительно кричат. Ребёнка называли Балакарга (Воронёнок), а в благодарность воронам сложили песню “Балакарга”, повествующую об этой истории⁴⁴.

Тотемистические представления башкир нашли отражение и в сюжете легенды “Журавлиная песнь”, записанной в 1910 г. кураистом К. Дияровым в Баймакском районе. По легенде, молодой батыр, услышав однажды прекрасную звенящую мелодию, пошёл на её звуки и увидел на поляне стаю серых журавлей, круживших вокруг журавушки, которая, взмахивая крыльями, задавала ритм их курлыканию. Батыр запомнил мелодию и повторил журавлиную песнь на курае. Аксакалы, узнав историю возникновения мелодии, сказали: “Это песня журавлей, там, где они её играют, быть большому сражению, в котором много людей погибнет. Будет побоище, нагрянет на страну бедствие”. Тогда батыр бросил клич, собрал войско. Спустя некоторое время на земли его рода действительно напали чужеземцы, но предупреждённые журавлями башкиры сумели отбить врагов⁴⁵.

Материалы исторических преданий позволяют предположить, что у башкир в основе почитания родовых деревьев и птиц лежит культ предков. Считалось, что душа человека после его смерти перемещается в высокое дерево, через которое в образе пти-

цы достигает верхнего мира. Не исключено, что родовая птица воспринималась как живое воплощение духа предка, а родовое дерево — как его временное вместилище. Видимо, не зря в качестве родовых деревьев чаще всего избирались хвойные, которые достигали огромной высоты и отличались долголетием. Величие и мощь дальних предков соответствовали онгону в образе хищных птиц. Считалось, что убийство священной птицы и порубка родовых деревьев, особенно на кладбищах, могли навлечь несчастье на весь род или племя, т. к. это было равносильно убийству духа предков.

В средневековых литературных памятниках монгольского народа (“Тайная история монголов”, “Золотое сказание” и др.) содержатся ценные сведения, подтверждающие вышесказанное. В “Золотом сказании” (“Алтан тобчи”), например, прямо указывается, что у каждого человека существует свой тенгри, или дух-хранитель. (У монголов тенгри воспринимался в двух ипостасях. Во-первых, тенгри означало божество, божественное небо; во-вторых, под этим понятием подразумевались духи, населяющие небо, — небожители, покровительствующие и охраняющие каждого человека и всё живое в природе⁴⁶). А вот описание смерти великого Темучина: “На 66 году жизни... в 12 год правления, в год красной свиньи [1227 г.] в 12 день 7 месяца он [Чингисхан] стал Тэнгри, т. е. небожителем в форме духа. По этому поводу после смерти... Чингисхана суннитский багатур Кулугэтей произнёс так называемую похвалу: “Обернувшись крылом парящего ястреба, ты отлетел, государь мой. Обернувшись крылом хватающего добычу ястреба, ты отлетел, государь мой!”⁴⁷

Представление о душах умерших в виде птиц было весьма распространённым как в древних, так и в современных традициях многих народов. В качестве символа души птица выступает у алтайцев, угров, эвенков и др. В башкирском фольклоре описываются случаи превращения людей в птиц или их тесной общины. Свободно парящая в небе птица, соединяющая верхний мир (небо) с нижним (земля), неизменно вызывала преклонение и почитание. Например, у народов

Родовая символика башкир.

Средней Азии голубь и другие птицы олицетворяли души умерших сородичей. В китайской мифологии журавль был связан с идеей долголетия, т. к. он воспринимался как “переносчик” душ умерших. Образ птиц у людей всегда, особенно в домусульманское время, ассоциировался с небом и их связью с небожителями. В палеоазиатской мифологии ворон нередко выступает как тотемная птица (в основном как родовой предок)⁴⁸.

В этом плане показательны весенне-летние праздники башкир, связанные с кормлением птиц: каргатуй (“грачиная свадьба”), карга буткахы (“грачиная каша”), кякук сяйе (“кукушкин чай”)⁴⁹. В них нашли отражение отголоски культа предков и преклонение перед тотемными птицами рода. По мнению Н.А. Мажитова, тотемные птицы являются не только покровителями, но и “переносчиками” человеческих душ. Древнейшие корни этих представлений учёный обнаруживает в изобразительном искусстве средневековых племён Прикамья, Урала и Сибири, в частности, в массовых находках различных культовых предметов в форме полуптицы-получеловека, датируемых VII—X вв.⁵⁰ Следует отметить, что многочисленные круги, совершаемые вокруг юрты, где находится покойник, совпадают с круговым парением орлов в восходящих потоках воздуха. Орлы, как известно, входили в состав родовых птиц башкир и были воплощением духа предков.

Можно предположить, что в обряде кормления птиц отразились следы погребального

ритуала древнейшего населения Южного Урала, предусматривающего выставление трупов умерших на склонах гор или вершинах холмов ранней весной (после таяния снега) с целью очищения их от мягких тканей и последующего погребения костей. Отлетающие от покойников птицы ассоциировались с их душами. Возможно, мы имеем дело с отголосками существовавшего у древних предков башкир мировоззрения, близкого к зороастризму и предшествовавшего тенгрианству. Таким образом, в сценарии современного весеннего (не летнего!) праздника каргатуй, отсутствует “главный персонаж” — покойник, что связано со сменой обряда захоронения. Отсюда понятен достаточно широкий видовой спектр родовых птиц, хотя у башкир представители семейства соколиных и врановых занимают особое место в родовой символике. Они являются наиболее древними онгонами. Перья из крыльев именно этих птиц составляли оперенье боевых стрел башкир, придавая им силу и неотразимость.

Близким по значению оказывается и боевой клич башкирского рода — оран, в котором наиболее ярко и полно отражена идея вечности духа, прежде всего духа предка. Считается, что оран является секретным зовом (или откликом), по которому узнавали своих соплеменников. Оран не должны были знать представители других родов и племён, т. к. он имел сакральное значение — через него, как и через настоящее имя человека, можно было нанести вред всему роду.

Р.Г. Кузеев в своих работах приводит несколько родоплеменных оранов. Нетрудно заметить, что оран передает этноним древнего племени (или крупного рода) и, таким образом, восходит к имени далёкого предка — родоначальника. Например, у усерган бурзян, восточных кыпсакских родов существовал общий оран “токсоба” (*токсаби*). Это можно объяснить тем, что в прошлом в кыпсакскую конфедерацию племён входило племя токсоба, которое, видимо, было сложным по составу, т. к. этот этноним можно рассматривать как “тогуз-оба”, т. е. “девять родов” или “союз девяти родов”. У отдельных усерганских родов был оран “муйтен”, который восходит к имени легендарного Муйтен-бия, сына Токсобы. У башкир племён мин, канлы, западных кыпсакских был общий боевой клич “байхонгор” (*байхонгор*)⁵¹, в айлинском племенном союзе общий оран — “салават” (*салауат*), который, возможно, возник от родового этнонима салъякт.

С сакрализацией орана связано то, что он использовался соплеменниками только во время боевых схваток и в смертельно опасные моменты. Фактически оран был коллективным призывом сородичей, обращённым к духу родового предка: его звали на помощь, обращаясь по имени. Появление родового онгона перед схваткой или во время неё считалось благоприятным знаком.

Объяснение значения и этимологии орана как призыва духа-покровителя или духа-основателя конкретного рода (*ырыу йэне*) находит подтверждение в “Золотом сказании” монголов, где дано описание обряда призывания духа-прародительницы рода борджигин Алунгоа: обряд называется “ураху” и означает “зов, призыв, призывание духа”.

Таким образом, родовая символика башкир является не просто пережитком патриархально-родового строя, а отголоском мощного пласта домусульманского мировоззрения, в основе которого лежали анимистические представления, идея одушевлённости всего окружающего мира, живой и неживой природы. Надо полагать, что ибн-Фадлан отразил в своих путевых записках не всех, а только 12 богов башкир, хотя объектов поклонения было во много раз больше. Политеистическое мировоззрение не исключало в то же время существования верховного божества — Тенгри. О развитии в эпоху средневековья тенгрианства у башкир и многих народов Сибири и Алтая свидетельствуют археологические и фольклорные источники. По словам одного из информаторов, 90-летней М. Юмагузиной, у башкир бытовала поговорка, в которой отчётливо выражена идея причастности каждого живого существа к небесному божеству (*кук тәңре*): “Если у собаки есть хозяин-защитник, то у волка есть тенгри!” (“*Эттең хужаһы булһа, буренең тәңреһе бар!*”).

Таким образом, взаимосвязь элементов родовой символики башкир можно представить в виде замкнутой цепи перехода души усопшего в дерево, как временное вместилище, затем в птицу, с помощью которой она достигает верхнего мира, где находятся души сородичей и дух-покровитель рода, и её возрождения в новом поколении. Таковы были представления башкир о вечности духа и рода.

Одним из пережитков патриархально-родового строя и военно-политической организации у башкир были сохранившиеся до начала XX в. выезды на коллективную

охоту целыми аймаками. Основной целью облавных охот была не столько добыча мяса (скота было достаточно), сколько поддержание боевой формы, приобретение тактических навыков ведения боя, упражнение в стрельбе, тренировка и закаливание. Боевое искусство башкир нашло яркое отражение в фольклоре, исторической литературе. "Войсковые дисциплины, — писал А.З. Валиди, — впитались в кровь башкир, они сохранили умение в едином порыве следовать за своим предводителем. Башкир на осёдланном коне подобен памятнику. Искусное владение оружием и отличная верховая езда делает их достойными продолжателями традиций древнего тюркского воинства". У башкирских воинов в прошлом существовали знамёна и различные знаки отличия родов и племён. У близких по общественному строю казахов в XVII—XVIII вв. "каждый род имел своё большое знамя, а каждое отделение свой значок одинакового цвета с главным знаменем. Кроме этого, сражавшиеся с одной стороны для отличия от неприятеля навязывали себе на руки такого же цвета платки, ленты или лоскутья какой-нибудь материи". Знамёна и отличительные знаки тщательно сохранялись в мирное время и брались только на войну⁵².

Долгое время у башкир сохранялась кровная месть — карымта. Этот неписанный закон степняков обязывал мстить за убийство, увечье своих сородичей. Карымту исполняли ближайшие родственники убитого с одобрения аксакалов и предводителей рода. Например, основная сюжетная линия эпоса "Кусяк-бий" отражает события, связанные с карымтой: главный герой выполняет свою, данную ещё в детстве клятву отомстить за смерть отца и убивает виновного в этом предводителя племени бурзян бия Каракулумбета. В условиях кочевого образа жизни на фоне частых набегов соседних племён исполнение карымты было священным долгом, оно гарантировало само существование родовых общин.

По мере распада патриархально-родовых отношений у башкир и других кочевых и полукочевых народов вступают в силу наказания в виде различного рода платежей, в т. ч. выкупа — куна. Так, у казахов, согласно нормам обычного права, даже убийца, уплатив кун, мог сохранить свою жизнь⁵³.

Формой экономической мести являлась барымта, которая, как и карымта, осущест-

влялась с разрешения аксакалов и предводителей рода или племени. Ответный угон скота обычно совершали в размере нанесённого ущерба. Обоюдные набеги наносили огромный ущерб населению. Так, в одном донесении тайного советника В.Н. Татищева пишется: "Башкирцы собрались в 530 человек, ходили в Киргиз-Кайсацкую орду и тамо 30 уртов побили, в полон взяли 30 человек, угнали 3000 лошадей, верблюдов 70... всем башкирцам накрепчайше запретить, чтобы они впредь вооружась, в Киргиз-Кайсацкие орды не ходили. Киргиз-Кайсацким ханам и прочим их старшинам писать, дабы они со своей стороны на башкирцев нападения не чинили".

В набегах должны были участвовать все мужчины рода, это считалось честью для каждого. Нередко барымта, умело направляемая башкирскими биями, приобретала форму настоящих грабительских походов на соседние племена и народы и служила средством обогащения. Не случайно во многих легендах и преданиях башкирского народа барымта осуждается. Особенно ярко это показано в предании "Бэндэбика и Ерэнсэ-сээн". Ерэнсэ-сээн, собрав молодых воинов, задумал идти барымтой на казахскую летовку. Его жена, отважная и мудрая Бэндэбикэ, возражает против этой затеи: "Ты на своей земле обрёл имя батыра, но батыру мало смелости, нужна ещё и мудрость. До сих пор народ почитал вас за то, что вы вершили святое и правое дело. А теперь ты хочешь сделаться злодеем и толкаешь на худое дело молодых. Захват чужой страны не входит в наши обычаи. Не позорьте себя и имя нашего рода. Одумайтесь, пока не поздно"⁵⁴. Рядовые общинники, участвовавшие в набегах, получали часть угнанного скота, основная доля доставалась бию и его приближённым. Если карымта была особенно развита в период патриархально-родовых отношений, то барымта продолжала существовать и в эпоху патриархально-феодалных отношений до конца XVIII в.

Такова в общих чертах внутренняя организация башкирского общества. При всей кажущейся консервативности родоплеменная организация сыграла огромную роль в формировании башкирского народа, способствовала сохранению его материальной и духовной культуры, норм этики и морали. Несмотря на все исторические перипетии, башкиры так и не вписались в классические рамки европейского феодализма.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Ко времени присоединения к Русскому государству башкирские роды и племена объединялись больше по территориальному, чем по родственному признаку, хотя продолжали существовать спланивающие этот своеобразный полукочевой социум родовые символы (тамга, птица, дерево, боевой клич) и совместное владение родовыми землями. Только на уровне родовых подразделений сохранялись узы кровного родства между отдельными семьями, которые вели самостоятельное хозяйство и компактно проживали в одном ауле, образуя концы. Башкирский род, представлявший собой в XVI—XVII вв. соседскую общину (известный исследователь алтайских народов Л.П. Потапов называет её аульной), просуществовал фактически до начала XX в. В результате сосредоточения в руках отдельных семей скота и других средств производства (кроме земли) происходил процесс имущественной и социальной дифференциации общества. Наиболее сильные патриархальные семьи были в состоянии не только сохранить свой скот, но и приумножить его, учитывая лёгкое отторжение этого вида собственности в кочевом и полукочевом мире у более слабых сородичей или соседних родов.

Объединённая общим правом на земельную, или вотчинную, собственность и узами генеалогического родства основная масса родовых башкир-общинников составляла фундамент имущественно и социально дифференцированной пирамиды общества, на вершине которой располагалась привилегированная родоплеменная знать: ханы (до середины XVI в.), би, тарханы, духовенство, по отношению к которым употреблялось обобщающее понятие «почётные представители» (*түрэләр*). Среднюю часть занимала многочисленная прослойка баев и батыров. Основная часть населения состояла из рядовых башкир-общинников. Особую социальную группу составляло зависимое население: байгуши, саунщики, туснаки, ясыри и др.

Институт ханства в башкирском обществе существовал судя по источникам ещё до монгольских походов. Хань, представляя в кочевом и полукочевом обществе высшую власть, стояли во главе нескольких крупных племён, являвших собой военно-политические объединения. Так, до походов Чингисхана на Южном Урале существовал союз семи башкирских племён (*ете ырыу*). Общеизвестен легендарный Масим-хан, объединявший под своей властью 12 крупных племён: бурзян, кыпсак, тамьян, тангаур и др. «В старину жил хан по имени Мясем... у него двенадцать биев под рукой... в ханстве воинам отважным нет числа, — в том соперничать не мог с ним хан иной», — говорится в эпосе «Кусяк-бий»¹, в котором, видимо, отражены события IX—XII вв. из жизни башкир горно-лесной части Южного Урала². В бассейне р. Белая существовал также союз юрматынских, кыпсакских и других племён во главе с Ураз-ханом.

Однако происходившие в башкирском обществе в XI—XII вв. процессы этнополитической консолидации на базе союзов племён во главе с сильными предводителями — ханами были прерваны и на несколько столетий заторможены походами монголов.

Введение монголами улусной системы управления на завоёванных землях привело фактически к полному уничтожению высшей родоплеменной знати Дешт-и-Кипчака. Не случайно многочисленные имена половецких князей и ханов, зафиксированные в русских летописях конца XI—начала XIII вв., вообще не встречаются в золотоордынское время. (Примечательно, что в них под 1159 г. и 1185 г. среди высшей аристократии половецкой степи упоминается Башкорт³). Сведения о башкирских ханах XIII—XIV вв. также редки в источниках, зато известно немало имён ногайских ханов и мурз XV—первой половины XVI вв. Это, видимо, связано с тем, что в период Золотой Орды и образовавшихся на её обломках Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств правом на высший титул обладали только прямые потомки Чингисхана. Даже великий полководец Тамерлан (1336—1405), создавший огромную империю и фактически разваливший Золотую Орду, умер в Отраре эмиром, но не ханом, т. к. не был Чингисидом, а происходил из тюркизированного монгольского племени барлас.

В исторических источниках фактически отсутствует информация о статусе и правах башкирских ханов XV—первой половины XVI вв. Однако, учитывая общность традиций кочевого и полукочевого мира тюрко-монгольских скотоводов, можно предположить, как происходило утверждение в этом титуле у башкир.

По традиции право быть избранным ханом имел самый влиятельный и старший в

роде: у Чингисидов — султан, в традиционных скотоводческих обществах — бий. По праву старшинства дядя и брат хана или знатного бия имели больше прав на это звание, чем их более молодые племянники — сыновья хана или бия. Это не позволяло закрепить на вершине иерархической лестницы (семья — род — племя — союз племён) отдельной семье или династии. Однако по мере дифференциации общества и укрепления отдельных семей (надо полагать, ещё до монгольских походов) этой традиции уже не придерживались и власть передавалась напрямую от отца к сыну.

Хан избирался на совете аксакалов — курултае (*хоролтай*), в котором принимали участие бии и другие почётные представители родов и племён. По традиции на народном собрании — йыйыне (*йыйын*) совершался обряд “вознесения избранного хана на войлок” (“*хан күтәреү*”). По мнению исследователей, обряд возведения в ханы при многолюдном собрании был необходимым и обязательным условием легитимации личного права обладания ханским титулом⁴. Хана сажали на белый войлок, олицетворявший чистоту его намерений, знатность происхождения и богатство его рода, а затем трижды поднимали с криками: “Хан! Хан! Хан!”. После этого кошму, на которой поднимали хана, его верхнюю одежду (*елән*) разрезали или разрывали на мелкие лоскутки и уносили с собой в память об участии в важнейшем для общества событии. Одним из важных составляющих обряда, который завершался шумным пиршеством, был увод скота хана. (Ещё одно доказательство того, что в кочевом обществе основным источником богатства была не земля, а скот). Этот ритуал назывался “ограбление хана” (“*хан талау*”) и означал, что хан с момента его избрания не является собственником чего-либо и переходит на полное содержание народа. Обряд символизировал военный характер деятельности хана, подчёркивал, что он прежде всего военный вождь, обеспечивающий покой и нерушимость границ земель рода.

Прочность ханской власти зависела от того, насколько его политика отвечала интересам представителей кочевой знати: биев, баев и др. В противном случае избравшие его вассалы могли не подчиниться или вовсе покинуть своего предводителя. Поэтому ханы вынуждены были делить власть с вождями крупных родов и племён — биями. Хан являлся номинальным собственником земель.

Он исполнял и функции верховного судьи, только ему принадлежало право убить или оставить в живых переступивших родовые законы. Хан отвечал за сохранение существующего общественного устройства и порядка в отношениях между родами и племенами⁵. Хан также являлся верховным предводителем войск, только ему принадлежало право объявления войны или заключения мира с соседними племенами или ханами. Воины в войско хана выставлялись от каждого рода или племени.

Хан находился в постоянных разъездах по своим кочевьям, останавливаясь в так называемых ханских ставках, устраиваемых в наиболее красивых и удобных местах. Согласно преданиям, ставка Масим-хана располагалась на территории современного Бурзянского района у подножия одной из гор, впоследствии названной в его честь Масимтау. Известно, что ставка одного из первых ногайских ханов Басмана находилась в устье р. Сакмара в местечке Актюба (около современного г. Оренбург), ставка его брата Тюря-хана — на берегу р. Уфа (ныне санаторий “Зелёная роща”)⁶. По преданиям юрматынцев, в юго-восточном Башкортостане жил жестокий Бурсай-хан, ставка которого располагалась на берегу р. Ашкадар (недалеко от современного г. Стерлитамак).

Авторитет ханской власти был настолько велик, что в период башкирского восстания 1735–1740 гг. один из его предводителей, башкир Юрматгынской волости Ногайской дороги Миндигул Юлаев, в начале 1740 г. был провозглашён ханом Султан-Гиреем* (Карасакал). Он был хорошо образован, знал арабский и тюркские языки, совершил хадж в Мекку и Медину. После подавления восстания ушёл в Каркаралинские степи. До своей смерти (1749 г.) последний башкирский хан жил у влиятельного вождя найманов — батыра Кабанбая в восточном Казахстане в районе Чёрного Иртыша⁷.

В ханах народ видел объединяющее начало. Были случаи, когда ханы приглашались со стороны. Например, в ходе башкирского восстания 1704—1711 гг. под предводительством старшины Бурзянской волости Ногайской дороги, тархана и батыра Алдара Исекеева (Исянгильдина), а также батыров Кусюма Тюлекеева, Уракая Юлдашбаева башкиры обращались за помощью к казахам и ка-

* Султан-Гирей был якобы сыном (по другим данным, братом) джунгарского хунтайджи Галдан Цэрена Шуну.

ракалпакам. В 1709 г. по личному приглашению Алдара Исекеева в Башкирское Зауралье в район восстаний прибыл со своими воинами предводитель казахов и каракалпаков Абулхаир-султан, кочевавший в то время в Приаральских Каракумах. Казахские источники сообщают, что восставшие башкирские бии и старшины хотели провозгласить его своим ханом. Далее говорится, что Абулхаир пробыл в пределах Ногайской дороги на положении башкирского хана около года. В начале 1710 г. он покинул Башкортостан и вернулся в Приаральские степи, где весной того же года на курултае родовой знати Младшего и Среднего жузов казахи избрали его своим ханом. Известно также, что последняя из четырёх жён Абулхаир-хана была башкиркой и их сын Каратай впоследствии также стал одним из ханов на территории Казахстана⁸.

Таким образом, институт ханства был представлен на территории Башкортостана относительно слабо, но существовал в период Золотой Орды и, видимо, сохранялся в общественно-политических структурах Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств. Отголоски былой веры в силу централизованной ханской власти проявляются во время башкирских восстаний XVIII в. Однако “избрание в ханы”, имевшее место в этот период, скорее было данью традиции, нежели исторической необходимостью. В целом у башкир уже с XVII в. титул хана навсегда исчезает с политической арены.

Наиболее значимой и колоритной фигурой в социальной структуре башкирского общества являлся бий (*бей, ил башы*). Бии возглавляли крупные башкирские роды и племена, их имена встречаются почти в каждом фольклорном произведении. Власть биев ещё задолго до монгольских походов приобрела наследственный характер (до этого они избирались на курултае рода или племени). Большинство шежере башкирских племён и родов фактически представляют собой генеалогию их предводителей. Шежере племени усерган, например, начинается с имени его основателя — Токсоба-бия, затем идёт легендарный Муйтен-бий и после перечисления более 10 их потомков завершается именем Усерган-бия⁹. В генеалогии других башкирских родов до конца XVI в. все родоплеменные вожди также именуется биями (как правило, они находятся в семейном родстве во всех поколениях). В сознании народа это вошло в традицию и не оспаривалось ни со-

ветом аксакалов, ни народным собранием рода или племени.

По мнению В.В. Бартольда, слово “бий” представляет собой достаточно позднее видоизменение слова “бек” и нигде не встречается раньше XV в.¹⁰ Но, видимо, оно существовало и раньше. “Бий” с древнетюркского переводится как “большой”. Например, “Бий Хем” в переводе с тувинского языка означает “Большой Енисей”. Возможно, слово “бий” является индоевропейским по происхождению и также означает “большой”. Так, словом “бигмен” в этнографии обозначают мужчин, пользующихся большим авторитетом и влиянием, являющихся предводителями общин¹¹.

Авторитет бия определялся древностью рода или племени, к которому он принадлежал, а также его личными качествами. Породиться с ним считалось за честь. Бий являлся генеалогическим родственником для всех членов рода, т. к. он относился к основному стволу генеалогического древа, восходящего к далёкому, иногда мифологическому предку. Идея родства и солидарности всех членов рода, включая и его предводителя, во многом определяла внутривидовые отношения и позволяла родовой аристократии эксплуатировать сородичей под прикрытием традиций и обычаев. Обладая большим поголовьем скота, родовая знать определяла маршруты кочевий по территории рода или племени, захватывая при этом себе большую и лучшую часть пастбищ, принадлежавших всему роду или племени. Таким образом башкирские бии, не имея юридических прав на земельную собственность, осуществляли это право на практике.

Биям принадлежала также административная и судебная власть. Это предполагало знание родословных основных подразделений, а также действующих норм обычного права. Совместно с аксакалами бии контролировали соблюдение норм обычного права, совершение актов барымты и карымты, нерушимость границ родовой территории, пастбищ и водных источников, внутренний порядок в родовой общине. Известно, что у казахов при судебных разбирательствах бий, по “Жеты Жаргы” хана Тауке, имел право на получение “бийлика” — десятой части имущества, скота и т. д., которая взывалась с ответчика¹². Видимо, такое право имели бии многих кочевых и полукочевых народов, в т. ч. и башкир.

В периоды военных конфликтов бий возглавлял военное ополчение. Он мог в любое

время собрать необходимое количество воинов из подвластных родов и родовых подразделений. В прошлом каждый взрослый общинник был одновременно воином с полным комплектом личного вооружения.

В составе Русского государства титулы предводителей башкирских племён и крупных родов претерпели ряд изменений. Во второй половине XVI—первой трети XVIII вв. в период воеводской системы управления во главе волостей по всем четырём дорогам стояли старосты, в некоторых (Белокатайская, Верхнеуфимская) — сотники¹³. В русских источниках их называли также князьями (“князцами”), хотя они в отличие от русских князей не являлись крупными землевладельцами. Башкирские бии и старосты получали за службу Московскому государству в специальном разряде служилых инородцев титул тархана¹⁴.

Как известно, первыми были пожалованы тарханными грамотами предводители племён мин и юрматы — Канзафар и Татигас-бий, которые в 1555 г. ездили в качестве посланцев в Казань “бить челом” наместнику царя Ивана IV о принятии в русское подданство. Вслед за ними в 1556 г. отправились посольства ещё четырёх юго-восточных племён: усерган во главе с Бикбау-бием, бурзян с Иске-бием, кыпсак с Мушавали Каракузяк-бием, тамьян с Шагали Шакман-бием¹⁵. Жалованные грамоты на вечное владение “землями отцов и дедов своих” послы получили позже в Москве от Ивана Грозного.

По именному списку “лучших людей” из башкир, составленному в 1680—1681 гг. уфимским воеводой П.Д. Скуратовым, в Минской, Кара-Табынской, Кипчакской, Тамьянской, Бурзянской и “Ицких” волостях числилось более 60 князей и тарханов¹⁶. Большинство башкирских биев-князей стремилось получить тарханные грамоты, т. к. это давало больше привилегий и закрепляло владение частью общинных земель на правах частной собственности. В начале XVIII в. Оренбургская экспедиция (1734 — 1744 гг.; с 1737 г. Оренбургская комиссия) завершила официальный перевод башкирских князей в тарханы, освободив их тем самым от ясака, налогов и других повинностей.

Таким образом, башкирские бии, получив титул князя или тархана, стояли во главе волостей (бывших крупных родов и племён), передавая по традиции эту должность своим сыновьям. Русское государство не вмешивалось в систему местного самоуправле-

ния, пока не начались башкирские восстания (нередко по почину и под руководством предводителей племён, которых народ по-прежнему называл биями). Восстания XVII — первой трети XVIII вв. вынудили Русское государство провести в Башкортостане жёсткие административные реформы. Указом от 11 февраля 1736 г. в восставших волостях наследственные старосты были заменены выборными старшинами (сроком на один год), к ним были прикреплены в помощники писари и сотники. Писари вели не только письменные дела, но являлись и тайными осведомителями властей о деятельности старшин¹⁷. В 1740-х гг. в крае насчитывалось более 100 старшин, права которых были резко ограничены, в первую очередь, в области судопроизводства. В 1739 г. должности выборных старшин были введены во всех волостях (большой частью старшины не избирались народом, а назначались воеводами). Волостные старшины были обязаны подчиняться главным старшинам, назначенным по одному на каждую из четырёх дорог¹⁸. По этому же указу башкирские старшины были лишены основной опоры своей власти — общенародных собраний. Отныне йыйыны дозволялось проводить один раз в год под Уфой, в районе с. Чесноковка. Положение усугубилось и тем, что этим указом была разрешена продажа башкирских земель дворянам, горнозаводчикам, офицерам. Это увеличило долю помещичьего землевладения в крае и резко сократило в некоторых волостях площадь вотчинных земель башкир¹⁹. Положение и статус башкирских старшин ещё больше теряет своё былое значение с введением в крае кантонной системы управления, целью которой был перевод башкир и мишарей в военное сословие. В 1789 г. уфимский наместник генерал-поручик О.А. Игельстром разделил 20908 башкирских дворов на 103 территориальные команды, или юрта, без учёта родоплеменной принадлежности населения. Во главе команд были поставлены 103 юртовых старшины. Волости и волостные старшины при этом были сохранены. Указом Павла I от 10 апреля 1798 г. проект О.А. Игельстрема был узаконен. Башкиры и мишари были переведены в военное сословие с образованием 11 башкирских (с 1803 — 12) и 5 мишарских кантонов²⁰. Во главе кантонов стояли кантонные начальники, которые назначали юртовых старшин, осуществлявших военно-административный контроль на мес-

Башкирские кантоны (на 1803 г.).

тах. С 1831 г. были запрещены ежегодные башкирские ййыны, под контролем властей проводились внутри аулов “мирские сходы”²¹. Таким образом, кантонная система управления окончательно ликвидировала самоуправление башкир и свела на нет деятельность волостных старшин, о которых на этот период не сохранилось сведений.

В башкирском обществе, особенно на уровне родовых подразделений, большую роль играли бай, представлявшие наиболее многочисленную прослойку родоплеменной знати. В каждом родовом подразделении были бай, выделившиеся из среды своих сородичей.

Слово “бай”* тюркского происхождения и означает “богатый”. Оно часто встречается в древнетюркских надписях и в средневековых мусульманских источниках²². Самым ранним таким источником, в котором слово “бай” употребляется уже с указанием на социальный признак, является рассказ Джувейни (XIII в.) о Махмуд-бае. Судя по нему баем можно было считать любого влиятельного человека, владеющего большим количеством скота, т. е. это была довольно многочисленная, социально неоднородная прослойка кочевого общества²³.

Условия натурального хозяйства и слабая развитость товарно-денежных отношений способствовали формированию специфического отношения кочевой знати к богат-

ству: оно часто выступало для кочевников предметом тщеславия. А.И. Левшин писал: “Однажды спросил я одного владельца 8000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать своё удовольствие? Деньги мне не нужны, я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, и всякий говорит, что я богат”²⁴. Скупость баев, их жажда к наживе едко высмеивается во многих произведениях устного народного творчества башкир.

Богатство баев, определяемое количеством скота в личном хозяйстве, придавало им социально-политический и экономический вес, обеспечивало особое положение среди сородичей. Исследователи подсчитали, что в самостоятельном хозяйстве общинника-скотовода обычно содержалось в среднем 15—20 лошадей, 50—100 овец и коз, не менее 6 голов крупного рогатого скота и 2 верблюда. Некоторые неразделённые семьи башкир конца XIX в., состоящие из 35—40 чел., имели в своём хозяйстве более 100 лошадей, 200 овец, 40 коров, 300 ульев, кроме того, более 20 десятин земли отводилось под зерновые²⁵. Внутри аймака или аула бай, являясь кровным родственником по отношению к другим членам родового подразделения, использовал те же приёмы и формы эксплуатации малоимущих сородичей, что и бии на уровне рода и племени (помочь, сауна, пастбищно-кочевые группы и т. д.).

За особые заслуги на военной, дипломатической и другой службе представители привилегированной части башкирского общества получали от царского правительства титул “тархан”. Институт тарханства возник, возможно, ещё в древнетюркское время, получил широкое распространение в монгольский период, а затем был реанимирован Русским государством у башкир и других присоединённых народов.

В монгольских источниках, в частности в “Золотом сказании”, пишется, что Чингисхан дал повеление поставлять во всех покорённых территориях даругов (даругачей) — правителей или официальных представителей монгольской власти на местах²⁶. Первоначально даруги представляли на местах военную власть, впоследствии они обязаны были регулярно проводить переписи населения с целью сбора ясака, набирать войска, отвечать за ямскую службу, сбор податей и дос-

* Как компонент входит во многие башкирские антропонимы: например, Алтынбай, Кунакбай, Мурзабай, Юлдашбай и др.

тавку дани ко двору хана. Позже, в XIII—начале XIV вв., даруги занимались в основном сбором податей, а военно-административные функции были возложены на баскаков. Возможно, с монгольским “даруга” связано появление в русских источниках не только понятия “дорога” — административная область, но и “тархан” — лицо, контролировавшее эту область. Звание тархана присваивалось за особые заслуги правителям улусов, военным, гражданским и духовным лицам монгольских государств, представителям местной тюркоязычной знати. Присвоение звания подтверждалось специальными тарханскими грамотами (ярлыками), предоставлявшими целый ряд привилегий: освобождение от уплаты ясака и других налогов в пользу государства, право на свободный доступ к хану; тарханы не обязаны были ни с ханом, ни с кем-либо другим делить военную добычу, им и их потомкам прощались первые девять совершённых преступлений. Тарханство переходило по наследству, и каждый новый хан подтверждал это специальной грамотой. Земельные пожалования тарханам на условиях несения службы постепенно превращались в условно наследственные владения, а со временем принимали форму частной земельной собственности. В таком виде институт тарханства мог существовать и на территории Башкортостана.

Русское государство во многом сохранило прежнюю систему управления и административно-территориального деления башкирских земель. Области, контролируемые золотоордынскими даругами, затем Казанскими, Ногайскими и Сибирскими ханами и мурзами до второй половины XVI в., стали называться Казанской, Ногайской, Осинской и Сибирской дорогами²⁷. В 1700 г. на Ногайской дороге было 570 тарханов, Казанской — 60, Сибирской — 24; на Осинской дороге, где было развито земледелие, тарханов не было²⁸. В 1776 г. в Уфимской и Исетской провинциях, по данным канцелярии Оренбургского губернатора, числилось 674 тархана²⁹. К 1780 г. в Оренбургской губернии было уже 874 служилых тархана, а также 250 татарских князей и мурз³⁰.

Как и в предшествующее время, тарханы имели право на частную земельную собственность внутри общинных земель, кроме бобровых гонов и бортевых угодий. Различалось наследственное и личное тарханство. Среди наследственных тарханов выделялись “старые” и “новые”, получившие титул со-

ответственно до и после присоединения к Русскому государству. “Тарханами во времена Иоанна Грозного назывались башкирцы, избавленные в награду за отличные заслуги от ясачных и других сборов, но за то обязанные по первому востребованию в военную службу”³¹. Большею частью они несли сторожевую службу по охране юго-восточных границ Русского государства. Тарханы выполняли дипломатические поручения, несли административную службу на местах. Таким образом, тарханы были на особом положении по сравнению с ясачными башкирами. Они составляли наиболее влиятельную и богатую прослойку башкирского общества. Так, тархан Алдар Исекеев являлся владельцем табуна, насчитывающего более восьми тысяч голов породистых лошадей. В период восстаний 1735—1740 гг. башкиры захватили у тархана Белекей-Кудейской волости Исмаила Мандурова 200 лошадей, 30 коров и 40 овец на общую сумму 1500 руб., а также домашнее имущество на сумму 100 руб. и деньгами в монете 300 рублей³².

Некоторые тарханы платили ясак со своих земельных угодий³³. С 1754 г. в связи с отменой ясака и переводом башкир в военноказачье сословие, а затем введением в 1798 г. кантонной системы управления тарханство теряет своё былое значение. Некоторые тарханы, получив офицерские звания, стали дворянами, другие — чиновниками. С 1845 г. потомки наследственных тарханов (“тарханские дети”) были наряду с рядовыми башкирами обложены налогами, а с 1865 г., с отменой кантонной системы, перешли в податное сословие.

Особое положение в общественной жизни и социальной структуре башкирского общества занимали батыры. Батыры, обладая силой, мужеством и авторитетом среди сородичей, возглавляли ополчение во время военных столкновений с соседями или при совершении актов карымты и барымты. Нередко они могли претендовать на место главы рода или племени.

Слово “батыр” в переводе с тюркского означает “богатырь”, “силач”, “храбрец”. В русский язык оно, видимо, проникло не ранее XV в. в звучании “богатур”, “бахадур” и первоначально означало “храброго мужа, героя, вызывающего перед битвой или сражением силачей противника”³⁴. В золотоордынский период слово “батыр” означало не только представителя военно-кочевой знати, но и почётный титул, который получали ханы за

личную храбрость и умелое руководство военными действиями. Примечательно, что титул батыра судя по его личной печати имел и казахский хан Тауке (1680—1718 гг.)³⁵.

Батыры — самые популярные персонажи башкирского фольклора, например, Урал-батыр, Ек-Мерген, Кусяк-бий, Алпамыша и др.³⁶ Словами Барсынхылу в легенде “Алпамыша” передан поэтизированный образ батыра:

Тот, кто батыром родится,
Будет крылатым, как птица.
Тетиву натянет — сгибается лук.
Сердце зайдётся под собственный стук.
Ступит — не выдержит камень,
Сядет — обрушатся скалы,
Горы — упершись — развалит;
Он в сердце родину носит,
Врагов, словно лев, устрашает...³⁷

За могучий рост, силу и отвагу в отношении батыра в народе часто использовался эпитет “великан” (“*алл*”). До сих пор бытует мнение, что батыры погребались сородичами в огромных по своим размерам могилах, над которыми насыпались большие курганы (*уба*). Нередко средневековые курганы указывались информаторами как “могилы батыров” (“*алынтир кәбере*”, “*батырзир кәбере*”)³⁸.

Авторитет батыров был настолько велик, что существовало проклятие: “Чтобы у вас в роду батыра не было!” (“*Ырыуығызға батыр булмаһын*”). Видимо, в башкирском обществе имело место и восприятие батыров как харизматических лидеров (наделённых исключительными качествами, святостью). Основанием для такого предположения может служить факт, что именно батырам посвящены многочисленные кубаиры (*хобайыр*). Если учесть, что слово “оба” в древнетюркском языке означало понятие “род”, то слово “кубаир” можно интерпретировать как “оба-йыр”, “уба-йыр” — своеобразный гимн рода или родовую песню-восхваление. Вероятно, не случайно в прошлом кубаиры исполнялись на высоком кургане, символизирующем мощь и силу героя, а также перед сородичами на йыйынах и т. д. Кубаиры, очевидно, существовали у каждого крупного башкирского рода наряду с его геральдическим знаком — тамгой.

Значительную прослойку в социальной структуре башкирского народа составляло мусульманское духовенство, а до распространения ислама — служители различных культов в лице шаманов, знахарей, прорица-

телей, баксы и др. Ислам, как известно, утверждается среди башкир в первой половине XIV в., в период наивысшего расцвета Золотой Орды при Узбек-хане (1312—1342 гг.) и его сыне Джанибеке (1342—1357 гг.). Возможно, он начал проникать раньше, в IX—X вв., в среду западных башкирских племён под влиянием миссионеров из Средней Азии и Волжской Булгарии. К периоду распространения ислама относятся мавзолеи — *кэшенэ (кэшэнэ)* Тура-хана и Хусаин-бека, построенные в XIV—XV вв. на территории современного Чишминского района РБ (последний отреставрирован в 1911 г.). Надо полагать, что в XIV—XVI вв. ислам затронул не все слои населения, а только родовую аристократию. Ислам начал широко распространяться лишь после присоединения Башкортостана к Русскому государству, т. к. он был необходим правительству в его колонизаторской политике, особенно в период башкирских восстаний, когда основная масса духовенства оправдывала действия царизма по “умиротворению башкир”.

В связи с этим в XVII—XVIII вв. в Башкортостане санкционируется широкое строительство мечетей, а также мусульманских учебных заведений — мектебов и медресе. До этого обучение детей проводилось при мечетях и домах мулл на тюрки и арабском языке. В мечетях служили муллы, муэдзины, азанчи. В больших населённых пунктах, волостных центрах, кроме мулл, были ахуны, имамы, хатипы. Первые медресе были открыты в деревнях Суюндюково Бирского уезда (1709 г.), Четырманово (1713 г.) и Стерлибашево (1720 г.) Стерлитамакского уезда³⁹. В 1839 г. на 63 деревни Бирского уезда приходилось 56 мечетей. К 1850 г. в Оренбургской губернии числилось 1932 мечети, включавшие 3144 духовных лица, проводивших мусульманские бракоразводные, похоронные и другие семейные и общественные обряды, а также обучение местного населения. По данным 1913—1915 гг., в Уфимской губернии действовало 1579, а в Оренбургской — 436 мектебов, в которых обучалась 91 тыс. шакирдов, в т. ч. 18 тыс. девочек. До этого девочки не посещали мектебы, а обучались лишь соблюдению религиозных обрядов у жён мулл. Получившие в течение четырёх-пяти лет начальное религиозное образование в мектебах шакирды переходили в медресе, где религиозные знания давались более углублённо. Мектебы и медресе были подчинены Духовному управлению мусульман (при основа-

нии в 1789 г. называлось Уфимское Духовное Магометанского закона Собрание). Первым муфтием царским указом был назначен Мухаметджан Хусаинов (1789—1824 гг.). Окончившие обучение в медресе назывались абызами и могли стать муллами или преподавателями, распространителями знаний среди башкир. К началу XX в. башкиры были достаточно образованными, что дало повод современникам писать: “Как и все магометане, башкиры считают своим долгом обучить своих детей, поэтому неудивительно, что начальная грамотность между башкирами развита сильнее, чем между русскими”⁴⁰. Духовенство являлось значительной прослойкой башкирского общества, играло важную роль в его жизни. Многие муллы являлись крупными ското- и землевладельцами, имели собственные мельницы и открыто эксплуатировали труд своих сородичей.

Рядовые общинники составляли основную массу башкирского населения. В эпоху Золотой Орды оседлое население, как известно, облагалось тяжёлыми податями, которых насчитывалось не менее 20 видов⁴¹. В соответствии с десятичной организацией наиболее тяжёлой была воинская повинность, проводившаяся по принципу один воин с десяти семей. Все расходы по снаряжению воина несли сами общинники. Каждый воин должен был быть при двух конях, с провизией, луком со стрелами, копьём, щитом, арканом, ножом и другим снаряжением вплоть до шильев и иголок. Отсутствие чего-либо строго наказывалось⁴².

В пользу ханского двора общинники платили налог со скота — купчур (1 из 100 голов). Кроме того, оседлое население платило поземельный налог — харадж, сдавало для войска зерно и скот — тагар и т. д. Ежегодно в ханскую ставку свозилась пушнина. Каждый общинник доставлял сборщикам налогов, даругам и баскакам, по одной шкуре медведя, чёрного соболя, чёрного хорька и лисицы. Обременительными были постоянная и почтовая повинности⁴³.

С возникновением на обломках Золотой Орды новых государственных образований система налогов остаётся практически неизменной, её основу по-прежнему составляет ясак, выплачиваемый ногайским, сибирским и казанским ханам. Кроме того, ясак с подвластных башкир собирали ногайские и казанские мурзы.

Присоединение Башкортостана к Русскому государству явилось поворотным момен-

том в судьбе башкирского народа. Со второй половины XVI в. устанавливается волостная система управления и землевладения. Территории башкирских племён и родов составляли башкирские волости. Каждый член родовой общины имел право на владение землёй, что подтверждалось жалованными грамотами Русского государства. За владение землёй башкиры платили в казну ясак с каждого двора и несли государственные повинности.

Уплата ясака воспринималась рядовыми башкирами-вотчинниками не только как признание своей зависимости от Русского государства, но и как условие вотчинного права на землю. Ясачные башкиры составляли особое сословие, что подтверждалось регистрацией в особых ясачных книгах имён глав отдельных башкирских дворов-хозяйств, представленных большими или малыми семьями⁴⁴.

Ясак вначале был натуральным и свозился в Казань, а с 1586 г. в Уфу. Он состоял из шкур куниц, выдр, бобров, соболей, лисиц, волков, а также мёда. Постепенно натуральный ясак заменялся его денежным эквивалентом исходя из того, что шкура бобра оценивалась в 1,5 руб., лисицы — 75 коп., батман мёда — 1 руб. и т. д. В 1631—1632 гг. ясачный оклад со всего башкирского населения составил 1508 руб. 86,5 коп. В ясачных книгах было записано 6188 чел. — старшины, главы родовых подразделений или больших семей, представлявшие отдельные хозяйства⁴⁵. В 1754 г. ясак был отменён.

Кроме ясака, на башкир были возложены почтовая гоньба, устройство речных переправ, прокладка и содержание дорог и др. В XVI—XVIII вв. они несли и военную повинность по охране юго-восточных границ Русского государства, участвовали в различных дипломатических миссиях. Военная повинность не оплачивалась государством: аймак (аул) обеспечивал каждого воина вооружением, лошадьми, фуражом, продовольствием и т. д. Служили обычно с ранней весны до поздней осени. Башкиры охраняли Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии. В 1760-х гг. на Оренбургскую линию ежегодно выставлялось по одному воину от восьми дворов, с 80-х гг. — от трёх. В 1797 г. на Оренбургской линии несли службу 5520 башкир. С 1790 г. башкирским воинам начали выдавать казённое продовольствие, а с 1797 г. — денежное жалование (1 руб. на человека).

В период кантонной системы управления (1798—1865 гг.) положение рядовых башкир ещё более усугубилось, т. к. они были пере-

дены в военное сословие. Введение такого управления привело к разрушению родоплеменных волостей и системы землепользования, ликвидации остатков самоуправления. Военная служба башкир и в этот период проходила за свой счёт. Рядовым башкирам запрещались самовольные отлучки из аулов, а указом от 24 сентября 1806 г. был запрещён свободный переезд в соседние губернии. Рядовое население было обложено многочисленными повинностями, денежными сборами и др.

Зависимое население состояло из рабов (*кол*), туснаков, саунщиков и др. Судя по источникам рабство в башкирском обществе существовало задолго до присоединения к Русскому государству и даже до походов монголов. Оно носило в основном домашний характер, это было по своей сути “патриархальное” рабство. Основным способом получения рабов были регулярные набеги на соседние племена или народы, во время которых захватывали в плен чужеродцев. Их называли “ясыри” (*эсир*) и рассматривали как военную добычу. Так, в исторической легенде “Последний из Сартаева рода” есть упоминание о ясыре из джунгар, который пас скот у Джалык-бия⁴⁶. С.И. Руденко приводит документ 1700 г., в котором говорится, что во второй половине XVII в. во время одного из набегов на калмыцкие земли башкир Бурзянской волости Утека пленил калмыка Апачку и впоследствии отдал его Карсаку Бюлякову⁴⁷. Ясыри были самой бесправной категорией общества. Их могли обменивать, заложить, продать и т. д. У кочевников труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного общинника, и поэтому эта работа была всегда уделом женщин или рабов.

О существовании института рабства у кочевых народов и положении рабов можно найти свидетельства и в “Жеты Жаргы”. Например, за убитую охотничью собаку или беркута хозяин мог потребовать невольника или невольницу. По нормам обычного права раб не мог выступать в качестве свидетеля, не имел права жаловаться на своего хозяина за жестокое обращение. Рабы не несли ответственности за свои преступления, за это отвечали их владельцы и возмещали все убытки потерпевшей стороне. На них не возлагались государственные повинности, они находились в полной зависимости от хозяина и, согласно “Жеты Жаргы”, только владелец раба был властен над его жизнью

и смертью⁴⁸. Судя по источникам башкиры нередко продавали своих военнопленных в рабство на рынках Средней Азии⁴⁹.

Однако в условиях скотоводческого хозяйства рабский труд не оправдывал себя экономически и потому не получил широкого применения. После смерти хозяина раб иногда получал свободу; если же хозяин не отпускал его на свободу, потомки раба в четвёртом поколении считались свободными людьми⁵⁰.

Другую категорию подневольного населения в башкирском обществе составляли туснаки — люди, не сумевшие выплатить долг. Ими могли стать как соплеменники, так и чужеродцы. Туснак, заплатив баю положенный долг, мог выкупиться, но это случалось редко. Туснаки не платили ясак, и правительство, заинтересованное в увеличении сбора налогов, всячески боролось с этим явлением, поэтому институт тусначества не получил широкого распространения. Долговые отработки оговаривались заёмщиками в специальных долговых или “житейских” записях с “лучшими людьми” общества. Например, в одной из таких заёмных записей первой половины XVIII в. значится отработка должником взятых 10 руб. в течение 10 лет, находясь на полном иждивении хозяина, в другой записи оговаривается отработка 30 руб. на дому и в хозяйстве заимодавца в течение 20 лет. Были и бессрочные записи. Так, в долговой записи от 18 октября 1715 г. оговаривается вечная отработка взятых двумя марийскими семьями 150 руб. у башкира Гирейской волости Казанской дороги Араслана Тавлина. Были и такие записи, по которым за взятые деньги заёмщики выполняли конкретную работу (косили и свозили сено хозяину, пахали и т. д.), иногда брали деньги взаймы под заклад скота или земли⁵¹.

Немалую часть среди зависимого населения составляли разорившиеся башкиры — байгуши (*байгוש*). Они не имели ни скота, ни хозяйства, поэтому вынуждены были заниматься к богатым сородичам для выполнения различных работ на невыгодных условиях. К этой категории можно отнести и разорившихся общинников — саунщиков, которым бии и баи отдавали часть своего скота (так называемый “резервный фонд”) на выпас в весенне-летний период с правом пользования молочными продуктами и частью приплода. Система саун обеспечивала богатым башкирским семьям не только уход, но и сохранность и увеличение поголовья их многочисленного скота, делая их табуны, по

образному выражению И.Г. Георги, как бы вечными. Найм пастухов и отдача части своего скота менее состоятельным родственникам и соплеменникам был известен с глубокой древности и по своей сути являлся одной из завуалированных форм эксплуатации общинников родовой аристократией вплоть до конца XIX в.⁵²

Таким образом, касаясь вопроса о социальной структуре башкирского общества, следует сказать, что в домонгольский период она отражала состояние этноса, ведущего полукочевой образ жизни, основанный на общинном землевладении и землепользовании. В монгольский и особенно в ногайский периоды проявляется тенденция к укреплению частной собственности, в т. ч. на землю, которая ведёт к усложнению социальной стратификации. Этот процесс получает дальнейшее развитие с вхождением Башкортостана в состав Российского государства, когда на фоне феодализации региона с конца XVI в. появляются новые категории населения в лице башкирских и небашкирских землевладельцев, мусульманского духовенства, государственных чиновников, военно-служилого, ясачного, оброчного населения и др.

В заключение можно сказать, что ретроспективный анализ внутренней организации башкирского общества, представившего иерархически соподчинённую систему многочисленных родов и племён, позволяет рассматривать его как особую форму адаптации социума к системе жизнеобеспечения в конкретной экологической нише.

В степной и лесостепной зонах Южного Урала оптимальной формой хозяйственной деятельности населения с древнейших времён являлось комплексное кочевое и полукочевое скотоводство. В соответствии с этим строилась социальная структура общества, определялась конкретное место и поведение всех его членов в сезонных и годовом хозяйственных циклах.

Основные компоненты этой системы: скот, земля, община — составляли единое целое, на котором веками держался этот хозяйственно-культурный тип. Экологическое равновесие между обществом и окружающей средой достигалось гибкостью и многоступенчатостью родоплеменной структуры башкир. Чрезвычайная подвижность этой системы на уровне нижних и средних звеньев (подрод, род) обеспечивала её постоянную регенерацию за счёт сегментации рода и самостоятельного функционирования но-

вых родовых подразделений, которые, в свою очередь, могли со временем вырастать до отдельного рода. Обширность родовых территорий башкир в сочетании с относительно низкой плотностью населения способствовала этому процессу, и маршруты весенне-летних кочёвок новых общин не пересекались с соседними.

Таким путём происходила саморегуляция плотности населения и численности поголовья скота в общей системе природопользования в соответствии с потенциальными резервами кормов на пастбищах. В этих условиях родоплеменная организация общества являлась оптимальной, если не единственно возможной, формой, обеспечивающей целостность всех звеньев. Внутривидовая солидарность, основанная на идее кровного и генеалогического родства, являлась её сплачивающей и цементирующей основой. Каждый человек мог реализовать себя только в составе конкретного рода и был обречён за его пределами, т. к. выработанные веками традиции и нормы обычного права гарантировали защиту каждого сородича (карымта), личного и родового имущества, прежде всего скота (барымта), а также целостности границ родовых территорий и водных источников усилиями всего коллектива. Это было непреложным законом для всех членов рода.

В домонгольский период башкиры находились на стадии патриархально-родового развития с хорошо выраженными признаками военно-политической организации, близкой к кимакским и огузским племенным конфедерациям. Нет достаточных оснований говорить о той или иной степени феодализации башкир, за исключением права распоряжения маршрутами перекочёвок родовой знатью (вопросы степени развития феодальных отношений в кочевых и полукочевых обществах, землепользования и землевладения до сих пор остаются дискуссионными). Башкирское общество в этот период было стратифицированным по отношению к основному средству производства — скоту, который находился в частной собственности соплеменников. Социальная верхушка родов в лице биев, батыров, баев, служителей культа обладала большим количеством скота, а потому занимала доминирующее положение в обществе. Но это не было «классовым» противостоянием родовой аристократии и основной массы общинников, которые сами были распределены по

более мелким родовым подразделениям и обладали достаточным количеством скота. Иерархическая соподчинённость всех звеньев башкирского общества, генеалогическое родство всех членов, особенно на уровне рода и родового подразделения, исключали развитие “классовых отношений”. В условиях экстенсивного характера скотоводства, когда постоянно приходилось менять пастбища, не имело смысла предъявлять право собственности на землю и пастбища, и они оставались в коллективной собственности всего рода или племени. Право регулировать маршруты перекочёвок башкирскими биями, а на местах — советами аксакалов было не феодальным правом, а правом по старшинству и входило в нормы обычного права.

Имущественная дифференциация внутри родов и племён, основу которой составлял скот, являлась естественным состоянием и воспринималась сородичами как норма. Родоплеменные вожди не могли быть не богатыми, т. к. это являлось залогом уважения и признания их авторитета среди соплеменников и соседних родов и племён.

В период монгольских завоеваний и походов в XIII—XIV вв. башкиры впервые вовлекаются в сферу государственных отношений, особенно в период существования Золотой Орды. Именно тогда башкиры, видимо, впервые за всю свою историю лишаются своих летних кочевых территорий: на востоке — заяцких степей до Тобола, на западе — заволжских, в бассейне рек Кундурча, Иргиз и Камелик. Однако родовые земли, т. е. собственно Южный Урал, судя по источникам остаются за башкирами. Возможно, этим объясняется перекочёвка и оседание башкирских племён в XV—XVII вв. в Самарском, Саратовском Заволжье, а также в Зауралье вплоть до Тобола, которое воспринималось самими башкирами как возвращение на прежние земли отцов и прадедов.

Из всех повинностей и податей, которыми были обложены завоёванные народы, башкиры платили монгольским ханам только ежегодный ясак пушниной и мёдом (предположительно, императорскому двору, а не отдельным золотоордынским ханам). Основной общественного строя башкир по-прежнему оставался патриархальный род со всеми его атрибутами. В XIII—XIV вв. монголы не оказали существенно влияния на развитие общественных отношений и внутреннюю организацию баш-

кирского общества. Отсутствие достоверных источников не позволяет полностью раскрыть этот вопрос. В ногайское время, в XV—первой половине XVI вв., налицо все признаки феодальных отношений, но эти отношения существовали между ногайскими мурзами и ханами, с одной стороны, и башкирами — с другой. Внутри башкирских племён и родов по-прежнему доминировали патриархальные отношения. Лишь в составе Русского государства начинают чётко проявляться тенденции феодализации башкирского общества изнутри. Этому способствовало переселенческое движение XVII—XVIII вв. и переход к оседло-земледельческому образу жизни большей части населения в северных и северо-западных районах Башкортостана. В этот период были ещё сильны патриархально-родовые традиции. Как и прежде, во главе крупных родов и племён (волостей) стояли потомки бывших биев. Сохранились атрибуты родовой символики, прежде всего тамги. Каждый род и семья имели свою родословную по отцовской линии. Это способствовало сохранению у башкир нескольких взаимосвязанных уровней самосознания: кроме общепринятого этнонима “башкорт”, каждый башкир осознавал и свою родоплеменную принадлежность. Это было важно в условиях общинно-родового землепользования и землевладения, узаконенного жалованными грамотами периода присоединения к Русскому государству. Однако с расширением масштабов института припуска, когда башкиры сдавали в аренду часть вотчинных земель, с развитием индивидуальных повыйтий и жеребий в XVII—XVIII вв. происходит распад родовых общин и формирование прослойки феодалов из среды самих башкир, а также инородцев. Другим источником феодализации башкирского общества изнутри было тарханство со всеми привилегиями личного землевладения. Во всех этих случаях присутствуют лично зависимые от землевладельца отдельные люди и семьи, а также феодальная рента в виде оплаты за пользование землёй. Основным итогом этих процессов явилось образование смешанных по этническому составу соседских (аульных) общин, развитие земледелия и оседлого скотоводческого хозяйства на уровне отдельных индивидуальных семей на большей части Башкортостана.

ГЛ. 8

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Семейные обычаи и обряды

Народные праздники

Представления башкир
о мире и человеке

СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Семейные обычаи и обряды — неотъемлемая часть культуры и быта любого этноса. В них отражается образ жизни, общественный строй, история культуры, традиционное мировоззрение; заложен психологический, социальный и нравственный смысл¹. Обычаи и обряды регулировали поведение человека на протяжении всей его жизни, люди верили, что здоровье и благополучие всего общества зависит от того, насколько правильно они соблюдаются.

Проблемы брака и семейной обрядности у башкир получили достаточно широкое освещение в научной литературе². В XVIII—XIX вв. у башкир параллельно существовали большие патриархальные семьи, в состав которых входило несколько брачных пар с детьми, и малые (индивидуальные), объединявшие одну брачную пару и их детей (последние с течением времени утвердились как преобладающие).

Главой семьи считался отец. Он был хранителем семейных устоев, распорядителем имущества, организатором хозяйственной жизни и имел большой авторитет в семье. Молодые члены семьи неукоснительно подчинялись более старшим. Положение женщин было разным. Большим почётом и уважением пользовалась старшая женщина, жена главы семьи. Она была посвящена во все семейные дела, распоряжалась женскими работами. С приходом невестки — килен (*килен*) свекровь освобождалась от работ по хозяйству; их должна была выполнять молодая женщина.

В обязанности килен входило приготовление пищи, уборка жилища, уход за скотом, дойка коров и кобылиц, работы по изготовлению тканей и одежды. Во многих районах существовал обычай, по которому килен должна была закрывать лицо от свёкра и других старших мужчин, не могла с ними разговаривать, прислуживала за столом, но сама не могла принять участие в трапезе.

Многие исследователи указывали на относительную свободу башкирской женщины. По описанию С.Г. Рыбакова, у башкир «семейная жизнь хотя и построена на азиатской основе... на безусловном подчинении женщины, но [она] свободна от... гнёта. Мужья не разыгрывают из себя деспотов по отношению к жёнам и представляют последним известную свободу от обрядностей, не подвергают их телесным побоям, за редкими исключени-

ями, не лишают их права самостоятельного заработка»³. С.И. Руденко отмечал, что по сравнению с другими мусульманками башкирки были относительно свободны, а пожилые женщины нередко пользовались в семьях большим влиянием⁴. Историки объясняют это разными причинами: особенностью кочевого общества, в котором доля участия женщин в повседневном труде превышала вклад мужчин⁵; приходом жены в дом мужа с большим приданым; слабым проникновением ислама в быт и семью башкир и т. д.⁶

Ещё при жизни отец должен был наделить домом и хозяйством старших детей, а то, что оставалось при нём — семейный очаг, скот и имущество, — доставалось младшему сыну. Дочери свою долю наследства получали в виде приданого и выступали наследницами личного имущества матери.

В семейных обычаях и обрядах башкир нашли отражение различные этапы истории народа. Строго соблюдалась экзогамия — древний обычай, запрещающий браки внутри рода. И поскольку близлежащие аулы были часто основаны представителями одного рода, стало обычаем выбирать невест из других, иногда очень далёких аулов. С разрастанием поселений и усложнением их структуры стало возможным выбирать девушку из своего аула, но из другой родственной группы. В редких случаях брак мог заключаться внутри того же подразделения, но с родственниками не ближе пятого-седьмого колена.

Между представителями различных родов браки совершались беспрепятственно. Ни древние обычаи, ни шариатские нормы не ставили преград и для браков с представителями других мусульманских народов. Браки с выходцами из немусульманских народов разрешались только при условии их перехода в мусульманство. Однако следует заметить, такие браки в прошлом заключались редко. Браки совершались обычно в рамках определённых социальных групп: богатые рождались с богатыми, бедные — с бедными. Среди богатых башкир достаточно широко бытовало многожёнство, что соответствовало нормам шариата.

Брачный возраст колебался. Обычно жених был старше невесты на три-пять лет, но это не было обязательным правилом. Существовал обычай, по которому подростка 12-15 лет могли женить на вдове умершего брата или дяди (*левират*), и муж оказывался

чуть ли не ровесником её сына. Согласно сорорату, вдовец мог взять в жёны младшую сестру или племянницу умершей жены, хотя возрастной разрыв мог быть значительным. Разница в возрасте супругов была неизбежна, когда мужчина имел несколько жён. С учреждением в конце XVIII в. Уфимского Духовного Магометанского закона Собрания (с 1796 г. — Оренбургское; в 1846—1917 гг. — Оренбургское Магометанское Духовное Собрание) усилилось влияние на башкир российского гражданского законодательства. Оно проявилось прежде всего в стремлении запретить ранние браки, особенно для женщин. К концу XIX в. в башкирском обществе бытовало представление, что девушки должны вступать в брак в возрасте 16-18 лет, юноши — 18-20, но население и муллы находили способы обойти эти запреты. Было немало случаев, когда девушек из бедных семей отдавали замуж в 13-14 лет.

Вопрос о женитьбе детей решали родители, главным образом отец семейства. Авторы XIX—начала XX вв. описывают случаи, когда молодые до бракосочетания не видели друг друга, а родители договаривались между собой о размерах калыма и приданого. На этой основе С.И. Руденко характеризовал брак у башкир как настоящий акт купли-продажи⁷. Однако случаи, когда жених и невеста не были знакомы до вступления в брак, были редкими. Весь традиционный уклад жизни башкир убеждает, что молодёжь имела возможность общаться, заводить знакомства. Кроме календарных праздников, было принято устраивать вечеринки, посиделки (*аулак*, *урнаш*) и другие увеселения, в которых участвовали юноши и девушки. Существовала даже особая форма общения с молодёжью из окрестных аулов, когда девушек на выданье специально отправляли на длительное время в гости к родственникам в другие аулы.

Важное значение для понимания природы брака у башкир имеют понятия “калым” (*калым*, *калын*) и “приданое” (*бирнә*). Калым или калын (*калын*) в этнографической литературе обычно трактуется как плата за невесту. Вместе с тем существует мнение, что калым представлял собой компенсацию расходов на проведение свадьбы и обеспечение невесты предметами домашнего обихода. В XIX—XX вв. в понятие “калым” включали, кроме собственно калыма, скот и продукты для свадебного угощения — туйлык (*туйлык*) и махр (*мәһәр*).

По нашему мнению, калым — это плата за девушку. Значительную её часть составлял скот, при этом оговаривалось поголовье каждого вида домашнего скота: лошадей (*йылкы малы*), коров (*һыйыр малы*), мелкого рогатого скота (*вак мал*). Калым включал также одежду для невесты (нарядные платье и кафтан, чекмень, шаль, обувь) или материал для одежды и украшения. Обязательным предметом в калыме являлась шуба, обычно из лисьего меха (*баса тун*, *төлкө тун*), для матери невесты; она воспринималась как “плата за материнское молоко” (*һөт хахы*). Часть калыма (в первую очередь, одежда и украшения) привозилась до свадьбы, оставшаяся выплачивалась постепенно (в течение нескольких лет, если калым достигал значительных размеров). Это не являлось препятствием для заключения брака, но молодой муж получал право перевезти к себе жену лишь после полной выплаты калыма. К тому времени у них уже могли быть дети. Отсюда можно сделать вывод, что калым являлся компенсацией за переход женщины в род (семью) мужа, но никак не главным условием вступления в брак.

Туйлык состоял в основном из скота, который должна была выделить семья жениха для угощения на свадьбе (свадебное торжество устраивалось в доме у родителей невесты, но на средства жениха и его родителей). Поголовье и состав свадебного скота зависели от имущественного состояния роднящихся семей и от количества участников свадьбы. Туйлык включал также мёд, масло, крупу, муку, сладости и другие продукты. О размерах и составе туйлык договаривались во время сватовства.

Махр представляет собой предусмотренную шариатом сумму (часто в виде имущества), которую должен выплатить муж для обеспечения жены при разводе по инициативе мужа или в случае его смерти. Половину суммы жених выплачивал до бракосочетания. Мулла при оформлении брака непременно справлялся о размере махра.

Отец невесты обеспечивал её приданым (*инсе мал*), в состав которого входили все виды скота, предметы быта (постель, домашняя утварь, обязательно самовар и др.). Оно считалось собственностью женщины. В случае развода по инициативе мужа или возвращение после смерти мужа в отцовский дом женщине должны были вернуть её приданое и невыплаченную половину махра; её личные вещи и украшения переходили к дочерям. Здесь

просматриваются нормы шариата, но они не противоречили и древнетюркским обычаям.

Всё вышесказанное свидетельствует о многослойности семейно-брачных отношений у башкир. Аналогичную картину можно проследить и в свадебной обрядности, которая охватывала значительные хронологические рамки, иногда от рождения будущих супругов до начала их семейной жизни.

В далёком прошлом у башкир существовал обычай помолвки малолетних детей, который назывался “праздник колыбели” — бишектуй (*бишек туйы*)⁸ или “продевание серёг” — сыргатуй (*һыра туйы, һыра һабак*)⁹. Два хана, бия или батыра, в семьях которых примерно в одно и то же время ожидалось рождение ребёнка, с целью закрепить дружбу сговаривались породниться. Родившиеся мальчик и девочка считались потенциальными женихом и невестой. Устно-поэтический фольклор (эпосы, предания, сказки) изобилует примерами на эту тему. При этом устраивалось угощение, читалась молитва Корана (“Фатиха” или “Бата”), договаривались о размере калыма и других взаимных обязательствах. В конце церемонии обычно устраивали обряд “кусание уха” (*колак тешләтеу*): мальчика подводили (или подносили) к девочке и побуждали его укусить мочку уха. С тех пор дети считались обручёнными. Однако в преданиях встречается немало случаев, когда сговор со временем расстраивался, что влекло за собой взаимную враждебность родов и имущественные тяжбы.

Большинство браков заключалось по сватовству, когда молодые достигали брачного возраста. Заручившись согласием и поддержкой родственников, отец жениха посылал к родителям девушки свата — яусы (*яусы*). Иногда в качестве свата ехал сам отец, отсюда второе название сватающего лица — кода (*коза*). О приезде свата сразу становилось известно всей деревне. В наряде яусы были признаки, указывающие на его миссию: он опирался на палку, заправлял в носки только одну штанину, подпоясывался матерчатым кушаком и т. д. Разговор о цели своего посещения он начинал издали, существовали специальные формулы зачина сватовства. Яусы говорил: “Потерял я то, чего не было, помогите мне найти это” (“*Юж югалтын йөрөйөм, югымды табып бирегез*”). Хозяева со словами “Если то, чего не было у вас, находится у нас, оно найдётся” (“*Әйзә түргә уз, югың безҙә булһа, табылыр*”) приглашали сватов на почётное место,

подавали угощение, и за трапезой начинались переговоры¹⁰. Сват расхваливал жениха и его родителей. Соглашаться сразу считалось неприличным, поэтому отец и мать девушки находили различные причины, якобы препятствующие браку, и отвечали, что их дочь пока не собирается замуж. Когда наконец родители девушки давали своё согласие, переходили к обсуждению вопросов о калыме и проведении свадьбы.

В прошлом у башкир бытовал и обычай умыкания (*кыз урлау*), чаще всего с согласия девушки и её родителей. Это вносило некоторые коррективы в свадебную обрядность и уменьшало свадебные расходы.

В ритуал башкирской свадьбы вошло обязательное юридическое оформление брака по шариату — никах (*никах*). На обряд бракосочетания отец и мать жениха ездили обычно одни, жених не должен был присутствовать. Родители невесты готовили трапезу (мясо, чай, сладости), приглашали муллу и двух-трёх пожилых людей, которые выступали в качестве свидетелей (*уаһум*). Могли присутствовать старший брат, дядя невесты, замужняя сестра с зятем и другие родственники. Родители жениха привозили угощение (мясо, кумыс, чай, печенье). Мулла справлялся о сумме махра, затем читал молитву, благословляющую брак и будущую супружескую жизнь молодых. После этого родители жениха и невесты одаривали муллу и присутствующих деньгами, иногда вещами. На этом официальная часть обряда заканчивалась и приступали к трапезе. Если жених и невеста были совершеннолетними, мулла в своей тетради делал запись о заключённом браке. В тех случаях, когда к моменту бракосочетания невесте ещё не было 17 лет, запись в тетради не делалась и обряд назывался “ижап-кабул” (*ижап-кабул*)*. Следует отметить, что влияние ислама на свадебную обрядность было незначительным. Башкирская свадьба и в XX в. продолжала носить традиционный характер.

До конца XIX в., когда свадебный цикл был растянут во времени, жених должен был приехать к невесте не раньше, чем за месяц до свадьбы, и не позже, чем через три месяца после никаха¹¹. Впоследствии это правило не соблюдалось: жених обычно приезжал или в день бракосочетания, или сразу после. Первый приезд жениха к невесте сопровождался ритуальными игровыми действиями.

* Ижап-кабул — название молитвы при помолвке.

Сначала подруги невесты прятали её в какой-нибудь постройке в деревне, в лесу или в поле. Затем начинались поиски. В них принимали участие молодые женщины-невестки (*еңгәләр*), обычно жёны старших родных братьев невесты или младших братьев родителей и дружка жениха (*кейәу егете*). В источниках XVIII—XIX вв. встречаются сведения о том, что жених также участвовал в поисках, а после обнаружения невесты должен был нести её на руках¹². Часто в ходе поисков инсценировалась “борьба” между молодыми женщинами и девушками, заканчивающаяся победой женщин. Обнаружив местонахождение девушек, женщины старались схватить невесту и её ближайшую подругу (*тәп кыз*). После этого все шли к дому, отведённому для молодых. Дверь перед женихом не открывали до тех пор, пока дружка не одаривал женщин деньгами или платками. Назывался этот обычай “дверная ручка” (*ишек быууу, ишек бауы*).

Приставленная к молодым невестка — енгя (*еңгә*) накрывала на стол. Женщинам, помогавшим в поисках невесты, она раздавала головные платки, подругам невесты — лоскутки ткани, мыло, серебряные монеты, предварительно вручённые ей женихом или дружкой. После трапезы она уходила последней, пожелав молодым любви, счастья, и запирала дверь. Рано утром енгя отправляла молодых в баню, затем угощала их завтраком. Обычно это был чай с блинами; подавали на стол также масло, мёд, печенье, баурсак, холодное мясо. В дом, где находились молодые, приходили дети и подростки. В некоторых районах молодых посещали девушки на выданье; они приносили блины и получали ответные подарки.

Погостив несколько дней, жених уезжал. Периодически он навещал молодую жену. Обычай посещения назывался “ходить в женихах” (*кейәуләп йөрөү*), продолжительность его зависела от выплаты калыма. Обычным днём приезда являлся четверг — предпоследний день мусульманской недели. Мужчины не показывался тестю, хотя тот знал о его регулярных визитах.

Свадебный ритуал при всех локальных особенностях представлял собой многоактное драматическое, музыкально-хореографическое и спортивно-игровое представление. Он продолжался несколько дней, даже недель, если торжества повторялись и у родителей жениха. Свадьба представляла собой взаимные визиты родственников жениха и невесты,

сопровождавшиеся угощениями, состязаниями, весельем и чередой обязательных свадебных обрядов.

Главные торжества устраивались у родителей невесты. Они продолжались в течение трёх-пяти дней и назывались, как и вся свадебная обрядность, — туй (*туй*). Родители невесты за время свадебных торжеств принимали участников свадьбы три раза: на первоначальный ужин (*туй алыу, тәүге аш, коза күрһәтеу*), главное свадебное пиршество (*туй ашы, туйлык*) и прощальный обед (*хуш ашы*). Эти три приёма являлись основными звеньями свадебного торжества.

Широко распространённым, особенно в скотоводческих районах Башкортостана, был обряд “догонять кот” (*кот сабыу, кот һебә сабыу*), “брать кот” (*кот алыу, кот алып хасыу*). Понятие “кот” (*кот*) означало “благополучие, счастье семьи и рода”. Так, в Зилаирском районе навстречу сватам выезжали верховые — родственники невесты, которые обязательно повязывали на руку выше локтя ленту из красной ткани. У гостей красной тканью были украшены чёлка и хвост лошади, дуга и упряжь. Встретив гостей, хозяева, оберегая своё счастье, пускались вскачь к деревне, гости должны были догнать и сорвать ленту с их рук. В д. Абзаково, близ г. Белорецк, встречать сватов мужчины выезжали на подводе, к дуге которой был привязан платок или кусок ткани. Хозяева угощали гостей. Затем, погоняя лошадей, устремлялись к деревне. Приезжие пускались за ними: кто догонял, тот и получал приз (*һебә*). Остаток пути сваты ехали все вместе и вереницей въезжали во двор невесты.

После небольшой трапезы хозяин дома — “основной, коренной сват” (*тәп коза*) распределял гостей по домам. У себя он оставлял отца жениха с женой, остальные гости уходили к родственникам. К вечеру все собирались у родителей невесты на ужин — “туй алыу” (*туй алыу*). Готовили традиционное мясное блюдо (*бишбармак, куллама*), подавали домашние колбасы (*казы, тултырма*), мёд, пироги, баурсак. Заканчивался ужин кумысом или бузой. Застолье с песнями и плясками затягивалось до глубокой ночи. В течение последующих дней участники свадьбы ходили в гости, посещая в день до пяти-шести домов.

Получил распространение обряд, связанный с угощением местных женщин привезёнными сватями местными, раздачей подарков родственникам невесты от имени зя-

тя и его родни (*күрнис, күрнеш сәйе, йыуаса*). Так, на юго-востоке на второй день свадьбы в доме родителей невесты собирались женщины. Они ставили самовар, готовили угощение. Родные жениха вносили сундук с подарками и гостинцами, на который была накинута вышитая салфетка. Старшая сестра или тётя невесты, сняв салфетку, получала её в подарок и в ответ объявляла о своём подарке невесте, это мог быть ягнёнок, коза, гусь, платье и др. Мать жениха, “главная сватья” (*тәп козағы*), доставала ключ от сундука на шёлковой ленте и передавала его младшей сестре или племяннице невесты. Она опирала сундук и получала лоскут ткани и ленту — свой свадебный подарок — и вынимала из сундука мешок с гостинцами и подарки. Одна из присутствующих женщин (обычно енгя), перекинув мешок с гостинцами через плечо, плясала и пела. В шуточных куплетах вославляла благополучие, умение, трудолюбие и щедрость сватов, нередким было и подсмеивание над ними.

Тут же устраивали обряд “облюбовывания невесты” (*килен һәйәу*). Невесту сажали в середину комнаты. Приезжие женщины, как бы одобряя выбор и принимая её в свой круг, вручали ей срезанные со своих нагрудников серебряные монеты или накидывали на голову платок. Свекровь желала невестке жить с мужем в любви и согласии, иметь много детей. Характерной особенностью двух последних обрядов было участие в них только женщин.

На второй, реже третий, день резали свадебный скот (*туйлык малы*). Устраивали для односельчан и гостей массовое угощение, иногда сопровождаемое скачками, состязаниями по стрельбе из лука, борьбе, бегу. Когда рождались представители байской верхушки, устраивались многолюдные свадебные торжества под открытым небом. В большинстве же случаев свадебное угощение “туй ашы” (*туй ашы*) устраивали дома.

В последний день свадьбы все собирались на прощальный обед — “хуш ашы” (*хуш ашы*). Сваты угощали, как и в первый день, но давали понять, что время их пребывания истекло, пора разъезжаться по домам. Достигалось это по-разному. В центральном Башкортостане в этот день варили пшённую кашу, которая называлась “кашей намёка” (*тәрткәс буткаһы*), показывая тем самым, что кормить больше нечем. На юго-востоке накрывали богатый стол, но во время трапезы появлялся молодой мужчина в выверну-

той шубе, который подойдя к свату, бил его слегка кнутом по спине, заявляя, что гостям пора домой; в ответ сват откупался — привязывал к кнуту деньги. Поэтому, этот обычай, как и обед, назывался иногда “обед кнута” (*сыбырткы ашы*).

Свадебные торжества на стороне жениха назывались “калын” (*калын*), “калын туй” (*калын туй*), “каршы туй” (*каршы туй*). Проведение калына знаменовало полную выплату калыма (от этого зависели сроки его проведения). В южных районах Башкортостана калын проводился через два-три года после свадьбы на стороне невесты, в других — через несколько месяцев. Обычно на калын приглашали гостей больше, чем на торжество на стороне невесты (например, если на туй приезжали 10-12 пар, то на калын — 12-14). Кое-где повторялись сцены встречи сватов и состязаний за кот. Гостили три-пять дней. Общий ритуал был в основном тот же, что и на свадьбе у невесты. “Главный” сват (на этот раз отец жениха) принимал участников торжеств три раза. В день приезда устраивался “первый обед” (*тәуге аш*). Угощения, проводимые на второй или третий день, назывались по-разному: “чай в честь подарков” (*бүләк сәйе*), “чай в честь угощения, привезённого сватами” (*сәк-сәк сәйе*), “показ сватов” (*хоҙа күрһәтеу*). Третье торжество называлось “прощальная чаша” (*хуш аяғы*). Гостей также распределяли между родственниками жениха; ходили поочередно в гости.

Специфичным являлся обряд “продажи подарков” (*бүләк һатыу*) родственницами невесты. Поперёк комнаты натягивался шнур и на него прикреплялись подарки. Они должны были свидетельствовать об искусстве и трудолюбию девушки, поэтому в комплекты входили только изделия, выполненные её руками. Один из основных комплектов составляла нагрудная повязка, к которой были пришиты хараус, кисет, лоскутки ткани, мотки ниток. Местным женщинам предлагалось “купить” подарок. Самый представительный и яркий комплект подарков (*башбүләк*) “покупала” мать жениха, затем сестра отца или матери, жена родного дяди, старшая сестра и т. д. Каждая женщина, получая подарок, оставляла на подносе деньги. Затем устраивали обряд “йыуаса” (*йыуаса*) с угощением, шуточными песнями и плясками.

Экономическую и социальную природу калына раскрывает обряд передачи калымного скота. Родственники невесты в послед-

ний день перед отъездом домой собирались в доме жениха и напоминали хозяину о калыме. Тот, угостив гостей, показывал им калымный скот¹³. Получив калым, отец невесты и другие родственники торопились уехать. В ряде мест родственники невесты сами должны были поймать калымный скот, прежде всего лошадей. Но отъезд осложнялся: они оказывались перед закрытой дверью. После некоторого торга, получив выкуп за каждую голову калымного скота, хозяева открывали перед ними дверь.

Молодая жена переезжала к мужу только после полной выплаты калыма. Иногда переезд жены в дом мужа совпадал с последним днём свадьбы, и родня жениха увозила с собой и невестку. В более поздние времена между свадьбой и проводами невесты проходило от нескольких месяцев до нескольких лет; там, где устраивали обряд калын, невесту увозили после него. Переезд жены к мужу рассматривался как значительное событие и обставлялся целым рядом обрядов и ритуальных действий.

Перед отъездом невесты её незамужние подруги выносили перевязанную верёвкой постель в лес; новобрачную сажали сверху. Устраивалась ритуальная “борьба” между девушками (со стороны невесты) и женщинами (со стороны жениха), в конце которой женщины, забрав постель, увозили невесту с собой, а верёвку вручали жениху за определённую плату¹⁴. Их победа символизировала переход невесты в статус замужней женщины.

Женщины вводили невесту в дом и начинали готовить к отъезду. Молодая надевала наряд, подаренный женихом или сшитый из материала, полученного в счёт калыма. Примечательным был головной убор (*башкейем*, *кэләнүш*, *кашмау*, *кушъяулык*) — по обилию серебряных и коралловых украшений сразу можно было определить молодую женщину, недавно вышедшую замуж.

Ярким моментом в проводах невесты было прощание с родными (*курешеу*, *курешеп биреу*), сопровождавшееся плачем-причитанием — сенляу (*сеңләу*) и прощальными куплетами — хамак (*һамак*). Подруги выводили невесту из дома. Одна из девушек несла подарки: полотенца, платки, кисеты и др. Девушки запевали хамак, остальные подхватывали мелодию, имитируя плач после каждого куплета. Сопровождаемая сенляу невеста подходила к старшему брату или дяде, обнимала его и с причитаниями говорила слова прощания. Подруга клала

на плечи того, с кем прощалась невеста, назначенный подарок: полотенце, кисет, вышитую рубаху, отрез ткани. Принимая подарок, брат или дядя произносили слова утешения и одаривали её деньгами, скотом, птицей (*мал айтеу*). Обычно дарили молодняка и птицу с будущим приплодом. Таким образом невеста прощалась со всеми братьями и сёстрами, с дядями и тётями, с дедушкой и бабушкой, с подругами и невестками, ближайшими соседями. Наиболее значительные подарки (полотенца, головные платки) доставались близким родным, остальные получали лоскутки ткани (*йыртмыш*), плетёные шнурки (*кысмау*) и др. Женщины одаривали невесту монетами, пришивая их к ткани на головном уборе. Проводы обычно продолжались в течение длительного времени.

В прощальных куплетах оплакивалась обречённость девушки, которая неизбежно должна оставить родной кров; выражалась тревога за будущую жизнь в подчинении у свекрови, среди чужих людей. Значительная часть прощальных хамак была посвящена отцу. Содержание куплетов чрезвычайно противоречиво. С одной стороны, в них девушка рисует дни, прожитые в отцовском доме как самую счастливую пору жизни, с другой, — обвиняет отца и мать в том, что они не дали ей спокойно жить, опасаясь, что долго засидится в девушках.

Примечательно, что в причитаниях большое место занимало обращение к старшему брату или дяде (*агай*) и его жене. Кое-где, в частности в Челябинской и Курганской областях, сохранился обычай, когда при проводах невесты её сажал на подводу к жениху старший из братьев или дядя. В ряде районов при переезде к мужу невесту сопровождали не родители, а старший брат или дядя (с жёнами). Видимо, это связано с существованием в далёком прошлом авункулатных обычаев в башкирском обществе, когда по отношению к детям женщины большими правами и обязанностями наделялись её братья и другие кровные родственники, а отец детей рассматривался как представитель другого рода.

Самые едкие укоры, обвинения в причитаниях невесты были обращены к старшей енгя (*яжы еңгә, оло еңгә*), которая во время свадьбы выступала как покровительница жениха, помогала ему в свадебных перипетиях. Енгя готовила брачную постель, баню, подавала кушанья, убирала и т. д. Такая

роль старшей невестки во время свадебной обрядности прослеживается также у татар и тюркских народов Средней Азии, в частности, у узбеков¹⁵. Отношение к молодым женщинам, жёнам дядей и старших братьев невесты как представительницам других родов и аулов просматривается очень отчётливо и в системе родства¹⁶. Если учесть обычай экзогамии (жён брали из других аулов и родов) или допустить существование у башкир в прошлом дуально-родовых отношений (брачными узами были связаны определённые роды), то, видимо, жених и невестка могли быть членами одного рода.

В исполнении сенляу существовали определённые традиции. Имеются сведения о том, что взрослые женщины толчками, бранью, ущипыванием заставляли девушек плакать: “так полагается”. Постепенно слова песни, мелодия и эффект коллективного действия брали своё — все участники обряда, и особенно невеста, начинали плакать по-настоящему. С плачем и песней девушки входили в дом родителей невесты. С головного убора невесты снимали пришитый кусок ткани с монетами, которым мать жениха опоясывала невесту, тем самым символизируя обретенную над нею власть, и в знак того, что принимает её в свой дом под своё покровительство. В это время в комнате начинались песенные состязания между сватьями (*һамак ҙитешеу*). Затем свекровь произносила благопожелания и наставления невесте — теляк (*теләк*). В них мать жениха призвала невестку быть доброй и заботливой хозяйкой, не тратить времени на сплетни, быть исполнительницей, но способной постоять за себя; желала, чтобы у неё загон был полон скота, а “подол полон детей”.

Перед тем как покинуть родительский дом, невеста брала шнурок или нитку и привязывала её к гвоздю на стене со словами: “Ниточку, которую привязала я, не отвязывайте, пока не сгниёт; еду я не в гости, не ждите меня, не вернусь” (“*Мин бәйләгән ебемде сереп тә төшмәй сисмәгез; мин китмәйем хунатка, мине лә кайтыр тип кәтмәгез*”). В другом случае, по сообщению И.Г. Георги, “в родительском доме обнимает она кумызный мешок, благодарит его, что столь долго её питал, и прикрепляет к нему небольшой подарок”¹⁷.

В этих и некоторых других эпизодах всячески подчёркивалось, что путь невесты лежит только в одну сторону, что она покидает родительский кров навсегда. Считалось,

что иной взгляд на её отъезд привлечёт несчастье. При выходе из дома невеста, демонстрируя свой отказ покинуть родительский дом, упиралась в дверные косяки. Она покидала дом только после того, как мать во всеуслышание заявляла, что дарит ей что-либо из скота или птицы (тёлку, овечку, гусыню). Одновременно с невестой выходили во двор остальные. Мулла совершал молитву (*азан ҙитеу*), оповещал окружающих о совершившемся бракосочетании и отъезде невесты.

В некоторых местах было принято требовать, чтобы жених и его родители не увозили кот — благополучие, жизненную силу хозяйства родителей невесты. Чтобы этого не случилось, родители жениха при выезде из ворот разбрасывали серебряные и медные монеты, сладости, нитки и другие предметы. Обряд назывался “возвращение кот” (*кот биреу, кот таратыу*).

На северо-востоке жених приезжал за невестой вместе с родителями и родственниками. При отъезде молодая выходила из дома, держась за пояс мужа. Но ехала она отдельно от него, на подводе своего дяди или старшего брата, сидя рядом с енгя. Жених ехал вместе с матерью. На юге Башкортостана жених приезжал за невестой один. Свадебная вереница состояла из трёх подвод: для жениха с невестой, отца и матери невесты, дяди или старшего брата невесты с женой.

У дома жениха собиралось множество народа: родственники, соседи, односельчане, взрослые и дети. Как только подводы подъезжали, специальный человек, дежуривший у ворот, быстро отворял их, другие брали лошадей за узду и вводили во двор. Когда въезжала последняя подвода, раздавался ружейный выстрел, извещающий о прибытии килен.

Невеста не спешила сходить с подводы. Свекровь подводила к ней тёлку в подарок и говорила: “Сойди, невестушка, опираясь, пусть ноги твои будут благословенны” (“*Таянып төш, килен, төклә аяғың менән төш*”). Невеста сходила, наступая на подушку или коврик, брошенный ей под ноги. В дом свекрови невеста обычно входила в сопровождении женщин. За порогом дома молодых снова встречала свекровь с тuesками, наполненными мёдом и маслом. Сначала она подавала невесте ложку мёда, затем масла. Ритуал с подушкой означал пожелание доброго нрава, спокойной жизни невесте, с мёдом — сладкоречивости, маслом — мягкости в обращении с другими.

В восточном Зауралье и на северо-востоке Башкортостана невесту вводила в дом одна из женщин по выбору родителей жениха. Проводив невесту в женскую половину дома, она развязывала её пояс и перетягивала им талию младшей сестры или племянницы жениха. С этого момента женщина становилась посажёной матерью (*морондок инэй, киэмэтлек эсэй, киэмэтлек инэй*), а девушка — “поясной золовкой” (*бил кәйенһеңле, бил каныш*). Они считались самыми близкими людьми молодой женщины в деревне мужа.

Значительным моментом в свадебных торжествах, проводимых в ауле жениха, является обряд показа источника воды — “хыу башлау” (*һыу башлау*) у южных и юго-восточных башкир, “хыу юлы башлатыу” (*һыу юлы башлатыу*) у северо-западных, “хыу курхатыу” (*һыу күрһатей*) у зауральских башкир. Невеста шла к реке в сопровождении золовок и их подруг. Одна из них, обычно младшая (*кәйенһеңле*), несла узорное коромысло и вёдра невесты. Зачерпнув воду из источника, она передавала коромысло невесте. Та бросала в воду серебряную монету. Этот обряд подробно был описан Б.М. Юлуевым: “На другой день молодую ведут на реку за водой с коромыслом; она при этом несёт с собой маленькую серебряную монету, привязанную к нитке, и бросает в воду, как бы в виде жертвы водяному духу; эту монету ребяташки достают из воды при шуме и драке”¹⁸. На обратном пути коромысло с вёдрами невеста несла сама. Взрослые и дети наблюдали, не выплёскивается ли вода, т. е. от этого, по поверьям, во многом зависело благополучие молодой семьи. Показ воды был не только ознакомлением с деревней и её окрестностями, приобщением к домашним обязанностям, получением благосклонности духа воды, но одновременно и своеобразным испытанием. Полнота символически-смысловой нагрузки, видимо, и способствовала сохранению обряда. В последние годы он возрождается во многих деревнях.

К моменту показа источника в доме родителей жениха собирали женщин деревни на чай. Перед этим из привезённых сундуков на общее обозрение вынимали вещи молодой: личную одежду, предметы убранства дома, посуду. Присутствующим раздавали подарки невесты (*курнеш, курнис, килен бүләге, бирнә*): нагрудные повязки, платки, куски ткани, нитки. С этого времени килен начинала выполнять работы по дому: ставила самовар, пекла блины, топила баню для

гостей. Сопровождающие невесту, погостив три-четыре дня, уезжали.

Через два-три месяца молодые супруги отправлялись к родителям невесты (*туркенгә барыу*). Погостив несколько дней, муж уезжал, оставив жену в родительском доме на продолжительное время. В значении “родня жены”, “родители жены” слово “*туркен*” известно во многих тюркских и монгольских языках, но в современном башкирском языке оно почти забыто, редко встречается и сам обряд. Через год, иногда позже, килен ездила к родителям снова и гостила там две-три недели. Обычай назывался “ездить на посиделки” (*утырмага барыу, утырып кайтыу*). Во время пребывания у родителей молодая женщина занималась рукоделием, шитьём, пополняла приданое. Каждая невестка с нетерпением ожидала эти поездки, воспринимая их как вознаграждение за терпение и повседневный тяжкий труд.

Исследователи справедливо указывают на консерватизм и относительность свадебной обрядности. Действительно, каждое новое поколение вносило и вносит в обрядовое оформление брака те или иные изменения, обусловленные конкретными обстоятельствами современного ему экономического и культурного развития. Да и сама обрядность, регламентируя действия людей в одних ситуациях, предоставляла им свободу в других. Благодаря этому в обрядах свадебного цикла возникали локальные варианты, а обрядность постепенно видоизменялась, дополняясь новыми деталями. Изменения уживались со старыми обычаями, порой очень архаичными. То же самое прослеживается в цикле семейных обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребёнка, принятием его в семейно-родственный коллектив и общину.

Основой жизнедеятельности общества считалось здоровье и гармоничное развитие детей. Ответственность за ребёнка, его подготовку к будущей жизни, наряду с семьёй, которой принадлежала главенствующая роль, несла и вся община. Рождение ребёнка в семье было радостным событием. Женщина, имевшая много детей, пользовалась уважением и почётом. Бездетная же, напротив, теряла престиж в глазах родственников и соседей. Бесплодие для женщины считалось самым большим несчастьем, оно рассматривалось как болезнь или следствие влияния злых духов, боже наказание за грехи. Мужчина был вправе жениться вторично, если от первой жены не было детей.

Известие о беременности принималось с радостью. Будущая мать продолжала вести обычный образ жизни и выполняла каждодневную работу (лишь в состоятельных семьях женщины освобождались от участия в сенокосе, рубке дров и другой тяжёлой работе¹⁹). Беременную женщину окружали особой заботой: старались выполнять все её желания в еде, оберегали от нервно-психических переживаний и т. д. По поверьям, только любованию красивыми вещами благотворно влияло на будущего ребёнка, поэтому беременная не должна была смотреть на уродов, безобразные предметы; ей запрещалось обижать животных, участвовать в похоронах.

При приближении родов приглашали повивальную бабку (*кендек инәһе, кендек әбейе, кендекәй, кендекәй-һыу инәһе*), которая считалась второй матерью родившегося. Повитухи пользовались большим уважением, вниманием. Считалось, что повитуха обладала способностью общаться с ребёнком, была посредницей между ним и миром духов. Повитуха входила в дом роженицы с правой ноги со словами: “Пришла освободить мешок, освобождаю мешок” (*Токто бушата килдем, токто бушата һалам*) или “Пусть легко и скоро родится этот ребёнок” (*Еңел булһын, был сабый тиз тыуһын*). Подойдя к роженице, трепала ей волосы и трижды трясла подолом возле неё, отгоняя злых духов. Одновременно она разговаривала с ребёнком, как бы просила его поскорее родиться: “Ну, скорее освободи мешок, нужен мешок” (*Йә, бушата һалып бир токто, ток кәрәк*).

Повивальная бабка старалась усилить родовые потуги: растирала роженице поясницу, водила её по дому, массировала живот, “выжимала” ребёнка, перевязав живот платком. С целью скорейшего разрешения от бремени предпринимались также и различные ритуальные действия. Если в каком-то доме начинались роды, иногда открывали или снимали двери мечети. При трудных родах роженицу ударяли пустым кожаным сосудом или трясли перед ней пустым мешком. Тяжело рожавшей женщине давали выпить воду, в которой сполоснул руки человек, вырвавший лягушку изо рта змеи, или воду, в которую соскоблили роговицу с его ногтей. Для облегчения родов повитуха обмывала роженицу водой, которой протирали священные книги, ручки дверей, дверные скобы, оконные стёкла.

Во время родов входило в дом запрещалось, только в исключительных случаях к

роженице допускали мужа. Муж должен был сказать: “Легко разродись” (*Еңел тыуһын*) или “Жена моя, разродись поскорее” (*Катынхайым, ризамын инде, тулгағың килһен инде*). Это, видимо, было связано с древним обрядом кувады (симуляция отцом родового акта при рождении ребёнка), в котором подчёркивалась причастность мужчины к родам, его способность участвовать, облегчать их.

Повивальная бабка перерезала пуповину ножницами или ножом на книге, доске или на пятке сапога — эти предметы воспринимались как обереги. Высохшую пуповину закапывали в укромном месте.

Новорождённый сразу же должен был подать голос, как бы подтверждая тем самым, что в него вселилась душа (*йән керзе*). Если он долго молчал, повитуха стучала в поднос, гремела железками, произносила имя его отца. Для новорождённого считалось счастливым предзнаменованием родиться в плаценте, то есть “в рубашке”, “в сорочке” (*бөркәнсектә, пәрзәлә*). В прошлом говорили: “Плацента сохраняет жизнь (душу)” (*Бөркәнсек йән һаклай*). “Рубашку” (*бөркәнсек, пәрзә*) высушивали и зашивали в тряпочку, владелец должен был носить её с собой (когда человек умирал, её вместе с умершим заворачивали в саван).

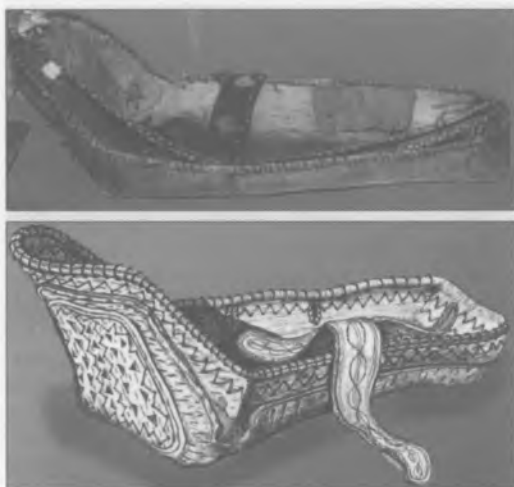
Приняв ребёнка, повитуха обвязывала его запястья ниточкой и, заворачивая в пелёнки (*йүргәк*), нарекала временным (пелёночным, пупочным) именем (*йүргәк исеме, кендек исеме*). Послед (*бала арты, һуңғы, бала ястығы, яткылык, улан арты*), который считался частью ребёнка, обмывали с молитвами, заворачивали в “саван” (*кәфен*) и закапывали в укромном месте: захоронение последа должно было обеспечить жизнь и благополучие ребёнка. Использованные во время родов вещи тщательно мылись и закапывались вместе с последом.

Сообщивший отцу весть о рождении ребёнка получал от него подарок (*һөйөнсө*). Рождение ребёнка было большим событием для всего аула. В первое время, чтобы роженица не подорвала своё здоровье (*өзләгәү*), ей помогали по хозяйству. Навестить роженицу считалось священным долгом родственниц и соседей. Женщины приносили с поздравлениями, обязательно принося с собой гостинцы: масло, хлеб, сахар, чай и др. Кроме того, если рождался мальчик, дарили кисты или лоскуты материи, если девочка, — нагрудные повязки²⁰. Новорождённому гово-

рили благопожелания: “Пусть будет счастливым” (“*Бәхетле булһын*”); “Поздравляем вас с ребёнком, пусть он будет опорой отцу и матери” (“*Бәпәйегез котло булһын, атаһына-инәһенә терәк булһын*”).

Наиболее опасными для ребёнка и матери считались первые 40 дней. В прошлом верили, что именно в этот период душа окончательно вселялась в младенца, но вокруг собирались злые силы, ждущие удобного момента, чтобы причинить вред. Не случайно в некоторых районах, отмечая благополучное окончание сорокадневного периода, женщины собирались на чаепитие. Так, пермские башкиры, когда девочке исполнялось 40 дней, начинали готовить ей приданое, считая, что опасность смерти миновала.

Ребёнка сразу после рождения укладывали в колыбель. В цикле родинных обрядов основным считался праздник колыбели — бишектуй (*бишек туйы*). Он означал признание ребёнка обществом, наделение его своим жилищем — колыбелью; на этом же празднике давалось и имя ребёнку. Со временем обряд наречения имени стал самостоятельным праздником (*исем туйы*) и постепенно заменил праздник колыбели. Башкиры изготавливали колыбели из различных материалов: из бересты, луба, лыка, черёмухи, липы и др. Описание берестяной колыбели (*бишек*) оставлено И.И. Лепёхиным: “Её улаживают наподобие челна или лодки, укрепляя оную по краям таловым прутьем. Снаружи и внутри... где младенцевой груди быть надлежит, с обеих сторон продевается... по две петли. В ногах подобныя же две петли продевают. Сими петлями прикрепляют грудь и ноги младенца, чтобы из люльки не мог выпасть. За таловину, прикреплённую к боку, утверждают ремень или покроем, которые надевают через плечо. Таким образом башкирка, едучи верхом, спокойно может везти и кормить грудью своего младенца; да и младенец, будучи привязан, из люльки вывалиться не может, хотя бы лошадь споткнулася, или другой бы какой случился толчок”²¹. Д.П. Никольский сообщал, что длина берестяной люльки достигала 12—14 вершков (около 60 см). На дно люльки клали берёзовые гнилушки для впитывания влаги, по мере надобности их меняли²². В Российском этнографическом музее хранятся колыбели, приобретённые С.И. Руденко в восточном Зауралье: одна из берестяных колыбелей имеет поперечные завязки, сшитые из кусочков разноцветной материи, и шнурок для подвешивания, украшена кис-

Берестяные колыбели.

точками, резным орнаментом и полосками красной и зелёной ткани. Вторая защищена амулетами (шарик из овечьей шерсти с закатанной в него молитвой). Третья, кроме завязок и верёвок, имеет согнутый прут для подерживания покрывала.

Д.П. Никольский отмечал, что у пермских и оренбургских башкир часто встречалась колыбель, “представляющая собой корзину, сделанную из лубка, с приделанным к ней посредине обручем, наподобие дуги, при посредстве которого колыбель надевается через плечо для переноски или привешивается к дереву, когда мать работает в поле”²³. Об использовании такой колыбели во время полевых работ писал М.А. Круковский: “Среди поля стоит телега с поднятыми кверху оглоблями; к ним на верёвке подвешена люлька, а в ней лежит неприкрытый ребёнок. ...Но для чего к люльке привязана собака?.. когда ребёнок заплачет, собака бежит на зов и таким образом раскачивает люльку. Убаюканный ребёнок успокаивается”²⁴. С.И. Руденко описал распространённые в северном и центральном Башкортостане колыбели (*салей, сәңгелдәк*) в виде пялец, затянутых плетёным лыковым полотнищем, холстом или с основанием из черёмухового обруча.

Большое распространение получила колыбель, состоящая из рамы, заплетённой лыком или затянутой холстом (*сәңгелдәк, сәмгелдәк*). Она подвешивалась на пружине к потолочному крюку с помощью ремней или верёвок, прикреплённых к её углам. В качестве крюка нередко использовали конские удила, веря, что это придаст ребёнку силу.

1

2

Колыбели:

(1 — д. Юлуково Гафурийского района, 1978 г.);
(2 — д. Кабакушево Стерлибашевского района, 1970 г.).

Если ребёнок в первые дни и месяцы жизни часто заболел, считали, что его подменил шайтан (*нэрей*). С охранной целью к колыбели прикреплялись обереги: кольца, иголки, стрелы, камни из священных мест, закатанные в шерсть зародышевые волосы младенца, зашитые в тряпочку или кожу изречения из Корана, мешочки с пуповиной или плацентой новорождённого, волчьи, медвежьи, заячьи, барсучьи когти, медвежьи и волчьи зубы, плоды рябины, можжевельника, раковины каури и др.²⁵ Был распространён обряд “купли-продажи ребёнка”: цель ритуальных действий заключалась в том, чтобы перехитрить демона, внушить злому духу, что это не тот ребёнок, который должен был появиться на свет.

На третий или седьмой день после рождения ребёнка представляли обществу и устраивали угощение в честь младенца (*кендек сәйе, еп сәйе, бәпәй сәйе*). Приглашались только женщины, многие приходили с детьми, приносили гостинцы (масло, сметану, сладости, печенье). После трапезы им раздавали заранее приготовленные роженицей “нитки младенца” (*бәпәй ебе*). Нитки были обязательно белого цвета, они символизировали долголетие ребёнка. Иногда их прикрепляли к лоскуткам ткани (*йыртыш*). В некоторых районах вместе с нитками женщинам давали нагрудники, мальчикам — кисеты, девочкам — колечки. Перед уходом все произносили благопожелания.

Центральным в цикле обрядов, связанных с рождением ребёнка, являлся обряд наречения имени (*исем туйы*). Это торжество устраивалось на третий²⁶ или на 40-й день после рождения. Существовало поверье, что если ребёнок часто плачет, значит, он просит имя. Церемония наречения имени (*исем кушыу*) везде происходила однотипно. На праздник приглашали муллу, родственников, соседей. Ребёнка укладывали перед муллой на подушку головой к кибле (*кибла*)*. Мулла, прочитав молитву (*азан*), трижды произносил в уши ребёнка (сначала в правое, затем в левое): “Пусть твоё имя будет таким-то”. По случаю торжества готовилось угощение. На стол подавалось мясо, суп-лапша, каша, блины, баурсак, чай, мёд, кумыс и др. Во время обряда роженица преподносила подарки повитухе, своей матери, свекрови. Размеры подарков зависели от благосостояния семьи. Повитухе обычно дарили платье, шаль, платок или деньги.

По представлениям башкир, жизнь ребёнка и его счастье во многом зависели от имени: имя влияло на судьбу, характер и способности человека. Не случайно родители тщательно выбирали имя, которое часто воспринималось как оберег (тем детям, здоровье которых внушало опасение, давали защитные имена). В этом нашла отражение вера в магическую силу имени. Многие имена восходили к древности, были связаны с почитанием солнца, луны, земли, явлениями природы, названиями растений и др. Они отражали занятия людей, физические свойства человека, время и место его рождения²⁷. Распространёнными среди имён-оберегов были

* Кибла — направление на Каабу, куда обращаются мусульмане во время молитвы.

имена, связанные с металлическими предметами или с камнями. Имена, данные при рождении, могли изменяться при чрезвычайных обстоятельствах, например, из-за частых болезней.

В день наречения имени пожилая женщина, обычно соседка, срезала с головы ребёнка несколько волосков и закладывала их в Коран. Повзрослев, ребёнок называл эту женщину “волосая мать” (*сәс әсәй*)²⁸. Чаще всего первые волосы (*жарын сәсе*) через одну-две недели сбривались отцом; их иногда хранили вместе с пуповиной.

Отмечались успехи в развитии ребёнка. Первый молочный зуб у ребёнка должен был обнаружить кто-то из посторонних. Тот, кто находил его, дарил ребёнку рубашку или что-то из живности. Иногда по этому случаю собирали гостей и угощали. А. Муратов пишет, что тот, кто нашёл зуб, становился для ребёнка “зубным отцом” (*теш әтай*)²⁹. Тот, кто первым увидел, как малыш начинал ходить, должен был сделать ребёнку подарок (обычно рубашку или платье). В честь первого шага ребёнка устраивали чаепитие (*тәһәй сәйе*). На торжество приходили женщины, приносили подарки, произносились благопожелания.

В цикл обрядов, связанных с рождением ребёнка, входил принятый у мусульман обычай обрезания (*сәннәтләү*) и праздничное угощение “суннат туй” (*сәннәт туйы*). Обрезание считалось обязательным для мусульман, хотя и не имело письменного религиозного узаконения. Устроить суннат туй было обязанностью отца мальчика. Обряд обрезания, воспринятый исламом из ранних верований, стал символом введения нового человека в религиозную общину, подобно христианскому обряду крещения³⁰. Обряд проводился в пяти-шестимесячном возрасте или от одного года до 10 лет, обычно обрезание совершал пожилой мужчина, иногда родственник или член семьи³², — бабай (*бабай*), отсюда второе название обряда — “бабага биреу” (*бабага биреу*)³¹. Часто бабай ходили из деревни в деревню, предлагали свои услуги за определённую плату³³. Перед началом обряда читалась молитва, затем производилась операция, по окончании присутствующих одаривали деньгами и угощали. Угощение могло состояться как в день обрезания, так и через несколько дней.

Все описанные выше обряды были направлены на обеспечение здоровья и благополучия ребёнка и его семьи. Многие дейст-

вия, несмотря на наличие магических элементов, имели рациональную основу. Разнообразные обряды в честь ребёнка (укладывание в колыбель, наречение имени, обрезание, стрижка первых волос, угощения в честь появления зубов, первого шага и др.) символизировали связь ребёнка и его матери с обществом, коллективом.

В цикле семейных обрядов завершающими являются погребально-поминальные обряды. В конце XIX—начале XX вв. погребение и поминание умерших у башкир осуществлялось по канонам официальной религии — ислама, хотя и содержало в себе немало элементов древних верований. В то же время сам ислам, как и другие мировые религии, многое заимствовал из ранних религиозных систем, поэтому в похоронно-поминальной обрядности, отличающейся синкретическим характером, тесно переплетены различные религиозные напластования³⁴.

Похоронно-поминальная обрядность включает пять последовательных циклов: обряды, связанные с охраной покойника (*мәйетте һаҡлау*), подготовка умершего к погребению (*мәйетте йыйыу*), проводы покойника (*мәйетте озатыу*), захоронение (*мәйетте күмеу, мәйетте ерләу*), поминки (*искә алыу*).

К умирающему приглашали муллу или знающего молитвы человека, который читал над изголовьем ясин (36-я сура Корана). Молитву читали так, чтобы умирающий мог её слышать, полагая, что этим облегчат его муки и отгонят злых духов. Умершему с молитвами закрывали глаза и укладывали на что-нибудь жёсткое с вытянутыми вдоль тела руками. Иногда поверх одежды на грудь клали острый железный предмет (нож, ножицы, напильник, гвоздь), лист бумаги с молитвой из Корана или соль.

Покойник считался опасным для людей, поэтому его охраняли днём и ночью. Сидение возле умершего (*мәйетте һаҡлау*) считалось богоугодным делом (*һауаплы, сауаплы*). Умершего старались похоронить как можно скорее. Если смерть наступала утром, хоронили не позднее полудня, а если человек умирал после захода солнца, то похороны переносились на первую половину следующего дня.

По мусульманскому обычаю люди, пришедшие попрощаться с умершим (*мәйетте күрергә*), могли увидеть его лицо только до омовения. Обычно приносили с собой деньги, полотенца, платки, мыло, продукты и складывали их на специально поставленный для

Намогильный деревянный столб
(д. Сабыврово Зилаирского района,
1981 г.).

Намогильный камень
(д. Верхнегалеево Зилаирского
района, 1981 г.).

этого стол или стул (иногда и на грудь умершего) со словами “Даю милостыню” (“*Хэйер бирэйем эле*”). Все принесённые вещи раздавались затем участникам похорон. Обычай приносить умершему подарки был, видимо, пережитком доисламских религиозных культов.

В день погребения умершего обмывали: мужчину — мужчины, женщину — женщины, детей — и те, и другие. Как правило, “обмывальщиками” (*мэйет йыуыусы*) были в деревне одни и те же люди, которые, наряду с копателями могилы (*кэбер казыусы*), считались наиболее важными фигурами в похоронной обрядности. Считалось, что оттого, как подготовят тело к выносу и какое ему приготовят место на кладбище, зависит судьба живых. Не случайно самые дорогие подарки во время поминок вручали тем, кто обмывал покойника и подготавливал могилу.

Умершего начинали обмывать, когда с кладбища поступало известие, что в могиле начинают копать нишу (*лэхет*). В омовении принимало участие от четырёх до восьми человек. Обмывали умершего на большом лубе — кабык (*кабык*). Позже для этой цели стали использовать сбитые вместе доски, по форме напоминающие кабык или корыто. Назывались они по-разному: “кабык такта” (*кабык такта*), “кумта” (*хумта*), “колаша” (*колаша*), “улак” (*улак*), “йыназа аяк” (*йыназа аяк*), “ялгаш” (*ялгаш*). Вначале совершали полное ритуальное омовение (*таһэрэт*), затем мыли покойника (с мылом или без него), пос-

ле чего обливали его водой и насухо вытирали. Про того, кто переворачивал покойника во время мытья, говорили, что он “перевернул самую тяжёлую кость” (*иң ауыр һөйәк аузарған кеше*), именно ему вручали самый дорогой подарок.

Умершего заворачивали в саван (*кафен*). На саван уходило 12—18 м ткани белого цвета, которую, как и подарки для раздачи на похоронах, многие готовили ещё при жизни. Раньше саван шили из конопляной или крапивной ткани. По свидетельству С.И. Руденко, горные и зауральские башкиры предпочитали крапивную материю, а если её не было, употребляли холст или миткаль, но зашивали саван крапивными нитками³⁵.

Заранее раскраивать саван было недопустимо, это делалось лишь при омовении покойного. Умершего оборачивали поочередно тремя слоями савана слева направо, перевязывали верёвками или полосками ткани (*билбау*) над головой, в поясе и в области колен. Погребальная одежда женщины, помимо трёх слоев савана и пояса, включала платок, нагрудник и штаны. В саван клали листок бумаги с цитатами из Корана, чтобы умерший мог ответить на вопросы ангелов, прилетающих допрашивать умершего (*яуаплама*). С этой же целью во время обмывания имитировали написание на груди умершего изречений из Корана “Нет бога, кроме Аллаха” (повторялось 99 раз), “И Мухаммед его пророк” (в 100-й раз). Затем покойника перекладывали на луб, покрытый паласом или занавесью.

Во время выноса покойника обьявлялся так называемый “умилостивительный дар для того света” (*гүр хэйер, гүр сазака*) тому, кто будет молиться за душу умершего. Обычно этим человеком считался мулла. В качестве дара принято было давать живность (*тере мал, кош-корт*): лошадь, корову, овцу, гуся, курицу или деньги. После церемоний, связанных с обещанием или подношением дара, раздавали милостыню всем присутствующим. Это могли быть носовые платочки, мыло, чулки, монетки или мотки ниток (нитки умершего — *үлемтек ебе*).

Каменная обкладка на могиле
(д. Аисово Белорецкого района, 1977 г.).

Покойного выносили из дома ногами вперёд, что, по поверьям, гарантировало невозможность его возвращения. Кабык с телом умершего укладывали на деревянные или лубяные носилки (*санаса*, *тим агасы*, *йыназа агасы*), состоящие из двух длинных жердей с поперечными перекладинами. Женщины провожали умершего только из двора, реже до ворот кладбища. После выноса покойника дом, как и его вещи, тщательно обмывали.

К кладбищу процессия продвигалась быстро. За 40 шагов до ворот полагалось читать особую молитву — *йыназа намазы* (*йыназа намазы*). Перед погребением у могилы вновь читалась молитва. Опускали покойника в могилу на руках или на полотенцах. Укладывали на спину или на правый бок так, чтобы лицо было обращено к кибле. По мусульманскому обычаю, в могилу никаких вещей не клали. Чтобы земля не попадала на погребённого, могильную нишу прикрывали досками или лубом (*лэхет тактаһы*).

После того как могила была засыпана, все усаживались вокруг могильного холмика и мулла прочитывал одну из сур Корана. Затем наступала раздача милостыни — *хаер* (*хэйер*). Копавшим могилу преподносили ценные подарки: полотенца, рубахи, вязаные носки или рукавицы. Дорогой подарок давали тому, кто рыл могильную нишу; про него говорили, что он «построил дом» для умершего (*йорт һалған*).

На надмогильных камнях или деревянных столбах наносили тамгу рода; имя умершего, дату рождения и смерти; изречения из Корана. Надмогильные столбы были высотой 0,5—1,5 метра. В Зауралье верхняя часть столбов вырезалась иногда в форме челове-

Каменная обкладка и надмогильный камень
(д. Верхнегалево Зилаирского района, 1981 г.).

Надмогильный сруб
(д. Хамитово Абзелиловского района, 1971 г.).

ческой головы. Надмогильные камни были высотой от 30 см до 2,5 метров. В лесных районах над могилой ставили сруб из нескольких венцов в виде «костровой» конструкции. В лесостепных, степных районах, а также в Зауралье могилы обкладывались по периметру камнями. На кладбищах и сейчас на некоторых могилах можно увидеть такие столбы, срубы и каменные обкладки.

Заключительным циклом похоронно-поминальной обрядности были поминки. Как и у других народов, у башкир поминки служили своеобразным способом общения с мёртвыми. В отличие от похорон, поминки не были строго регламентированы исламом. Согласно древним верованиям, умерший продолжал жить и после смерти. В эпосе «Куз-Курпач», отражающем доисламскую эпоху, говорится, что у башкир на поминках было принято совершать те потехи, которые умерший любил в жизни³⁶. На поминки влиятельного при жизни человека собирались многолюдные йыйыны, устраивались праздничные развлечения, скачки, игры³⁷.

Поминки обязательно справлялись на 3-й, 7-й, 40-й день и через год. В приготовлении угощений главным было “создание скородного запаха” (*таба есе сыгарыу*) — существовало поверье, что запах жареного, считавшегося пищей умерших, отгонял злых духов и помогал душе отвечать на вопросы допрашивающих его ангелов. Поминальная пища зависела как от благосостояния семьи, так и от местных традиций. Среди южных и юго-восточных башкир главными поминальными блюдами считались тонкие лепёшки из пшеничной муки (*йэймэ*) и пшеничная каша на молоке (*бутжа*)³⁸.

Первые поминки устраивались на третий день (*өсө*). Приглашали всех, кто присутствовал на похоронах: муллу, родственников, соседей, которые приносили с собой гостинцы: чай, баурсак, блины и др. Мулла читал молитвы за упокой души умершего. Готовили бишбармак, суп-лапшу, балеш, кумыс. К чаю подавали сладости и мучные изделия: пироги с рисом, изюмом, урюком, смородиной или черёмухой, баурсак. Если не было мяса, варили пшённую или рисовую кашу, а также лепёшки. После угощения раздавали хаер: мулле — деньги, обмыавшим — платки, платья или отрезы (женщинам), рубашки (мужчинам). Копавшие могилу получали рубашки, полотенца, вязаные носки, варежки или деньги. На поминках, как и на похоронах, раздавали также мотки ниток: в первую очередь их получали те, кто охранял и обмывал умершего. Женщинам иногда давали нитки вместе с нагрудником, лоскутом ткани или коралловыми бусинками. Этот обряд является отголоском древнего поверья о переселении души умершего при помощи ниток, он был распространён также у многих народов Поволжья и Сибири³⁹, Средней Азии. Получение кусочков ткани на похоронах пожилого человека трактуется как обряд, “позволяющий стать преемником благодатных качеств почитаемого предка кратчайшим путём, т. е. путём причащения”⁴⁰.

Вторые поминки устраивались на седьмой день (*emehe*). Как и во время первых поминок, мулла прочитывал молитву, подавалось угощение, присутствующим раздавали хаер. Приглашёнными были участники похорон и все родственники.

Главные поминки устраивались на 40-й день (*жыркы*). Их разрешалось проводить и раньше назначенного срока. 40-й день считался самым важным и обязательным ритуалом поминального цикла. На эти поминки приглашали всю родню, говорили: “Нельзя

кого-то из рода оставить неприглашённым” (*“Бөтә ырыу калмай”*). Считалось, что на 40-й день душа умершего покидала свой дом — до этого она каждый день скиталась поблизости. В Бардымском районе Пермской области в 1984 г. было записано поверье, что в течение этого срока душа умершего прилетала и садилась на крышу дома или окно. Сердца живых при этом словно пронзались сорока иголками; в течение сорока дней их по одной вытаскивали, постепенно боль стихала, горе притуплялось. В эпосе “Заятуляк и Хыухылу” героиня ждёт возлюбленного 40 дней, а на 41-й день, не дождавшись, умирает⁴¹. В башкирском эпосе “Акхак-Кола” подробно описываются поминки 40-го дня: было зарезано 40 баранов, яловых кобылиц и 40 двугорбых верблюдов, приглашены муллы, которым подарили 40 мотков ниток⁴². В течение 40 дней ежедневно читали молитвы, на 40-й день — заключительную. После молитвы мулле давали хаер, затем подавалось угощение. К поминкам обязательно забивали лошадь, телку или барана. В народе сохранилось выражение, что на этих поминках “гостей принимали как сватов” (*коза кеуек зурлайзар*). Состав поминальных блюд в целом был тот же. Заканчивались поминки раздачей хаер.

Завершался поминальный цикл годичными поминками (*йыллык, йыл үткәреу*). Обряд поминования в этот день был аналогичен поминкам 40-го дня. Умерших родственников поминали также во время пятничных молитв. Считалось, что в четверг вечером души умерших навещаются домой. Им посвящали молитву.

Необходимость соблюдения поминальных обрядов отражена в башкирском фольклоре. Как трагические описываются случаи, когда родственники не могли устроить поминки по умершим родным⁴³.

В настоящее время содержание семейных обычаев изменилось, в них сократились архаические черты, увеличиваются социально-бытовые элементы, но их значение в жизни человека осталось прежним. Возрождаются многие мусульманские обряды, воспринимаемые часто как национальные башкирские. Из традиционных родинных обрядов ныне бытуют поздравления с новорождённым, обряд наречения имени, обрезание. В свадебной обрядности сохранились чтение никаха, выкуп невесты, показ источника воды и др. Погребальный ритуал изменился мало. В сельской местности часто на похоронах и свадьбе принимают участие все жители деревни.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Важное место в жизни башкир, наряду с семейными обычаями и обрядами, играли народные праздники (*байрам*), которые сопровождались массовыми гуляньями и развлечениями. В праздник преобладалось всё: убранство жилища, облик и поведение людей; не позволялось работать, следовало принимать гостей и ходить в гости, участвовать во всех праздничных обрядах. В условиях кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства праздники играли важную роль в установлении контактов между родоплеменными объединениями, способствовали этнической консолидации народа. В них находили отражение различные виды народного творчества: устно-поэтическое, музыкальное, хореографическое, театральное и др.

В этнографии народные праздники, как и обряды, принято делить на семейные (связанные с рождением и смертью человека, вступлением его в брак) и календарные (приуроченные к переломным периодам астрономического года или к выполнению определённых сельскохозяйственных работ). Деление это условное, т. к. семейные празднества фактически не были делом только одной семьи, хотя в них, несмотря на многолюдность, ощущалась принадлежность отдельных людей и семейных групп к родственному клану.

Башкирские народные праздники имели значительное сходство: они состояли из одинаковых, хотя и по-разному оформленных, составляющих; объединялись как структурно, так и по содержанию. Главной их целью было обеспечение плодородия и благополучия, чего можно было достигнуть только при содействии всего общества, всех членов рода — как живых, так и умерших. Большие торжества в честь важнейших событий в жизни человека и общества обозначались словом “туй” (*туй* — свадьба, пиршество, праздник) и именно они были наиболее цельными в обрядово-ритуальном оформлении.

Основные праздники башкир справлялись весной — в начале лета: эти времена года воспринимались как важный этап, когда закладывались основы будущего урожая, благосостояния хозяйства и здоровья членов семьи и общины.

Годовой цикл календарных праздников у башкир, проживающих по берегам рек, открывался праздником ледохода (*боз китеу*). К празднику готовились заранее. На северо-востоке Башкортостана из лоскутков ткани

делали кукол в виде мужчин, женщин, детей. Во время ледохода (днём или ночью) старые, молодые, дети — все собирались у реки. Женщины и девочки со словами: “Унеси наши болезни, дай нам долгую жизнь” (“*Безгәң ауырыуларҙы алып кит, безгә озон гүмер бир*”), — бросали кукол или монетки на льдину. Мужчины и мальчики бросали на льдину сделанную заранее деревянную лошадку или зажжённую солому со словами: “Унеси все болезни, всю грязь” (“*Бәтә булған ауырыуларҙы, бысрактарҙы алып кит*”). Смысл этих действий заключался в стремлении оградить себя от болезней, избавиться от всего дурного, вредного. Веселились целый день, а если ледоход наступал ночью, то до самого утра. Обязательно пели песни и плясали, играли в традиционные игры.

По древним представлениям башкир, процессы, связанные с обновлением природы, кормлением детей, скота, вызреванием урожая, относились к женской сфере, поэтому весна, как и раннее детство человека, была насыщена женскими и детскими обрядами. Дети занимали место в обрядовой системе в соответствии с их возрастом. Активной группой в женских обрядах были дети до 13 лет. Они имитировали птичьи повадки, голоса и пение. В произведениях башкирского фольклора есть сведения, что перед проведением женского празднества каргатуй (*каргатуй*, *карга* — ворона, *туй* — праздник) детьми и распорядительницей праздника (*алсабыр*, *юлбарсы*) исполнялись стихи, сопровождавшиеся имитацией птичьих голосов¹.

Каргатуй в прошлом был одним из крупных праздников. Он справлялся в центральных и горных районах Башкортостана и в восточном Зауралье по случаю пробуждения природы: появление птиц извещало, что наступило время весны. Возникновение праздника было связано с культом птиц и первоначально интерпретировалось как “воронья свадьба”, “воронья каша”; впоследствии, символизируя встречу весны, — как “грачиная свадьба”, “грачиная каша”.

Праздник проводился обычно на поляне за деревней или на ближайшей горе в определённый день в период с мая до середины июня. К месту проведения праздника несли собранные накануне по домам самовары, чай, сахар, хлеб, крупу. На юге Башкортостана на ветки растущих вблизи деревьев и кустарников вешали разноцветные ленты, платки, бу-

Каргатуй
(Челябинская область, 1959 г.).

сы, серебряные монеты, кольца, браслеты. Вокруг украшенного дерева женщины водили хоровод, произносили благопожелания. В северо-восточном Зауралье деревья в день празднеств украшали цветами; берёзки соединяли яркими шальями. Под деревьями расстилали скатерти и угощались особым ритуальным кушаньем из муки, сваренной в сметане (*эумэ-лэ*). Ритуальным блюдом на празднествах была также пшённая или пшеничная каша.

Во время празднества обращались к природе и птицам с просьбами об изобилии и благополучии². На празднестве исполнялись подвижные игры (бег наперегонки, прятки, прыжки через яму), в которых участвовали дети и женщины молодого и среднего возрастов. Любимым развлечением были качели. Активность на празднике поощрялась, была не только желательной, но и обязательной. Во время плясок в каждом женском хороводе были зачинщицы (*бейеугэ төшөрөүсе*). Старшая из женщин, являвшаяся распорядительницей на этом празднике, была облачена в бутафорский старинный костюм и высокую шапку на берестяном каркасе, украшенную ракушками³. В ходе праздника обычно три раза исполнялся клич (*һөрән*): как приглашение на совместную трапезу, к угощению птиц и как сигнал об окончании праздника.

После трапезы оставшуюся кашу раскладывали по веткам деревьев, пням или на камнях, угощая птиц. Если каргатуй проводился на горе, то на её вершине оставляли еду, монетки, лоскутки ткани для умиловления духа-хозяина горы.

Исключительно важную роль в весенне-летних обрядах играло кушанье из злаков (ячменя, пшеница, пшеницы), вследствие чего в названии праздника вместо слова “туй” употреблялось слово “бутка” (*бутка*) — каша. Так, на юге и западе Башкортостана празднество, аналогичное каргатую, называлось “карга буткакы” (*карга буткакы*) — “воронья каша”, “грачиная каша”⁴. Основные продукты праздничных трапез (крупа, яйца), помимо утилитарного назначения, явля-

лись также и символами плодородия.

По описанию С.И. Руденко, у западных башкир карга буткакы сохранился как детский обряд. Толпа мальчиков ходила по домам и, выкрикивая: “Крупа, крупа, крупа!” (“Ярма, ярма, ярма!”), — собирала крупу, яйца, масло. Собрав продукты, дети шли к реке и варили кашу⁵.

На западе Башкортостана после совместного угощения кашей жители обливали друг друга водой. Празднество карга буткакы включало в себя и обряд ямгыр буткакы (*ямгыр буткакы*, *ямгыр* — дождь, *бутка* — каша). По свидетельству И.И. Лепёхина, наблюдавшего каргатуй у катайцев (восточный Башкортостан), основной целью праздника было вызывание дождя⁶.

В засушливое лето с целью вызывания дождя проводились обряды обливания водой, коллективного купания в реке, забоя животного чёрной масти (под цвет чёрной тучи), бросания в воду чёрных, прокопчённых на костре котлов. В юго-восточном Башкортостане женщины оголяли спину молодой невестки и обливали её водой. Если дожди продолжались слишком долго, устраивался обряд “пожелание” (*теләк*). Чтобы прекратить дождь и вызвать солнце, поднимались на гору и совершали жертвоприношение: забивали корову или лошадь белой масти, а затем, придя домой, втыкали в землю нож или выносили во двор блестящий, обычно медный, таз (с появлением солнца предметы заносились обратно).

На юге Башкортостана устраивали, обычно на горе или у реки, иногда на лужайке перед домом, праздник под названием “ку-

кушкин чай” — *какук сәйе* (*какук сәйе, какук* — кукушка, *сәй* — чай), знаменующий наступление лета. Женщины, загадав на свою судьбу или судьбу своих близких, обращались к кукушке. Они верили, что желание исполнится, если птица будет куковать звонко и без перерыва. В течение дня не смолкали песни, игра на кубызе, исполнялись пляски, проводились игры. Женщины проводили чаепитие, раскладывали пищу на листьях, камнях, приговаривая: “Вот тебе, кукушка, возьми свою долю” (“*Бына һиңә, какук, үз өлөшөңдө бирәбөз*”) ⁷.

На сабантуе
(д. Азналино Курганской области).

Весной и летом, когда выпадало свободное время, устраивались молодёжные игры (*уйын*). Согласно традиции, юноши и девушки проводили свои игры отдельно. В зависимости от места проведения они назывались “девичьи игры” (*кыззар уйыны*), “девичьи горы” (*кыззар тауы*), “выход на природу” (*хәзәргә сыгу*) ⁸. В каждой деревне было определённое место, предназначенное для таких игр, — обычно склон горы или берег реки. Девушки водили хороводы, гадали о предстоящем замужестве. В играх под названием “пятничная гора” (*йома тау*) участвовали и молодые снохи с детьми. Пели, плясали, играли на кубызе, устраивали различные состязания.

Юноши на своих играх обычно рассказывали истории, обсуждали новости, играли на курае, плясали, пели, затем шли к девушкам. На северо-востоке Башкортостана мужчины собирались вечером у реки на мужские игры (*ирзәр уйыны*), в которых большое место занимали соревнования в силе и ловкости. В таких играх принимали участие не только молодые, но и мужчины средних лет, а также подростки.

Распространённым у башкир праздником, устраивавшимся перед началом пашни или в промежутки между пашней и сенокосом, был сабантуй (*сабантуй*) ⁹. Название праздника является исходным от слова “сабан” (*сабан*) — плуг; исследователи переводят его как “праздник плуга”, “праздник весеннего сева”. Непосредственно с весенним севом были связаны также обряды “сабанная вода” (*сабан һыуы*) и “сабанная каша” (*сабан буткаһы*). В день завершения весенних полевых работ па-

харей, возвращающихся с поля, а также дома, траву, скот обливали водой. Сабантуй бытовал повсеместно: это был древний праздник не только оседлых, но и кочевых башкир ¹⁰.

По описанию С.И. Руденко, часто на сабантуй приглашали соседей, которые приезжали обычно с жёнами и детьми (иногда уже с вечера). Угощение производилось за счёт всех жителей деревни. На заранее собранные деньги покупали лошадь, несколько баранов или корову. Накануне праздника молодые ребята верхом на лошадях объезжали деревню и перед каждым домом стучали и шумели до тех пор, пока не выходили хозяева и не одаривали их. Обычно давали куриные яйца. У молодых невесток собирали тканые или вышитые полотенца, нарядные платки. Всё собранное относили на праздничный майдан (*майзан*) — красивую поляну вблизи деревни.

В день праздника после полуденной молитвы весь народ собирался на майдане. С южной его стороны устанавливались шатры или открытые заслоны из берёзок. Присутствующие располагались так, чтобы майдан замыкался кругом. Место сбора было видно издали. В центре возвышался столб (*колға, бағана*) с привязанными к вершине полотенцами и платками — подарками победителям состязаний. В тени берёз или под навесами рассаживались почётные гости и хозяева: пили чай, наблюдали за происходящим. Молодёжь принимала активное участие в празднике.

В центре круга проводились соревнования по борьбе кураш (*көрәш*). Сначала боролись мальчики лет семи—восьми, затем те, кто постарше. Борцы, перекинув через спины друг

На сабантуе: байге
(д. Баишево Баймакского района, 1964 г.).

На сабантуе: бег в мешках
(с. Мраково Кугарчинского района, 1970 г.).

На сабантуе: взбирание по наклонному шесту
(д. Арсланово Челябинской области, 1959 г.).

друга кушак (билбау), пытались положить противника на лопатки. Победившие состязались между собой. Распорядитель вручал победителю пару яиц, платок или кусок ткани. Полученный приз победитель дарил отцу, дяде или почитаемому пожилому человеку, которые одаривали его деньгами. Оставшиеся один-два самых сильных батыра оспаривали главный

приз — обычно живой баран или вышитое полотенце. Желая помериться силой, приезжали на сабантуу победители из разных деревень.

Другим состязанием на сабантуе был бег (йугереу), в котором принимало участие до 10 человек. Дистанция была небольшой. Путь, по которому следовало бежать, указывал скачущий всадник. Победителям раздали мясо, иногда полотенца.

Ключевым моментом соревнований на сабантуе были скачки на лошадях — байге (бэйге). Их начинали мальчишки шести-двенадцати лет, затем вступали более взрослые. Мчались с криками, подгоняя коней ударами нагаек. Обычно длина дистанции составляла шесть-семь километров. Зрители подбадривали всадников своими криками и приветствиями. На финише молодой парень или девушка держали шест с привязанным к нему белым платком: его получал в награду тот участник скачек, который первым его срывал. Платок этот был сделан «руками той женщины, которая в деревне моложе всех замужем»¹¹. Если финиша достигали одновременно несколько всадников, то вопрос о первенстве решался в дополнительных состязаниях в борьбе или в стрельбе из лука. Победители на скачках получали значительные призы: за первое место вручали жеребёнка, второе — деньги, третье — полотенце¹².

На сабантуях были распространены и другие состязания: добывание ртом монет из котла, наполненного водой с отрубями или кумысом, взбирание по наклонному шесту, перетягивание каната, бой мешками, разбивание глиняных горшков с завязанными глазами и др.

Во время сабантуя исполнялись песни, пляски; играли на курае, кубызе и других музыкальных инструментах. Недалеко от площади готовилась еда. С.И. Руденко наблюдал, как готовилось мясное угощение в восточном Зауралье: «В довольно длинной, неглубоко вырытой канаве, раскладывался огонь, над которым было поставлено в ряд несколько котлов с водой и мясом. Несколько человек с заострёнными палочками следили за варкой. Тут же рядом другая группа была занята приготовлением конских колбас, бишбармака. Когда бишбармак был готов, весь народ принимался за угощение, после которого уже под вечер расходились и разъезжались по домам»¹³.

Главными действующими лицами на сабантуе были мужчины: подарки для призов собирали юноши, большинство состязаний устраивалось среди мужчин. Посев зерно-

вых, перед которым первоначально и устраивался праздник, считался исключительно мужским делом. Мужчины молились у могил предков с просьбой об урожае. Затем шли "...на поля с жёнами и детьми обоего пола, принося с собой лучшие свои кушанья и напитки... После чего начинается скачка на лошадях, борьба и беганье... После окончания праздника люди идут к муллам, убеждая их подарками денежными и хлебными молиться о благополучном посеве и, выехав потом на поля, начинают пахать"¹⁴.

Старинным скотоводческим праздником был йыйын (*йыйын*). В XVI—XVII вв. у башкир так назывался съезд народных представителей, на котором решались наиболее важные вопросы, касающиеся племени или рода¹⁵. Представляется обоснованным мнение Н.В. Бикбулатова, что йыйыны восходят к глубокой древности и берут начало с народных собраний племени. Об этом говорит как название праздника (йыйын переводится как собрание, сбор, съезд), так и его содержание. На йыйынах подводились итоги минувших дел, выявлялись батыры — наиболее сильные, смелые и ловкие представители родов, выбирались военачальники и вожди, в ознаменование побед устраивались пиршества, различные игры и состязания, а также ярмарки¹⁶.

Строго установленного времени для проведения йыйынов, в отличие от сабантуя, не было, но обычно его организовывали в период после сева до косовицы ржи¹⁷. На йыйынах одного или нескольких родственных аулов решались спорные земельные вопросы, распределялись сенокосные угодья и летние пастбища. Нередко к йыйынам приурочивались и свадебные торжества. На юго-востоке Башкортостана свадьба, являясь важным общественным событием для двух родов или племён, иногда приобретала форму большого праздника и называлась "туй йыйыны". Такие свадьбы проводили ханы, би, бай. В честь молодых устраивались игры, спортивные состязания, скачки, в которых принимали участие как хозяева, так и гости¹⁸. На северо-востоке Башкортостана был известен праздник под названием "сбор мужчин" (*ирзэр йыйыны*), где женщины только готовили пищу и наблюдали за происходящим со стороны.

По свидетельству авторов XIX в., на йыйыны собиралось гораздо больше народа, чем на другие праздники. Во время йыйына проводились те же увеселения, что и на сабантуе, но они носили более грандиозный характер¹⁹. Местом для праздника выбира-

лась красивая, хорошо просматриваемая и удобная для проведения состязаний поляна на ровном месте или на горе. Сюда прибывали жители окрестных деревень, и каждая семья устанавливала для себя шалаш или юрту для приёма гостей.

Для йыйынов был характерен территориальный принцип организации. Так, у башкир-гайнинцев существовало два центра, где проводились традиционные йыйыны: часть деревень группировалась вокруг с. Барда, другая — с. Сараша. Сначала йыйын проходил в Бардымском округе, через некоторое время — в Сарашском. Население каждого округа участвовало в обоих празднествах, но в одном случае — в роли хозяев праздника, в другом — гостей²⁰.

На крупные йыйыны, например в Оренбурге, каждый род посылал своих представителей. Участвовали в них и представители других национальностей²¹. Описание большого йыйына даётся в одной башкирской легенде: "на высокую крутую гору Кыркты со всех мест, куда могло дойти письмо и доскакать лошадь, как туча, собирался народ на майзан... и на конях, и пешком, и богатые, и бедные, и старые, и молодые, батыры, курасты, певцы..."²².

Установка в середине майдана шеста (*холга*) ознаменовывала начало праздника²³. После чтения муллой намаза начинались состязания: борьба, конские скачки, прыжки, бег, игры на курае, песни, пляски. Популярным видом соревнований на йыйынах была стрельба из лука: с большого расстояния нужно было попасть в движущуюся мишень — колечко или игольное ушко. Иногда устраивались и шуточные состязания, например, кто больше выпьет топлёного масла или кумыса или кто больше всех съест жирной баранины. Победителям состязаний давали коня, барана, куски мяса (*мәсәй, һебә*), узорные платки, полотенца. В состязаниях участвовали главным образом взрослые мужчины или юноши-джигиты (*егет*). Имеются сведения, что устраивались скачки с участием девушек²⁴, но это происходило крайне редко, обычно девушки на йыйынах показывали своё умение петь и танцевать.

У башкир проводились также праздники майдан (северо-восток и восточное Зауралье) и байге (юг Башкортостана)²⁵, которые в прошлом являлись составными частями йыйына, а затем приобрели самостоятельное значение. Майдан и байге получили распространение, по всей вероятности, со второй

половины XVIII в. Это было связано с тем, что после подавления башкирских восстаний 1735—1740 гг. особым указом были запрещены общенародные (а затем и территориальные) йыйыны²⁶.

Позже йыйыны были возрождены в пределах волости или в кругу родственных деревень, но изменилось и их содержание (вопросы политического и экономического развития отошли на второй план), и характер (на первое место выдвинулась развлекательная часть). Постепенно исчезли и некоторые состязания, например, стрельба из лука, единоборство на пиках и др.

Обязательным компонентом всех общественных (йыйын, сабантуй) и семейных праздников являлись молодёжные игры (*уйын*). Молодёжь собиралась на вечерние игры (*киске уйын*) в день состязаний или накануне. Устраивались игры на площади или в традиционных местах молодёжных гуляний (на горе или на поляне). Девушки и парни пели частушки (*такмак*), сопровождая их плясками, исполняли обрядовые танцы, знакомились друг с другом. Веселье продолжалось до самого утра.

Осенне-зимние празднества по сравнению с весенне-летними в меньшей степени имели общественный характер. Элементы праздника приобретали характерные для этого времени посиделки (*кис ултырыу*), обычаи взаимопомощи (*өмә*) и гостеприимства (*хунаксыллык*), ярмарки.

Ранней осенью в честь первого урожая проводили праздник зерна — ашлык байрамы (*ашлык байрамы*, *ашлык* — зерно, *байрам* — праздник). Так, в Бурзянском районе в этот день приглашали друг друга в гости, варили кашу, пели песни. Поздняя осень и зима были сезоном взаимных визитов (*хунаклашыу*). Одевшись понарядней и взяв с собой заранее приготовленные угощения, ездили в гости к родственникам или знакомым. Гостей принимал не только хозяин: согласно обычаю показа гостя (*хунак курһәтеу*), приезжего в течение дня приглашали в несколько домов. Гость мог остаться ночевать там, где проходило последнее вечернее застолье.

Поздней осенью устраивали небольшой семейный праздник — угощение по случаю забоя скота (*һугым ашы*). Тому, кто закалывал скотину, вручали кусок мяса с костью (*бай һөйгә*) или с области шеи (*салыу һөйгә*), кто мыл кишки — рёбра (*кабырғаме*). Праздничное угощение состояло из традиционных блюд.

С установлением снежного покрова проводили помочь по заготовке гусей (*каз өмәһе*), которая заканчивалась праздничным угощением и весельем. Всех гусей резали в один день и звали женщин и девушек на помощь. Они ошипывали гусей, убирали потроха, затем, нацепив попарно тушки гусей на коромысло, шли полоскать на реку или родник. Вечером, после завершения работ, участники помочи (если замужние женщины, то вместе с мужьями) собирались в доме хозяйки на вечернюю трапезу. Играли на кубызе, пели песни, плясали.

В осенне-зимний период устраивались своеобразные формы организации досуга молодёжи — аулак (*аулак*) и урнаш (*урнаш*). Они представляли собой игры и развлечения, устраиваемые в любом доме, но обязательно в отсутствие хозяев. Начало активной поры проведения аулака приходилось на период завершения осенних работ, когда родители, уезжая на зимнюю ярмарку или в гости, оставляли дочь следить за хозяйством. Оставшись одна, она собирала подруг. Иногда на аулак собирались в доме одинокой пожилой женщины. Участниками аулака обычно были девушки 14-18, реже — 12-13 лет. Девушки приходили, взяв с собой принадлежности рукоделия и продукты (блины, баурсак, пироги). Из принесённых продуктов они готовили угощение, на которое приходили юноши, взяв с собой гармонь и гостинцы (конфеты, орехи, семечки). В основном развлекались: играли в жмурки, устраивали игры, заканчивающиеся шуточными наказаниями, направленными на сообразительность и раскрытие творческих способностей (предлагалось спеть, станцевать и др.)²⁷. На северо-востоке Башкортостана существовал обычай быкрау (*Быкрау*), по которому молодёжь в начале октября (обычно в Покров день) похищала гуся или петуха и приносила его на аулак. Хозяева, обнаружившие пропажу, не должны были жаловаться. Пока готовилось угощение, участники аулака играли, пели, плясали. Особой популярностью пользовались игры, позволяющие молодёжи выразить симпатии друг к другу. Исполнялись сольные и парные танцы, плясовые песни, в которых преобладала тема брака. По домам обычно расходились поздно.

Урнаш отличался от аулака большей свободой нравов²⁸. Во время урнаша игры нередко продолжались всю ночь, и молодёжь, достигшая брачного возраста, оставалась в доме ночевать. Всю ночь рассказывали различные истории, шутили. Несмотря на

кажущуюся свободу поведения, молодёжь лишь условно “проживала”, “проигрывала” взрослую семейную жизнь, а реально только присматривала будущего мужа или жену.

В произведениях башкирского фольклора зафиксированы праздники, связанные с положением солнца. В дни весеннего равноденствия устраивали праздник, посвящённый проводам старого года и встрече года наступающего, — наруз (*наруз байрамы*), осеннего равноденствия — праздник под названием “сумбала байрамы” (*сөмбәлә байрамы*)*. В период летнего солнцестояния устраивали праздник “летний нардуган” (*йәйге нардуган*), зимнего солнцестояния — “нардуган” (*нардуган*)²⁹. Эти праздники, видимо, не были широко распространены — сведения о них отрывочны.

Из мусульманских праздников наиболее значимыми были ураза-байрам (*ураза байрамы*) и курбан-байрам (*қорбан байрамы*). В ураза-байрам, праздник разговенья в честь завершения поста, было принято посещение родных, друзей, соседей, преподнесение гостинцев и подарков. Более состоятельные готовили обильное угощение и приглашали в дом муллу и гостей. У башкир в прошлом курбан-байрам — праздник жертвоприношения — содержал в себе элементы домусульманских традиционных праздников (состязания, игры и др.). Курбан-байрам, кроме значения праздника, проводимого после хаджа**, означал принесение жертвы с определённой целью: с пожеланиями благополучия дома, здоровья, с просьбами об урожае, дожде и др. Пожилые читали специальную молитву — теляк намазы (*теләк намазы*) и обращались к аллаху с просьбами. Юго-восточные башкиры, по описанию М. Баишева, во время курбан-байрам в одном из домов устраивали угощение для молодых людей соседней деревни. Когда угощение (баранина, кумыс, чай) было готово, посылали гонца. Получив известие, что гости едут, устраивавшие угощение юноши выезжали верхом на лошадях им навстречу. После взаимных приветствий один из гостей предлагал отнять платок из его рук и пулся вскачь. Каждая сторона стремилась выхватить платок, олицетворявший удачу. Этот обряд назывался “кот алыу” (*қот алыу*, *қот* — счастье, удача, *алыу* — брать). Исследователи переводят его как “гнаться за сча-

стьем”, “гнаться за удачей”. Затем хозяева и гости отправлялись в дом, где начиналось пиршество с плясками и пением³⁰.

Тесное переплетение мусульманских и домусульманских представлений отражено в празднике мир-курбан (*мир қорбаны*), основу которого составляло общинное жертвоприношение. Этот праздник проводился, главным образом, на северо-востоке Башкортостана. Жители нескольких деревень заранее оповещались о празднике. Молодые люди ходили с шестом по всей деревне и собирали подарки: платки, полотенца, небольшие отрезки ткани или деньги. В день праздника всё население собиралось на лугу или на берегу реки. После обязательного прочтения молитвы устраивали игры со скачками, борьбой, стрельбой из лука, другие состязания и увеселения. Победителей награждали. Затем устраивали всеобщую трапезу, для чего забивали лошадь, купленную на собранные деньги (иногда богатые односельчане устраивали угощение за свой счёт). Следует отметить, что во время этого праздника женщины играли пассивную роль.

Кроме больших мусульманских праздников (ураза-байрам и курбан-байрам), башкиры отмечали маулид-байрам (*мәүлит байрамы*), гашура-байрам (*ғәшүрә байрамы*) и ражаб-байрам (*рәжәп байрамы*). Эти праздники больше напоминали семейные торжества: верующие готовили праздничное угощение, поочередно приглашали муллу и друг друга в гости. В доме читали молитвы, угощались и раздавали милостыню — хаер (*хәйер*). Ежедневным праздничным днём считалась у башкир, как и у всех мусульман, пятница (*йөма*). К этому дню прибирались в доме и готовили вкусные блюда, иногда приглашали в гости родных и соседей.

Народные праздники башкир складывались в течение длительного времени. В них нашли отражение различные стороны духовной и материальной культуры. Они призваны были поддерживать равновесие общества и природы. В праздниках участвовали представители всех поколений, что символизировало единство и вечное продолжение рода, племени. Несмотря на многообразие обрядовых и ритуальных действий, совершаемых в ходе всенародных праздников, в них можно выделить следующие общие моменты: приглашение большого количества гостей, организация ответных празднеств, сбор подарков и продуктов питания, устраивание состязаний (борьбы, скачек, стрельбы из лука), различных увеселительных мероприятий.

* Сумбала — название шестого месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 августа по 21 сентября.

** Хадж — паломничество мусульман в Мекку к древнему храму Кааба.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БАШКИР О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Традиционное мировоззрение башкирского народа было многослойным. На разных этапах исторического развития менялись представления о мире, рождении, жизни и смерти человека. С утверждением ислама домусульманские верования частью были вытеснены, частью приспособлены к канонам официальной религии и в целом тесно переплелись с нею. В башкирской народной философии и религии можно обнаружить пережитки очень древних представлений. Картина мира, сформировавшаяся у башкир в далёком прошлом, к нашему времени утратила свою целостность, однако по материалам обрядов, обычаев, поверий, языка, фольклора можно попытаться раскрыть некоторые её стороны.

В древнем эпосе “Урал-батыр” отражены представления башкир о трёх мирах: 1) верхнем, небесном, где живут бессмертные небожители; 2) среднем, земном, населённом обыкновенными людьми; 3) нижнем, подземном, где живут тёмные и злые силы, приносящие вред людям среднего мира и небожителям. Представление о трёхъярусной модели мироздания было свойственно многим народам¹.

Верховным божеством древнетюркского пантеона, божеством верхнего мира был Тенгри (*Тәңре*). Именно он “распределял сроки жизни” между людьми, а рождением людей ведала супруга Тенгри — богиня Умай². Культ богини плодородия Умай, олицетворяющей женское начало, имеет древнее происхождение, о нём говорится ещё в орхонских надписях памятника Кюль-Тегина³.

В “Урал-батыре” с культом богини Умай был связан образ мифической птицы Хумай. Дочь верховного бога Самрау и его жены Солнца⁴, Хумай олицетворяла зарождение новой жизни. Согласно эпосу, став женой земного человека Урала, Хумай после его смерти в знак вечной верности превратилась в лебедь⁵ и привела на землю животных и птиц, чтобы она стала ещё благоднее, а страна Урал — цветущим краем.

Почитание богини Умай постепенно приобрело черты культа плодородия, земли⁶. Башкиры воспринимали богиню земли как мать всего живого, представляя её в образе женщины. Это нашло отражение, в частности, в башкирской легенде “Ушкуль”, в которой к ней обращаются со словами: “Богиня земли! Прими наши жертвы, по-

шли земле плодородие... Вот сабан, который мы храним от наших предков, но мы не прикоснёмся им к матери-земле, не тронем её груди, земля для нас священна”⁷. В древности башкиры говорили: “Появились из земли — в землю уйдём” (“*Тупрактан яралғанбыз — тупракка һалынабыз*”, “*Ерҙән сытқан ергә кайта*”). Повивальная бабка ребёнка, родившегося с её помощью, называла “мой сын, которого я взяла у земли” (“*ерҙән алған улым*”).

Не меньшее значение имел культ воды, воспринимаемой как источник жизни. В башкирском устно-поэтическом творчестве вода оживляет умерших, даёт жизнь вновь рождённому. Так, в “Урал-батыре” царь Катил отдаёт приказ о принесении жертвы Тенгри:

... во славу воды,
Которой мать омывала меня,
На долгую жизнь той водой осеня,
Принесите всех до одной
В жертву...⁸

В диалектах башкирского языка сохранился термин для обозначения повитухи — “мать воды” (*һыу инәһе*), — указывающий на связь воды и рождения человека. Своеобразное воплощение культ воды нашёл в свадебных обрядах. По описанию С.И. Руденко, когда во время свадьбы молодую вели на реку за водой, она “несла с собой серебряную монетку, привязанную к нитке и бросала её в воду, как бы в жертву водяному духу”⁹.

В прошлом у башкир существовало и единое божество Земля-Вода (*Ер-Һыу*), олицетворявшее единство земли и воды. Оно даровало жизнь всему живому и забирало её, чтобы дать новую жизнь. В башкирском эпосе “Узак-Тузак” говорится:

Землём-Водой человек рождён,
С ними — одно единое он.
Вкус воде даёт человек,
Мертво без него течение рек.
Люди в землю вдыхают тепло,
Срослись судьбою они давно,
И потому — во всём заодно!
Земля-Вода — ты не сердца ль стук?
Земля-Вода — моей жизни круг.
Ты — наследие отца моего,
Мощь и опора мира всего!¹⁰

У древних тюрков Земля-Вода именовалась “ыдык Иер Суб” (“священная Земля-Вода”) и была, наряду с Тенгри и Умай, главным божеством, управлявшим средним миром¹¹.

Наряду с верховными божествами башкиры почитали духов-хозяев природных объектов: гор (*тау эйәһе*), пещер (*таш кыуыш эйәһе*), воды (*һыу эйәһе*), лесов (*шурәле, ярымтыҡ*), а также домов (*йорт эйәһе*), бань (*мунса эйәһе*) и др. Почитание духов, принесение им жертв считалось обязательным, ибо неуважительное отношение могло вызвать их гнев.

Арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан, побывавший в 922 г. в приуральских степях, писал, что башкиры поклонялись 12 богам: “ у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь, а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ”¹².

Таким образом, для древних башкир вся природа была одухотворённой, одушевлённой. Были стёрты различия между неживой и живой природой.

К культурам земли и воды примыкает поклонение горам, которые, как считалось, приближены к небу, но в то же время являются частью земли. Некоторые исследователи включают божества гор в древний пантеон родовых культов¹³. Не случайно в прошлом многие обряды и ритуалы проводились на вершинах гор, а со временем они превратились в места народных празднеств. Башкирские кладбища обычно располагались на возвышенностях. Башкиры почитали древние курганы, где, по преданиям, были погребены святые (*әүлиә*)¹⁴.

С.И. Руденко, описывая поклонение горам, писал: “Мне приходилось видеть на вершинах жертвы, принесённые хозяину-духу горы лицами на неё поднимавшимися; жертвами чаще всего были медные монеты, оловянные или серебряные украшения женских нагрудников... лоскутки материй, навешанные на деревья или привязанные к палке, воткнутой в расщелину между камнями на самой вершине скалы... девушки вешали тряпочки как гаданье: если лоскуток провисит до следующего лета, то она в будущем году выйдет замуж; женщины же вешали просто как память о посещении родной горы”¹⁵.

В башкирских волшебных сказках человек чудесным образом превращается в животное (быка, жеребца, корову, кота, ослицу, свинью, собаку), птицу (голубь, кукушку,

курицу, петуха, соловья, утку), змею, рыбу или лягушку¹⁶. Многие герои богатырских сказок рождаются от животных (быка, волка, кобылы, коровы, медведя), рыб, из куриного яйца, теста и камня¹⁷. В древнебашкирской мифологии подмечена интересная закономерность: обычно души умерших женщин, девушек превращались в птиц (чаще всего в голубей, ворон, гусей, уток), а мужчин — в наземных животных. Существовало поверье, согласно которому зазеленевшие весенние травы, выросшие после дождя, считались душами умерших, вернувшимися на землю. Известен был древнебашкирским племенам и образ полудерева-получеловека¹⁸.

Вера в переселение души человека через её воплощение в деревья, птиц и животных восходит к тотемизму. Совершая определённые ритуальные действия, древний человек стремился к преодолению границ между человеческим коллективом и миром природы; к установлению контакта с миром природы, от которого зависело его благополучие.

Каждое башкирское племя или род имело своё священное дерево и птицу. Например, у племени усерган деревом была рябина (*миләш*), птицей — журавль (*торна*); у рода яик-суби-мин — берёза (*кайын*) и орёл (*карагош*), у рода илькей-мин — дуб (*имән*) и ястреб (*карсыга*). Усерганам нельзя было убивать журавлей или рубить рябину, иначе, считалось, падёт несчастье на всех людей племени. Минцы в оперение стрел вставляли перья тотемной птицы¹⁹.

Священной птицей для всех башкир был лебедь. Все лебеди считались потомками Хумай, поэтому запрещалось убивать этих птиц и разорять их гнёзда. В прошлом существовал обычай ритуального поедания лебеда, приношения его в дар знатым людям²⁰. Журавля, по словам ибн-Фадлана, почитали за то, что в одной из битв журавли своим криком обратили врагов в бегство²¹. Как отголосок древнейших религиозных верований бытует сегодня среди башкир мелодия “Поющий журавль” (“*Сыңрау торна*”)²². Кроме лебеда и журавля, почитались ворона, глухарь, голубь, гусь, кукушка, а также беркут, сокол, ястреб и др.²³ Стилизованные изображения птиц просматриваются в декоративно-прикладном искусстве башкир (в орнаментации костюма, ковроткачестве, резьбе по дереву), музыкальном фольклоре, народной хореографии.

Центральное место в жизни башкир занимала лошадь. В башкирской мифологии она наделена даром человеческой речи, спо-

способностью к перевоплощению. В критических ситуациях она может принять вид священного родового дерева, ветви которого поднимают героя наверх и спасают его от преследователей. На территории Башкортостана сохранилось каменное изваяние, называемое “каменный жеребёнок” (*таш колон*) или “летний камень” (*йэй ташы*). Оно почиталось как священное, ему поклонялись и приносили жертвы; верили, что с его помощью можно вызвать или остановить дождь. Лошадь являлась защитником людей от зла, болезней и несчастий. Считалось, что конский глаз наделён сверхъестественной способностью видеть скрытое от человека. В качестве оберега над ульями, на колях оград и на воротах устанавливали лошадиный череп. Магическая сила придавалась верёвкам, свитым из конских волос или кожи, их брали с собой в дорогу, клали возле себя во время сна как оберег от змей²⁴.

Прародителями и покровителями башкир считались волк и медведь. Согласно одной из легенд, древние башкиры пришли на современную родину, следуя за волком, поэтому народ и стал называться “башкорт” (*башкорт*, “баш” + “корт” — “пять волков”, “главный волк”). По преданиям, медведь когда-то был человеком. Сохранилось множество фольклорных сюжетов, в которых медведь женится на девушке, у них рождаются дети и образуется башкирский род²⁵. В прошлом у башкир бытовал и праздник медведя (*айыу туйы*)²⁶. С целью избавления от бесплодия, а также во время трудных родов женщину пропускали сквозь растянутую волчью или медвежью губу²⁷. Например, на территории современного Бурзянского района, с целью облегчения родов по поясице роженицы трижды проводили когтём медведя. Новорождённых, здоровые которых вызывало опасение, называли именами, образованными от названий волка (*буре, кашкар*) и медведя (*айыу*): Бурейбай, Кашкар, Айыухан и др.²⁸

У некоторых групп башкир священным животным являлся олень. Существует легенда, согласно которой олень добыл солнце для людей, блуждавших в темноте, и помог им обрести новую родину. В сказании “Конгурбуга” прослеживается культ бурой коровы²⁹. Интересным было отношение башкир к собаке. По описанию М.В. Лоссиевского, если в семье не выживали дети, башкиры подкладывали ребёнка на выкорм собаке. Так был выкормлен, якобы, один башкирский хан,

названный Бурнак по имени собаки, которая его выкормила³⁰. Был распространён обычай, когда с целью сохранения жизни новорождённому на него надевали “собачью рубашку” (*эт кулмәге, көсөк кулмәге*), которая сначала надевалась на собаку и поэтому, согласно поверьям, могла противостоять злым духам. К змее башкиры относились как к существу зловредному, опасному и вместе с тем необыкновенному³¹. И.И. Лепёхин писал: “Когда башкирец такую убьёт змею, то как бы скоро он куда ни ехал, не приминёт слезть с лошади и палочкой увязить змеиную голову в землю”³². В башкирском фольклоре распространены сюжеты об огромных змеях — аждаха (*аждаха*) и юха (*юха*), — пожирающих животных и людей.

Свидетельством существования у древних башкир религиозных представлений, связанных с культом животных, являются названия родов и родовых подразделений: йылан (змея), кыян (заяц), терпе (ёж), бесяй (кошка), мышы (олень) и др.³³ Животных, рыб и птиц использовали при лечении от различных недугов. Так, особое свойство, способное вылечить женское бесплодие, приписывалось роговице, соскоблённой с когтей птиц, в частности, глухарей³⁴. Если бесплодием страдал мужчина, его кормили куриным мясом.

В прошлом широко бытовала вера в злых духов (*ен, пәрей, албашты*) и людей с “дурным глазом” (*каты куз*). Особенно опасными они считались для беременной женщины и маленьких детей. Для защиты от их вредоносного влияния на одежду или головной убор нашивали различные амулеты: бетуе* (*бетуе*)³⁵, волчьи когти и клыки, разноцветные бусинки, пуговицы, раковины-каури (*кортбаш*), гусиный пух и др.; на кисть руки надевали серебряные браслеты или нить с серебряной монеткой.

В случае болезни кого-либо, по описанию И.Г. Георги, муллы в ходе лечения не только повторяли заклинания, но и толкали, били, ругали больного, считая, что бьют сатану³⁶. Были в прошлом и специальные бесогонители (*шайтан-күрәзә, шайтан-күрәзәсәһе*). И.И. Лепёхин описывает один из способов лечения беременной женщины: “Кузя с обнажённой саблей и ружьём караулил шайтана, кузяю за полы держат два товарища, ведь шайтан очень силен. Чтобы шайтан не

* Бетуе — оберег, представляющий собой обшитый тканью или кожей листок с изречением из Корана.

вошёл в дом больной, в избе все шумно плясали и пели. В полночь курязя, заметив во дворе шайтана, стрелял в него из окна, потом вместе с товарищами с криком, саблей гнал ряженого шайтана до самой реки, пока тот не скрывался в ней”³⁷. Описанный обряд лечения находит параллели в шаманизме.

“Если случаются припадки с беременной женщиной, предвещающие близкое разрешение от беременности... то башкирские старухи не относят это к естественным причинам, а думают, что в беременную вселился нечистый дух, — писал А.Е. Алекторов. — Обманщик осматривает женщину... смело и решительно утверждает, что в означенной женщине действительно находится дьявол, который поселился в неё с того-то времени, и он имеет самый ужасный вид: острую, большую голову, ветвистые рога, широкие уши, быстрые, узкие с пламенем глаза, мохнатый хвост, чёрную, как щетина, грубую шерсть, горбатый стан [старухи начинают просить шайтан-курязю изгнать поскорее нечистого духа]. Начинается ужасная, смешная и, пожалуй, глупая трагикомедия: шайтан-курязя надувается, переменяется в лице, которое сильно багровеет, глаза делаются дикими и наливаются кровью: он начинает ломаться, кривляться, бросаться из стороны в сторону, испускает дикий и отвратительный крик, волосы на бороде и усах становятся дыбом, изо рта бьёт почти кровавая пена. Всё это так называемая бесовская игра, которая продолжается около двух и более часов. После этого шайтан-курязя заметным образом начинает слабеть, силы его постепенно оставляют, он без чувств падает на землю и остается без малейшего движения, с едва заметным дыханием. Проходит несколько мгновений, шайтан-курязя поднимает веки, встаёт и требует кумыса, подкрепляет силы и, отдохнув, рассказывает старухам, каких трудов ему стоило выгнать из беременной женщины нечистого духа, что этот дух и есть самый сильнейший и упорнейший из всех дьяволов и что ни один из них более не осмелится посетить того дома, в котором находится беременная женщина”³⁸.

При затыжных родах, как отмечал Д.П. Никольский, башкиры считали, что в женщину вселился нечистый дух, который, якобы, держал младенца в утробе. С целью его изгнания муж или кто-то другой должен был стрелять из ружья в воздух³⁹.

Важное значение в защите от злых сил придавалось цветам. Способными отвлечь

“дурной глаз” считались красный, чёрный и белый цвета. Запастые ребёнка перевязывали красными нитками, к волосам прицепляли кораллы, на лоб наносили красную краску. Лоб и брови ребёнка мазали сажей, рот смазывали катыком, волосы посыпали солью и т. д.

Для снятия сглаза (*куз төштө, куз тейзе*) использовали различные способы: обращались к мулле, чтобы тот прочитал специальную молитву; мыли заговорённой водой, набранной во время восхода солнца (*таң һыуы*), или водой, которой промывали дверную скобу и оконные рамы; окуривали дымом горячей душицы, можжевельника, берёзовой чаги, сожжённых стелек от обуви или ниток от одежды, якобы, сглазившего человека.

В случае болезней считалось, что в человека вселился дух болезни (*зэхмэт, зыян*). На юго-востоке Башкортостана для обозначения духа болезни сохранились такие термины как “*сарпыу*”, “*еллеу*” (последний восходит к древнетюркскому “*йелник*” — “дух болезни”)⁴⁰.

По поверьям, в человеке могли находиться “лишние” души, которые насылали болезнь, и поэтому их необходимо было прогнать. Одна из таких болезней называлась “три души” (*өс йән*). Для изгнания “лишней” души использовали острые металлические предметы (нож, шило, топор), стельки, вынутые из обуви близнецов, берёзовый венник или камешки. Совершая обряд излечения, бабка-знахарка приговаривала: “Две души убиваю, одну оставляю” (“*Ике йәннен ултерәм, берәүнен калдырам*”).

Идея души занимала важное место в мировоззрении башкир. По их традиционным представлениям, полноценная жизнь человека определялась наличием у него нескольких душ: ян (*йән*), кот (*хот*), тын (*тын*). Душа-ян появлялась в момент рождения человека и сопровождала его в течение всей жизни. Про только что родившегося и подавшего голос ребёнка говорили, что в него вошла душа (*йән керзе*). С этой душой человек жил всю жизнь, после его смерти душа покидала телесную оболочку (*йәне сыжты*), но не исчезала бесследно. Ян означал жизненное начало. Душа-ян могла находиться в теле человека, но могла быть независимой от него и обладать определённой свободой.

С.И. Руденко писал, что, по убеждению башкир, “как только человек засыпал, душа оставляла тело и свободно странствовала; всё, что она видела и делала, башкир, проснувшись, хотя и называл сном, но глубоко

верил в несомненность и реальность его. Иногда можно было видеть душу, вылетающую изо рта засыпающего человека, то в виде неопределённой формы белого комочка, то в виде мухи; при пробуждении она тем же путём возвращалась в человека. Спящих башкиры никогда не будили быстро, сразу; сначала окликали по имени, потом произносили его имя громче и затем уже начинали энергично будить. Считалось, что сразу будить спящего нельзя, ибо душа его в настоящий момент может быть далеко, не успеет вернуться в тело пробуждённого, и он неминуемо и немедленно умрёт”⁴¹.

В башкирском языке дыхание передаётся словом “*тын*” и обозначает духовное свойство, присущее человеку и животным. Термины “кот” и “тын” имеют древнее происхождение, они присутствуют во многих тюркских языках⁴². По представлению башкир, потеря человеком кот означала утерю жизненной силы, а потеря тын — неминуемую смерть.

Душа-ян была необходима человеку как жизненное начало, а для поддержания этого начала, для придания силы человеку одновременно присутствовала и душа-кот. Слово “кот” является общетюркским и имеет несколько значений: душа, жизненная сила, дух; счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех, состояние блаженства; достоинство, величие⁴³. У башкир кот представлялся похожим на того, в ком он находился, и означал жизненную силу. В случае болезни или испуга в человека поселялся “посторонний” кот, а свой кот непременно отделялся от него.

Испуганный человек говорил: “У меня душа улетела” (“*Котом осто*”). С целью возвращения души устраивали обряд “отливание души” (*кот жойоу*). Процедуру проделывала обычно бабка-знахарка. Испуганного человека накрывали платком или покрывалом и, держа над его головой ковш с холодной водой, в которую вливали расплавленный свинец, олово или воск, наблюдали, какое изображение получится. В застывшей форме угадывалось существо, напугавшее человека. Выяснив причину испуга, больного поили и обтирали водой из ковша. Затем действия повторяли, пока металл или воск не принял форму сердца, указывающую, что душа вернулась к хозяину. Затем опять обтирали больного водой, остатки которой выливали под порог. Слиток вшивали в тряпочку и носили в форме

медальона два-три месяца, затем убирали в укромное место.

В башкирском фольклоре сохранились заклинания, связанные с этим обрядом. С целью изгнания нечистой силы обычно обращались к духам знаменитых людей, вождей племён, батыров, которые считались сильными и добрыми⁴⁴. Знахарь обращается с просьбой:

Верховный дух, Куз-Курт, помоги,
Отец Кармкут, ты исцели.
Коркут-баба, ты исцели.
По приказу моего духа
И души деда Куркута
Изгоняю нечистую силу,
Изгоняется, изгоняется.
Добрый дух, ты дух моих предков,
Добрый дух, ты дух Куркут-ата,
Изгоняется, изгоняется⁴⁵.

Другой вариант заклинания, в котором кот сравнивается с водой, ветром, драгоценными камнями, был записан в Бурзянском районе:

Приди мой кот, приди мой кот,
Приди, как текучая вода,
Приди, как дуновение ветерка,
Приди, выстроившись рядами кораллов.
Кил, котом, кил, котом,
Агым һыузай агым кил,
Искэн елдэй иҗеп кил,
*Мәрийән булып тәзелен кил*⁴⁶.

Улетевший кот мог странствовать по всему свету, его вызывали с “верховьев реки”, “с заката солнца”, он был “весьмильным на земле, на небесах, на севере и на юге”⁴⁷.

Семантическое поле термина кот, как уже говорилось выше, также охватывало значения “счастье, благополучие”. Про неприятного человека или неудобный дом говорили “*котһоз*”, т. е. не имеющий кот. В тех случаях, когда считали, что дом покинуло благополучие, с целью его возврата в дом вводили почитаемое животное, обычно коня⁴⁸. В прошлом у башкир существовал свадебный обычай “догонять кот” (*кот сабыу*, *кот алып тасыу*), во время которого одна сторона как бы передавала другой свою силу, благополучие.

Башкиры верили в то, что каждая часть человеческого тела имела свою душу, поэтому бережно относились к волосам, ногтям, пуповине, плаценте, последу. В народе существуют следующие выражения: “Пуповина — душа человека” (“*Кендек — эзэмден йәне*”), “Плацента душу бережёт” (“*Бөркәнсек йән һахлай*”).

Основное место во всех верованиях занимал вопрос о жизни и смерти. В этих представлениях традиционные языческие верования смешались с позднейшими религиозно-философскими воззрениями. Древний человек соизмерял свою жизнь и смерть с природными ритмами, видел, что в природе всё закономерно: день сменяет ночь, лето сменяет зиму, смерть зарождает новую жизнь и т. д. “Периодичность исчезновения и появления дня, солнца, луны — иначе, периодичность смерти и оживления, неизбежно должны были вызвать сопоставление этих явлений с судьбою человека”, — писал М.В. Лоссиевский⁴⁹.

Идея умирающей и воскресающей природы прослеживается в представлениях о рождении и смерти человека. Согласно мировоззрению древних башкир, умерший продолжал жить в другом мире (“на том свете”), поэтому в могилы клали все необходимые предметы домашнего обихода, одежду, пищу, украшения, оружие, коня⁵⁰. Н.М. Малиев, описывая раскопки старинного башкирского кладбища, писал, что, кроме костей человека, в некоторых могилах были найдены кости лошади, а также некоторые другие предметы. В одной из могил были обнаружены остатки седла, железные удила и стремя⁵¹. В прошлом башкиры закалывали на могилах батыров коней, таким образом освящая место захоронения⁵². На могилах устраивались пышные погребально-поминальные обряды, связанные с обезпечением умершего всем, что ему будет нужно в предстоящей жизни.

Несмотря на веру в загробную жизнь, у башкир было принято скорбеть и плакать об ушедшем в другой мир. Они стремились избежать смерти, веря в различные приметы, предвещающие её. По башкирским поверьям, запрещалось после захода солнца выносить из дома кости или прорубать окно в доме, в котором уже живут, иначе кто-то умрёт. Плохим предзнаменованием считалось карканье вороны, продолжительный вой собаки или волка, которые, якобы, предупреждали о приближении смерти одного из членов семьи. Чтобы избежать беды, нужно было накормить их или подать кому-нибудь милостыню. Недоброй приметой, предвещающей близость смерти, считалось появление кукушки возле жилья. Она была основана на поверье о том, что кукушка — птица вещая, знающая, кому сколько лет осталось жить. В народе говорили: “Если на

крыше дома закукует кукушка, хозяин умрёт”. В таких случаях совершались охранительные действия: обливали молоком дерево или постройку, на которых сидела птица.

В “Урал-батыре” смерть (*улем*) предстаёт незримой для глаз, вооружённой ножом и саблей, готовой напасть на человека, чтобы отнять у него душу. Со временем на смену языческому образу смерти пришёл мусульманский ангел смерти Азраил, который по воле Аллаха забирал душу у людей, с теми же, кто не делал этого добровольно, он сражался. С принятием ислама языческие представления о загробном мире были отеснены мусульманскими. Согласно исламу, жизнь — это всего лишь подготовка к загробной, т. е. к другой, истинной жизни, которая на “том” свете.

Проснувшиеся от летаргического сна (*мэрткә китеү*) пользовались большим уважением⁵³, про них говорили “ходил на тот свет” (“*мэрткә барған*”). Люди, якобы побывавшие на “том” свете, рассказывали, что в раю люди живут в больших красивых домах, похожих на дома богатых людей в земной жизни. А.Е. Алекторов, характеризуя представления башкир о загробной жизни, писал: “праведника в раю ожидает голубой халат, белая чалма, а главное — семьдесят целомудренных девиц, постоянно возобновляющих свою девственность. С ними вечное блаженство. Грешных же ангел ударяет несколько раз чукмарём (или кистенём) и отправляет в ад, где они мучаются мало или много, смотря по своим грехам; потом уже, обмыв их в молочной реке, отправляют в рай, где ожидает их то же блаженство в лице семидесяти дев”⁵⁴.

По религиозным представлениям мусульман, мёртвые после своей смерти в виде невидимых духов посещают свои дома, чтобы узнать, поминают их или нет, или блуждают над могилами. Для душ, блуждающих над могилами, башкиры на могильных камнях или столбах, а также срубках делали небольшие углубления для дождевой воды, веря в то, что душа в образе птицы будет пить её оттуда.

Душа умершего наделялась свойствами живого человека, т. е. хотела пить, есть, требовала заботы, утешения. Во многих домах у башкир рядом с дверью был вбит деревянный колышек (*ағас сөй*) для души покойного. Считалось, что душа умершего могла прилетать и садиться туда. Она могла поселиться и на перекладине (*урза*). В

доме, откуда вынесли покойника, сорок дней не гасили свет, чтобы душа не заблудилась и прилетела.

По башкирским поверьям, некоторые люди, особенно те, при похоронах которых не были соблюдены соответствующие обряды, после смерти могли превращаться в злых духов и оставаться среди людей. Башкиры верили в привидения и представляли их в образе человека в белой одежде или летящего огненного клубка. «Как остаток подобных воззрений, — писал М.В. Лоссиевский, — существует и теперь ещё страх перед умершими насильственной смертью самоубийцами, колдунами и колдуньями, трупы которых иногда вырывают и заколачивают в них осиновые колья»⁵⁵.

У многих народов существуют представления о мертвецах, приносящих болезнь, смерть, неурожай и другие несчастья. У башкир это убыр (*убыр*) — кровожадное демоническое существо. Слово «убыр» восходит к древнетюркскому «оп» — пожирать, втягивать, всасывать⁵⁶. Как писал С.И. Руденко: «У всех *сихырсы* [колдунов] вместо души, которую они продали шайтану за свои познания, были убыр, о чём можно было узнать ещё при жизни, так как они ели иногда сырое мясо... По словам горных башкир, днём убыр принимал вид старика, а ночью — летучей мыши. По ночам убыр в виде огня летал по земле и причинял очень много бедствий: насылал болезни на людей, пил кровь, замучивал иногда до смерти свою жертву. Когда *сихырсы* умирали, в их ступни вкалывалась игла, чтобы убыр не странствовал по земле»⁵⁷. Среди различных групп башкир было распространено поверье, что убыр («обжора») есть у каждого человека, но он не всегда агрессивен. Если человек был прожорливым, особенно если ел сырое мясо, про него говорили, что он после смерти превратится в убыр и будет ночью кричать, как сорока. Убыр чаще всего появлялся в виде огненного шара, а иногда в виде человека с кроваво-красным, цвета сырого мяса, лицом. Башкиры в значении «обжора», «дух злого умершего человека» употребляли также слово «мэскэй» (*мэскэй*). Мэскэй, как и убыр, мог преследовать человека в виде огненного шара и причинять вред. По поверьям, убыр и мэскэй выходили из могилы, оставляя в ней дыру. Муллы шли на кладбище, клали у могилы Коран и засыпали дыру землёй, заговаривая это место. Ес-

ли это не помогало, умершего надо было вырыть из могилы, перевернуть лицом вниз и воткнуть ему в спину деревянный, чаще осиновый, кол или железный лом. В некоторых случаях в могилу на уровне груди умершего втыкали веточку можжевельника. Раскрытая могила, в которой лежал вредоносный мертвец, якобы, становилась красной, а сам убыр лежал, прикусив саван зубами. Иногда вокруг могилы концом косы делали круги-обереги. Согласно поверьям, когда мэскэй или убыр гнался за человеком, можно было спастись, прочитав молитву и разорвав ворот своего платья.

По представлениям башкир, земля кладбища считалась священной: на ней нельзя было вырубать деревья, убивать животных, потому что каждая пядь земли там обитаема духами умерших. Косить траву на кладбищах разрешалось только лицам духовного сана. Кладбище считалось неприкосновенным убежищем. «Если спать на кладбище, с тобой ничего не случится», — говорили старики. В сказании «Конгур-буга» именно так поступила женщина, спасаясь от врагов⁵⁸. Н. Рычков, описывая кладбище Балын-Гус, где погребены святые, отмечал, что люди на место моления идут «падши на колена свои, почитая святых, чтут они и источник, вытекающий из сея горы, веря, что эта вода исцелит их от многих болезней»⁵⁹. О кладбище Балын-Гус писал и А.Е. Алекторов: «приходящие «произносят на вершине горы молитвы и призывают покровительство своих угодников...», затем «начинают празднество в честь почитаемых ими мертвцов и готовят отличный обед, который могут разделить с ними все, кому угодно»⁶⁰. К умершим обращались, прося об излечении болезней или защиты от природных стихий. В засушливые годы проводились различные обряды вызывания дождя, которые также были связаны с верой в души умерших (поливали водой ворота кладбища, смазывали маслом или сдвигали с места могильный камень). Башкиры считали, что могила связывает умерших людей с землёй — источником всех благ, и, таким образом, умершие становятся сопричастными к плодородию земли и размножению всего живого. Бездетная женщина, чтобы стать матерью, молилась у могилы святого.

Смерть и жизнь, природа и человек в мировоззрении башкир неразрывно связаны. Наиболее полно различные стороны народ-

Охотничий набор:

- 1 — сумка для дроби;*
- 2 — коробка для пистонов;*
- 3 — роговая пороховница*

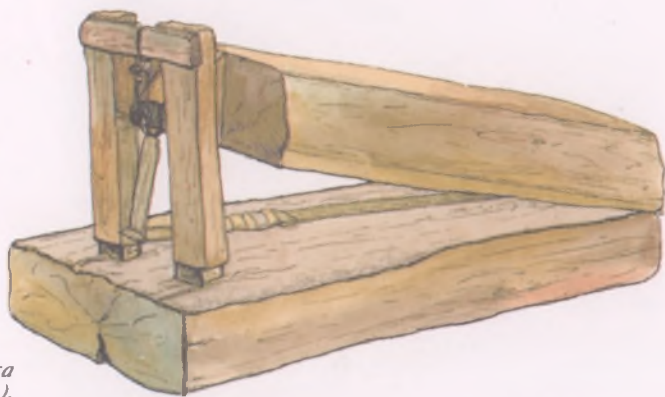
(д. Большеабишево Хайбуллинского района, 1970 г.).

Верлюг.

Ошейник для телёнка

(д. Сабакты Челябинской области, 1972 г.).

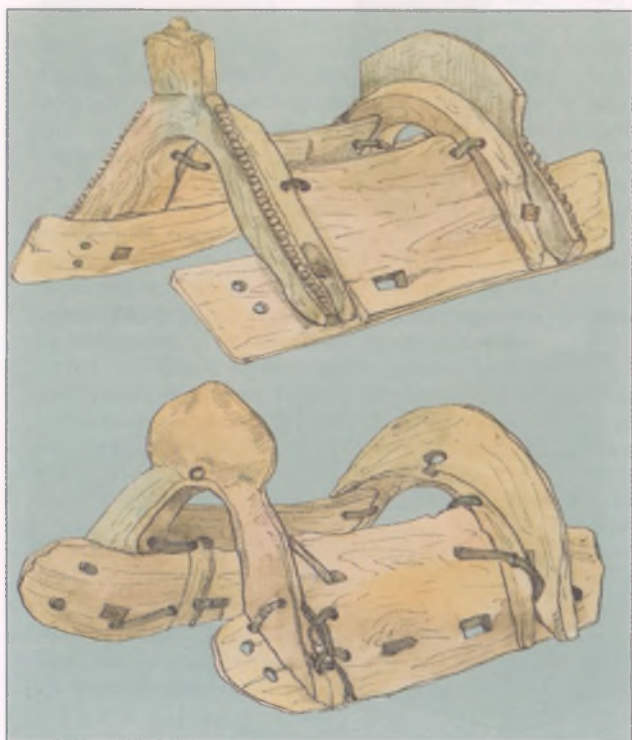
Деревянная ловушка

(юго-восток Башкортостана, 1971 г.).

1

*Деревянные сёдла:
 (1 — д. Гадельгареево Бурзянского района, 1971 г.;
 2 — д. Шигаево Белорецкого района, 1971 г.).*

2

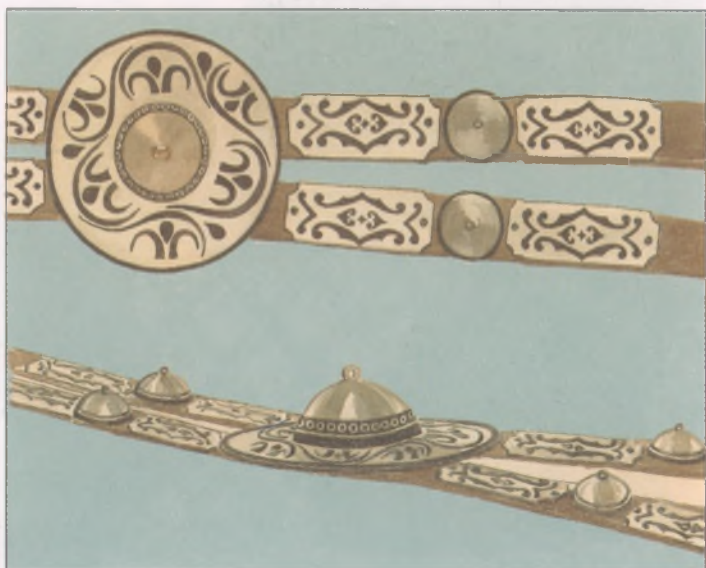
*Подпруга с серебряной
пряжкой
(Челябинская область,
из фондов РЭМ).*

*Серебряная пластинка для
украшения седла и бляха для
упряжи
(Челябинская область, начало XX в.; из
фондов РЭМ).*

*Серебряная бляха с чернением
(Челябинская область, начало XX в.;
из фондов РЭМ).*

*Упряжь с серебряными накладками
(Челябинская область, начало XX в.; из
фондов РЭМ).*

Кожаная утварь:

1 — сосуды из кожи ног лошади (из фондов РЭМ);

2 — подойник (из фондов РЭМ);

3 — сумка с тиснением (д. Темясово Баймакского района, начало XX в.; из фондов РЭМ);

4 — турсук для перевозки кумыса (из фондов РЭМ);

5 — сосуд для кумыса — саба (д. Аязгулово Челябинской области, начало XX в.; из фондов РЭМ).

*Шерстяная лента для укрепления
и украшения внутренней стороны
решёток юрты
(из фондов НМ РБ).*

Каркас юрты (из фондов РЭМ).

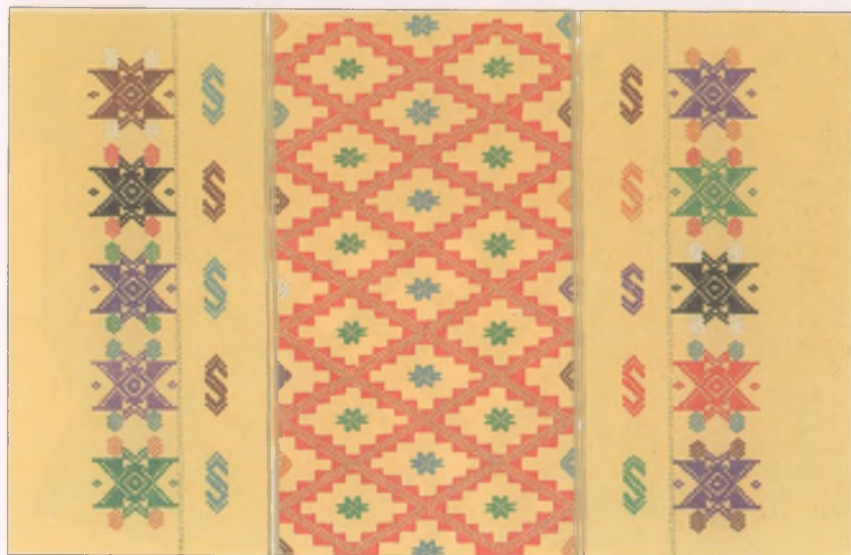

*Тканый занавес
(д. Ариево Дуванского района).*

*Свадебный кисет
с вышивкой
(Курганская область,
начало XX в.;
из фондов РЭМ).*

*Вышивка
счётной гладью
на полотенце
(Челябинская область).*

*Тамбурная вышивка
на фартуке
(Белокатайский район, 1959 г.).*

*Вышивка на тастаре
(д. Уразбаево Челябинской
области, из фондов РЭМ).*

*Вышивка счётной гладью и перевитью на полотенце
(Курганская область, из фондов РЭМ).*

*Праздничный женский елян
(юго-восток Башкортостана).*

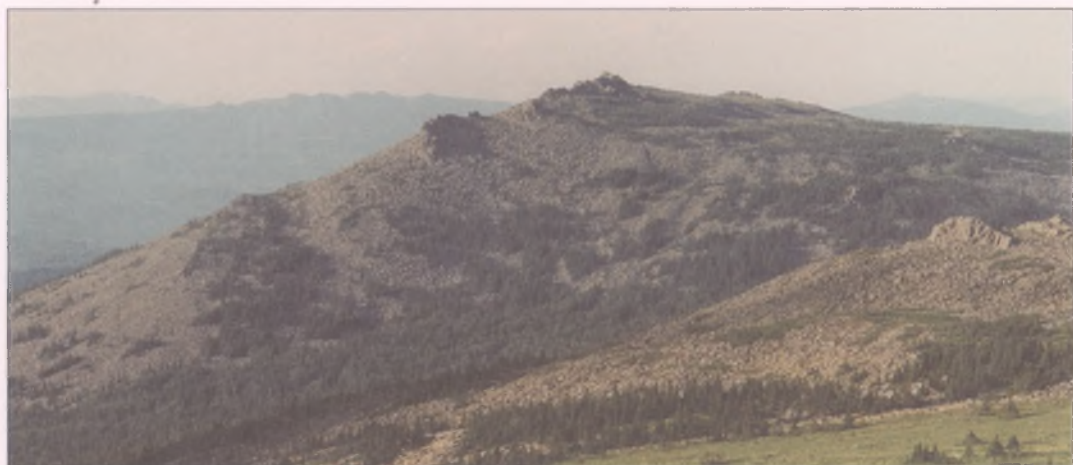

*Мужской суконный чекмень
(из фондов РЭМ).*

Мужские головные уборы.

*Свадебный фартук с вышивкой
(северо-восток Башкортостана).*

Башкирский (Южный) Урал.

Башкирское Зауралье.

Башкирское Приуралье.

На летовке (Челябинский уезд Оренбургской губернии, ныне Челябинская область, начало XX в.).

В башкирской юрте (из фондов НМ РБ).

*На пасеке
(Башкирская опытная станция пчеловодства,
п. Улу-Теляк).*

*Бортное дерево
(Государственный природный заповедник "Шульган-Таш").*

Деревянная утварь (Зилаирский краеведческий музей).

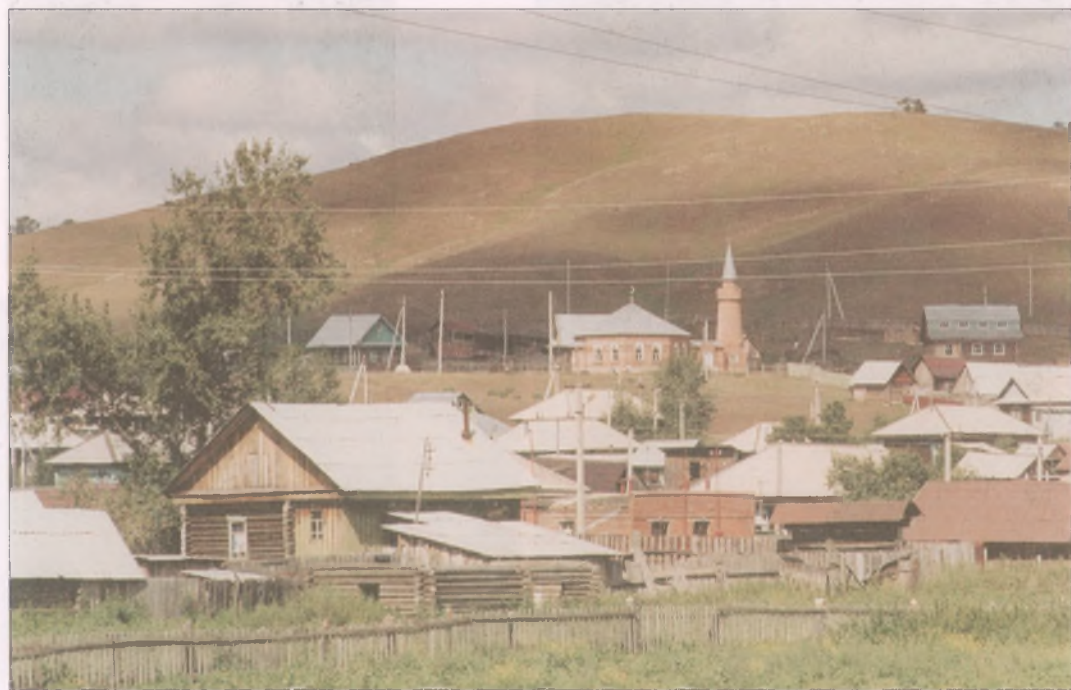
*Ткацкий станок
(Белорецкий историко-краеведческий музей).*

*Нары — урындык
(с. Белое Озеро
Курганской области, 1997 г.).*

*Традиционный интерьер башкирского дома
(конец XIX—начало XX вв., из фондов МАЭ).*

Деревня Амангильдино Абзелиловского района, 2000 г.

Чаетитие (д. Темясово Баймакского района, 1993 г.).

*Традиционный праздничный костюм
(д. Танрыкулево Курганской области, 1997 г.).*

*Украшения из кораллов и монет
(д. Бакаево Курганской области, 1997 г.).*

*Праздничная обувь — ката
(Курганская область, 1959 г.).*

Антропологический тип населения степной части Южного Урала, IV в. до н.э. Филипповские курганы. Реконструкция Т.С. Балуевой.

Антропологический тип населения Южного Урала эпохи неолита. Давлекановский могильник. Реконструкция М.М. Герасимова.

Золотые изделия из Филипповских курганов (из фондов МАЭ).

*На сабантуе: джигитовка
(Баймакский район, 1993 г.).*

*На сабантуе: курьи
(Баймакский район, 1993 г.).*

*На сабантуе: байге
(д. Новоселово Альшеевского
района, 2000 г.).*

ной философии освещены в фольклоре. Проблема бессмертия человека и земли ярко отражена в эпосе “Урал-батыр”. Главный герой, Урал-батыр, победив всех врагов, находит источник бессмертия и хочет отдать его людям, чтобы их жизнь стала вечной, однако мудрый старик, однажды испивший из этого родника, говорит:

То, что мы считали смертью,
Воспринимали как злодейку,
На самом деле вечный закон,
Освобождающий сад
От высохших растений,
Помогающий оставить этот мир.
Тем, кто прожил свои дни,
Не желайте жить вечно,
Не пейте из родника жизни.

*Без улем тип һанаған,
Яуыз ул тип караған
Бақтың тузған үсмерен
Йәки көнө тулғанан
Сүпләп, бақты бушатқан
Унан донъя ташлатқан
Бөтмәй торған заң икән.
Мәңге калам тимәгез
Йәншишмәнән эсмәгез*⁶¹.

Эти строки отражают гармонию и равновесие в природе. Урал-батыр погибает, но не исчезает бесследно, а превращается в великую и почитаемую гору. Смерть приходит во имя жизни. В башкирской сказке “Алп-батыр” хозяин горы говорит старику, желающему ребёнка: “Без чьей-то смерти на свет никто не родится. Если сыном обзаведёшься, сам умрёшь”⁶².

Согласно воззрениям древних башкир, жизнь каждого человека была заранее предопределена. Судьба (*язмыш*, от слова *язма* — запись) у каждого была написана на лбу (*маңдайына язылған*). По словам А.Е. Александрова, “башкиры утверждают, что при рождении каждого человека в книге судеб назначается число дней, которое он должен прожить, и количество пищи, нужное ему для употребления. Первое называется аджал, а последнее нафьяка. Если умирает кто-то из башкир, говорят: “Аджаль его исполнилась и нафьяка кончилась”⁶³. В народе также встречается выражение: “Съел предназначенную пищу, прожил отведённые годы” (“*Ашын ашаған, йәшен йәшигән*”)⁶⁴.

Течение человеческой жизни и сама жизнь уподоблялись тянущейся нити (нити жизни). С.И. Руденко писал: “Башкиры верили, что душа человека, умершего неесте-

ственной смертью, выйдя из тела, находилась первое время возле покойного. Поэтому, если утонувшего удалось быстро вынуть из воды и откачать так, чтобы вода вылилась (ибо из-за воды душа и покидала тело), душа возвращалась в тело и человек оживал. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника клали у воды и изо рта его протягивали шёлковую нитку. С этой целью башкиры-сплавщики барок и плотов всегда возили с собой “на случай... шёлковые нитки”⁶⁵. В связи с этим интересно отметить, что в ритуалах родинной и похоронной обрядности избегали узлов, умершим расплетали волосы, раздавали нитки с целью обеспечить душе свободный путь.

Согласно традиционному мировоззрению, статус индивидуума в обществе, его взаимоотношения с другими членами коллектива определялись его полом и возрастом. Переход из одной возрастной категории в другую сопровождался переменой и в социальном статусе. Традиционно выделялись четыре основные фазы жизненного цикла: детство (*бала сак, балалык, балалык дәүере*), молодость (*йәш сак, йәшлек, йәшлек дәүере*), зрелость (*өлгөргәнлек, өлгөргәнлек дәүере*) и старость (*картлык, картлык дәүере*). Возрастная терминология башкирского языка является своеобразным толковым словарём, в котором нашли отражение ролевые функции мужчин и женщин в общественной и хозяйственной жизни.

Пора детства охватывала период с рождения ребёнка до совершеннолетия (*балиг булыу*). Только что родившегося ребёнка называли “сырой ребёнок” (*сей бала*), в конце периода детства он считался выросшим (*буйга эткән*) и окрепшим (*быуыны каткан*).

Следующая возрастная группа — молодёжь (*йәштәр*) — объединяла молодых людей, ещё не вступивших в брак, но уже имеющих все признаки взрослого социовозрастного статуса (способность к браку и деторождению, к выполнению установленных женских и мужских трудовых и военных обязанностей), а также молодых мужчин и женщин, заключивших брак. Особое внимание уделялось молодым людям, которые достигли совершеннолетия. Оно считалось событием, имевшим важное общественное значение: появлялся новый взрослый член коллектива и продолжатель рода.

В лексике, характеризующей девушку, отразились народные представления о том, что главное её предназначение — выйти за-

муж. Девушку, достигшую совершеннолетия, называли “подросшая девушка” (*уҫқан кыҙ*), взрослую — “созревшая девушка” (*еткән кыҙ*), девушку брачного возраста — “девушка на выданье” (*кейәүгә бирерлек кыҙ*).

Для юноши, кроме физиологической готовности к браку, важно было стать настоящим джигитом (*егет*). Характеризуя юношей, подчёркивали их физические возможности: “способный ногой разорвать железо” (*“тинһә, тимер өзөрлөк”*), “стал большим, как тополь” (*“тирәк кеүек егет булған”*); навыки и умения в хозяйстве: “егет, способный оседлать коня” (*“айғыр тотоп менерлек егет булған”*); готовность к браку: “егет, которому пора жениться” (*“кәләш әйттерерлек егет”*). С момента достижения совершеннолетия юноши и девушки были готовы вступать в брак и создавать самостоятельную семью.

Главной задачей мужчины и женщины в пору зрелости было рождение и воспитание детей. Мужчины в основном занимались хозяйством и общественной деятельностью, женщины — воспитанием детей и работой по дому. Каждый мужчина стремился завоевать авторитет и положение в обществе, стать “достойным своего рода и племени” (*ил ағаһы*).

К последней возрастной категории — старикам (*харттар*) — относились мужчины, которые не могли полноценно трудиться, и женщины, утратившие способность к деторождению. В башкирском обществе большим уважением пользовались аксакалы (*акһа-калдар*), помогавшие мудрыми советами взрослым и детям. К женщинам этого возраста также относились с уважением и почётом, особенно к повитухам и знахаркам. Забота о людях старшего поколения была общеобязательной нормой.

В произведениях башкирского фольклора есть множество примеров, дающих не только описательную, но и оценочно-экспрессивную характеристику жизненного пути:

В пять лет оставил колыбель,
В десять лет пошел учиться,
В пятнадцать не мог наиграться,
В двадцать стал джигитом;
В тридцать лет был как огонь,
В сорок лет стал зрелым,
В пятьдесят лет стал властелином страны,
В шестьдесят — был хватким, как волк,
В семьдесят — схож с рыжей лисой,
В восемьдесят уже не мог запрыгнуть на коня,
В девяносто не мог идти без остановок,
В сто не мог стоять на своих ногах,
В сто пять, сто десять — уже не жилец
на этом свете.

*Биш йәштә бишектән төшкән сағың,
Ун йәштә укырга кергән сағың,
Ун биштә уйнап туймаҫ сағың,
Егермелә үсеп буйға еткән сағың,
Утыз йәштә ут бөркөп торған сағың,
Кырк йәштә урта йәштә булған сағың,
Илле йәштә ил ағаһы булған сағың,
Алтмышта — алғыр бүреләй,
Етмештә — ерән төлкөләй,
Һикһәндә һикереп атка менә алмай,
Тукһанда туктамай бара алмай,
Йөзгә йөзмәйенсә тора алмай,
Йөзгә биштә, йөзгә унда —
ер йөзөндә була алмай*⁶⁶.

Следует отметить, что половозрастная терминология башкирского языка имеет ряд особенностей. Лексика, используемая для обозначения возраста женщины, в основном отражала стадии её физиологического развития, а мужская, наряду с этим, была более социально окрашенной.

В башкирской народной философии обнаруживаются пережитки различных древних верований, в образной форме запечатлевших важнейшие связи между природой и человеком, жизнью и смертью. В сочетании с исламом в современной жизни башкир продолжают бытовать домусульманские представления: культ предков, вера в духов, магию, разные формы знахарства и др.

Гл. 9

К ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ БАШКИРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Начало изучения этнической культуры башкир восходит к XVIII в., когда стали предприниматься первые шаги по систематизации фактического материала и его научного осмысления. Первый этнографический очерк о башкирах появился в 70-е гг. в сводном «Описании всех в Российском государстве обитающих народов»¹. Автор книги, немецкий естествоиспытатель Иоганн Готтлиб Георги, по приглашению Петербургской академии наук принял участие в академических экспедициях 1768—1774 гг. по изучению России. Обобщение собранных в ходе академических экспедиций этнографических сведений И.Г. Георги начал в процессе подготовки исторических комментариев к художественному альбому «Открываемая Россия, или собрание одежд всех народов в Российской империи обитающих» (СПб., 1774), а закончил солидным научным трудом в четырёх частях. Иллюстрации, выполненные опытными гравёрами по рисункам с натуры и экспедиционным зарисовкам, украсили выпущенную в 1776—1777 гг. книгу. Полное название работы И.Г. Георги — «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежда и прочих достопамятностей» — раскрывает широту авторского замысла. Георги понимал необходимость появления этнического свода в такой пёстрой по национальному составу стране, как Россия. Он считал своим долгом дать «краткое связное описание всех... наций в их теперешнем состоянии», пока народы ещё сохраняли свою самобытность. И.Г. Георги стремился выявить и подчеркнуть этническую специфику каждого народа. Очерк «Башкирцы» был включён во вторую часть книги, где представлены народы «татарского племени». При его написании автор использовал как собственные наблюдения (он побывал у северных башкир в бассейне р. Быстрый Танып), так и сведения, собранные в академических экспедициях П.С. Палласом, И.И. Лепёхиным, И.П. Фальком, Н.П. Рычковым. В сжатой форме Георги описал образ жизни, аулы и кочёвки, устройство быта, обычаи и традиции башкирского народа. В очерке впервые были представлены иллюстрации по башкирским костюмам.

Изучение населяющих Россию народов первоначально преследовало практические цели. Характеристика народных обычаев вклю-

чалась в программы всех естественнонаучных экспедиций, охвативших в XVIII в. восточные и южные области России. Публикация собранных сведений приветствовалась. Путевые дневники современников и коллег И.Г. Георги — П.С. Палласа и И.И. Лепёхина — увидели свет в 1770—1780-е гг., вскоре после завершения экспедиций². В 1799 г. было осуществлено переиздание труда И.Г. Георги³. В конце XVIII — начале XIX вв. дневники И.И. Лепёхина были изданы во второй раз⁴.

Учёные описывали природу Башкортостана, хозяйственные занятия населения, процесс перехода кочевников к оседлости, устройство поселений и жилищ, праздники и обряды, состав костюма. Дневниковые записи П.С. Палласа и И.И. Лепёхина передавали дух времени. Этнические особенности башкирской культуры проступали в них выпукло и колоритно, хотя научные оценки не всегда были беспристрастными.

После академических экспедиций XVIII в. Башкортостан редко попадал в поле зрения исследователей. Единственной заметной работой явилось «Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному её состоянию», подготовленное по заданию Императорского вольного экономического общества Н.С. Поповым. Им были использованы труды И.Г. Георги и И.И. Лепёхина, обобщён местный фактический и статистический материал. В третьей части работы Н.С. Попова, изданной в Санкт-Петербурге в 1813 г., содержится характеристика населения губернии. Автор отмечает, что башкиры являлись самым многочисленным народом в крае и проживали в пяти уездах: Екатеринбургском, Красноуфимском, Осинском, Пермском и Шадринском. Он перечисляет башкирские деревни, стремится подробно показать различия в образе жизни башкир, описывает их занятия, материальную культуру, верования и обычаи, особо отмечая наиболее архаичные явления. Многие десятилетия труд Н.С. Попова оставался единственным этнографическим исследованием быта населения северо-восточного Башкортостана.

Среди публикаций первой половины XIX в. нельзя не выделить статью «Сведения о башкирцах» в столичном журнале «Московский телеграф»⁵. Корреспонденция была прислана в редакцию из Перми, однако содержащаяся в ней информация по этнографии башкир позволяет сделать вывод, что речь идёт о южной или восточной (степной) группе

башкир-скотоводов. Увлечённо, с малоизвестными подробностями рассказывается о религии, свадебных и других обрядах, традициях питания; описывается утварь, одежда, “воинские упражнения” (скачки, борьба и др.). Автор, скрывшийся под именем “П.Р-н”, обращает внимание на “конские ристалища” в дни поминок. Говоря о барымте (набегах на соседние территории с целью угона скота), автор так описывает воинское снаряжение башкир: “надевают тяжёлые кольчуги, крепкие латы, железные шлемы, и в сём вооружении напоминают собою рыцарей времён давнопрошедших”.

Следует заметить, что сведения о башкирах, как и о других народах России, стали собираться и обобщаться задолго до распространения в 20-х гг. XIX в. термина “этнография”. Историю российской этнографии* (она чаще называлась “народоведение”) начинают с 40-х гг. XIX в., когда в составе Русского географического общества был основан Этнографический отдел и была принята программа, в соответствии с которой начался сбор этнографического, демографического, антропологического материала в ходе академических экспедиций. Одновременно в Отделе статистики РГО по инициативе П.И. Кеппена стала составляться первая этнографическая карта, вышедшая в начале 50-х гг. и довольно точно показывающая расселение народов России.

В поездках в Оренбургский и Астраханский края в 1850—1851-х гг. принял участие член РГО П.И. Небольсин, проявивший большой интерес к башкирскому быту. Уже в 1850 г. в журнале “Отечественные записки” появились присланные им из экспедиции “Заметки о башкуртах”⁶. В них был дан обзор экономического положения башкир по кантонам, характеризовались хозяйственные занятия, образ жизни, кочёвки и жилища, одежда, кушанья и напитки. Находясь в поездке почти год, П.И. Небольсин жил в Уфе и Златоусте, изучал судоходство на реках Ай, Сим и Юрюзань, побывал в отрогах Южного Урала, в долинах Белой, Большого Ика, Сакмары и других рек Башкортостана. Вместе с другими участниками экспедиции он провёл несколько дней в башкирской кочёвке в долине р. Белегуш, где ему удалось наблюдать за джигитующими башкирами,

демонстрировавшими своё мастерство. По описанию П.И. Небольсина, джигиты были “в красивых выложенных галуном халатах, в аршинных малинового цвета бархатных колпаках, обложенных позументом, в высоких шапках с огромными лисьими околышами, с двухсаженными пиками...” Этнографические очерки заняли должное место в отчёте о путешествии, составленном им для Русского географического общества⁷. Большой научный интерес представляют его дорожные записи с этнографическими зарисовками, опубликованные в 1854 г.⁸ Под наблюдением П.И. Небольсина была составлена карта Оренбургского края, киргизских степей и Средней Азии, на которой обозначено и расселение башкир.

В XVIII—XIX вв. краткие описания народов содержались в экономико-статистических, географических, санитарно-гигиенических обзорах губерний и уездов. В 1859 г. в Уфе было издано “Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях”, подготовленное по конкурсной программе Министерства государственных имуществ преподавателем местной духовной семинарии В.М. Черемшанским. В сочинении значительное место отведено описанию народов, проживавших в середине XIX в. на территории Оренбургской губернии. Автор, рассматривая историю губернии, прежде всего стремился отразить состояние хозяйства и культуры, когда оренбургские степи и Приуралье стали многонациональным краем. В.М. Черемшанский, подчёркивая самобытность культуры каждого из народов, говорит о культурных заимствованиях, которые выявлялись в земледельческой практике, ремёслах, организации усадеб и устройстве домов. Большое внимание исследователь уделяет экономическому положению башкир, особенностям развития их хозяйства, рассматривает кочевые и аульные жилища, народный костюм, праздники и некоторые обряды. Описывая национальную кухню, он указывает на отличия в составе блюд у оседлых земледельцев и у скотоводов. К сожалению, многие факты, сообщаемые В.М. Черемшанским, относятся только к западным башкирам. Общую характеристику народа с разделением башкир на оседлых и кочующих, а последних — на горцев и степняков он заимствовал у П.И. Небольсина. Любопытны некоторые сведения В.М. Черемшанского относительно башкирского казачества. Он описывает экипировку

* Этнография (от греч. *éthnos* — племя, народ и *grapho* — пишу) — наука об этносах (народах), изучающая их происхождение и расселение, материальную и духовную культуру.

и вооружение казаков, говорит о существовании в Оренбурге “аммуниционной лавки”, где можно купить казачью одежду. Материалами В.М. Черемшанского широко пользовались авторы очерков и статей, появившихся во второй половине XIX—начале XX вв.

С середины XIX в. интерес к культуре и быту коренного населения Южного Урала поддерживался постоянно. В 60—70-е гг. статьи, касающиеся башкир, появлялись на страницах различных газет и журналов. Наиболее интересной из них представляется статья под названием “Заметки башкира о башкирах” за подписью “Назаров” в журнале “Современник”⁹. От редакции сообщалось, что автор по происхождению башкир, ребёнком был оторван от родителей, обучался в Оренбурге и затем служил в Оренбургском казачьем войске. Необычная судьба корреспондента определила настрой повествования. Описание запомнившихся с детства обычаев сменялось сочувствием по поводу упадка традиционного хозяйства и неустойчивости быта башкир. Перед читателем предстали яркие картины аульной жизни: выезды на летовки, коллективные трапезы с бишбармаком и кумысом, многолюдные народные собрания с захватывающими состязаниями, песнями и игрой на курае, нарядные одежды молодых мужчин и женщин. Видимо, автор был родом из южных районов, где в середине XIX в. основой хозяйства являлось скотоводство и сохранялись патриархальные пережитки в общественных отношениях.

В начале 60-х гг. появился и очерк А. Игнатовича, посвящённый Бурзянской волости¹⁰. В нём была дана краткая характеристика башкир-бурзян, проживавших в районе среднего течения Белой: их хозяйственные занятия, костюм, поселения, жилища, питание. Однако снисходительный тон автора при описании непривычной для него культуры снижал значимость очерка, хотя имеющиеся в нём наблюдения и открытия значительно дополняли известные к тому времени сведения о башкирах.

Выход в свет в 1867 г. справочника Н. Казанцева “Описание башкирцев”¹¹, возможно, был связан с открытием в Москве первой Этнографической выставки. Брошюра представляла собой краткую историко-этнографическую характеристику народа. Следует отметить, что в ней мало новой информации, в основном использованы ранее опубликованные источники.

В 70—80-е гг. этнографические сведения о башкирах появлялись также в работах по антропологии и медицине. В этот период антропометрические исследования среди башкир проводили Ф.Д. Нефёдов, Н.М. Малиев, М.В. Малахов, иностранные учёные С. Сомме и Г. Уйфальви. Тогда же начали заниматься научной деятельностью П.С. Назаров и Д.П. Никольский. Многие исследователи, проявляя интерес к истории башкир, обобщали свои этнографические наблюдения в виде отдельных или вводных статей к антропологическим работам. Такой раздел, например, был включён в “Медикотопографическое описание Оренбургской губернии” Н. Литуновского¹².

Особенно активное накопление этнографического материала происходило в последнее десятилетие XIX в. Положительную роль в этом сыграли созданные в Казани, Оренбурге, Екатеринбурге естественнонаучные и этнологические общества (некоторые из них являлись отделениями столичных обществ) с периодическими научными изданиями. Сказалось также включение в собирательскую деятельность местной интеллигенции, открытие краеведческих музеев и выставок.

По заданию Антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1889 г. среди южных башкир работал П.С. Назаров. Он побывал в бассейне рек Сакмара и Большой Ик у бурзян, тангауров, усерган и карагай-кыпсаков. Этнографический материал учёный собирал попутно, но не менее заинтересованно. В журнале “Этнографическое обозрение” в 1890 г. вышла его большая статья “К этнографии башкир”¹³. Часть сведений была включена в отчёт, опубликованный в “Известиях” Общества¹⁴. Автор сумел составить всестороннюю характеристику башкир. П.С. Назаров, неоднократно останавливавшийся на летовках, описал разнообразные временные жилища, большое внимание уделил “башкирскому столу” и этикету во время трапез. Подчёркивая своеобразие женского костюма в верховьях Сакмары, он указывал на сходство башкирской одежды с казахской (киргизской) и татарской. Значительное внимание в описании было уделено свадебным, похоронным и родинным обрядам, взаимоотношениям в семье и воспитанию детей.

В 1892 г. на Географическую выставку в Москве поступил очерк Льва фон Бергголь-

ца о башкирах-катайцах. Автор собирал сведения, общаясь в течение шести лет с башкирами в долине Инзера. Для выставки им была сделана коллекция фотоснимков. Очерк был напечатан в 1893 г. в журнале “Этнографическое обозрение”¹⁵.

В очерке о перешедших к оседлости башкирах нижнего течения р. Дёма И.А. Износков писал, что в устройстве их аульного быта сохранились многие кочевые черты¹⁶. Почти одновременно, в 1894 г., на заседании Общества врачей при Казанском университете был заслушан доклад о жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии В.А. Арнольдова, работавшего в 1888—1891 гг. земским врачом в Азнаевской, Арслановской, Бушман-Кипчакской, Гирей-Кипчакской, Ильчик-Темировской, Макаровской волостях¹⁷.

Изучая мелодии и песни башкир и других народов Южного Урала, в юго-восточных районах Башкортостана от имени Русского географического общества в 1894 г. побывал С.Г. Рыбаков. Им был написан (как вводная часть отчёта) “Очерк быта и современного состояния инородцев Урала”. Большой интерес для этнографов представляет путевой дневник С.Г. Рыбакова, изданный в 1899 г. в журнале “Наблюдатель”¹⁸.

Летом 1898 г. ряд поездок по Уфимской губернии совершил экономист А. Калачёв. Изучая процесс перехода башкир к оседлости и их экономическое положение, он обследовал 29 населённых пунктов Белебеевского, Уфимского и Златоустовского уездов. Результаты этих исследований были заслушаны на заседании Этнографического отдела Русского географического общества и напечатаны в 1899 г. в журнале “Живая старина”¹⁹.

В 1880—1890-е гг. большой интерес к этнографии проявляла образованная часть башкирского общества. Некоторые из башкир, став членами научных обществ, помещали свои работы в солидных изданиях. Так, в 1892 г. в московском журнале “Этнографическое обозрение” появились статьи М. Юлуева о свадебных и похоронных обрядах башкир, их суевенных представлениях²⁰. В “Известиях Оренбургского отдела РГО” в 1894 г. вышла статья М. Байшева²¹. Хорошо знакомый с местными обычаями, автор коснулся и материальной, и духовной культуры населения одной из деревень Орского уезда. Свадебные и другие обряды нашли отражение в работах башкирского просветителя М. Уметбаева²². К сожалению,

его книга “Ядкар”, изданная в 1897 г. на тюрки, оказалась в тот период недоступна для многих исследователей.

С башкирским краем продолжительное время была связана судьба Д.П. Никольского. Работая земским врачом, он состоял членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Екатеринбургском университете и собирал материал в деловых поездках и экспедициях. Ещё в начале 1880-х гг. в “Пермских губернских ведомостях” появились первые его статьи с санитарно-статистическим анализом быта отдельных башкирских деревень. Очень плодотворной была экспедиция, предпринятая им в горные районы бассейна рек Инзер и Белая²³. Итогом многолетней научной деятельности Д.П. Никольского явилась книга “Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование”²⁴. В ней затрагивались вопросы происхождения башкирского народа, рассматривалось его экономическое, демографическое и санитарно-гигиеническое состояние; характеризовались этнографические особенности жилищ, поселений, питания, одежды; описывались обычаи, обряды, праздники, верования, традиции воспитания детей, положение женщины в семье и др. В книге было много собственных наблюдений и фактического материала, собранного в поездках по аулам.

Таким образом, к концу XIX в. насчитывалось несколько десятков работ по хозяйству, материальной и духовной культуре башкир. Они были различны по объёму, охвату материала, глубине исследований. В них преобладал описательный метод. К сожалению, накопленный в течение XIX в. материал не представлял башкирскую культуру во всей полноте. Зачастую из работы в работу переходили одни и те же сведения. Маршруты экспедиций и частных поездок ограничивались в основном юго-востоком и югом Башкортостана, где сохранялись скотоводческие традиции, северные и западные районы оставались за пределами научных интересов. Монографии, вышедшие в середине XIX—начале XX вв. (В.М. Черемшанский, Д.П. Никольский), обобщали накопленные знания и были заметным явлением в общественной жизни, но этнография рассматривалась в них только с прикладных позиций.

Новый этап в изучении быта и культуры башкир пришёлся на первые два десятилетия нового века. В начале XX в. развернулась собирательская деятельность Этно-

графического отдела Русского музея, основанного в преддверии XX в. Собирая материал среди башкир начал С.И. Руденко, тогда студент Петербургского университета. Он провёл юность в г. Пермь и ещё гимназистом проявлял интерес к башкирской культуре. С бытом башкир С.И. Руденко познакомился, путешествуя с отцом по деревням Пермской губернии. Материалы тех поездок (фотографии, записи) были переданы им в Пермский музей.

Выполняя поручение Русского музея, С.И. Руденко провёл в Башкирском крае два лета. В 1906 г. исследовал знакомые ему места Пермской губернии (Екатеринбургский, Осинский и Шадринский уезды), затем побывал в более южных, горных и приуральских районах (Бирском, Златоустовском, Стерлитамакском уездах Уфимской губернии, Верхнеуральском и Орском — Оренбургской). В 1907 г. научная работа С.И. Руденко продолжалась в южных и восточных районах. Башкирские коллекции, собранные им за два года, насчитывали более 300 экспонатов, которые сопровождалась квалифицированным научным описанием. Это орудия охоты и рыбной ловли, скотоводческий, пчеловодческий и земледельческий инвентарь, средства передвижения, модели жилищ (в т. ч. юрты), оружие, одежда, украшения, музыкальные инструменты. В экспедициях было сделано много фотоснимков. Материалы, представлявшие, как писал в отчёте С.И. Руденко, почти весь Башкортостан, дополнили фонды Этнографического отдела*.

После С.И. Руденко в Башкортостане с экспедициями побывали тюрколог-лингвист Месарош Дьюла и гидролог М.А. Круковский. Оба интересовались особенностями быта башкир. Уникальные снимки М. Дьюлы, сделанные на летовках в окрестностях озера Талкас и в аулах юго-восточного Зауралья, хранятся в Венгерском этнографическом музее в г. Будапешт. В архивах Российского этнографического музея находится редчайшая фотоколлекция М.А. Круковского, зафиксировавшая дёмских и юрюзанских башкир. Некоторые фотографии данной коллекции были напечатаны в 1909 г. в книге «Южный Урал»²⁵.

В конце 1909—начале 1910 гг. в Москве на этнографической секции съезда естествоиспытателей и врачей по инициативе видных этнографов А.Н. Максимова, Л.Я. Штерн-

берга, В.Ф. Миллера активно обсуждались цели и задачи этнографической науки, говорилось о необходимости создания обобщающих трудов, основанных на научном фундаменте. Идеей написать монографию по этнографии и антропологии башкир проникся С.И. Руденко. Для дополнительного сбора материала им была предпринята новая поездка по Башкортостану. О масштабах экспедиции 1912 г. на Южный Урал и Зауралье говорит то обстоятельство, что привезённая для Русского музея коллекция была вдвое больше коллекции 1906—1907 гг. Плодотворным оказался и сбор антропологического материала. В силу разных обстоятельств монография С.И. Руденко появилась лишь спустя годы: в 1916 г. была издана первая часть, в которой рассматривались вопросы антропологии²⁶; во второй части, вышедшей в 1925 г., получила освещение этнография башкир²⁷.

Научный труд С.И. Руденко, посвящённый башкирскому народу, представляет собой уникальное историко-этнографическое исследование. Собрав и обобщив огромный фактический материал, автор показал развитие различных сторон материальной и духовной культуры башкир. Он охарактеризовал традиционные, кочевые и оседлые формы хозяйства, домашние производства, поселения и жилища, одежду, пищу, общественный быт. К работе приложены карты расселения башкирских родоплеменных групп и распространения характерных бытовых элементов. Картографирование помогло автору выделить этнокультурные области. Анализируя традиционную культуру, он высказался в пользу тюркской теории происхождения башкир, признавая в то же время сложность процессов этногенеза. В каждой из областей материальной культуры С.И. Руденко наметил разновременные пласты, указывающие на связь башкир с теми или другими древними этническими общностями. Книга С.И. Руденко была явлением большой научной значимости, но по достоинству её оценили гораздо позже. Автор был репрессирован, тираж книги осел в подвалах книжных хранилищ. О С.И. Руденко в Башкортостане заговорили лишь в 1950-е гг. В 1955 г. была переиздана отдельной книгой этнографическая часть его монографии²⁸. Для многих поколений этнографов эта книга стала примером комплексного подхода к изучению этнических культур. Идеи С.И. Руденко нашли развитие в научных работах наших современников²⁹.

* Позже на базе отдела был создан Государственный музей этнографии народов СССР, в настоящее время — Российский этнографический музей.

Следует отметить, что переиздание работы С.И. Руденко было своеобразным предзнаменованием развития во второй половине XX в. этнографии в Башкортостане. В 50-е гг. в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в рамках сектора археологии и этнографии была образована творческая группа первых башкирских этнографов в составе Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова, С.Н. Шитовой, в 1978 г. группа стала самостоятельным сектором (отделом). С самого начала научная работа опиралась на ежегодные полевые исследования. С конца 50-х и до конца 80-х гг. было проведено более 40 этнографических экспедиций, множество индивидуальных поездок учёных, в ходе которых были обследована вся территория Башкортостана и районы с башкирским населением в Татарстане, Курганской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Саратовской, Свердловской и Челябинской областях. В результате был создан большой архивный фонд (записи, рисунки, фотографии). В 1980 г. в Уфе был основан Музей археологии и этнографии. С течением времени ряды этнографов республики пополнились новыми исследователями. С 60-х гг. в Башкирском государственном университете работает и занимается научными исследованиями Р.З. Янгузин. В конце 60-х—начале 70-х гг. активное участие в этнографических экспедициях принимали Р.Г. Гаделгареева, Ф.Ф. Илимбетов, Р.М. Султанов; в 70-е гг. — М.Г. Муллагулов, М.В. Мурзабулатов, Л.И. Нагаева, в 80-е гг. — М.Н. Сулейманова, Ф.Ф. Фатыхова. Позже изучением традиционной культуры башкир стали заниматься Ф.Ш. Абсаликова, Г.Р. Кутушева, Е.Е. Никонорова, А.Р. Хабибуллина и др.

Значительный вклад в исследование вопросов происхождения и формирования башкирского народа внёс член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев. В 50—70-е гг. для решения проблемы этногенеза он впервые привлёк родословные — шежере (*шажәрә*), народные предания и легенды, данные о родоплеменном составе народа, тамги. Им использовались также сведения средневековых авторов и собранный в ходе полевых экспедиций этнографический материал. В 1957 г. вышли его «Очерки по исторической этнографии башкир», посвящённые характеристике родоплеменного состава и анализу общественных отношений. В 1960 г. Р.Г. Кузеев опубликовал шежере наиболее крупных башкирских племён и народов. В раз-

ряд этнографической классики вошла книга Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения»³⁰. В последующем учёным исследовались этнокультурные связи башкир в период средневековья, новое и новейшее время, а также процесс образования Волго-Уральской историко-этнографической области³¹. Отдельные статьи касались трансформации хозяйственного уклада башкир во II тыс.³² В коллективной монографии «Декоративно-прикладное искусство башкир»³³ Р.Г. Кузеевым написан раздел по художественной деревообработке. Совместно с Н.В. Бикбулатовым им была разработана классификация башкирского орнамента.

В конце 50-х—начале 60-х гг. изучением декоративно-прикладного искусства башкир занимался Н.В. Бикбулатов³⁴. Однако главный его научный интерес был связан с традиционными семейными и общественными отношениями. Он исследовал различные стороны семейного быта, семейные обряды (прежде всего свадебные), изучал обычаи, связанные с организацией семьи, наследованием имущества, семейно-брачными отношениями и др.³⁵ Его монография «Башкирская система родства» была высоко оценена научной общественностью страны³⁶. Исследователь также в многочисленных статьях³⁷ рассматривал вопросы развития хозяйства, системы земледелия и пахотные орудия башкир.

Известным специалистом в области традиционной этнографии, истории хозяйства и социальной структуры башкирского общества XVIII—XIX вв. является Р.З. Янгузин³⁸. Основные положения его научных исследований нашли отражение в монографии «Хозяйство и социальная структура башкирского общества в XVIII—XIX вв.»³⁹ Он также занимается вопросами изучения этнографии башкир⁴⁰. С конца 60-х гг. Р.З. Янгузин руководит этнографическими экспедициями Башкирского государственного университета.

Материальная культура башкир и декоративно-прикладное искусство стали основными темами в исследованиях С.Н. Шитовой. Она внесла большой вклад в изучение башкирской народной одежды и кухни, традиционных хозяйственных занятий и ремёсел, поселений и жилищ⁴¹. На основе анализа материальной культуры и искусства автором были установлены этнические связи башкир с угро-финнами, самодийцами и другими народами Сибири⁴².

Вопросы развития традиционных средств передвижения и лесных промыслов рассматриваются в работах М.Г. Муллагулова⁴³. Изучению хозяйства зауральских башкир посвящены исследования М.В. Мурзабулатова⁴⁴. С 80-х гг. он занимается изучением социально-демографических процессов в Башкортостане⁴⁵. Народная хореография и празднества являются основными направлениями научного интереса Л.И. Нагаевой⁴⁶. Исследованием родинных, похоронных и поминальных обрядов башкир, а также традиций воспитания занимается Ф.Ф. Фатыхова⁴⁷. Доисламские верования башкир в целом, а также отдельные аспекты этой темы (демонологические представления, пережитки шаманства и др.) разрабатываются М.Н. Сулеймановой⁴⁸.

В последние годы защищены диссертации по орнаменту счётных вышивок башкир (Е.Е. Никонорова), народным играм и развлечениям (Ф.Ш. Абсаликова, Г.Р. Шагапова), традиционному питанию (А.Р. Хабибуллина), ведутся исследования культурных взаимодействий башкир и татар в Западном Башкортостане по данным традиционной одежды (Г.Р. Кутушева).

Большой вклад в изучение традиционной культуры башкир внесли архитекторы (Б.Г. Калимуллин, Р.Г. Салихов), искусствоведы (В.С. Сырмятников, А.Г. Янбухтина, Т.А. Масленникова и др.), фольклористы (А.М. Сулейманов, М.М. Сагитов, Ф.А. Надршина, Р.А. Султангареева и др.), музыковеды

(Л.П. Атанова, Ф.Х. Камаев, Р.С. Сулейманов и др.), историки (А.З. Асфандияров, Х.Ф. Усманов и др.). Проблемы башкирского этногенеза и этнических связей занимают важное место в научной деятельности группы антропологов ИИЯЛ во главе с Р.М. Юсуповым⁴⁹.

Нивелировка сельской культуры на протяжении XX в., утрата многих традиционных черт не повлекли за собой свёртывания этнографических исследований. Наряду с отделом этнографии и антропологии в составе ИИЯЛ, в Уфе функционирует Центр этнологических исследований РАН, работает группа этнографов на историческом факультете Башкирского государственного университета, появились этнографы и в других учебных заведениях и учреждениях культуры РБ. Расширяется тематика научных исследований по этнографии, изучается обычное право, мировоззренческие и философские аспекты народной культуры, проблемы синтеза материальных и духовных основ бытовых явлений и др.

Следует отметить, что в последние годы в силу многих причин стали редкими полевые экспедиции, они уже не приносят обилия оригинального материала, как было в 50—60-е гг. На этом фоне возрастает значение архивных материалов и музейных коллекций. Учёные всё чаще обращаются к устному народному творчеству, которое помогает открыть истоки многих явлений традиционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Общие сведения о башкирах. Этноним “башкорт”

¹Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: Сб. док. и материалов. Уфа, 1959; Ишкулов Ф.А. История государства и права Башкортостана. Уфа, 1996; Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана. Уфа, 1997. С. 68; Кульшарипов М.М. У истоков современной республики. Уфа, 1997.

²Население Башкирии по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года / Госкомстат РСФСР: Башкирское республиканское управление статистики. Уфа, 1990.

³Там же.

⁴Мурзабулатов М.В. Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 64.

⁵Кадильников И.П. Принципы, методика и схема физико-географического районирования Башкирской АССР // Учёные записки Башкирского государственного университета. Сер. География. Т. 16. № 1. Уфа, 1964; Хисматов М.Ф. Башкирия: Экономико-географический очерк. Уфа, 1979; Животный мир Башкортостана. Уфа, 1995. С. 3—5, 224, 277.

⁶Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960; его же. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962.

⁷Кашгари М. Девону луғатит турк. Ташкент, 1960. С. 60, 66.

⁸Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). М., 1976; Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М., 1979; её же. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 1991; Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 156—158, 256—257.

⁹Назаров П.С. Заметки башкира о башкирах // Современник. Т. 99. № 11. Отд. I. СПб., 1863. С. 57.

¹⁰Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н.э. // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 232.

¹¹Алекторов А.Е. Башкиры: Этнографический очерк // Оренбургский листок, 1885, № 2.

¹²Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб., 1776. С. 85.

¹³Алекторов А.Е. Указ. соч.

¹⁴Кузеев Р.Г. Этническая история башкир с конца I тысячелетия н.э. до XIX века // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 104; его же. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 448—449; Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Башкирские родоплеменные названия и их алтайские параллели // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 220.

¹⁵Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С. 56; Бишев А.Г. Ещё раз об этниме башкорт // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 221—222; Гордеев Ф.И. О происхождении этнонима “башкир” // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 314—317.

¹⁶Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13—18.

¹⁷Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939. С. 136; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130—131.

¹⁸Татищев В.Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968. С. 402.

¹⁹Филоненко В.М. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа, 1913, № 5. С. 167.

²⁰Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о восточной Европе, Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. С. 69—74.

Глава 2. Основные этапы заселения Южного Урала и этнической истории башкир

¹Бадер О.Н. Палеолит Башкирии // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 67.

²Его же. Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М., 1965.

³Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976; его же. Пути развития Южного Урала в эпоху мезолита и неолита // АЭБ. Т. IV. С. 85—88.

⁴Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973; его же. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977; Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 162—243; его же. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983; Археологическая карта Башкирии. М., 1976; Горбунов В.С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986; его же. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992; Обьденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986; Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992; Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996; его же. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. М., 1982.

⁵Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1969.

⁶Его же. Происхождение башкир // АЭБ. Т. IV. С. 11—16; его же. Тайны древнего Урала. С. 152—172.

⁷Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. Т. IV. С. 30—37.

⁸Кузеев Р.Г. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа. Автореферат дис... д-ра ист. наук. М., 1971. С. 31—32, 39.

⁹Геркави А.Я. Сказания мусульманских авторов о славянах и русах. СПб., 1870. С. 127, 148; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962; Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // АЭБ. Т. IV. С. 323—328; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974; Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1989.

¹⁰Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955. С. 31.

¹¹Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130—131.

¹²Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 43. Вып. 1. Пг., 1916; Ч. 2. Быт башкир // Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925.

¹³Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. Т. IV. С. 249—262.

¹⁴Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941.

Глава 3. Антропологический состав башкир и его формирование

¹Малиев Н.М. Антропологический очерк башкир // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 5. Вып. 5. Казань, 1876; Назаров П.С. К антропологии башкир // Известия общества любителей естествознания. Т. 18. Вып. 2. М., 1890; Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899; Абрамов А.Н. Башкиры // Русский антропологический журнал, 1907, № 3—4; Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л., 1989. С. 8—27.

²Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 43. Вып. 1. Пг., 1916; его же. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.

³Акимова М.С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и геногеография. М., 1974. С. 77—95; её же. Значение данных антропологии, дерматоглифики и серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале) // Вопросы антропологии, 1973. Вып. 44.

⁴Юсупов Р.М. Краниологическое изучение башкир // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987. С. 77—94; Долинова Н.А., Юсупов Р.М. Новые данные по дерматоглифике башкир // Там же. С. 120—127.

⁵Юсупов Р.М. Краниология башкир; его же. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989.

⁶Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

⁷Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика средневекового населения Южного Урала по материалам Бекешевских курганов // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982; его же. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа, 1991.

⁸Его же. К вопросу о форме и содержании процессов метисации на Южном Урале на рубеже I—II тыс. н.э. // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 86—95.

⁹Его же. Историческая антропология Южного Урала... С. 19—26.

¹⁰Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

¹¹Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 19—26.

¹²Морозов Ю.А. Срубные памятники Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 3—12; Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 74—93.

¹³Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 2—4.

¹⁴Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 89—98.

¹⁵Пшеничник А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. С. 126—132.

¹⁶Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 4—8.

¹⁷Там же. С. 7.

¹⁸Там же. С. 5.

¹⁹Юсупов Р.М. Об уралойдном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 51—59.

- ²⁰Акимова М.С. Антропология древнего населения... С. 55—82; Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991. С. 77—80.
- ²¹Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 13—19.
- ²²Акимова М.С. Антропология древнего населения... С. 55—64.
- ²³Там же.
- ²⁴Там же. С. 64—71; Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика средневекового населения... С. 145—151.
- ²⁵Акимова М.С. Антропология древнего населения... С. 64—71.
- ²⁶Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 27—29.
- ²⁷Ефимова С.Г. Указ. соч. С. 77—80; Акимова М.С. Антропология древнего населения... С. 55—82.
- ²⁸Ефимова С.Г. Указ. соч. С. 71—80; Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 8—13.
- ²⁹Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала... С. 4—13.
- ³⁰Исмагулов О. Указ. соч. С. 137—147.
- ³¹Там же. С. 139—147.
- ³²Там же. С. 146.

Глава 4. Традиционные хозяйственные занятия

Скотоводство

- ¹Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 280.
- ²Там же. С. 265—285.
- ³Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955. С. 103.
- ⁴Башкирские предания и легенды. Уфа, 1985. С. 71—72.
- ⁵Там же. С. 95—96.
- ⁶Там же. С. 96—97.
- ⁷МИБ. Ч. I. М.—Л., 1936. С. 80, 82.
- ⁸Там же. С. 82—83.
- ⁹МИБ. Т. III. М.—Л., 1949. С. 486—487.
- ¹⁰Лепёхин И.И. Записки путешествия (1768—1772 гг.) Ч. 3. // Полное собрание учёных путешествий по России. Т. IV. СПб., 1822. С. 59.
- ¹¹Там же. С. 41—42.
- ¹²Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. II. Кн. 1. СПб., 1786. С. 95—97.
- ¹³Там же. С. 106, 157; Ч. II. Кн. 2. СПб., 1786. С. 8.
- ¹⁴МИБ. Ч. I. С. 326.
- ¹⁵Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному её состоянию. Ч. 3. СПб., 1813. С. 5, 7, 16.
- ¹⁶МИБ. Ч. I. С. 325—326.
- ¹⁷Попов Н. Указ. соч. С. 7, 14, 17, 18.
- ¹⁸Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 85—86.
- ¹⁹БНТ. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 377.
- ²⁰Асфандияров А.З. История сёл и деревень Башкирской АССР. Кн. 1. Уфа, 1990. С. 108.
- ²¹БНТ. Т. 7. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа, 1993. С. 119, 123—124.
- ²²Мурзабулатов М.В. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX вв. М., 1979. С. 71.
- ²³Руденко С.И. Указ. соч. С. 105—107.
- ²⁴Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв. Алма-Ата, 1971. С. 536; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 73; Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 22—23.
- ²⁵Асфандияров А.З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 34—35.
- ²⁶Там же. С. 35.
- ²⁷Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 1—8. Уфа, 1990—1999.
- ²⁸Асфандияров А.З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. С. 36—37; Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 107—112, 122.
- ²⁹Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 1—8.
- ³⁰Там же. Кн. 2. Уфа, 1991. С. 75—81; Материалы этнографических экспедиций 1971, 1976 гг.

- ³¹Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 2. С. 86.
- ³²Там же. Кн. 1. С. 103—116.
- ³³Материалы этнографических экспедиций 1958, 1963 гг.
- ³⁴Материалы этнографических экспедиций 1958, 1971 гг.
- ³⁵Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 1. С. 64—92; Кн. 2. С. 10—72.
- ³⁶Там же. Кн. 2. С. 80—84.
- ³⁷Там же. Кн. 1. С. 35—50, 93—99.
- ³⁸Мурзабулатов М.В. Указ. соч. С. 65—66.
- ³⁹Усманов Х.Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв. Уфа, 1973. С. 78—79.
- ⁴⁰Янгузин Р.З. Указ. соч. С. 93—94.
- ⁴¹Статистические очерки Уфимской губернии. Вып. II. Скотоводство. Уфа, 1882. С. 7.
- ⁴²Калачёв А. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии // Живая старина, 1899, № 3. С. 317—318.
- ⁴³Там же. С. 318.
- ⁴⁴Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 89.
- ⁴⁵Янгузин Р.З. Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁶Там же. С. 146—147.
- ⁴⁷Материалы этнографической экспедиции 1958 г.
- ⁴⁸Янгузин Р.З. Указ. соч. С. 148—150.
- ⁴⁹Мамин-Сибиряк Д.Н. Юмья // Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1991. С. 201—207.
- ⁵⁰Соммье С. О башкирах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XIII. Вып. 1. Екатеринбург, 1891—1892. С. 30—31.
- ⁵¹Назаров П.С. Заметки башкира о башкирах // Современник. Т. 99. № 11. Отд. I. СПб., 1863. С. 62.
- ⁵²Небольсин П.И. Заметки о башкурах // Отечественные записки. Т. 73. Отд. 8. СПб., 1850. С. 4.
- ⁵³Рыбаков С.Г. По Уралу, среди башкир // Башкирия в русской литературе. Т. 3. Уфа, 1993. С. 218, 221—225, 241, 243, 252—253, 260.
- ⁵⁴Берггольц Л. Горные башкиры-кайцы // Этнографическое обозрение, 1893, № 3. С. 76—77.
- ⁵⁵Никольский Д.П. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. Т. II. Кн. 4. М., 1895. С. 49—50.
- ⁵⁶Мандоки Ласло, Кузеев Р.Г. Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея // АЭБ. Т. I. Уфа, 1962. С. 303—304.
- ⁵⁷Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925.
- ⁵⁸Хисматов М.Ф. Башкирия: Экономико-географическая характеристика. Уфа, 1968. С. 203.
- ⁵⁹Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 446.
- ⁶⁰Там же. С. 341.

Пчеловодство, охота, рыболовство

- ¹Илимбетов Ф.Ф. Пчеловодство у северо-восточных башкир // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 132; его же. Лексические параллели в терминах пчеловодства у тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Вопросы финноугроведения. Вып. 6. Саранск, 1975. С. 63—68; Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 123.
- ²Башкирские предания и легенды. С. 93, 97.
- ³Башкирские шежере. С. 53.
- ⁴МИБ. Ч. 1. С. 107, 127; Акманов И.Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968. С. 63.
- ⁵МИБ. Т. III. С. 55, 211, 247, 251, 277, 429—433, 439 и др.
- ⁶Там же. С. 11, 18, 63, 67, 87, 124, 146—148, 161, 172—173, 279, 308.
- ⁷Там же. С. 39.
- ⁸Там же. С. 316, 129—130, 300—301, 247, 137.
- ⁹Там же. С. 483—487.
- ¹⁰Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. Кн. 1. С. 127.
- ¹¹Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 258.
- ¹²Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Архив исторических и практических сведений. Кн. 5. СПб., 1863. С. 46—47.
- ¹³Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 257—258.
- ¹⁴Илимбетов Ф.Ф. Пчеловодство у северо-восточных башкир. С. 123.

- 15 Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 258.
- 16 Литуновский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1978. С. 125—126.
- 17 Де-Бай И.А. От Волги до Иртыша // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XVII. Вып. 2. Екатеринбург, 1897. С. 20.
- 18 Попов Н. Указ. соч. С. 20.
- 19 Полный список населённых мест Уфимской губернии. Уфа, 1896. С. 63—64, 71—73.
- 20 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 28. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Тетрадь 2—3. Табл. 22; Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1904. Тетрадь 2—3. Табл. 22.
- 21 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 123.
- 22 Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Ч. 2. Уфа, 1914.
- 23 Илимбетов Ф.Ф. Пчеловодство у северо-восточных башкир.
- 24 Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Ч. 2.
- 25 Башкирские предания и легенды. С. 56, 65, 72, 73, 79, 84, 90.
- 26 Башкирские шежере. С. 33—34, 53, 78; МИБ. Ч. 1. С. 76, 80.
- 27 Там же. С. 107, 127.
- 28 Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 271—273.
- 29 Башкирские предания и легенды. С. 207.
- 30 Там же. С. 96.
- 31 МИБ. Т. III. С. 21, 63, 76—77, 102, 106, 123, 133, 136, 139, 153, 158, 293, 397, 383.
- 32 МИБ. Ч. 1. С. 204.
- 33 Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. Кн. 2. СПб., 1786. С. 14.
- 34 Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. СПб., 1802. С. 5.
- 35 Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. С. 281.
- 36 Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. С. 96.
- 37 Лепёхин И.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 4.
- 38 БНТ. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 376.
- 39 Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.—Л., 1962. С. 25—26; Рона-Таш А. По следам кочевников. М., 1964. С. 184.
- 40 БНТ. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 270—271.
- 41 БНТ. Т. 2. С. 353.
- 42 Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. Кн. 1. С. 15; Лепёхин И.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 39—40, 61.
- 43 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 87.
- 44 Там же. С. 86.
- 45 Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 49—94.
- 46 БНТ. Т. 1. С. 235.
- 47 Образцы башкирской разговорной речи. Уфа, 1988. С. 206—207.
- 48 Лепёхин И.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 4.
- 49 Попов Н. Указ. соч. С. 17.
- 50 Лепёхин И.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 68—69.
- 51 Образцы башкирской разговорной речи. С. 168.
- 52 Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. С. 96.
- 53 Берггольц Л. Горные башкиры-кайтацы. С. 79.
- 54 Первая всеобщая перепись населения... Т. 28. Тетрадь 2—3. Табл. 22; Т. 45. Тетрадь 2—3. Табл. 22.
- 55 Башкирские предания и легенды. С. 69; БНТ. Т. 2. С. 96, 135, 139, 207, 377.
- 56 МИБ. Ч. 1. С. 103.
- 57 МИБ. Т. III. С. 83, 103, 106, 133, 136, 153, 278, 395.
- 58 Там же. С. 22, 80, 381—385, 393, 424—476.
- 59 Там же. С. 486.
- 60 Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 94.
- 61 Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение, 1890, № 1. С. 3.
- 62 Полевые записи Ф.Ф. Илимбетова 1971 г.
- 63 Берггольц Л. Горные башкиры-кайтацы. С. 79—80.
- 64 Полевые записи Р.Г. Кузеева 1958 г.
- 65 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 93.
- 66 Полевые записи Р.Г. Кузеева 1958 г.
- 67 Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир. С. 79—84.
- 68 БНТ. Т. 1. С. 135—136.

- ¹Книга Большому чертежу, или древняя карта Российского государства. СПб., 1838. С. 152.
²МИБ. Ч. 1. С. 69.
³Там же. С. 103.
⁴Там же. С. 77, 79, 209.
⁵Янгузин Р.З. Указ. соч. С. 25.
⁶МИБ. Т. III. С. 156, 161, 343.
⁷Там же. С. 505.
⁸Там же. С. 155.
⁹Там же. С. 165, 166, 426.
¹⁰Там же. С. 68, 133, 158.
¹¹Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. С. 261—321.
¹²Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир... С. 78—125.
¹³Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 537.
¹⁴Халиков Н.А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX — начала XX в. М., 1981. С. 38.
¹⁵Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46, 48, 53; Савинов Л.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 79—80.
¹⁶Башкирские предания и легенды. С. 64.
¹⁷Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. С. 297—299.
¹⁸Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. Кн. I. С. 65.
¹⁹МИБ. Т. III. С. 487.
²⁰Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 29.
²¹МИБ. Т. IV. Ч. I. М., 1956. С. 314—315.
²²МИБ. Ч. 1. С. 472—476.
²³Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. Кн. I. С. 64.
²⁴МИБ. Т. III. С. 91—92.
²⁵Там же. С. 486—487.
²⁶МИБ. Ч. 1. С. 204.
²⁷Паллас П.С. Указ. соч. Ч. III. Кн. 2. СПб., 1788. С. 26.
²⁸То же. Ч. II. Кн. I. С. 26, 64, 97, 157.
²⁹Лепёхин И.И. Записки путешествия (1768—1772 гг.). Ч. 3. С. 27—28, 42—43.
³⁰Там же. С. 243.
³¹Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1776. С. 93.
³²Попов Н. Указ. соч. С. 12, 13, 15.
³³Там же. С. 16, 18.
³⁴МИБ. Т. V. М., 1960. С. 403—407.
³⁵Там же. С. 506—509.
³⁶Янгузин Р.З. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в. // АЭБ. Т. V. Табл. 3—7. С. 140—144.
³⁷Обзор Оренбургской губернии за 1888 г. Оренбург, 1889. Ведомость 1.
³⁸Бикбулатов Н.В., Мурзабулатов М.В. Земледелие зауральских башкир в XIX — начале XX в. // Этнография Башкирии. С. 105, 111—112.
³⁹Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. 4. Пермь, 1892. С. 25.
⁴⁰Бикбулатов Н.В., Мурзабулатов М.В. Указ. соч. С. 112—113.
⁴¹Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 287—288; Сабанеев Л. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873. С. 60.
⁴²Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость. С. 45.
⁴³Соммье С. О башкирах. С. 29.
⁴⁴Оренбургский листок, 1876, № 8.
⁴⁵Усманов Х.Ф. Указ. соч. С. 97.
⁴⁶Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 2. С. 78—83.
⁴⁷Усманов Х.Ф. Указ. соч. С. 96.
⁴⁸Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. I. Уфа, 1898. С. 398—399; Т. II. Уфа, 1898. С. 740—745.
⁴⁹Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 286.

- ⁵⁰Бикбулатов Н.В. Системы земледелия башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир... С. 31—32.
- ⁵¹Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 162, 297, 673.
- ⁵²Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 115—117; Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX — начало XX в.) // АЭБ. Т. V. С. 61—93.
- ⁵³Бикбулатов Н.В. Пахотные орудия башкир в XIX — начале XX в. // Хозяйство и культура башкир... С. 46—61.
- ⁵⁴МИБ. Т. III. С. 74, 266, 269—270, 279, 345, 426.
- ⁵⁵Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 120—122.
- ⁵⁶Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 1. С. 81—82; Кн. 2. С. 14, 24, 70, 87.
- ⁵⁷Паллас П.С. Указ. соч. Ч. II. Кн. 1. С. 57—59.
- ⁵⁸Радлов В.В. Указ. соч. С. 297.
- ⁵⁹Крестянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Ч. 2.
- ⁶⁰Обзор Оренбургской губернии за 1908 г. Оренбург, 1909. С. 2—3.
- ⁶¹Оценочно-статистическое отделение Оренбургского губернского земства. Оренбург, 1916. Бюллетень № 4. С. 2—13.
- ⁶²Там же. С. 20—32.
- ⁶³МИБ. Т. IV. Ч. 1. С. 314—315.

Глава 5. Ремёсла и декоративно-прикладное искусство

- ¹Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1776. С. 101.
- ²Бурковский А.Ф. К вопросу обработки животноводческого сырья у киргизов // Учёные записки / Киргизский женский педагогический институт. Вып. 2. Фрунзе, 1957. С. 87—89; Рубрук В. Путешествие в Восточные страны // Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957. С. 101; Патачаков К.М. Культура и быт хакасов. Абакан, 1958. С. 36—37; Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 127; Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969. С. 179; Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX вв. М., 1976. С. 87.
- ³Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. СПб., 1802. С. 38.
- ⁴Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. II. Кн. 1. С. 158.
- ⁵Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955. С. 139—141.
- ⁶Георги И.Г. Указ. соч. С. 102.
- ⁷Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 50.
- ⁸Руденко С.И. Указ. соч. С. 136.
- ⁹Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских заводов XVIII—XIX веков: Историко-краеведческие очерки. Ч. 1—2. Уфа, 1985—93.
- ¹⁰Асфандияров А.З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 43.
- ¹¹Соколов Д.Н. Оренбургская губерния: Географический очерк. М., 1916. С. 54.
- ¹²Муллагулов М.Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994.
- ¹³Георги И.Г. Указ. соч. С. 102.
- ¹⁴Сомме С. О башкирах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XIII. Вып. 1. Екатеринбург, 1891—1892. С. 31.
- ¹⁵Георги И.Г. Указ. соч. С. 101; Паллас П.С. Указ. соч. Ч. 1. Кн. 1. СПб., 1776. С. 651—652.
- ¹⁶Там же.
- ¹⁷Лепёхин И.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 24—25.
- ¹⁸Небольсин П.И. Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 255.
- ¹⁹Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному её состоянию. Ч. 3. СПб., 1813. С. 21.
- ²⁰Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 96.
- ²¹Лепёхин И.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 25—26.
- ²²Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. С. 242.
- ²³Там же. С. 227—245.
- ²⁴Там же. С. 235.

- ²⁵Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961. С. 373.
- ²⁶Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1974. С. 154—155.
- ²⁷Иванов С.В. Проблема ареала по материалам орнамента финно-угорских народов // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 66—67.
- ²⁸Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 238.
- ²⁹Иванов С.В. Орнамент. С. 374—375.
- ³⁰Вайнштейн С.И. Указ. соч. С. 155—157.
- ³¹Народное декоративно-прикладное искусство киргизов // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 5. М., 1968. С. 16—18, 21, 85; Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. В 3 тт. Алма-Ата, 1987.
- ³²Руденко С.И. Указ. соч. С. 290.
- ³³Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань, 1969; Гулова Ф.Ф. Татарская народная вышивка. Казань, 1980. С. 45—65, 72—78; Кутушева Р.Г. Женские калфаки у башкир и татар Башкортостана // Взаимодействие культур народов Урала. Уфа, 1999. С. 220—228.
- ³⁴Руденко С.И. Указ. соч. С. 307.
- ³⁵Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX вв. М., 1980.
- ³⁶Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // Советская этнография, 1940. Вып. 3. С. 174—175; её же. Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями // Советская этнография, 1983, № 6. С. 67—79; её же. Празднества цветов у равнинных таджиков // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 31—46; Широкова З.А. Декоративные вышивки таджиков верховьев Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 129—135.
- ³⁷Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 243.
- ³⁸Чепелевецкая Г.Л. Вышивка // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М., 1968. С. 78—95; Маргулан А.Х. Указ. соч. Т. 2.
- ³⁹Иванов С.В. Киргизский орнамент как этногенетический источник // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Фрунзе, 1959. С. 62, 63, 69.
- ⁴⁰Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 7. Л., 1928. Табл. 1—7; Кармышева Б.Х. Локайские “мапрамачи” и “ильгичи” // Сообщения Таджикского республиканского историко-краеведческого музея. История и этнография. Вып. 2. Сталинабад, 1955. С. 123—145; Иванов С.В. Киргизский орнамент... С. 62, 63, 67, 68; Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. С. 56—58, 66, 70.
- ⁴¹Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 243.
- ⁴²Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 305—306, 312.
- ⁴³Руденко С.И. Указ. соч. С. 299—301.
- ⁴⁴Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 244.
- ⁴⁵Руденко С.И. Указ. соч. С. 303—305.
- ⁴⁶Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. С. 117—120; Алламурастов А. Каракалпакская народная вышивка. Нукус, 1977. С. 21—22;
- ⁴⁷Кисляков Н.А. Свадебные лицевые занавеси горных таджиков // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 14. М.—Л., 1953. С. 291—316.
- ⁴⁸Иванов С.В. Проблема ареала по материалам орнамента... С. 69.
- ⁴⁹Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 239.
- ⁵⁰Никитин Г.А., Крюкова Т. А. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960; Климов К.М. Удмуртское народное ткачество. Ижевск, 1979; Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980; Соловьёва Г.И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982; Сафина Ф.Ш. Ткани домашнего производства // Пермские татары. Казань, 1983; Королёва Н.С., Климов К.М. Черты общности в народном декоративном искусстве удмуртов и башкир // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск, 1984. С. 64—73; Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.
- ⁵¹Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 244.
- ⁵²Никонорова Е.Е. К вопросу о финно-угорском компоненте в башкирском орнаменте // Сборник тезисов Региональной научной конференции “Проблемы взаимодействия национальных культур”. Ч. 1. Астрахань, 1995. С. 44—46; её же. Геральдическая композиция в башкирском орнаменте // Взаимодействие культур народов Урала. Уфа, 1999. С. 197—219.
- ⁵³Шитова С.Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 174—177; её же. Финно-угорский компо-

нент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 9—28; её же. Вариант туникообразной одежды народов Поволжья: Проблема ареала и генезиса // Вопросы ареальной лингвистики и этнографии. Уфа, 1987. С. 77—89; Муллагулов М.Г. Башкирский народный транспорт. Уфа, 1992; Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982.

Глава 6. Материальная культура

Аулы, кочёвки, жилища

¹Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб., 1776. С. 89.

²Хвольсон Д.А. Известия о казарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бек Омар Ибн-Даста // Журнал Министерства народного просвещения, 1868, № 12. С. 669.

³Шитова С.Н. О древних чертах в строительной технике башкир // Поселения и жилища древних племён Южного Урала. Уфа, 1983. С. 128—142; её же. Постройки типа землянок у башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 37—52.

⁴МИБ. Ч. I. М.—Л., 1936. С. 172.

⁵Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 2. Уфа, 1991. С. 10—20.

⁶Его же. История сёл и деревень... Кн. 1. С. 103—113; Кн. 2. С. 20—88.

⁷МИБ. Т. III. М.—Л., 1949. С. 527.

⁸Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 1—3. Уфа, 1990—1993.

⁹Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному её состоянию. Ч. 3. СПб., 1813. С. 8; РГВИА. Ф. 414. Д. 314. Л. 137—146; Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854. С. 250—251.

¹⁰Асфандияров А.З. История сёл и деревень... Кн. 1. С. 13.

¹¹Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. С. 47—48.

¹²Списки населённых мест Российской империи. Т. 45. Уфимская губерния. М., 1870; Полный список населённых мест Уфимской губернии. Уфа, 1896; Усманов Х.Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв. Уфа, 1973. С. 71—109.

¹³Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии. Вып. 3. Уфа, 1958.

¹⁴Малахов М.В. Башкиры // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XI. Вып. 1. Екатеринбург, 1887. С. 80; Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 34—35; его же. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. Т. II. Кн. 4. М., 1895. С. 50, 54.

¹⁵Небольсин П. Указ. соч. С. 224.

¹⁶Там же. С. 230; Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение, 1890, № 1—2. С. 180.

¹⁷Никольский Д.П. Из поездки к лесным башкирам. С. 50.

¹⁸Небольсин П. Указ. соч. С. 219.

¹⁹Гафферберг Э.Г. Хазарейская юрта “ханаи хырга” // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIV. Л. 1953. С. 91—92.

²⁰Муканов М.С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1981; Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 167—171; Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX вв. М., 1976. С. 44—58.

²¹Попов Н. Указ. соч. С. 10.

²²Небольсин П. Заметки о башкуртах // Отечественные записки. Т. 73. Отд. 8. СПб., 1850. С. 4.

²³Сомме С. О башкирах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XIII. Вып. 1. Екатеринбург, 1891—1892. С. 30—31.

²⁴Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 251; Никольский Д.П. Опыт санитарно-статистического исследования деревни Старо-Соболевой Саринской волости Екатеринбургского уезда // Пермские губернские ведомости, 1883, № 85.

²⁵Железнов И.И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. С. 250—252.

²⁶Калимуллин Б.Г. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978.

²⁷Рыбаков С.Г. По Уралу, среди башкир // Башкирия в русской литературе. Т. 3. С. 241.

²⁸Калачёв А. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии // Живая старина, 1899, № 3. С. 318.

- ²⁹Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 249.
- ³⁰Круковский М.А. Южный Урал. М., 1909. С. 48—49.
- ³¹Литуновский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 89.
- ³²Круковский М.А. Указ. соч. С. 49.
- ³³Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. С. 67.
- ³⁴Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. III. Кн. 1. СПб., 1788. С. 449—450.
- ³⁵Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища... С. 153—154.
- ³⁶Сомме С. Указ. соч. С. 30—31.
- ³⁷Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. С. 39—40.
- ³⁸Крашенинников Н. Угасающая Башкирия. М., 1907. С. 86.
- ³⁹Архив М. Дьюлы (ВЭМ).
- ⁴⁰Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925. С. 222.
- ⁴¹Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища... С. 212—220.
- ⁴²Попов Н. Указ. соч. С. 10.
- ⁴³Калимуллин Б.Г. Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959. С. 86—89.
- ⁴⁴Там же; Калачёв А. Указ. соч. С. 317; Назаров П.С. Указ. соч. С. 179—180.
- ⁴⁵Национальный состав Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1990.

Одежда

- ¹Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 155.
- ²Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 277.
- ³Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 154.
- ⁴Назаров П.С. Указ. соч.
- ⁵Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Архив исторических и практических сведений. Кн. 5. СПб., 1863. С. 49.
- ⁶Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 277.
- ⁷Паллас П.С. Указ. соч. Ч. I—II. СПб., 1773—1786; Попов Н. Указ. соч.; Черемшанский В.М. Указ. соч.; Игнатович А. Указ. соч.; Берггольц Л. Горные башкиры-катайцы // Этнографическое обозрение, 1890, № 1—2; Никоцкий Д.П. Из поездки к лесным башкирам.
- ⁸Руденко С.И. Указ. соч.
- ⁹Шитова С.Н. Народная одежда башкир // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 125—227; её же. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995. С. 159—171.
- ¹⁰Небольсин П. Рассказы проезжего. С. 255; Игнатович А. Указ. соч. С. 61; Флоринский В.Ф. Башкирия и башкиры // Вестник Европы, 1874, № 12. С. 749.
- ¹¹Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 25—26; Игнатович А. Указ. соч. С. 49—50; Флоринский В.Ф. Указ. соч. С. 749, 764.
- ¹²Руденко С.И. Указ. соч.; его же. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.
- ¹³Бюджеты крестьянских хозяйств Башреспублики за 1924—1925 гг. Уфа, 1926. С. 178—186.
- ¹⁴Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. Уфа, 1988.

Традиции питания

- ¹Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX—начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в. М., 1979. С. 78—125.
- ²Гаделгареева Р.Г. Традиционные способы консервирования молочных и мясных продуктов у башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 57—61.
- ³Игнатович А. Указ. соч. С. 54; Малахов В.М. Указ. соч. С. 83.
- ⁴П.Р.-н. Сведения о башкирцах // Московский телеграф. 1832, № 22. С. 266.
- ⁵Паллас П.С. Указ. соч. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1776. С. 651.
- ⁶Никоцкий Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. С. 61.

⁷Флоринский В.М. Указ. соч. С. 748—749.

⁸Игнатович А. Указ. соч. С. 60.

⁹Народы России: Этнографические очерки. СПб., 1880. С. 117.

¹⁰Игнатович А. Указ. соч. С. 47.

¹¹Соммье С. Указ. соч. С. 24.

¹²Игнатович А. Указ. соч. С. 60.

¹³Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. М., 1991.

¹⁴Соммье С. Указ. соч. С. 24.

¹⁵Калачёв А. Указ. соч. С. 328.

Глава 7. Башкирское общество: внутренняя организация и структура

Общественные отношения

¹Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957. С. 13—20.

²Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 307—309.

³БНТ. Т. 1. Эпос Уфа, 1987.

⁴Иванов В.А., Яминов А.Ф. Башкирия и башкиры в средневековых письменных источниках // Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? СПб., 1994. С. 114—125.

⁵Мажитов Н.А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 11—16; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времён до XVI века. Уфа, 1994. С. 190—240; Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // АЭБ. Т. IV. С. 30—37; Иванов В.А. Полукочевые племена Южноуральской лесостепи // История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века. Уфа, 1997. С. 71—90.

⁶Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 112—121.

⁷Курылёв В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов. СПб., 1998. С. 17—39; 42—71.

⁸Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... Ч. 1. 1957. С. 127.

⁹Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 21—36; Курылёв В.П. Указ. соч. С. 42—77.

¹⁰Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 8—10.

¹¹Мажитов Н.А. К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племён Южного Урала. Уфа, 1981. С. 110—130.

¹²Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 135.

¹³Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130.

¹⁴Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 126—128.

¹⁵Хвольсон Д.А. Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бек Омар Ибн-Даства // Журнал Министерства народного просвещения, 1868, № 12. С. 85—105; Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIII. 1952. С. 26—29.

¹⁶Хвольсон Д.А. Указ. соч.

¹⁷Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 126—130.

¹⁸БНТ. Т. 1. С. 464—490.

¹⁹Там же. С. 467—468.

²⁰Хвольсон Д.А. Указ. соч.

²¹Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.—Л., 1940. С. 84—93.

²²Хусәйенов Ф.Б. Усәргән ырыу шәжәрәһе // Башкирские шежере. Исследования и публикации. Уфа, 1985. С. 54—60.

²³Сынғызнама // Башкорт әзбиәте антологияһы. 1-се т. XIII—XVIII быуаттар. Өфө, 1999. 252 — 290-сы биттәр.

²⁴Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 459.

²⁵История Казахской ССР. Т. II. Алма-Ата, 1979. С. 114—130; Халиков А.Х. Монголы, татары, Зо-

- лотая Орда и Булгария. Казань, 1994. С. 42—52; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 240—251.
- ²⁶Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26—28.
- ²⁷Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 235—246; его же. Общественный строй Золотой Орды. С. 55—62.
- ²⁸Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. С. 175.
- ²⁹Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? С. 100.
- ³⁰Яминов А.Ф. Монголо-татары и “страна Паскатири” // Ватандаш, 1999, № 1. С. 156—157.
- ³¹Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа, 1991. С. 15—19.
- ³²Усманов А.Н. Башкортостан под властью Ногайской орды, Казанского и Сибирского ханств // История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века. С. 126—134.
- ³³Рычков П.И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896. С. 69.
- ³⁴Там же.
- ³⁵Там же.
- ³⁶Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 27—30, 37—42; Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII — первой половине XIX века. Уфа, 1992; Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI — начало XX вв.). Уфа, 2000.
- ³⁷Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 74—87; 107—122.
- ³⁸Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII—XIX вв. Уфа, 1998. С. 158—163.
- ³⁹Там же. С. 159—160.
- ⁴⁰Там же. С. 180—181.
- ⁴¹Там же. С. 173—180.

Социальная организация

- ¹Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 26—29; его же. Происхождение башкирского народа. С. 62—65.
- ²Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 26—29; его же. Происхождение башкирского народа. С. 62—65.
- ³МИБ. Т. III. Уфа, С. 483—485; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 49—50.
- ⁴Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 51—53.
- ⁵Там же. С. 53—54; Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 53.
- ⁶Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. С. 94—100; 2-е изд. Оренбург, 1887. С. 65—71.
- ⁷Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 60.
- ⁸Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир // Записки Императорского Русского географического общества. Т. 43. Вып. 1. Пг., 1916. С. 16; его же. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955. С. 54—60.
- ⁹Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии...; его же. Происхождение башкирского народа; его же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.
- ¹⁰Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. 244—269; его же. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 259—272; Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 114—117; Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981. С. 98—99.
- ¹¹Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом. Уфа, 1997. С. 102.
- ¹²Там же. С. 10—21.
- ¹³Там же. С. 22—27.
- ¹⁴Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 67.
- ¹⁵Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 92.
- ¹⁶Там же. С. 94.
- ¹⁷Там же.
- ¹⁸Там же. С. 99.
- ¹⁹Там же. С. 99.
- ²⁰Там же. С. 98.
- ²¹Там же. С. 99.
- ²²Юсупов Р.М. Полевые записи 1998 г.
- ²³Джикиев А. Очерки происхождения и формирования туркменского народа в эпоху

- средневековья. Ашхабад, 1991. С. 40.
- ²⁴Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 168—169.
- ²⁵Там же. С. 33; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 72.
- ²⁶Джикиев А. Указ. соч. С. 307.
- ²⁷Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 80—81.
- ²⁸Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 189.
- ²⁹Там же. С. 290—293.
- ³⁰Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 144—151.
- ³¹БНТ. Т. 1. С. 464—491.
- ³²Хөсәйенов Ф.Б. Үсәргән ырыу шәжәрәһе. С. 54—60.
- ³³Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 86.
- ³⁴Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. Уфа, 1994. С. 113.
- ³⁵Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990. С. 20.
- ³⁶Рашид ад-Дин Фазлаллах. Огуз наме. Баку, 1987. С. 63—64.
- ³⁷Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 370—371.
- ³⁸Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. С. 93.
- ³⁹Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 74—77.
- ⁴⁰Соколов Д.Н. О башкирских тамгах. (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Т. XIII. Оренбург, 1904.
- ⁴¹Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 117—118, 134, 180.
- ⁴²Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии...
- ⁴³Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 130—131.
- ⁴⁴БНТ. Т. 1; Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987.
- ⁴⁵Там же.
- ⁴⁶Лубсан Данзан. Алтан Тобчы. М., 1973. С. 301.
- ⁴⁷Там же. С. 240.
- ⁴⁸Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. 1992. С. 346—349.
- ⁴⁹Нагаева Л.И. Весенне-летние празднества и обряды башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа. 1984. С. 47—64.
- ⁵⁰Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 171—176.
- ⁵¹Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 254.
- ⁵¹Левшин А.И. Указ. соч. С. 312—313.
- ⁵³Там же. С. 367—369.
- ⁵⁴БНТ. Т. 2. С. 204.

Социальная структура

- ¹БНТ. Т. 1. С. 464—491.
- ²Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 209.
- ³Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... С. 225.
- ⁴Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С. 86; Левшин А.И. Указ. соч. С. 366.
- ⁵Султанов Т.И. Указ. соч. С. 87—92.
- ⁶История Башкортостана с древнейших времён... С. 130—131.
- ⁷Левшин А.И. Указ. соч. С. 497; История Башкортостана с древнейших времён... С. 244—246.
- ⁸Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII—середине XIX вв. // История и культура Центральной Азии и Казахстана: Проблемы и перспективы исследования. Алматы, 1997. С. 104—110.
- ⁹Хөсәйенов Ф.Б. Үсәргән ырыу шәжәрәһе. С. 58.
- ¹⁰Султанов Т.И. Указ. соч. С. 98.
- ¹¹Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 28—30.
- ¹²История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. С. 334—341.
- ¹³История Башкортостана с древнейших времён... С. 182—183.
- ¹⁴Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII вв. Уфа, 1981. С. 42.
- ¹⁵История Башкортостана с древнейших времён... С. 142.

- ¹⁶Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1903. С. 189.
- ¹⁷История Башкортостана с древнейших времён... С. 230.
- ¹⁸Там же. С. 230.
- ¹⁹Там же. С. 230—231.
- ²⁰Там же. С. 342.
- ²¹Там же. С. 345.
- ²²Султанов Т.И. Указ. соч. С. 100.
- ²³Там же. С. 100.
- ²⁴Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб., 1832. С. 83—84.
- ²⁵Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. С. 115.
- ²⁶Дубсан Данзан. Указ. соч. С. 228, 368..
- ²⁷История Башкортостана с древнейших времён... С. 184.
- ²⁸Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 173.
- ²⁹Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 43.
- ³⁰Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. Уфа, 1972. С. 87.
- ³¹Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура... С. 176.
- ³²Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 3.
- ³³Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура... С. 179—180.
- ³⁴Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 42—43.
- ³⁵Султанов Т.И. Указ. соч. С. 102.
- ³⁶БНТ. Т. I—II. Уфа, 1987.
- ³⁷БНТ. Т. I. С. 229.
- ³⁸Юсупов Р.М. Полевые записи 1987 г. в Бардымском районе Пермской области.
- ³⁹Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации. С. 243—247; Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура... С. 210—212; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 284—285.
- ⁴⁰Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 126.
- ⁴¹История Казахской ССР. С. 145.
- ⁴²Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. История покорителя Вселенной // Родина, 1997, № 3—4. С. 45—47.
- ⁴³История Башкортостана с древнейших времён... С. 123.
- ⁴⁴Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII—XVIII вв. С. 32—42; История Башкортостана с древнейших времён... С. 196—200.
- ⁴⁵МИБ. Т. IV. Ч. I. М., 1956. С. 100.
- ⁴⁶БНТ. Т. II. С. 173.
- ⁴⁷Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 49.
- ⁴⁸Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. С. 360—370; Султанов Т.И. Указ. соч. С. 105—109.
- ⁴⁹Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии... С. 128.
- ⁵⁰Султанов Т.И. Указ. соч. С. 108.
- ⁵¹Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 46—48.
- ⁵²Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы... С. 220.

Глава 8. Духовная культура

Семейные обычаи и обряды

¹Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балтославянской духовной культуры (Погребальный обряд). М., 1990; Ерёмина В.И. Ритуал и фольклор. М., 1991.

²Бикбулатов Н.В. Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни. Уфа, 1969; его же. Минорат. Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов // Этнография Башкирии. Уфа, 1976; его же. Башкирская система родства. М., 1981; Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX—XX вв. М., 1991; Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-бытовой фольклор. Уфа, 1994; её же. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998; Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом. Уфа, 1997.

- 3Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. С. 32.
- 4Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955. С. 268.
- 5Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 73—75.
- 6Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 83—85.
- 7Руденко С.И. Указ. соч. С. 268—269.
- 8Буранғолов М. Башкорт туй йолалары // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 215. Л. 4.
- 9Вильданов Ф. Башкорттарға сенләү // Башкорт аймағы, 1927, № 3. 50-се бит.
- 10Сюнчелей Ш. Этнографические материалы о башкирах // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 200. С. 51, 53.
- 11Буранғолов М. Указ. соч. Л. 40.
- 12Юлуев Б.М. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение, 1982, № 2—3. С. 219.
- 13Там же. С. 220—221.
- 14Там же. С. 221.
- 15Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1966; Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Лобачёва Н.П. К истории сложения института свадебной обрядности // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.
- 16Бикбулатов Н.В. Минорат. Проблема происхождения... С. 63; его же. Башкирская система родства. С. 80.
- 17Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1776. С. 101.
- 18Юлуев Б.М. Указ. соч. С. 222.
- 19Горбунова Г.П. Об одной “научной” экспедиции // Антропологический журнал, 1932, № 1. С. 115.
- 20Руденко С.И. Указ. соч. С. 270.
- 21Лепёхин И.И. Записки путешествия (1768—1772 гг.). Ч. 3. // Полное собрание учёных путешествий по России. Т. IV. СПб., 1822. С. 173.
- 22Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 123.
- 23Там же.
- 24Круковский М.А. Южный Урал: Путевые очерки. М., 1909. С. 14.
- 25Никольский Д.П. Указ. соч. С. 123; Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925. С. 306.
- 26Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному её состоянию. Ч. 3. СПб., 1813. С. 23; Баишев М. Деревня Зиянчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела РГО, 1895, Вып. 7. С. 21; Никольский Д.П. Указ. соч. С. 109; Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 270.
- 27Кусимова Т.Х. Башкорт исемдәре. Өфө, 1982.
- 28Моратов А. Шакир кәләш әйттерә // Ағизел, 1980, № 8. 70-се бит.
- 29Там же. 74-се бит.
- 30Снесарев Г.П. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 3. Л., 1971. С. 256—264.
- 31Лепёхин И.И. Указ. соч. С. 184; Баишев М. Указ. соч. С. 22.
- 32Попов Н. Указ. соч. С. 23—24; Никольский Д.П. Указ. соч. С. 110.
- 33Баишев М. Указ. соч. С. 22.
- 34Ислам: Краткий справочник. М., Наука, 1983. С. 122.
- 35Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 272.
- 36Сказания о любви: Башкирский народный эпос. Уфа, 1983. С. 156—167.
- 37БНТ. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987. С. 291.
- 38Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение, 1890, № 1. С. 191.
- 39Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 91—239; Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX—начале XX веков // Археология и этнография Марийского края. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1981. С. 163—164; Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 158.
- 40Кармышева Б.Х. Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 165.
- 41БНТ. Т. 1. С. 47.
- 42Там же. С. 47.
- 43Там же. С. 374, 399.

Народные праздники

- ¹Башкорт халык ижады. 1-се т. Йола фольклоры. Өфө, 1995. 197-се бит.
- ²Нагаева Л.И. Весенне-летние празднества и обряды башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 59—60.
- ³Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955. С. 277—278.
- ⁴Там же. С. 277.
- ⁵Там же. С. 278.
- ⁶Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. СПб., 1802. С. 62.
- ⁷Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа, 1999. С. 47—48, 62, 66—69.
- ⁸Башкорт халык ижады. 2-се т.: Риүәйәттәр, легендалар. Өфө, 1997. 97, 367-се биттәр.
- ⁹Руденко С.И. Указ. соч. С. 278.
- ¹⁰Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники... С. 23—24.
- ¹¹Руденко С.И. Указ. соч. С. 278—282.
- ¹²Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 157.
- ¹³Руденко С.И. Указ. соч. С. 282.
- ¹⁴Попов Н. Указ. соч. С. 27—28.
- ¹⁵Руденко С.И. Указ. соч. С. 284.
- ¹⁶Бикбулатов Н.В. Башкирский аул. С. 62.
- ¹⁷Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники... С. 11, 17—18.
- ¹⁸Там же. С. 12—16.
- ¹⁹Никольский Д.П. Указ. соч. С. 144.
- ²⁰Бикбулатов Н.В. Башкирский аул... С. 60—61.
- ²¹Башкорт халык ижады. Эпос. 3-сө китап. Өфө, 1981. 316-сы бит.
- ²²Там же. С. 285.
- ²³Там же. С. 296.
- ²⁴БНТ. Т. 1. С. 444—445, 516.
- ²⁵Бикбулатов Н.В. Башкирский аул... С. 60.
- ²⁶История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 230.
- ²⁷Абсаликова Ф.Ш. Игры и развлечения башкир (конец XIX—первая половина XX вв.). Уфа, 2000. С. 90—98.
- ²⁸Бикбулатов Н.В. Башкирский аул... С. 69.
- ²⁹Башкорт халык ижады. 1-се т. 188—192-се биттәр.
- ³⁰Баишев М. Указ. соч. С. 19.

Представления человека о мире и человеке

- ¹Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 213—226; Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 265—268; его же. “Йер суб” в орхонских надписях // Советская тюркология, 1979, № 6. С. 71—77; Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 117—138.
- ²Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 131, 133.
- ³Дыренкова Н.П. Умай в культуре турецких племён // Культура и письменность Востока. Кн. III. Баку, 1928. С. 133—139.
- ⁴Бикбулатов Н.В. Башкиры: Краткий этноисторический справочник. Уфа, 1995. С. 25.
- ⁵Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 79.
- ⁶Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 366.
- ⁷Нефёдов Ф.Ш. Ушкуль // Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1964. С. 185.
- ⁸Урал-батыр: Башкирский народный эпос. Уфа, 1981. С. 42.
- ⁹Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. С. 264.
- ¹⁰БНТ. Т. 1. С. 247.
- ¹¹Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 83.
- ¹²Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 131.

- ¹³Стеблева И.В. Указ. соч. С. 216.
- ¹⁴Руденко С.И. Указ. соч. С. 273.
- ¹⁵Там же. С. 317—318.
- ¹⁶БНТ. Т. 4. Волшебные сказки, сказки о животных. Уфа, 1989. С. 59, 60, 71, 82, 85, 122, 126, 130, 137, 168, 173, 246.
- ¹⁷Там же. Т. 3. Богатырские сказки. Уфа, 1988. С. 75, 78, 159, 171, 178, 186, 197, 335, 386.
- ¹⁸Мажитов Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 128.
- ¹⁹Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. С. 79—80.
- ²⁰Сагитов М.М. Указ. соч. С. 79.
- ²¹Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 131.
- ²²Кузеев Р.Г. Указ. соч. 1957. С. 79.
- ²³Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. М., 1981. С. 54.
- ²⁴Сагитов М.М. Указ. соч. С. 74—77.
- ²⁵Бикбулатов Н.В. Башкиры: Краткий этноисторический справочник. С. 26.
- ²⁶Киреев А.Н. Культ медведя в древних верованиях и отражение его в фольклоре башкирско-го народа // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1979. С. 133—137.
- ²⁷Руденко С.И. Указ. соч. С. 269.
- ²⁸Илимбетов Ф.Ф. Культ волка у башкир // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 227.
- ²⁹Сагитов М.М. Указ. соч. С. 77.
- ³⁰Лоссиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книжка Уфимской губернии за 1883 г. Уфа, 1883. С. 375.
- ³¹Руденко С.И. Указ. соч. С. 316.
- ³²Лепёхин И.И. Указ. соч. С. 173.
- ³³Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 80.
- ³⁴Руденко С.И. Указ. соч. С. 320.
- ³⁵Руденко С.И. Башкирские сказки и поверья // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 30.
- ³⁶Георги И.Г. Указ. соч. С. 107—108.
- ³⁷Лепёхин И.И. Указ. соч. С. 73—75.
- ³⁸Алекторов А.Е. Башкиры: Этнографический очерк // Оренбургский листок, 1885, № 48.
- ³⁹Никольский Д.П. Указ. соч. С. 122.
- ⁴⁰Хисамитдинова Ф.Г., Шарипова З.Я. Термины башкирской демонологии // Советская тюркология, 1987, № 4. С. 46—51.
- ⁴¹Руденко С.И. Указ. соч. С. 320.
- ⁴²Анохин А.В. Душа и её свойства по представлению телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929. С. 253—258; Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков... С. 281; Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. С. 34—36; его же. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989. С. 12—13.
- ⁴³Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая: Термины, их значения и этимология // Советская тюркология, 1973, № 5. С. 109.
- ⁴⁴Киреев А.Н. Фольклорные записи И.В. Салтыкова // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 109.
- ⁴⁵Салтыков И.В. Башкирские народные песни // Там же. С. 262—263.
- ⁴⁶Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 23. Д. 7. Л. 3.
- ⁴⁷Руденко С.И. Указ. соч. С. 325.
- ⁴⁸БНТ. Т. 2. Предания и легенды. Уфа, 1987. С. 82—83, 181.
- ⁴⁹Лоссиевский М.В. Мифы смерти // Оренбургский листок, 1878, № 24.
- ⁵⁰Мажитов Н.А. Указ. соч. С. 78—119.
- ⁵¹Малиев Н.М. Антропологический очерк башкир // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 5. Вып. 5. Казань, 1876. С. 8.
- ⁵²Мингажетдинов М.Х. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969. С. 63.
- ⁵³Руденко С.И. Указ. соч. С. 321.
- ⁵⁴Алекторов А.Е. Указ. соч. // Оренбургский листок, 1885, № 52.
- ⁵⁵Лоссиевский М.В. Мифы смерти.
- ⁵⁶Хисамитдинова Ф.Г., Шарипова З.Я. Указ. соч. С. 49.
- ⁵⁷Руденко С.И. Указ. соч. С. 321.
- ⁵⁸БНТ. Т. 1. С. 219.
- ⁵⁹Рычков Н. Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провин-

циям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 16.

⁶⁰Алекторов А.Е. Указ. соч. // Оренбургский листок, 1885, № 52.

⁶¹БНТ. Т. 3. С. 43.

⁶²Башкорт халык ижады. Эпос. 1-се китап. Өфө, 1972. 124-се бит.

⁶³Алекторов А.Е. Указ. соч. // Оренбургский листок, 1885, № 49.

⁶⁴БНТ. Т. 3. С. 428.

⁶⁵Руденко С.И. Указ. соч. С. 321.

⁶⁶Башкорт халык ижады. 1-се т. Йола фольклоры. 185-се бит.

Глава 9. К истории традиционной башкирской этнографии

¹Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1—2. СПб., 1776.

²Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб., 1773; Ч. II. СПб., 1786; Ч. III. СПб., 1788; Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771—1780; его же. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768, 1769 и 1770 году. Ч. 1. СПб., 1795; Ч. 2. СПб., 1802.

³Георги И.Г. Указ. соч. 2-е изд. СПб., 1799.

⁴Лепёхин И.И. Записки путешествия (1768—1772 гг.) // Полное собрание учёных путешествий по России. Т. III. СПб., 1821; Т. IV. СПб., 1822; Т. V. СПб., 1823.

⁵П.Р.-н. Сведения о башкирцах // Московский телеграф, 1832, № 22. С. 259—277.

⁶Небольсин П. Заметки о башкуртах // Отечественные записки. Т. 73. Отд. 8. СПб., 1850. С. 1—9.

⁷Его же. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник Императорского РГО. Ч. 4. Кн. 1. Отд. 5. СПб., 1852. С. 1—34.

⁸Его же. Рассказы проезжего. СПб., 1854.

⁹Назаров П.С. Заметки башкира о башкирах // Современник. Т. 99. № 11. Отд. I. СПб., 1863. С. 57—84.

¹⁰Игнатович А. Башкирская Бурзянская волость // Оренбургские губернские ведомости, 1862, № 6—9, 12.

¹¹Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1867.

¹²Литуновский Н. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М., 1878.

¹³Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение, 1890, № 1. С. 179—192;

¹⁴Его же. Предварительный отчёт о поездке в Башкирию // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете / Труды антропологического отдела. Т. 12. Вып. 1—2. М., 1890. С. 27—37.

¹⁵Берггольц Л. Горные башкиры-катайцы // Этнографическое обозрение, 1893, № 3. С. 74—84.

¹⁶Износков И.А. Кара-Якуповская волость // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XI. Вып. 2. Казань, 1893—1894.

¹⁷Арнольд В.А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда // Дневник общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань, 1894. С. 227—244.

¹⁸Рыбаков С.Г. По Уралу, среди башкир // Наблюдатель, 1899, № 9. С. 62—88; № 12. С. 223—248.

¹⁹Калачёв А. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1899. С. 313—329.

²⁰Юлуев Б. К этнографии башкир. Аждаха-змеи в рассказах башкир // Этнографическое обозрение, 1892, № 2—3.

²¹Баишев М. Деревня Зиянчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела РГО. Вып. 7. Оренбург, 1895.

²²Өмөтбаев М. Йәдкәр. Өфө, 1984; Уметбаев М.И. Приметы, поверья, поговорки и изречения магометан // Справочная книга Уфимской губернии, 1883.

²³Никольский Д.П. Опыт санитарно-статистического исследования деревни Старо-Соболевой Саринской волости Екатеринбургского уезда // Пермские губернские ведомости, 1883, № 85—87; его же. Опыт санитарно-эпидемиологического описания д. Утюбаевой Саринской волости // Там же. 1884, № 16—19; его же. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. Т. II. Кн. 4. М., 1895. С. 47—64.

²⁴Его же. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

²⁵Круковский М.А. Южный Урал: Путевые очерки. М., 1909.

²⁶Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 1. Физический тип башкир

// Записки РГО по отделу этнографии. Т. 43. Вып. 1. Пг., 1916.

²⁷Его же. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Географического общества СССР. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925.

²⁸Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.

²⁹С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998.

³⁰Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.

³¹Его же. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

³²Его же. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. // АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 228—248.

³³Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

³⁴Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Указ. соч.; Народное искусство башкир. Л., 1968; Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979.

³⁵Бикбулатов Н.В. Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни. Уфа, 1969; Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX—XX вв. М., 1991.

³⁶Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981.

³⁷Бикбулатов Н.В. Системы земледелия башкир в XIX—XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в. М., 1978. С. 5—45; его же. Пахотные орудия башкир в XIX—начале XX в. // Там же. С. 46—61.

³⁸Янгузин Р.З. Социальная структура башкирского общества. Уфа, 1987; его же. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.

³⁹Его же. Хозяйство и социальная структура башкирского общества в XVIII—XIX вв. Уфа, 1998.

⁴⁰Его же. История изучения этнографии башкир (дореволюционный период). Уфа, 2000; его же. Изучение этнографии башкир в XX столетии (1917—2000 гг.). Уфа, 2001.

⁴¹Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984; её же. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995; её же. Резьба и роспись по дереву у башкир. Уфа, 2001.

⁴²Шитова С.Н. Сибирские таёжные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 49—96; её же. Финно-угорский компонент в народной одежде башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 9—28; Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 18—40.

⁴⁴Муллагулов М.Г. Башкирский народный транспорт. Уфа, 1992; его же. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994.

⁴⁴Мурзабулатов М.В. Техника земледелия у зауральских башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 3—16; его же. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX—начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в. М., 1978. С. 62—77.

⁴⁵Башкортостан и башкиры в зеркале статистики / Сост. М.В. Мурзабулатов. Уфа, 1995; Мурзабулатов М.В. Западный регион Республики Башкортостан: Историко-этнографический очерк. Уфа, 2001.

⁴⁶Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. М., 1981; её же. Башкирская народная хореография. Уфа, 1995; её же. Башкирские народные праздники, обычаи и обряды. Уфа, 1999.

⁴⁷Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч.

⁴⁸Сулейманова М.Н. Пережитки шаманства у башкир. Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 119—130.

⁴⁹Сыромятников В.С. Башкирское народное искусство // Искусство, 1937, № 1; Калимуллин Б.Г. Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа, 1959; его же. Башкирское народное зодчество. Уфа, 1978; Усманов Х.Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии. Уфа, 1973; Сагитов М.М. Отражение культа коня в башкирском народном творчестве // Вопросы башкирской фольклористики. Уфа, 1978. С. 20—27; Надршина Ф.А. Башкирские пословицы о семейно-брачных отношениях // Там же. С. 60—63; Юсупов Р.М. Краниологическая характеристика башкир в сопоставлении с финно-угорскими и тюркскими народами // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 101—131; его же. Краниология башкир. Л., 1989; его же. Материалы по краниологии башкир. Уфа, 1989; Янбухтина А.Г. Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа, 1993; Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. Уфа, 1994; её же. Башкирский погребальный обряд в фольклорном сознании // Башкирский фольклор: Исследования и материалы. Вып. II. Уфа, 1995. С. 82—102; Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом. Уфа, 1997; Масленникова Т.А. Художественное оформление башкирского народного жилища. Уфа, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Сокращения и аббревиатуры.....	4
Глава 1. Общие сведения о башкирах. Этноним “башкорт” (<i>Н.В. Бикбулатов</i>).....	5
Глава 2. Основные этапы заселения Южного Урала и этнической истории башкир (<i>Н.В. Бикбулатов</i>).....	11
Глава 3. Антропологический состав башкир и его формирование (<i>Р.М. Юсупов</i>).....	21
Глава 4. Традиционные хозяйственные занятия.....	45
Скотоводство (<i>С.Н. Шитова</i>).....	46
Пчеловодство, охота, рыболовство (<i>С.Н. Шитова</i>).....	60
Земледелие (<i>Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова</i>).....	75
Глава 5. Ремёсла и декоративно-прикладное искусство (<i>Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова</i>).....	89
Глава 6. Материальная культура (<i>С.Н. Шитова</i>).....	111
Аулы, кочёвки, жилища.....	112
Одежда.....	129
Традиции питания.....	144
Глава 7. Башкирское общество: внутренняя организация и структура (<i>Р.М. Юсупов</i>).....	155
Общественные отношения.....	156
Социальная организация.....	163
Социальная структура.....	176
Глава 8. Духовная культура.....	187
Семейные обычаи и обряды (<i>Н.В. Бикбулатов, Ф.Ф. Фатыхова</i>).....	188
Народные праздники (<i>Ф.Ф. Фатыхова</i>).....	203
Представления башкир о мире и человеке (<i>Ф.Ф. Фатыхова</i>).....	210
Глава 9. К истории традиционной башкирской этнографии (<i>С.Н. Шитова</i>).....	219
Примечания.....	227

Научное издание

Наиль Валеевич Бикбулатов, Ринат Мухаметович Юсупов,
Светлана Николаевна Шитова, Флиза Фоатовна Фатыхова

БАШКИРЫ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Редакторы З.Ф. Равилова, Н.Х. Хамитова
Художественный редактор И.Я. Нигаметзянов
Художники-оформители И.Я. Нигаметзянов, Л.Н. Халимова
Технический редактор М.М. Мустафин
Корректор Ф.К. Загирова
Компьютерный набор и вёрстка Д.Н. Махмутовой, С.Б. Салиховой

Изд. лиц. №04495 от 12.04.2001.

Сдано в набор 01.6.2001. Подписано в печать 24.4.2002. Гарнитура Таймс.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 20,15+1,3 вкл. Уч. изд. л. 22,89+1,9 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1716.

Научное издательство “Башкирская энциклопедия”.

450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 62.

Отпечатано с предоставленных файлов на ГУП “Уфимский полиграфкомбинат”.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.